

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXX

АЛЬМАНАХ

РИГА

2021

ΦиАМ

ISSN – 1407-0898

Обложка работы архимандрита Зинова (Теодора)

Редакционный совет

Наталья Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2021

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

Страницы истории в лицах и датах

Так сложилось, что в 2021 г. в «Христианос-XXX» мы не могли пройти мимо нескольких важных событий, о которых нам напомнили круглые даты (строго говоря, не являющиеся юбилеями), значимость коих для Церкви, для христиан и, в частности, живущих в Латвии, – неоспорима.

И сам номер альманаха – 30-й – тоже достаточно «круглый» и, в каком-то смысле, невероятный для нас самих: по присказке «Люди так долго не живут...» или что-то в этом роде.

И такого большого по объему альманаха мы еще не выпускали, и это получилось не специально, – возможно, он таков потому, что мы попытались охватить период с XIX века по век XXI – через события, переплетенье дат и судеб.

Например, Рижский женский монастырь. С момента его зарождения в 1891 г. прошло 130 лет, и монастырь живет, он никогда не закрывался, а его филиал – Преображенская пустынь, названная архим. Таврионом (Батозским, 1898–1978) «Зарей возрождения Церкви» – стал духовным центром для верующих, стекавшихся сюда со всего СССР во времена тоталитарного безбожного режима. О его основателях, истории обители, старце Таврионе; и о жизни монахинь уже в нынешние времена читатель найдет материалы (причем, в разных жанрах) в первой рубрике альманаха.

В 2021 г. христиане в разных странах будут отмечать 100-летие со дня рождения выдающегося богослова-ли-

тургиста, автора многих книг, педагога, пастыря и проповедника, – протопресвитера Александра Шмемана.

Тексты, полученные редакцией «Христианоса» от учеников, коллег, друзей, почитателей о. Александра – из Франции, России, из США – составляют вторую рубрику альманаха, в которой, кроме текстов, есть уникальные архивные фотографии.

В рубрике «Слово пастыря» мы продолжаем публикацию гомилетического наследия архим. Виктора (Мамонтова); в этом номере ее составляют впервые публикуемые проповеди 1998 г. (расшифрованные с аудиозаписей, сделанных в церкви прп. Евфросинии Полоцкой, в г. Карсаве). Следом идут материалы о самом Викторе Мамонтове. И не только во времена его священнического служения в Латвии, а и о его жизни до Латвии, когда он, будучи филологом и литературоведом (Южно-Сахалинск, Москва), был связан со многими людьми литературы, искусства, посвятил годы изучению наследия Максимилиана Волошина в Коктебеле; а также об удивительных встречах о. Виктора с интереснейшими людьми во время его поездок в Израиль, в Англию, во Францию, Бельгию. Эти статьи, сопровождаемые уникальными фотографиями, мы посвящаем 5-летней годовщине кончины архим. Виктора.

Кто знаком с историей возникновения альманаха «Христианос», с его, так сказать, родословной, и с темами и материалами многих выпусков альманаха, тем не надо объяснять, почему мы не могли не посвятить рубрику исповеднику свт. Крымскому Луке (Войно-Ясенецкому, 1877–1961) по случаю 60-летия его кончины. На сей раз мы публикуем два исторических материала о жизни, служении, о сложнейших перипетиях в судьбе

великого ученого и епископа, об испытаниях, которым не было конца до его последних дней. Тексты включают в себя фрагменты документов, свидетельствующих и об атмосфере в стране, и о тяжком положении внутри Русской Православной Церкви.

Завершает 30-й выпуск «Христианоса» рубрика IN MEMORIAM – посвященная нашему личному другу, верному читателю и другу Редакции альманаха, буквально только что ушедшему от нас – замечательному писателю, рыцарю веры и культуры – Валентину Яковлевичу Курбатову. Мы даем прозвучать его собственному неподражаемому голосу – в его письмах.

Заканчивая этот краткий обзор «юбилейного» альманаха, снова, как и десять лет назад, в «Христианосе-XX», хочется произнести слова благодарности: нашим читателям, авторам, переводчикам, друзьям и помощникам, всем тем, кто молился о нас, присылал письма с откликами на тексты альманахов, кто присылал пожертвования, кто жертвовал свой труд, организовывал презентации альманахов в разных городах и странах. Без этого участия многих людей, оказывавших на протяжении всех трудных 30 лет разнообразную и необходимую помощь, мы не прошли бы такой путь! Их верность и доверие поддерживали нас и давали силы работать.

До новых встреч!

*Редакционный совет
альманаха «ХРИСТИАНОС»*

**К 130-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
РИЖСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(1891–2021)**

Инокния Евфросиния (Седова)

Инокния Евфросиния (Галина Седова), историк. Училась в Православном Свято-Тихоновском богословском институте в Москве (религиовед), в Латвийском университете на теологическом факультете (master of theology) в Риге, в Даугавпилсском университете на гуманитарном факультете (PhD of history and archeology). Была редактором церковного издания ЛПЦ МП «Виноградная Лоза» с 1997 по 2020 гг. В настоящее время занимается исследованием истории РПЦ и христианства в Балтии.

К 130-ЛЕТИЮ РИЖСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ: О ЕГО ОСНОВАТЕЛЯХ И ИСТОРИИ ОБИТЕЛИ

*История – свидетельница времени,
свет истины, жизнь памяти,
учительница жизни, вестница старины.*

Марк Туллий Цицерон

Основание Рижского Свято-Троицкого Сергиева женского монастыря тесно связано с историей семьи Мансуровых. Именно она стояла у истоков создания обители в 1891 году, они её строили и благоукрашали. Известна фамилия еще и тем, что глава семейства Борис Павлович Мансуров – высокопоставленный чиновник по особым поручениям Морского ведомства, занимался вопросами зарождения русского присутствия на Святой Земле. Благодаря его деятельным трудам в качестве управляющего делами Палестинского комитета

создавался миссионерский комплекс для паломников Православной Российской Церкви.

Деловые качества Бориса Павловича высоко отмечались и при Императорском дворе, и среди архиереев Святейшего Синода. Энергия и гибкая дипломатия главы семейства помогла его близким – супруге Марии Николаевне, дочерям Екатерине и Наталии – воплотить свои замыслы. Рижская скромная община для бедных женщин выросла и преобразилась в духовный центр Прибалтийского края. Рижская обитель и сегодня дает приют, молитвенную поддержку, утешение и душевный покой утомленным путникам в этом бренном мире, всем тем, кто ищет встречи со Христом. На протяжении столетия этот «теплый уголок» снискал особую любовь не только у рижан, но и у верующих далеко за пределами Латвии. Известность святой обители принесли многочисленные публикации, посвященные основным этапам истории ее создания. Тем не менее, в тени оставалась жизнь семьи Мансуровых. Думается, что вновь открытые архивные документы и воспоминания помогут расширить историю Рижской женской обители во всей ее полноте. Они дают дополнительные знания событий, которые происходили 130 лет назад, в период становления монастыря. А взгляд сквозь время поможет осветить неизвестные или забытые подробности минувшего, главные лица монастырской летописи.

Из истории рода

Славный род Мансуровых примечателен многими своими потомками, чьи имена вписаны не только в историю Российского государства, историю Русской Пра-

вославленной Церкви, но и в культурно-религиозную жизнь Вселенского православия. Дворянский род Мансуровых происходил от ордынца Аливтея Шигильдея Мансура, выходца из Золотой Орды. Мансур в переводе с арабского означает – «победоносный». Известно, что он принял православие с именем Бориса при Иоанне Калите (1328–1340). Спустя время Борис Мансуров был «выведен в дворянство» и служил воеводой в Москве. Был близким человеком к царю и его сородич Андрей Владимирович Мансуров (?–1551 г.), который выполнял обязанности постельничего или «спальника» (должность придворного, который следил за чистотой царской постели). Кто-то из родовитой семьи, например, Петр Иванович Мансуров (?–1633 г.) был послом в Царьграде, кто-то – сенатором. Александр Павлович – оренбургский генерал-губернатор в начале XIX в., другой Александр Павлович (1788–1880) – посланник в Ганновере и Гааге. Как видим, в истории Российской империи потомки рода Мансуровых играли заметную роль¹.

Особое внимание заслуживает Петербургская ветвь фамилии, к которой принадлежал и Борис Павлович Мансуров. Он родился 24 мая 1828 года в Москве, в семье действительного статского советника Павла Борисовича (1794–1881). Его отец служил в лейб-гвардии конно-егерского полка, участвовал в Отечественной войне 1812 года и воевал под командованием прославленного генерала от кавалерии князя Н. Н. Раевского (1771–1829), который, как писали современники, «был

¹ Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. 2-х т. Мансуровы. Часть I. / Сост. граф А. Бобринский. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1890. С. 347–348. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 86 Т. [82 т. и 4 доп.] [Мансуровы]. – СПб., 1890–1907.

в Смоленске щит, в Париже – меч России». Павел Борисович известен еще и тем, что, как заядлый театрал и член общества «Зеленая лампа», был дружен с А. С. Пушкиным. Неслучайно русский поэт посвятил ему стихотворение «Мансуров, закадычный друг...» и настоятельно просил написать о военных поселениях, поясняя: «Это мне нужно, – потому что я люблю тебя – и ненавижу деспотизм». Впоследствии Павел Борисович служил чиновником министерства финансов. Он был женат на Екатерине Петровне, урожденной княжне Хованской (1803–1837), которая принадлежала к знатному аристократическому роду. Так, после окончания Смольного института она служила фрейлиной при императрице Марии Федоровне. Как свидетельствует история, в семье родились четверо детей, но в силу обстоятельств выжили двое – Борис и Николай. Умерли во младенчестве Михаил и Екатерина, не пережив скорбей, вскоре почил и безутешная мать. При рождении старшего сына Мансуровы нарекли его именем Борис в честь деда губернатора, который славно служил в 1804–1814 годах в Казани.

Борис Мансуров окончил с золотой медалью курс Училища правоведения в 1845 году, затем поступил на службу в Сенат в Санкт-Петербурге. На молодого человека сразу обратили внимание как на очень деятельного и энергичного специалиста. По словам современников, он был «исполненный ума, быстрых соображений и осторожности». В 1849–1854 годах Борис состоял помощником юрисконсульта, а после – правителем канцелярии Министерства юстиции. Затем – период службы чиновником особых поручений 5-го класса в Морском министерстве. Он занимался составлением свода поста-

новлений по кораблестроительной части для хозяйственного морского устава Российской империи².

С началом Крымской войны (1853–1856) энергичный чиновник был назначен заведующим госпиталями Морского министерства. Во время боевых действий Мансуров занимался сбором сведений и раздачей пособий раненым морякам и семьям убитых. Он регулярно отправлял из Севастополя в Санкт-Петербург отчеты, выдержки из которых печатались в «Морском сборнике». В частности, он писал: «Как ни велика храбрость, покрывшая уже черноморских моряков вечною славой, нельзя не упомянуть, что почти выше этой доблести должна быть поставлена та почти мученическая жизнь, к которой все служащие на бастионах осуждены уже почти 8 месяцев. [...] Нравственные мучения и физические лишения, которые наши моряки столь долго переносят, превышают все то, что можно себе вообразить, если не видеть этого поближе. [...] Благодаря Бога, доблестный и обожаемый вождь этого героического семейства – Нахимов здоров и невредим; до сих пор бомбы и ядра как будто не дерзали до него касаться, и, дай Бог, чтобы так было до конца. Трудно выразить, до какой степени во всем и везде выражается необходимость его присутствия, и до какой степени моряки наши кажутся убежденными, что Нахимов олицетворяет в себе стойкий и непоколебимый гений Севастополя»³.

² Альманах современных русских государственных деятелей [Борис Павлович Мансуров] / изд. Германа Александровича Гольдберга. – СПб.: тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 50.

³ РГА ВМФ (Российский Государственный архив Военно-Морского флота) Ф. 1102. Фонд Чиновника особых поручений статского советника Мансурова и камер-юнкера Дорогобужина.

Чрезвычайно озабочен был Борис Мансуров при отправке из осажденного города женщин и детей моряков: «Здесь жены отказываются оставлять своих мужей и пепелища своих домов и так привыкли к бомбам и ракетами, что не помышляют об опасности». С большой теплотой он описывал самоотверженную деятельность сестер Крестовоздвиженской общины в Севастополе: «Сестры не только ухаживают за ранеными, но перевязывают их и помогают при ампутациях медикам. Изумительное хладнокровие некоторых из них поражает людей, привыкших переносить раздирающий душу вид поля сражения». К концу декабря 1854 года на перевязочных пунктах и в Морском госпитале Севастополя находилось большое количество больных, раненых офицеров и матросов. Было принято решение об эвакуации их в Морской госпиталь города Николаева. Этим вопросом занимался представитель Морского ведомства статский советник Борис Мансуров. Князь Константин Николаевич регулярно посылал Бориса Павловича в Севастополь для распределения «пожертвований, собранных в пользу раненых моряков». Отчеты о проделанной работе были опубликованы на страницах «Морского сборника», но многочисленные письма чиновника так и остались неопубликованными. Он подробно описывал морские госпитали в Севастополе и Николаеве, а также героизм моряков и руководителей Морского ведомства в ходе войны⁴.

⁴ Крестьянников В. В. Врачи Черноморского флота в Крымскую войну. Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XVII (VII). Серия Б-В [избранные материалы XII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения»]. 2015. С. 16. *Отчет проф. Пирогова о деятельности сестер Крестовоздвиженской общины и прикомандированных врачей* // Морской сборник, 1855. № 5. Т. 16.

После окончания Крымской войны семья Российского императора задумала осуществление «Иерусалимского проекта», который стал курировать великий князь Константин Николаевич. К работе над этим проектом был приглашен и Борис Павлович Мансуров. Узловыми сюжетами его биографии была Крымская война, которая стала отправной точкой и началом его деятельности на Ближнем Востоке. По указанию великого князя Константина Николаевича в конце 1856 года Мансуров был командирован в Сирию и Палестину «под видом частного путешественника для собирания нужных практических материалов и приготовления на основании оных путеводителя к Святым местам»⁵.

Святая Палестина и забота о русских богомольцах

Спустя год, по поручению великого князя Константина Николаевича, Мансурова отправили в Иерусалим для сбора разных сведений. Они могли быть полезны Русскому обществу пароходства и торговли при организации перевозок паломников к святым местам Палестины. В результате этих поездок Борис Павлович подготовил материал своих наблюдений под заглавием «Православные поклонники в Палестине», напечатанную в большем количестве для распространения между средним классом, который всегда более расположен «к богомольным странствованиям». Справедливости ради следует сказать, что брошюра

⁵ Ермакова З. П. «Преданный Святой Земле работник» // Московский журнал, 2012. № 4. С. 56–65.

имела значительный успех, так как поступала в продажу по самой низкой цене⁶.

Мансуров написал увлекательную брошюру, в которой объяснял положение православных паломников в Палестине и особенно в Иерусалиме. Он наглядно показал неудобства и лишения, которым подвергались российские богомольцы, а также тягостные издержки для «поклонников простого звания». Собственно, он обратил внимание на издержки «в виде добровольных пожертвований, от которых, впрочем, никто не имел права отказываться». Высокопоставленный чиновник не оставил в стороне и такую деликатную тему, как тесноту помещения в греческих монастырях, дурное содержание и разные неудобства при посещении святых мест. Борис Павлович с живостью описывал маршруты, освященные событиями из земной жизни Спасителя, по которым отправлялись караваны русских паломников. Как сведущий человек, он дал исторические сведения «о действиях западного духовенства, католического и протестантского, которые несравненно более православного заботятся о выгодах единоверцев на Востоке». Мансуров через популярную публикацию добился главной цели – обратил внимание российского общества на жалкое положение русских паломников в Палестине, возбудил сочувствие к их нуждам и предлагал средства помочь им. А для самих богомольцев материал был «очень полезною дорожною книгой, из которой они могут познакомиться с вещественною стороной путешествия в Палестину»⁷.

⁶ Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1857.

⁷ Архив ин. Евфросинии (Г. В. Седовой).

Интересно, что на одном из музыкальных вечеров у императрицы фрейлина Анна Тютчева, увидев Бориса, записала: «Единственным утешением было добродушное и веселое лицо Мансурова, представляющего отрадное исключение в своем некультурном поколении, так как он хороший музыкант, лучше этого, – он человек увлекающийся и очень умный. Он был послан в Иерусалим великим князем Константином, якобы для составления дорожника для богомольцев, отправляющихся в Палестину. Из этого дорожника вышла интереснейшая записка о русском влиянии на Святой земле, о страшной невыгодности нашего положения по сравнению с положением французов и англичан. Он не ограничился тем, что указал на зло, он предложил средство устранить его, средство, состоящее в том, чтобы при помощи сборов, которые у нас легко организовать в виду усердия народа к религиозным делам, собрать денег для поддержания нашей миссии и для основания в Назарете и в Иерусалиме приютов, школ и больниц, которые были бы поручены сестрам милосердия.

Его записка вызвала большое неудовольствие со стороны министерства иностранных дел, не любящего, чтобы вмешивались в дела, которые оно считает своими, а также со стороны Святейшего Синода, где всяких нововведений боятся, как самого черта. Эти господа хотели бы забальзамировать Россию с тем, чтобы о ней не было больше и речи, разве только для того, чтобы поставить ей надгробный памятник с прочувственными и хвалебными надписями “на вечную память”... После многих “но” и “если” у великого князя Константина состоялось заседание комитета министров, и, несмотря на горячие возражения, предложения Мансурова были

приняты в совете министров, о чем он мне сам сообщил с сияющим видом. Хороший человек, сохранит ли его Бог?»...⁸

Проект лично поддерживал Российский император Александр II. Заметим, что с его высочайшего соизволения и по распоряжению Святейшего Синода во всех православных церквях Российской империи были учреждены особые кружки для сбора подаваний на улучшение быта «православных поклонников Палестины», от которых, «по скромному расчету», ожидалось сбора ежегодно не менее 54 тыс. руб. И эти ожидания вполне оправдались. В Палестинский комитет из этих кружек только в 1859 г. поступило 68 071 руб. 80 коп. Итого в течение пяти лет существования Комитета поступило кружечного сбора на сумму 295 550 руб. 69 коп., в среднем ежегодно по 59 110 руб. Нужно признать, что для эпохи освобождения крестьян от крепостной зависимости был получен благоприятный результат. Увенчались успехом не только обращение к русскому народу через епархиальное духовенство, но и сборы добровольных пожертвований на нужды русских паломников в Святой Земле. По мнению Мансурова, политику на Востоке следовало «привести [...] в такую неполитическую форму, которая бы обезоружила» противников.

Наступил 1858 год, который стал знаковым для Бориса Павловича. Так, вместе с архимандритом Порфирием (Успенским), архитекторами М. И. Эппингером и В. А. Дорогулиным он отправился в Палестину. Целью поездки стала подготовка к посещению Святой Земли

⁸ Воспоминания: при дворе двух императоров. Дневник / Анна Федоровна Тютчева [пер. с фран., вступл., указ. Л. В. Гладковой]. – М.: «Захаров», 2016. С. 393–394.

великим князем Константином Николаевичем с супругой Александрой Иосифовной, а также забота об улучшении бытовых условий паломников. На Светлой седмице 1859 года великокняжеская чета посетила Иерусалим. Князь одобрил и высоко оценил деятельность Мансурова за покупку русского места близ Храма Гроба Господня. А в середине января следующего года Бориса Павловича назначили управляющим делами созданного им Палестинского комитета. Он и его спутники занимались изысканием подходящего места для сооружения русских богоугодных и странноприимных зданий. Приобретение же земельных участков внутри старого города требовало больших расходов, поэтому они решили «построить все предполагаемые русские заведения вне Святого Града в такой близости от городских стен, что никому из поклонников не встретятся затруднения к ежедневному посещению святых мест»⁹.

В результате, на первых порах приобретались небольшие места вблизи от Храма Гроба Господня. Всего за несколько лет, а именно с 1860 по 1864 годы – были приобретены значительные участки земли. Так, на купленных и подаренных великому князю участках Мейдамской площади был сооружён ансамбль зданий Русских построек, в число которых вошли Свято-Троицкий собор, двухэтажное здание Духовной миссии с домовою церковью, Елизаветинское (мужское) и Мариинское (женское) подворья, а также госпиталь. Одновременно с этим были приобретены под кладбище участок земли у пруда Мамиллы, участки у Дамасских ворот,

⁹ Мансуров Б. П. О посещении афонских монастырей. (Извлечения из письма Б. П. Мансурова) // Морской сборник, 1857. Октябрь.

называемые Эгнеми и Комси – для ведения огородов, близ Горней, по дороге, ведущей к источнику Богоматери. Приобретались участки в северо-восточном углу и у Новых ворот Иерусалима, в Назарете, Хайфе и Туране. Только с 1858 по 1865 год на покупку всех земель в Палестине истрачено было 54 813 руб. 63 коп. За понесенные труды Борис Павлович Мансуров в январе 1865 года получил чин тайного советника и стал сенатором. А с 23 марта 1869 года временно исполнял обязанности председателя Палестинского комитета. Перед отъездом великого князя Константина Николаевича в Варшаву на пост наместника уже были завершены постройки для русских паломников в Иерусалиме. В завершение работы комитета все участники строительства были отмечены высочайшими наградами монарха.

В конце 1884 года Мансуров посетил Иерусалим по делам Комиссии, это была уже шестая его поездка на Святую Землю. Результатом этих насыщенных паломничеств стали книги. Они были посвящены православным святыням и храмам, а также археологическим изысканиям в Иерусалиме.

За свою столь долгую карьеру Борису Павловичу пришлось побывать во многих странах как Европы, так и Ближнего Востока. Он был в Святой Земле, Сирии, Египте, Турции, Греции, Италии, Франции, Германии, Польше, где видел западные достижения цивилизации, а также восточный колорит. Заметим, что греческое святогробское духовенство и патриарх Сионской Церкви оказывали особое гостеприимство Борису Павловичу в позднейшие приезды его в Иерусалим, принимая только в стенах Патриархии. А местные жители, привыкшие видеть исключительные почести и проявления

власти и могущества лишь в лице пашей, именовали его не иначе как «Мансур-паша».

Всей душой он стремился побывать у христианских святынь, увидеть воочию Евангельскую историю, прикоснуться к ней и пережить мгновения благодатной радости от духовного опыта и встреч с православными подвижниками. Неслучайно его дочери Екатерина и Наталия сопровождали отца в длительные паломничества по Святой Земле. В то же время, где бы он ни бывал, он оставался патриотом, верным сыном России и Православной Церкви.

Благочестие и христианская вера

Под стать своему супругу, глубоко верующей христианкой была и Мария Николаевна Мансурова, русская благотворительница и меценатка. По отцу она приходилась правнучкой князю, генерал-аншефу Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому (1722–1782), а по матери – княгине Наталье Петровне Голицыной (1741–1837), знаменитой фрейлины императрицы Екатерины II. В свете Наталью Петровну называли «княгиней Мушташ» («Усатой княгиней» или «Усатой феей»). Княгиня Голицына стала прототипом главной героини повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». Таким образом, княжна Мария Долгорукова – потомок прославленных и титулованных родов. Аристократическое происхождение диктовало всестороннее образование, которое юная Маня, как ее ласково звали в семье, получила у лучших учителей. С большой теплотой камергер императорского двора Сергей Михайлович Загоскин (1833–1897) вспоминал о ней, как о девушке милой и любезной, и «много

способствующей оживлению воскресных вечеров в родительском доме на Гагаринской набережной»¹⁰.

Княжна Мария и Борис Мансуров хорошо друг друга знали. В марте 1859 г. Борис Павлович приехал из Италии в Петербург, чтобы просить у императора разрешения для великого князя Константина с супругой отправиться в Иерусалим. Позже он должен был присоединиться к великокняжеской чете. За эти 10 дней в Санкт-Петербурге совершенно неожиданно и счастливо решилась его личная жизнь.

Однажды в церкви после службы знакомая дама предсказала Борису скорую женитьбу. Предсказание он воспринял как шутку, но позволил своей знакомой действовать. Так называемая сваха, некая Батюшкова, неожиданно остановила свой выбор на княжне Марии Долгоруковой, даже не подозревая о взаимном чувстве молодых людей. Состоялся доверительный разговор, и княжна открыла свои чувства. Борис Мансуров наконец узнал, что его любовь не безнадежна. А Марии Долгоруковой удалось получить согласие на брак у своей семьи. Молодых людей представили императору, который дал согласие на брак, при условии, что Мансуров не оставит Палестинского дела. Спустя время на Святую землю Борис отбыл уже обрученным.

Сохранились письма Бориса Павловича Мансурова к его невесте – это недели накануне его свадьбы с Марией Николаевной. Несомненно, самый романтический период в их жизни. Борис был давно влюблен, но не рассчитывал на согласие князя Долгорукова на этот брак. Однако, ко всеобщей радости, брак устроился быстро.

¹⁰ Загоскин С. М. Воспоминания // Исторический Вестник, 1900. Т. 81. № 8. С. 53.

История эта окрашена сильным религиозным чувством, которое было свойственно Борису Павловичу. События происходили на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, и во всем происходящем он видел промысл Божий. Неслучайно, одного из сыновей, родившегося в этом благословенном браке, он назвал Эммануилом – «с нами Бог».

Посещая великосветские балы и салоны, молодые люди оставались православными и глубоко верующими людьми, что было не характерно для нравов российской «золотой молодежи» XIX века. Борис отличался живостью характера, искренностью и увлеченностью. Яркой иллюстрацией к сказанному служат письма Бориса к отцу с Востока. Пребывание в Иерусалиме оставило у него неизгладимое впечатление, посещая святые места, он писал: «Наконец я утешился тем, что нахожусь там, куда каждый человек должен стремиться из всех душевных сил. Я испытывал уже столько сильных и глубоких чувств с тех пор, как ступил на эту землю, освященную нашим Спасителем, что мне пришлось бы долго размышлять над свои письмом, если бы я хотел вложить в то, что говорю, столько порядка, столько было бы необходимо»¹¹.

Церковные богослужения и беседы с иерархами – все вызывало у него особое благоговение и трепет верующего сердца. Памятным был визит к митрополиту Мелетию (Метаксакису, 1871–1935), которому он вручил пожертвования для Гроба Господня от многочисленной

¹¹ Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / [Б. П. Мансуров. Гос. арх. Рос. Федерации, Арх. внеш. политики Рос. Империи] подгот. к изд.: К. А. Вах и А. фон Виннинг. – М.: Индрик, 2014.

русской знати. Среди даров был передан от Димитрия Нарышкина светильник филигранной работы, «который выделялся своим изяществом и красотой». Всеночная на Голгофе особенно взволновала Бориса Мансурова: «Среди мрака ночи и тишины [...] восхитительно было слышать громкое и торжественное пение о благоденствии и торжестве русского царя, в лице которого соединяем мы все, что относится к благоденствию и славе отечества»¹². Из письма отцу мы узнаем, что с Борисом произошел некоторый казус. Он не выполнил поручение в Иерусалиме княжны Мани Долгоруковой, которая просила о церковной молитве за близких. С сокрушением в сердце молодой человек сообщал, что по неведомым причинам оставил поминальные записки в Санкт-Петербурге. Правда, будучи «у обедни в Гефсимании над гробом Богоматери», он поминал поименно всех близких и друзей, и никого не забыл¹³.

Будущая супруга Бориса Павловича княжна Мария Долгорукова принадлежала к древним потомкам Рюриковичей, это и предопределило её дальнейшую жизнь. С 1859 года она стала фрейлиной Российской императрицы Марии Александровны и вошла в её свиту. По общепринятой традиции фрейлинами могли стать только незамужние девушки, а после замужества они оставляли придворную службу. Любопытно, что императрица награждала невест приданным, но к ним относились только те фрейлины, которые входили в так

¹² Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / [Б. П. Мансуров. Гос. арх. Рос. Федерации, Арх. внеш. политики Рос. Империи] подгот. к изд.: К. А. Вах и А. фон Виннинг. – М.: Индрик, 2014. С. 124–125.

¹³ Там же. С. 24–125, 128–129.

называемый «комплект». Количество их колебалось от 10 до 14 молодых особ. Таким образом, они могли рассчитывать как на жалованье, так и на приданное. Девушек одаривали деньгами, драгоценными вещами, платьем, постельными принадлежностями, а также разной галантереей на значительную сумму денег. К венцу императрица благословляла новобрачную образом святой, в честь которой она носила имя. Доподлинно не известно, была ли одарена императрицей к венцу княжна Мария, большая вероятность, что девушка была обласкана монаршей милостью. Венчание состоялось в 1859 году, после возвращения Бориса с Востока. Вскоро молодые люди отправились в свадебное путешествие – сначала в Европу, а затем в Святую Землю. К слову сказать, там уже начиналось русское строительство, организованное Палестинским комитетом.

Святая Земля надолго и прочно вошла в семейную жизнь Мансуровых. В письмах родным и, в первую очередь, к отцу Борис Павлович подробно писал о Востоке, о том, как складываются его отношения с начальством и как протекала деятельность комитета под его началом. В переписке отражалась глубокая увлеченность молодого человека своим делом, а также его служением православию. Борис Павлович с горечью писал и о преполах, которые создавались в министерских кабинетах Санкт-Петербурга, о раздорах между различными участниками Палестинской кампании. Но в то же время он искренне радовался встречам и работе вместе с неравнодушными, талантливыми сотрудниками, бережной доставке грузов из России в Палестину, удачам на дипломатическом фронте и даже благожелательности османского правительства.

Близость семьи Мансуровых к императорскому двору вносила перемены и в жизнь молодой пары. Супруги благосклонно принимались императором или императрицей. По долгу службы Борис Павлович особенно часто имел встречи с великим князем Константином, нередко делал доклады самому императору. Мария Николаевна, будучи фрейлиной, до замужества часто бывала в кругу императорской фамилии. Русский генерал, один из успешных командующих Кавказской войны, граф Павел Христофорович Граббе (1789–1875) в своей записной книжке сделал личные наблюдения о нравах российского императорского двора того времени. В частности, он отмечал, что тот, «кто прошел через горнило двора, не утратив самостоятельности и личного достоинства, не охладев душой, тот выдержал одно из самых трудных испытаний в человеческой жизни»¹⁴.

Безусловно, жизнь при дворе нельзя было назвать идеальным сосредоточием благодати, где все любили друг друга. Там зрели внутренние конфликты, вспыхивало возмущение, строились козни... Дворцовая жизнь была не только ответственной обязанностью, но и испытанием, а порой, и обременением. Став замужней дамой, Мария Николаевна больше интересовалась семейной жизнью, но законы света требовали активной светской жизни. Так, в одном из писем она жаловалась тестю Павлу Борисовичу Мансурову, что они с супругом приглашены на бал ко двору, но ей жаль тратиться на наряды... Да, и елизаветинский наказ – один бал – одно платье – неукоснительно соблюдался. Се-

¹⁴ *Граббе П. Х.* Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе / [соч. П. Х. Граббе]. – М.: Унив. тип. (Катков и К), 1873.

зон балов начинался зимой и заканчивался Великим постом. Аристократы съезжались в Санкт-Петербург, а дворяне победнее – в Москву. Как говаривали в старину, «Санкт-Петербург пределов в ценах не знал...». Для выезда на придворный бал расходы были значительные, как видим, для бережливой Марии Николаевны подобные приглашения были в тягость, и только в письмах родному человеку она могла посетовать на затруднительное положение. Нередко Павел Борисович выполнял просьбы молодой семьи и присылал из Парижа все необходимое.

В мае 1864 года Борис Мансуров вынужден был оставить службу в результате конфликта со своим непосредственным начальником А. В. Головниным (1821–1886). Волновала Бориса Павловича не только несправедливость, но и шаткость финансового положения. Вместе с потерей места было утрачено и жалованье – один из важных источников доходов семьи. В имении жены в Вырубово Мансуровы провели лето, которое скрашивалось радостями и простотой деревенской жизни. К тому же сократились расходы столичной дороговизны. Настроение и уклад в семействе коренным образом изменились к началу 1865 года. По указанию императора Александра II Мансуров получил пост сенатора и вернулся к государственной службе. Время государственных реформ требовало напряженной работы – бумаги, заседания, проекты... В качестве юриста он служил в Государственном совете, затем его деятельность была связана с государственными финансами. Человек пытливого ума и разносторонних знаний, он проявлял интересы не только к своим должностным обязанностям, но интересовался научными достижениями, как

в области археологии на Святой Земле, так и в области академического образования. Будучи в зрелом возрасте, он уехал в Германию для учебы, совершенствуя свои профессиональные навыки. Но в то же время Борис Павлович не оставлял общественную и светскую жизнь.

Светская и духовная жизнь семьи

В счастливом браке Бориса Павловича и Марии Николаевны Мансуровых родилось пятеро детей. Павел (1860–1932) станет в будущем директором Московского главного архива иностранных дел. Екатерина (1861–1926), как и её мать, станет фрейлиной Российской императрицы. Затем выберет духовную жизнь и монашескую стезю. А с 1901 года станет игуменьей Сергией, настоятельницей Рижского Свято-Троице Сергиева монастыря. Эммануил (1862 или 1863–1899), или как с любовью его в семье называли Манко, сделает карьеру офицера лейб-гвардии Семёновского полка, но в расцвете сил из-за продолжительной болезни вскоре умрет. Николай (1865–1866) умрет во младенчестве, как говорили в старину «от зубиков», и его похоронят в Воскресенском женском монастыре в Москве. Младшая Наталия (1868–1934), как и старшая сестра, станет фрейлиной при императорском дворе, и также, как и Екатерина, избрет иночество. И с 1901 года монахиня Иоанна станет подвизаться старшей сестрой в Спасо-Преображенской пустыне. Но это произойдет в будущем.

Большая семья требовала заботы и внимания родителей. Борис Павлович был добрым и образцовым отцом семейства. Особенно трогательны его письма к

отцу, посвященные семье и детям. Рождение детей, их здоровье, успехи, скорбные события – обо всем этом Борис писал в Париж. В конце 60-х годов XIX века семейство проживало в Москве, так как в 1868 году Борис Павлович был назначен вице-президентом Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя. После длительных трудов Комиссию расформировали, а Бориса Павловича за успешное выполнение работ выбрали в 1872 году членом Государственного совета, которое состояло при Всероссийском императоре. Всем памятно полотно известного русского художника И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета в день столетнего юбилея», на котором запечатлены выдающиеся мужи – сенаторы Российской империи. Тем временем важные события произошли и в жизни дочерей Бориса Павловича. Известно, что Екатерина Борисовна была представлена ко двору и стала фрейлиной – по одним источникам в 1881 году, по другим – 26 февраля 1882 г., а 15 мая 1883 года – и Наталия. Список фрейлин императорского двора ежегодно публиковался в адрес-календаре Российской империи. Он строился по стажу пребывания во фрейлинском звании.

К 1882 году величественный собор Христа Спасителя в Москве был практически готов. Но ждали освящения пределов во имя святителя Николая Чудотворца и благоверного князя Александра Невского. И только после этого, спустя год, храм передали Управлению по заведованию Московским кафедральным собором в честь Спасителя Христа. Работа в Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя стала завершением общественно-государственной деятельности Бориса Павловича на пользу России.

С назначением на почетную должность супруга Мария Николаевна с дочерьми – Екатериной и Наталией жили в Первопрестольной и были прихожанками храма преподобного Пимена Великого. Как свидетельствовала приходская летопись, в 1886 году Мария Николаевна принимала активное участие в делах благотворительности церковно-приходского попечительства. Она знала всех нуждающихся прихожан, регулярно посещая их жилища. К тому же видела нужду бедных людей и старалась оказать помощь, и материально улучшить их жизнь. Используя свои обширные знакомства, добрая женщина энергично ходатайствовала о бедняках перед другими состоятельными благотворителями. И неслучайно ее дела милосердия были отмечены орденом святой великомученицы Екатерины 2-й степени. Этим орденом традиционно награждались представительницы высшего света за просветительство и дела благотворительности.

Самыми активными помощницами Марии Николаевны в делах милосердия были ее дочери. Они получили прекрасное домашнее образование, знали несколько европейских языков, изучали музыку и живопись. Но в потаенных мыслях еще с юности Екатерина и Наталия горячо стремились посвятить себя духовной жизни. Как уже ранее упоминалось, дочери вместе с отцом, деятельным создателем «Русской Палестины», более полугода проживали у святого Гроба Господня в Иерусалиме. Они ежедневно молились в храме Воскресения Христова, находились в центре великих христианских святынь, окормлялись у духоносных старцев. Все это способствовало изучению наследия отцов Церкви. Видимо, тогда пребывание на Святой Земле и

оказало сильное влияние на их духовное становление. А позже – и на дальнейший выбор иночества. Вместе с тем, проживая в Москве, они часто посещали Страстной женский монастырь, который находился недалеко от их дома. Это давало личное общение, а затем и регулярную переписку сестер Мансуровых с его настоятельницей, игуменьей Евгенией (Озеровой, 1815–1890).

После пребывания в Иерусалиме семья Мансуровых в 1883 году вернулась в Россию. В летний период семейство проживало в благоустроенном подмосковном имении Горушки. А вот поздней осенью Борис Павлович и старшая его дочь Екатерина, в силу обязанностей, отбывали в Санкт-Петербург. В Москве оставались Мария Николаевна с младшей дочерью. В течение 1884 года Наталия посещала Страстной монастырь, где и состоялась встреча с настоятельницей обители. В своих дневниковых записках Екатерина Мансурова писала: «По возвращении нашем из Иерусалима Матушка <игуменья Евгения> к нам была особенно добра и внимательна. Она видела, как труден нам был переход от жизни в Иерусалиме под сению великих его святынь из-под духовного руководства Блаженнейшего Патриарха <Никодима>, к обыкновенной мирской жизни в Москве, и взяла нас под свое крылышко. Господь Один знает, как спасительно это любвеобильное участие ее было для нас, – она покрыла нас любовью своею, оградила от зла. Без нее наши “кривые правила” (и прямое в Иерусалиме найденное) искривили бы»¹⁵. Когда позволяло время, сестры регулярно беседовали с

¹⁵ Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. Изд-е 2-е, исправ. и доп. / сост. С. и Т. Фомины. – М.: Паломник. 2005. С. 312.

настоятельницей на духовные темы. По их выражению, каждое слово и помышление игуменьи было «исполнено Христова учения и Слова Божия». Наталия почти каждый день бывала у матушки, «питаясь духовно» ее беседами.

Хотя и прошло полгода после возвращения из Палестины Кити и Наты, как называли сестер в семье, они оставались под таким глубоким впечатлением от Иерусалима, что «мысленно все еще витали там».

После возвращения из Иерусалима сестры не находили «почву под ногами». Слишком резок был духовный контраст «жизни Иерусалимской к здешней» российской, и только в Страстном монастыре они нашли точку опоры и равновесия в лице доброй наставницы. Забота и внимание матушки, монастырские службы способствовали их внутреннему настроению и утолению духовной жажды, жажды слов о спасении, о вечной жизни. В Страстном монастыре они отдыхали душой. Правда, Екатерине часто приходилось отлучаться из Москвы в северную столицу, но связь с игуменьей поддерживалась через переписку. Шли письма от старицы, которые успокаивали и укрепляли в трудные минуты или в минуты душевного волнения. Любящее сердце и жизненная умудренность игуменьи Евгении не оставляли без ответа вопрошающих.

Переезд Мансуровых в Ригу

Наступил 1886 год, и пришли испытания в семью. Тяжело заболела младшая дочь Наталия. Столичная медицина была бессильна, врачи разводили руками, семье пришлось уповать только на милость и помощь

Господа. Из-за слабости Ната с трудом могла ходить, и Мария Николаевна отвезла дочь в Страстной монастырь к игуменье Евгении, так как девушка не выносила ни шума, ни постоянной суеты в доме Мансуровых. Покой она находила только в монастыре, ее келью даже шутя прозвали «Натиным дворцом». Мама позволяла дочери ночевать в обители, где она говела, готовилась к исповеди и причастию. Узнав о болезни Наталии, «Блаженнейший Патриарх посылал ей свое благословение и просил известий»¹⁶. Жизненные силы постепенно возвращались к Наталии, да и частое пребывание в размеренном укладе монастырской жизни благотворно сказывалось на общем состоянии здоровья.

Если Наталия имела частое личное общение с игуменьею, то Екатерина это общение перенесла в переписку. Находясь в Санкт-Петербурге, она с нетерпением ждала весточку из Страстного, так как «слова и письма Матушки оттого имели еще огромную силу, что все советы и поучения ее были до того смиренно выражены, что умиляли душу». В игуменье особенно поражала кротость, которая «не говорила, что она так приказывает, а всегда учила словами святых Отцов или святителей Церкви и не раз кончала письмо словами: “Прости, много наговорила”. Деликатность и столь “великое высокое смирение” располагало и было “поучительнее всяких слов”»¹⁷.

Состояние здоровья Наталии оставляло желать лучшего. Родители продолжали искать сведущих специалистов и решили обратиться к врачам в Ригу. К тому же

¹⁶ Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. Изд-е 2-е, исправ. и доп. / сост. С. и Т. Фомины. – М.: Паломник. 2005. С. 312.

¹⁷ Там же. С. 315.

среди аристократической знати северной столицы хорошо зарекомендовали себя лечебные воды и грязи в Кемерне (совр. Кемери), а также морской воздух Рижского взморья, которые помогали не только восстановить, но и укрепить здоровье. Это и стало причиной переезда семьи из Москвы. На Рождество 1887 года, как свидетельствовали источники, ослабевшую Наталию привезли из Первопрестольной в Ригу, а в конце мая в плетеной корзине её отправили на дачу в Засенгоф (совр. Засулаукс). Загородные немецкие поместья находились среди хвойных лесов и были известны своим лечебным воздухом. Спустя время Наталия стала поправляться и даже впервые молилась в храме. Видимо, тогда наступил перелом в общем состоянии и силы стали возвращаться. Наталия стала думать об иночестве, посвятив в свои планы игуменью Евгению (Озерову), но матушка настоятельница с осторожностью рекомендовала сначала поправить здоровье, затем достичь двадцатипятилетия и испытать себя на духовном поприще.

Большим утешением для Наталии была поддержка сестры, так как рядом с ней находилась заботливая Екатерина. В этот период Кити делала выписки из прочитанных философских и богословских трудов. Например, ее интересовали такие понятия, как молитва, терпение, искушение, презрение мира, милосердие, любовь, страх Божий. Касательно духовных опытов, она оставила важную запись – «не всяк, кто начинает хорошо, хорошо и кончает». А формирование таких христианских качеств, как жертвенность, аскеза, покаяние, сострадание к ближнему стало для нее смыслом жизни.

Глубокое испытание не могло не отразиться на дальнейшей жизни семьи в Прибалтийском крае. В одном

из источников читаем: «В рижском особняке дворян Мансуровых царило радостное настроение. Глава семейства, Борис Павлович, вместе с супругой Марией Николаевной и старшей дочерью Екатериной собирались в храм на торжественный благодарственный молебен, который они заказали по случаю долгожданного выздоровления от тяжёлой болезни своей младшей дочери – Наталии. Много месяцев провели Мансуровы в тревогах и неизвестности. И вот, усилиями медиков и горячими молитвами родных совершилось чудо – девушка твёрдо пошла на поправку! Однако для выездов из дома Наталия была пока ещё слишком слаба и по настоянию врачей лежала в постели. Поэтому, хотя и очень хотела, всё же не могла сопровождать родителей с сестрою. Перед самым выходом из дома Мария Николаевна зашла в комнату к выздоравливающей. Увидев мать, Наталия взволнованно сказала:

– Мама, мне бы хотелось в благодарность Богу сделать что-нибудь нужное для людей, помочь. Помнишь, как в Москве? [...] Мария Николаевна обрадовалась желанию дочери. Супруги Мансуровы были щедрыми благотворителями и дочерей, Екатерину с Наталией, учили по-христиански помогать ближним»¹⁸.

Семья с большим усердием и активностью стала заниматься благотворительностью. Известно, что в квартиру на Романовской улице (особняк будет построен позже), где они проживали, стали приходить многочисленные нуждающиеся. Мария Николаевна принимала деятельное участие и в церковной жизни Рижской

¹⁸ Борзяк Л. В. «Умножится, разрастется...» Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь и Спасо-Преображенская пустынь // Московский журнал, 2012. № 4.

епархии, тем более, что на кафедру в Ригу был направлен епископ Арсений (Брянцев, 1839–1914). С ним Мансуровы были знакомы еще по Санкт-Петербургу, где святитель совмещал должность ректора и профессора Духовной академии. По приглашению правящего архиерея семья посетила Якобштадт – по случаю освящения восстановленной Свято-Духовской церкви после взрыва, и таких визитаций было немало.

Трудно перечислить все благотворительные проекты, которыми занимались Мария Николаевна и ее дочери. Например, меценатка приняла под своё покровительство женскую следственную тюрьму в Риге, оказывая материальную помощь заключенным. Она спешила сюда по воскресным и праздничным дням со словом назидания, вразумления и ободрения. Особые заботы ею принимались в устройении приюта для детей арестантов и осужденных. Семья открыла Дом трудолюбия для детей, создала общедоступную народную библиотеку. Они щедро жертвовала на нужды рижских православных храмов. Их стараниями в 1889 году в Риге открылась первая Воскресная школа для женщин на русском языке. Корреспондент русского издания писал: «Нельзя не радоваться тому, что стараниями юных энтузиасток русского общества в Риге имеет место столь благое дело, направленное на просвещение женщин и девочек из неимущих семей». Бедные люди знали, что есть в Риге Мария Николаевна Мансурова, которая помогает не только нуждающимся, но и сиротам. К этому благоприятному проекту присоединилась единомышленница и близкая им по духу подруга Евгения Постовская. Она предоставила большую и удоб-

ную квартиру отца, генерала Захария Постовского, для нужд школы¹⁹.

Как свидетельствует монастырская летопись, 1 мая 1891 года было положено основание приюта для бедных девочек из глубокой провинции, чьи родители не могли их содержать. В приют поступили пять девочек из воскресной школы, которые наиболее нуждались. Как писала пресса, по этому случаю рижское духовенство торжественно отслужило водосвятный молебен.

Для организованной работы необходим был персонал. Спустя время, по рекомендации, пришли благочестивые женщины, имевшие опыт не только в воспитании детей, но и в духовной жизни. По просьбе сестер обучением и воспитанием приютских детей «занималась начальница Калужской женской гимназии Н. П. Бибиковой»²⁰. Силами Мансуровых было организовано чтение Псалтири и днем, и ночью. Непрестанно шла молитва как о живых, так и об усопших благодетелях. Установилась в приюте и добрая традиция совершать раз в неделю молебны с чтением акафистов чтимым святым. Рижане горячо откликнулись на подобные инициативы Мансуровых и стали приходить в приют со своими духовными нуждами. Создание

¹⁹ *Ин. Евфросиния (Седова)*. От унии к православию: Илукстский женский монастырь, Епархиальное духовное училище и игуменьи-просветительницы Рижской епархии (середина XIX и начало XX вв.). Конфессиональная история Российско-белорусского приграничья конца XIX – середины XX в.: институты, практики, идентичности. Сборник материалов международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. С. 123.

²⁰ *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. 19 век. – Рига: Филокалия, 1999. С. 313.

частной благотворительной общины требовало решения многих сложных вопросов. Устроительницам важно было заручиться поддержкой не только со стороны властей, но в первую очередь – Святейшего Синода в Санкт-Петербурге. Екатерина Мансурова обратилась с письмом к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву, который отнесся к этой инициативе весьма доброжелательно.

Благотворительная деятельность семьи не осталась незамеченной в северной столице. Последовал указ от Св. Синода и личное участие обер-прокурора К. П. Победоносцева, пожертвовавшего сумму в 1 200 рублей на дела милосердия и на вечное поминовение рабы Божией Параскевы. Была ли это родственница влиятельного сановника или кто-то из близких – истории неизвестно. В частном письме Екатерина Мансурова благодарила обер-прокурора за поддержку. Безусловно, принадлежность к аристократическим кругам и к «высшим сферам» открывала семье возможность избежать бюрократической волокиты и адресной финансовой помощи в решении благотворительного проекта. Примечательным событием стало посещение приюта и богадельни епископом Рижским и Митавским Арсением (Брянцевым). Владыка познакомился с жизнью детей, взрослых и благословил присутствовавших иконой Живоначальной Троицы. Дарованный образ новой созданной общине, закрепил за нею именование Свято-Троицкой. Для духовного просвещения архиереев передал полный круг книг Четьи-Миней. Собственно говоря, в богадельне при частном приюте Мансуровых были заложены основы монастырской жизни будущей общины в Риге.

На пути к иночеству

Обратимся к истории христианского монашества в Лифляндии, т.к. оно имеет глубокие корни. Не безынтересен тот факт, что «в канун Реформации в Риге существовали Домский монастырь и еще восемь монастырей, принадлежащих различным монашеским католическим орденам, и которые не были подчинены юрисдикции епископа». Например, женский цистерцианский монастырь святой Марии-Магдалины действовал в 1255–1582 гг.; доминиканский монастырь св. Иоанна основан около 1234 года по предложению итальянского священнослужителя и папского легата Вильгельма Моденского (Гульельмо де Шартро, ок. 1184–1251), при поддержке второго Рижского епископа Николая (Николауса фон Магдебург, ? – 1253); францисканский монастырь св. Екатерины основан между 1233–1238 годами (по другим источникам 1258 год), останки древних стен сохранились и сегодня, их можно увидеть на улице Лайпу в историческом районе Старого города. Далее существовали два конвента бегинок «серых сестер», конец XIII века – XV век; два монастыря третьего ордена францисканцев – терциариев находились при церкви Святого Духа и церкви святого Петра, а также мужской цистерцианский монастырь в Дюнамюнде (совр. Даугавпиль, пригород Риги), на так называемой «горе св. Николая»²¹. К приезду Мансуровых в Ригу перечисленные христианские обители давно не существовали, но предание о них верующие католики сохранили.

Знали ли эту историю сестры Мансуровы? Большая вероятность того, что знали. Следует отметить, что они

²¹ *Rīga*. Энциклопедия. Enciklopēdija “Rīga” / гл. ред. П. П. Еран. – Рига: Главная ред. энциклопедий, 1989. С. 477.

отличались широким кругозором и пытливым умом. А пребывание в Лифляндии давало все больше возможностей для размышления о деятельном иноческом служении. Видимо, тогда сестры окончательно пришли к мысли принять монашество и послужить Христу. Итак, в 1891 году сестры Мансуровы решают воплотить свой замысел – основать женский монастырь в Риге. Екатерина писала обер-прокурору Святейшего Синода в августе: «...совершенно другая причина побуждает меня беспокоить Вас, и я являюсь просительницей, надеющейся на совет Ваш и добрую помощь. Во все время пятилетнего пребывания нашего в Риге, присматриваясь к краю и людям всюду и во всем видно, какое-то неудовлетворенное чувство в религиозном отношении, неполнота духовной жизни. Через деятельность в Воскресной Школе приходилось иметь сношение с многими людьми из всех слоев общества и народонаселения, пришлось посещать учащихся и учениц бедствовавших и крайне бедных и всюду слышать, и видеть тот же глад духовный»²². Текст письма свидетельствует, что девушка общалась с верующими и понимала их нужды. Она знала и об иноческой жизни в прославленных мужских монастырях Печор и Сурдеги. А обитель в Сурдеги была хорошо известна рижанам тем, что еще с 1812 года ей оказывалась значительная помощь лифляндцами. Православные ездили в монастыри, чтобы поговорить, уединиться в молитве, набраться сил и окрепнуть духом в «минуты горя обратиться бы за неугасаемой молитвой за себя и своих». Как и много веков назад, и сегодня

²² LNA LVVA (*Латвийский Государственный исторический архив*), 4754. f., 1. arg., 181. l. 65. лр. Письмо Екатерины Мансуровой обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву.

православные едут в монастыри за молитвенной поддержкой и мудрым духовным советом. Ничего не изменилось и в наши времена. Как и столетия назад, душа христианина стремится в обители как к источнику живой и целебной воды, чтобы в тени его прохлады подумать о вечном и успокоить утомленное сердце.

В письме обер-прокурору Екатерина коснулась истории болезни младшей сестры: «Тут могу сказать, что и сами мы это переживали во все время долгой и тяжелой болезни сестры и может быть этот горький опыт и побуждает так жалеть, что не имеет этот край своих молитвенниц собранных во едино, не поддерживает дух его общая непрерывная денно-нощная молитва, которая сильна пред Богом».

Она обстоятельно описала свои намерения по созданию женской обители, но осуществить ее не представлялось возможным, и главная причина – отсутствие финансов: «Вот об учреждении такого дома молитвы и есть моя сегодняшняя просьба, молитвенницы у нас есть, присмотрели мы уже и место, подходящее к общежитию, довольно удаленное от шума города для молитвенного подвига, но доступное для всякого ищущего в Риге молитвенного утешения, – нет у нас только средств для покупки этого места, а надеяться всецело на пожертвования рижан мы не можем. И вот зная, что у Вашего Высокопревосходительства, имеется капитал на Прибалтийский край по завещанию Медынцевой, решаюсь прямо обратиться к Вам с просьбою помочь нам. За землю с постройками, чрезвычайно подходящими к устройству монастыря, просят 50 000»²³.

²³ *LNA LVVA*, 4754. f., 1. arg., 181. l. 66. лр. Письмо Екатерины Мансуровой обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву.

В завершение письма обер-прокурору Екатерина просила оказать поддержку: «Господь может быть расположит сердце Ваше положить начало и основание учреждению, которое аще Господь изволит, может принести благословение всему краю и укоренить и здесь дух иночества, который из века в век святит нашу Москву. Этот дух Господь да благословит пересадить сюда с помощью лиц опытных в жизни монашеской, которые изъявили мне свое согласие перейти сюда, если наше дело благословится Богом и начальством. Простите меня, Ваше Высокопревосходительство, за мое такое откровенное к Вам обращение, зная и видя Ваше расположение к святым обителям мне кажется грешно было-бы не изложить Вам наше желание и нашу нужду, когда Господь вложил нам в душу это намерение, указал людей, место, благоприятные обстоятельства к начатию святого дела, дал все — только приставил искать средства, которые может быть оттого в Ваших руках и искать нужно, чтобы мы имели Ваше покровительство и расположение в таком великом деле»²⁴.

Екатерина Мансурова верно подметила главный недостаток в Прибалтийском крае — это вялость духовной жизни в епархии, отсутствие обителей и неимение духоносных подвижников. Происходило это по причине малочисленности русского населения и особого статуса края. После Северной войны царь Петр I наделил территорию «особыми пунктами», по сути, это было «государство в государстве». По свидетельству церковных источников в 1800 г. в Риге насчитывалось

²⁴ *LNA LVVA*, 4754. f., l. apr., 181. l. 66. o.p. lpp. Письмо Екатерины Мансуровой обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву.

8 643 православных, в Лифляндии – 16 290, в Курляндии – 536 православных христиан. Справедливости ради следует сказать, что язык делопроизводства в канцеляриях Прибалтийского края был немецкий, русские чиновники, начальники воинских команд, купечество и мещане – все говорили по-немецки. Русский язык не был государственным и плохо преподавался в школах. Даже учащиеся гимназий и студенты университета в Тарту плохо знали русский. А профессор, ректор университета Густав Эверс, это объяснял тем, что «русский язык в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии не нужен, так как по Высочайшему повелению законы публикуются здесь на немецком языке». Безусловно, германизация Прибалтики беспокоила не только русские круги Российского государства, но и славянофилов, а также русскую интеллигенцию. Способствовало началу «пробуждения» коренного населения – латышей и эстов, а также возникновению младолатышского движения поддержка Ю. Ф. Самарина, который в своей книге «Письма из Риги» описал вопиющий произвол и самоуправство остзейцев в крае. Поддержал младолатышское течение и великий князь Константин Николаевич, возглавлявший Морское ведомство. И только с воцарением императора Александра III были отменены привилегии остзейским баронам и особый статус остзейских губерний. Но, «хотя количество говорящих по-русски возросло, обрусение рижанам нерусской национальности не угрожало...». Тем более, что в новых условиях православие не стало доминирующим.

Известно, что семейство Мансуровых родственными узами было тесно связано с деятелями религиозно-философского движения славянофилов, к тому же Борис

Павлович глубоко понимал проблематику Прибалтийского края, поэтому неслучайно семья Мансуровых включилась в процесс укрепления православия. А чтобы активизировать жизнь Рижской епархии, необходимо было созидать деятельное иночество, стремящееся к молитве, подвигам и просвещению. Тем временем в Санкт-Петербурге в великосветских салонах бурно обсуждали поступок великой княгини Елизаветы Федоровны, ее переход в православие. Семья Мансуровых с воодушевлением приняла известие в Риге, в связи с этим Екатерина писала отцу в Петербург: «...Мы тоже ликуем о переходе Елизаветы Фед<оровны> в православие. Она нам подает пример не пренебрегать здесь заблудшими овцами, и возвышать здесь православие и по крайней мере поставить его, если пока не выше, но в уровень с лютеранами – их учреждения хорошо обставлены, обеспечены, а наших так мало»...²⁵

Пришло и другое известие, но крайне печальное – почил игуменья Евгения (Озерова). В 1890 году, после кончины духовной старицы и наставницы, Мария Николаевна с дочерьми стала окормляться в Свято-Троице Сергиевой лавре. Так, по всем важным вопросам в жизни они советовались с отцом наместником Лавры архимандритом Павлом (Глебовым, 1827–1904). О намерении создания обители Екатерина писала отцу наместнику. В частности, ко дню святой Пасхи отец архимандрит тепло поздравил Екатерину и близких, в частности, он благословил доброе намерение и написал ей: «Досточтимая о Господе Екатерина Борисовна! Христос воскрес! В светлое преполовление святые Пя-

²⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 990. Оп. 1. Д. 33. Переписка семьи Мансуровых.

тидесятницы приветствую Вас и всех присных Ваших светлым приветом Христова Воскресения и желаю Вам от Воскресшаго Спасителя нашего светлой радости, душевного мира и благодатного утешения от Всесвятаго Духа Утешителя, обетованного Господом Его учеником и Апостолом. Пользуюсь удобным случаем послать Вам икону преподобного отца нашего Сергия в благословение от Его святой обители на Ваше благое начинание. Да благословит Он с высоты небесной своим благодатным благословением доброе намерение Ваше, и да поможет привести сие намерение к доброму концу, во славу имени Божия, на пользу святой матери нашей Церкви Православной и во спасение многих душ будущих обитательниц места, Вами избранного и Богу посвященного: в том краю, где гордо поднимает голову чуждое смирения христианского мудрование Лютерово, более чем где либо еще нужен приют смиренного послушания ради Бога и отречения своего разума и всякого мудрования. Посылаю и несколько богослужебных книжиц нужных в сем месте и прошу не забывать меня в Ваших святых молитвах. С глубоким моим уважением имею быть к Вам Наместник Сергиевой лавры, Архимандрит Павел»²⁶.

Спустя время решением Святейшего Синода от 5 октября 1892 года благотворительное учреждение было преобразовано в Рижскую Свято-Троицкую женскую общину. А в год празднования 500-летия памяти преподобного Сергия Радонежского, а именно в 1892 году, началась подготовка создания Рижской обители. Это было время титанической работы и глубоких переживаний в семье, без преувеличения можно сказать, что

²⁶ Там же.

все Мансуровы участвовали в созидании монастыря. Как свидетельствует источник, Ната находилась в июле в Кемерне, будучи еще не совсем здоровой. Она отмечала, что своё письмо пишет в постели. В послании с воодушевлением она описывала встречу с архиереем. Владыка ознакомился с письмом о существовании общины и пообещал подготовить документ в Консисторию для её «разрешения». Епископ Арсений (Брянцев) собирался представить в Св. Синод на «утверждение» Рижскую общину, а также написать обер-прокурору. К тому времени должность занимал В. К. Саблер, который летом сменил могущественного К. П. Победоносцева. Собственно говоря, ходатайство шло и от семьи Мансуровых, и от правящего Рижского архиерея.

Обсуждался вопрос и выбора монахини, которая могла бы возглавить руководство. Сестры остановились на монахине Мировии из Лукино (Крестовоздвиженского Иерусалимского Флоро-Лаврского женского монастыря), одной из воспитанниц игуменьи Евгении (Озеровой), близкой им по духу²⁷. А для того, чтобы монахиня смогла приехать в Ригу, требовалось немало усилий. Необходимо было письмо-разрешение от игуменьи, а также разрешение на увольнение из монастыря правящего архиерея – митрополита Московского и Коломенского Леонтия (Лебединского, 1822–1893). В это время все обсуждали вопрос открытия православной обители в Эстляндии на месте чудесного явления чудотворного

²⁷ Денисов Л. И. Православные монастыри Россійской Имперіи [Московская губернія, Подольскій уездъ, женскіе монастыри. Крестовоздвиженскій Іерусалимскій 2-го класса общежительный женскій мон-рь при сельцѣ Лукинѣ]. – М., 1908. С. 522–523.

образа Успения Богоматери в Пюхтице, событие, которое широко освещалось как в светской, так и в церковной прессе, думается, что сестры были в курсе происходящих событий²⁸.

Из письма Наталии видно, что вопросы, связанные с монастырем, волновали епископа Рижского. По этому поводу он даже высказался, что ему жалко сестер Мансуровых и их труды, а что «если не пойдет, все это исчезнет и сил не хватит...». Почему возникли сомнения у правящего архиерея? В этот период обсуждался вопрос строительства Рижского Духовного училища, которое располагалось бы рядом с будущим монастырем. Для епископа это был важный проект, и по мнению автора письма – Наталии Мансуровой – «архиерей убежденно все это говорил. И сердечно очень». Таким образом, в Рижской епархии создавался мощный православный центр – Духовное училище и женский монастырь. В заключение прозвучало: «Вообще я очень, очень довольна, – не ожидала. Общиной он, кажется, доволен». Тем временем Мария Николаевна сообщала о сборе 3 500 рублей и еще 500 рублей – от протоиерея Иоанна Сергеева из Кронштадта на обустройство общины. Но тут вступил в переписку Борис Павлович Мансуров, который констатировал, что жена и дочь должны собрать от 13 до 15 тысяч рублей. Как видим, семейство было поглощено мыслями о монастыре и о его строительстве. Собирали необходимые средства всем миром.

Свято-Троицкая молитвенно-трудовая община создавалась по благословению епископа Рижского и

²⁸ Аграновская Э. Миссия Missioon. Княгиня Е. Д. Шаховская. Портрет в интерьере времени. – Таллинн: N-Video press, 2015. С. 42–43.

Митавского Арсения (Брянцева). По этому поводу писали «Рижские Епархиальные Ведомости», что святитель благословил желающих иноческих подвигов образом Живоначальной Троицы, который и принес им в дар. Официальной же датой учреждения общины стал указ Святейшего Синода от 5 октября 1892 года, на тот момент сестры и монахини располагались в съёмной квартире, на перекрестке улиц Гертрудинской (совр. Гертрудес) и Ключевой (совр. Авоту). Общественность Лифляндии с большим вниманием наблюдала за происходящим. Для ознакомления с благотворительными заведениями Лифляндский губернатор М. А. Зиновьев и Б. П. Мансуров 10 октября посетили общину и приют, – надо полагать, что впечатление у них осталось благоприятное. После визита высокие гости отбыли в Санкт-Петербург.

Любое доброе начинание не может обойтись без искушений, и они появились. В конце октября Борис Павлович написал Екатерине: «Милая моя, ты не можешь себе представить, как смутило меня твое письмо насчет помышлений о новой игуменье. – Это было бы величайшею и непростительною ошибкою, – и становится, по моему мнению, таким вопросом, в котором надо быть Вам очень твердыми. – Когда я говорю Вам, – то значит и мне, – но в том то и дело, что, сколько я ни думаю, а думал много, – здесь еще не время ни действовать, ни говорить. – Не может быть, чтобы Пр <еосвященный> Арсений уже теперь помышлял о назначении игуменьи: по указу Синода он еще должен учредить просто Общину, – а не монастырь»²⁹.

²⁹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 990. Оп. 1. Д. 33. Переписка семьи Мансуровых.

Почему этот вопрос возник и был так важен для Мансуровых? Прибалтийский край оставался специфической территорией, а новый человек, возглавляющий монастырь в Риге, без сомнения, удвоил бы местные затруднения. И эти опасения не скрывал в своем письме Борис Павлович, так как его дочери Екатерина и Наталия были хорошо известны обществу Лифляндии, русской общине, так как они были людьми высшего света. А новый человек в лице игуменья мог создавать «разные претензии, требования, замыслы, несогласия», так как ещё долгое время община будет жить в условиях трудных, тесных, слишком небогатых и скромных. Как опытный дипломат, он понимал, что новая игуменья могла бы испортить дела и повести их не с пользой, а в данном случае «надо чтобы она была идеальным совершенством». Мансуров высоко ценил мать Миропию, которая вела «прекрасно все» и справлялась с послушанием. В заключение он сделал практичный вывод, что община дочерей «вполне и всецело зависит от людей ее ведущих и от чувств их проникающих».

Таким образом, пока существовала и укреплялась духовная и нравственная связь с игуменьей Евгенией и «её умнодействующим монастырем», – все будет хорошо, но, если разорвать эту связь, – как отец писал дочерям, то «Вы станете бессильными и полусильными. Нельзя начинать связи с другим монастырем или с неизвестною средою». Борис Павлович, как мудрый человек, понимал сложные организационные и административные вопросы в Церкви, ведь недаром он занимался ими на Востоке. Поэтому считал этот вопрос со всех сторон архиважным и рекомендовал дочерям «в самом начале пресечь возможность говорить о новом

лице и установить твердо принцип, что Игуменья должна быть безусловно Вашим доверенным другом. – Следовательно необходимо Вам прямо, откровенно и твердо объяснить Преосв<ященно>му Арсению»³⁰. По сведениям Бориса Павловича, в Петербурге уже нашлись «охотницы до нового места, – и начали отыскивать протекции и рекомендации». Поэтому рекомендовал дочерям не терять времени и объясниться с епископом как можно скорее по столь щекотливому вопросу.

В продолжение темы, в начале ноября 1892 года Екатерина и Наталия подготовили письмо на имя правящего архиерея следующего содержания: «Ваше Преосвященство Преосвященнейший Владыко, вследствие отношения Вашего Преосвященства, от 21-го июля сего года за № 4402, имею честь представить на благосклонное рассмотрение и утверждение правила для учреждаемой в г. Риге Свято-Троицкой общины в надежде на милостивое согласие Вашего Преосвященства позволить сестрам общины следовать оным в виду того, что вся жизнь сестер естественным образом сложилась согласно этим правилам вследствие того, что они внесены сюда старшей монахиней из Крестовоздвиженского-Иерусалимского монастыря, опытному руководству, которой, Вашему Преосвященству, уже с января месяца угодно было поручить юную общину. – Для нового учреждения нужна органическая и определенная связь с благоустроенным монастырем в России, одним из коих теперь всеми признается Крестовоздвиженская обитель, и дело будет твердо пока существует и укрепляется духовная и нравственная связь с этой обителью.

³⁰ Там же.

Теперь видно, что при существующей постановке дела, при, несомненно, мудром управлении монахини Миропии успех его неоспорим; духовно-нравственное значение очевидно, и обыденная жизнь при настоящих составе и условиях оплачивается трудами сестер. – Община сама себя содержит. – Источники прихода, следующие:

1. Ежедневное чтение Псалтири о здравии и упокоении с поминовением имен записывающихся.
2. Чтение Псалтири при усопших на дому.
3. Рукоделие сестер и детей приюта.
4. Свечной сбор во время молебнов при пении сестер общины по понедельникам и
5. Кружечный сбор.

Сумма прихода по названным статьям колеблется между 50 и 60 р. в месяц – т.е. приблизительно в 600 руб. в год. – Капитал общины состоит из 2 200 р. лежащих в билетах. – Вследствие милостиваго ходатайства Вашего Преосвященства пред Св. Синодом указом от 5-го Октября за № 3972, Общине отведен был в дар участок земли в 3 десятины 1 316 кв. саж., что дает ей возможность прочно основаться и возвести дом с церковью для приюта сестер Общины и детского приюта со школою. – Состав Общины в настоящее время ограничивается: старшей монахиней. Рясофорной-послушницей, исполняющей должность учительницы для приюта. Сестрой, исполняющей должность смотрительницы приюта. Шестью сестрами и семью приютками – всего 16-ю лицами. Прилагаемая ведомость объясняет звание и вид на жительство по которому они приняты. – С сердечным сочувствием встречают обыватели г. Риги возникновение Св. Троицкой Общины, доказывая это

ежедневными приношениями и можно надеяться, что рука дающего не оскудеет, и полное развитие Общины только привлечет еще более сочувствия и поддержки.

На основании вышеизложенного и смеем мы повергнуть пред Вашим Преосвященством усерднейшую просьбу нашу об утверждении Св. Троицкой-общины и назначении монахини Миропии Настоятельницей оной, и о дозволении сестрам общины следовать правилам, представленным на благосклонное одобрение Ваше...

Екатерина Мансурова, Наталия Мансурова. Рига 4-го Ноября 1892 г.»³¹.

Необходимость выбора участка для монастыря стала первоочередной. Давнишние связи Бориса Павловича Мансурова с членами Святейшего Синода позволили ходатайствовать перед таковым о передаче общине безвозмездно обширного участка земли, который принадлежал, по одним источникам, духовному ведомству, по другим – казенному ведомству. Итак, по ходатайству семьи Мансуровых, общине безвозмездно выделили обширный участок земли. Когда-то эта была пустынная местность на краю города, так называемые «Военные огороды». Сегодня территория ограничена рижскими улицами Кр. Барона, Пернавас, А. Чака и Эрглю, а вот будущий проект застройки был разработан известным петербургским зодчим В. В. Величко (1864–1923). Тщательным образом он планировал архитектурное строительство усадьбы и размещение в ней всего комплекса зданий различного назначения. В плане предусматривалось строительство двух храмов, колокольни, жилых помещений для сестер и хозяйственных построек. У ма-

³¹ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 33. Переписка семьи Мансуровых.

лых ворот предполагалось возведение сторожки, а между ней и огородом должно было находиться деревянное двухэтажное здание – приют и училище для девочек с небольшими спальнями и классными комнатами для занятий. Всю территорию планировалось обнести кирпичной оградой с надвратной часовней, а также планировалось устроить монастырский сад и огород.

Летопись Рижского монастыря сохранила сведения о благотворителях, которые обустроивали общину. Например, среди первых жертвователей был сам Российский император Александр III, который пожаловал 29 тысяч рублей, по тем временам сумма значительная. По ходатайству Б. П. Мансурова министр госимущества М. Н. Островский подготовил доклад самодержцу о строительстве церкви Рижской общины. Затем последовал прием у императрицы Марии Федоровны. Спустя время поступили 4 200 рублей от обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, 5 тысяч рублей от Прибалтийского Православного братства. Немалую помощь оказали высокопоставленные особы Санкт-Петербурга и Москвы, в том числе, министр финансов С. Ю. Витте, министр просвещения И. П. Делянов, действительный статский советник П. М. Хрущев, председатель Прибалтийского Православного братства М. Н. Галкин-Враской. Собирались средства и по подписным листам, известно, что от рижан и местного купечества собрали 3 850 руб. Из казны общине выделили 9 000 рублей для оборудования свечного завода, что позволило себя обеспечивать и скромно жить. Особое внимание к Рижской обители проявил протоиерей Иоанн Сергеев из Кронштадта. Всероссийский батюшка передал общине значительную сумму на обустройство,

а спустя несколько лет состоялся и его визит в Ригу, но об этом будет сказано особо. Таким образом, собранные средства позволили начать долгожданное строительство обители.

Прежде всего на имеющиеся пожертвования возвели скромное двухэтажное деревянное здание сестринского корпуса и домовую церковь в честь преподобного Сергия Радонежского. Проект разрабатывал рижский архитектор Юлиус Пфейфер (1848–1904). Деревянное здание фасада отделали скромным декором и разделили на две половины. На первом этаже находились кухня, трапезная, приемная настоятельницы, на втором – кельи сестер. Из жилой части по этажам коридоров можно было пройти в сам храм. Пространство церкви было просторным, «имело хоры над притвором, граненую апсиду алтаря». Наружные входные двери украшались изящным крыльцом в русском стиле, украшенным резными колоннами и декором. Сохранился до наших дней и одноярусный дубовый иконостас, проект, которого разрабатывал рижский архитектор Иоганн Фелско, а иконы были написаны русским живописцем А. Бабушкиным. Как свидетельствует монастырская летопись, храму передали в дар утварь и многие святыни, в том числе и от Блаженнейшего патриарха Иерусалимского Никодима (Цинцониса) со Святой Земли. Интересно, что духовная связь с Аносинским монастырем была скреплена и Уставом обители, который составил митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782–1867). А одной из реликвий новой Рижской обители стал жезл игуменьи Евгении (Озеровой), врученный ей когда-то святителем Филаретом Московским. Современники отмечали скромную домашнюю обстановку в общине,

доброжелательность сестер, их усердие к молитве и трудолюбие.

Домовую церковь с прилегающим корпусом для сестер 20 июня 1893 года освятил архиепископ Рижский Арсений в честь преподобного Сергия Радонежского. Позже объем храма был расширен боковой пристройкой, на южном фасаде которой поместился резной киот с иконой «Явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому». Этот образ впоследствии будет написан выпускницей Тайловской Рижской гимназии Ольгой Елисеевной Бенуа во второй половине 50-х годов XX века. А в пристроенном помещении и сегодня находится список с чудотворной Толгской иконы Божией Матери, которая была сохранена сестрами обители в период войн и эвакуации.

Созидание и расцвет обители

В начале декабря 1893 года «Св. Синод благословил выдать установленные грамоты фрейлинам Её Императорского Величества, девицам Екатерине Борисовне и Наталии Борисовне Мансуровым за их благотворительную деятельность и особые труды по устройству в Риге Свято-Троицкой общины»³². В этом году сестры начали обустривать себе келью в общине. Прошел год, и наместник Свято-Троице Сергиевой лавры архимандрит Павел (Глебов), духовно окормлявший сестер Мансуровых, с благословения архиепископа Рижского

³² Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. 2. Ч. 3. – Рига: тип. Л. Бланкенштейна 1898. С. 450. *Демина Н. Д.* Рижский Св. Троицкий-Сергиев женский монастырь. – Rīga: Pētergailis, 1998. С. 357.

Арсения (Брянцева) совершил в Риге 2 сентября иноческий постриг Екатерины и Наталии Мансуровых с оставлением своих имен. После этого сестры взяли на себя обязательства управлением Рижской общины.

Как приняла семья Мансуровых выбор дочерей? Мария Николаевна была посвящена в их планы, а Борис Павлович был в страшном гневе, так как он приехал в Ригу только 4 сентября и узнал о свершившемся факте. Глава семейства грозил лишить наследства своевольных дочерей и надолго прекратил общение с ними, отбыв в Санкт-Петербург. Для Марии Николаевны и её дочерей это было сильное испытание, не зря святые отцы говорят, что, ступив на монашескую стезю, готовься к искушениям. В этот тяжелый период архимандрит Павел письменно утешал и укреплял сестер: «Сердечно тревожит меня Ваша скорбь, молю Угодника Божия Преп. Сергия, чтобы он своим дерзновением смягчил сердце и Борис Павлович пришел в разум истины и благословил на высокий путь вступивших, выше сего нет другого. Марью Н<иколаевну> мне очень жаль, она бедная сколько испытывает в сем деле не приятного, спаси ее Господи и укрепи в терпении, и Вы не ослабевайте идите твердыми шагами, просите Царицу Небесную, чтобы она смягчила сердце Папа»³³.

Тем временем сестры хлопотали по обустройству будущей Спасо-Преображенской пустыни. Для этих целей Министерство Государственных имуществ передало в дар общине участок земли из казенных лесных угодий в Митавском (совр. Елгава) уезде. Важным событием в жизни Рижской общины и семьи Мансуровых.

³³ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 33. Переписка семьи Мансуровых.

вых был визит протоиерея Иоанна Сергеева в Ригу 20 сентября 1894 года. Как отмечала светская пресса, батюшка проездом посетил Ригу. Среди русского населения священник пользовался огромным уважением и любовью. На Московском форштадте в то время не было почти ни одного православного дома, в котором рядом с иконой не красовалась бы Сытинская красочная литография – портрет отца Иоанна Кронштадтского в темно-малиновой рясе. Сочинение «Моя жизнь во Христе», проповеди, брошюры религиозного характера были настольными книгами у верующих русских рижан. Его очень почитали также и православные латыши, и эстонцы. А представители русского купечества, бывая в Санкт-Петербурге, считали своим неременным долгом побывать и в Андреевском Кронштадтском соборе. Посетив Рижскую Духовную семинарию, отец Иоанн после краткого молебствия благословил воспитанников, причем, каждому из них говорил текст из Священного Писания, который, как потом признавались сами воспитанники, весьма подходил к особенностям и характеру благословляемого... Генерал Червинский, служивший в Риге, писал, что «город далеко не русский, скорее немецко-латышский. Однажды, когда отец Иоанн был в Риге, он был на улице окружен толпой латышей, немцев и даже евреев, которые разорвали его рясу на куски, так как каждый хотел иметь кусочек. При этом его приветствовали и просили благословения на всех языках, кто как умел, если не знал русского языка»³⁴.

Несколько лет Борис Павлович не поддерживал отношения с дочерьми. Старший сын Павел Борисович

³⁴ Архив ин. Евфросинии (Г. В. Седовой.)

как профессиональный дипломат, а он служил в Константинополе, в переписке с отцом старался примирить ближних. Сын писал отцу в Санкт-Петербург о монастыре и об отцовском великодушии: «...Ты пишешь тоже о сестрах. Это вопрос, который конечно меня сердечно огорчает. Поступка их я не сужу, потому что он так тесно связан с личной внутреннею их жизнью и с тем путем, на который они вступили вот уже 10 лет, что я не в состоянии оценить и взвесить все что их к нему привело. Я вполне, однако понимаю, как он мог тебя оскорбить, особенно после всего того содействия, которое ты оказал их делу, но любовь не взвешивает и не мерит, а дает и прощает, и я от всей души надеюсь на это. По отношению к делу, на основание и внешнее преуспевание коего ты потратил столько труда и заботы, их решение имело несомненно благотворительное быть может спасительное влияние. Не думаю, чтобы, если ты видел стройную жизнь Общины, у тебя могло быть желание подорвать благосостояние этого поистине отрадного учреждения, которое останется навсегда творением твоим и твоих детей»³⁵. Примирение наступило в октябре 1896 года. В письме дочерям Борис Павлович написал: «Письмо меня вовсе не рассердило; напротив, его уже давно не доставало. – О болезни сердечно и глубоко скорблю. От всей души молю Бога о выздоровлении и здравии. Разлука и мне горька и тяжела, но этому я, к несчастью, помочь не могу. Прощаю и благословляю вас обеих. Б. М.»³⁶.

³⁵ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 84. Переписка семьи Мансуровых.

³⁶ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 11. Переписка семьи Мансуровых.

В 1901 году сестры Мансуровы приняли монашеский постриг с именами Сергии (в честь преподобного Сергия Радонежского) и Иоанны (в честь преподобного Иоанна Лествичника). 12 января 1902 года указом Св. Синода община преобразована в Свято-Троице Сергиев монастырь, количество насельниц достигло 114 сестер, приют насчитывал 40 воспитанниц. При монастыре бесплатная столовая обеспечивала ежедневно питанием 150 нуждающихся. Важным фактом в истории обители стало избрание его первой игуменьи, 10 марта ею стала старшая из сестер Екатерина – в монашестве Сергия (Мансурова). Монастырь был торжественно открыт 15 сентября 1902 года. Чин освящения с крестным ходом по прилегающим улицам совершил епископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский), ныне прославленный в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Владыка совершил в обители Божественную литургию в сослужении настоятеля Рижского Алексеевского мужского монастыря архимандрита Иннокентия (Смирнова, 1837–1906), ректора Рижской Духовной семинарии протоиерея Алексия Аристова (1853–1931) и других священнослужителей. Во время Литургии на малом входе настоятельница обители монахиня Сергия была возведена в сан игуменьи.

Рижская обитель стала известной среди верующего люда. Там уже имелись свечной завод, двухклассная, с четырьмя отделениями, школа на сорок учениц, иконописная и швейная мастерские. Графиня Екатерина Леонидовна Комаровская оставила воспоминания о сестрах Мансуровых: «Летом несколько раз бывали у нас две

сестры Мансуровы. Младшая после исцеления у раки преподобного Сергия приняла постриг под именем Иоанны и основала женский скит около Митавы, а старшая, тоже принявшая постриг под именем Сергии, основала женский монастырь в Риге. Последний привлекал к себе монахинь из дворянок, интеллигенции и купечества и был известен строгостью жизни. Обе сестры были чарующи хороши. Все было в них цельно, продуманно и прочувствованно, всё гармонично, светло и устойчиво. Папа, боясь моего нового направления, не пускал меня в Ригу, хотя бы ненадолго»³⁷.

С Рижским женским монастырем тесно связана судьба подвижницы православия – игуменьи Нины (Боянус, 1875 или 1876–1953). Она пришла в прославленную обитель, где уже подвизалась ее родственница монахиня Никона, в миру – Татьяна Алексеевна Амбразанцева-Нечаева. В одном из своих писем к русскому философу В. В. Розанову игуменья Нина так отзывалась о Рижской обители: «Мне близко знакомы два образцовых монастыря, которые отвечают созерцательному и деятельному настроению. Один из них – в Риге, там много образованных монахинь, поставлен на должную высоту “древляго благочестия”...». Правда, в обители монахиня Нина будет подвизаться недолго, всего четыре года. Известно, что здесь она несла послушание ризничий. Но, согласно резолюции епископа Полоцкого и Витебского Серафима (Мещерякова), ее перевели в древний Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, назначив казначеей, а впоследствии начальницей

³⁷ Воспоминания: записки / графиня Екатерина Леонидовна Камаровская, граф Евграф Федотович Комаровский. – М.: «Захаров», 2016. С. 96.

Полоцкого Спасо-Евфросиниевского училища для девиц³⁸.

Нужно отметить, что в рижском обществе проявлялась особая любовь к женской обители, руководимой её основательницами сёстрами Мансуровыми, игуменьей Сергией и монахиней Иоанной. Без преувеличения можно сказать, что женский Троице-Сергиев монастырь стал светильником православия в Прибалтийском крае. Его благотворительная деятельность воплощала в жизнь евангельское учение о любви к ближним. Как свидетельствует монастырская летопись, была крайняя нужда в более вместительном соборном храме, так как домовый деревянный в честь преподобного Сергия Радонежского не вмещал богомольцев. И к концу столетия основательницы обители приняли решение строительства собора. Место для будущего собора освятил архиепископ Рижский Арсений (Брянцев) еще в 1897 году, но строительство осуществили только в 1902–1907 годах, так как необходимых для возведения храма более 100 тысяч рублей у общины не было. Но игуменья Сергия (Мансурова) терпеливо вела переговоры с деловыми людьми, подрядчиками и благотворителями. Одновременно она думала и об архитектурном решении будущего собора. Но начать строительство не представлялось возможным: денег по-прежнему не было. И вот, по рекомендации министра финансов С. Ю. Витте, игуменья Сергия после молебна перед образом Божией Матери «Умиление» написала прошение

³⁸ *Игуменья Нина (Боянус)*. Наши беседы о жизни. Жизнеописание, письма, воспоминания. – М.: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Изд-во Сретенского монастыря, 2004. С. 115.

на имя Российского императора государя Николая II. Доставить письмо в Санкт-Петербург взялась Мария Николаевна, мать основательниц Рижской обители. Таким образом, к концу 1902 года из Государственной казны по Высочайшему повелению Российского императора Николая II было отпущено 75 000 рублей. В 1906 году, когда строительство собора шло к концу, выяснилось, что средств недостаточно, и Святейший Синод благословил провести во всех церквах Российской империи общий тарелочный сбор на окончание строительства собора в Рижской обители, который составил 16 000 рублей. В дальнейшем сумма пожертвования верующих, собранная всем миром по Российским городам и весям, составила более 40 000 рублей.

Проект собора разработал рижский архитектор Константин Пекшен (1859–1928), при участии архитектора Александра Ванага (1873–1919). Советами им помогали городской архитектор Рейнхольд Георг Шмелинг (1840–1917) и настоятельница монастыря игуменья Сергия. Для надзора за хозяйственной деятельностью и расходованием средств также была учреждена строительная комиссия во главе с ректором Рижской духовной семинарии протоиереем Алексием Аристовым. В комиссию также вошли, помимо упомянутых лиц, член консистории епархии – протоиерей Василий Березский (1860–?), священник Николай Тихомиров (1863–1932), почетный гражданин и именитый рижский купец Н. Д. Меркульев и др. По проекту собор был рассчитан на 1500 человек. Строительная площадка под будущий собор была приподнята над уровнем окружающей местности.

18 ноября (по ст. стилю) 1907 года в Риге было совершено освящение собора во имя Пресвятой Троицы. Это торжество стало знаковым для всего Прибалтийского края, а в дальнейшем и для современной Латвии. И сегодня можно прочесть сохранившиеся вдохновенные описания как самого освящения собора, так и описания причин необходимости его строительства – летнего храма Рижской Свято-Троице Сергиевой обители. Свидетель тех событий чиновник из канцелярии Св. Синода Михаил Иванович Макаревский³⁹ восторженно описал картину торжеств тех далеких лет, на основании которых была подготовлена и издана в Санкт-Петербурге в 1907 году брошюра.

18 ноября к 10 часам утра в новый храм собралась вся православная Рига. Праздничное богослужение при огромном скоплении молящихся совершил архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский), причисленный к лику святых РПЦ в 2000 году. За Божественной литургией владыке сослужил сонм Рижско-градского духовенства. На торжества прибыли высокопоставленные гости из Санкт-Петербурга, игумены нескольких женских монастырей. Особенно торжественным был крестный ход, совершённый по освящении храма. Крестный ход направился сначала к старому монастырскому храму во имя преп. Сергия Радонежского, оттуда уже двинулся к новому храму и, обойдя вокруг него, вступил вовнутрь. Так описывает этот момент М. И. Макаревский: «Умилительно было это посещение старого храма: казалось, что старенький деревянный храм, обвеянный молитвенными благоуханиями,

³⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 776. Оп. 23–1908. Д. 60.

омытый слезами покаяния и скорбей, слезами утешения и радостей, благословляет своего юного славного собрата на новую, более широкую, благодатную жизнь во славу Божию, во имя торжества Святого Православия»⁴⁰.

Торжественной была первая Божественная литургия. Богомольцы любовались красотой архиерейского богослужения, грандиозностью размеров собора, построенного в русско-византийском стиле, стройностью и лёгкостью его архитектурных форм. Купола собора удлиненной формы поставлены на двойных барабанах в виде круглых башенок. Весь собор отличался изобилием света и воздуха и как бы устремлялся к небу. Собор строился как летний, тем не менее, был оборудован системой парового отопления и вентиляции. Благодаря особому устройству арок и парусов собор не имел пилонов и представлял собой открытое помещение. А очень глубокий фундамент здания позволил оборудовать нижнее помещение для храма-усыпальницы во имя Воскрешения Лазаря.

Итак, украшением собора стал дубовый резной иконостас византийского рисунка, изготовленный по проекту ученого рисовальщика Барышникова. Большая вероятность, что это был известный архитектор-инженер, византинист из Санкт-Петербурга – Александр Александрович Барышников (1877–1924). Иконостас был украшен иконами, написанными в мастерской Свято-Троице Сергиевой лавры московским художником Гурьяновым. Как считает рижский архитектор Л. В. Клешина, «место под строительство храма обители было выбрано

⁴⁰ Собор во имя Пресвятой Троицы в г. Риге / сост. Михаил Макаревский. – СПб: Синодальная типография, 1907.

Величко не случайно, с учетом дальнейшего развития Риги». Далее архитектор констатирует: «Этот вывод можно сделать, взглянув на карту города. Вертикаль собора закрепляла важный узел городской структуры. Храм на территории монастыря был построен между двумя параллельными прямыми улицами (ныне Кришьяниса Барона и Александра Чака), которые в этом месте “ломались”, меняя вектор движения, переходя в загородные магистрали. Объем собора замыкал перспективу всех четырех направлений, мощно вырастая на пути к центру города. В советские годы XX века воплощение этой градостроительной идеи (по идеологическим и политическим соображениям) не было продолжено»⁴¹.

К сожалению, сегодня Свято-Троицкий собор уже не является архитектурной доминантой территории, а «лишь в случайном ракурсе можно увидеть его впечатляющий силуэт». Коснемся кратко и архитектурного стиля собора, который выразился в стиле модерн. Как отмечала Л. В. Клешина: «Это заметно не только в размещении декора на фасадах, но и в величественном масштабе форм. Здание двухэтажное, с двумя престолами, увенчано пятиглавием. Верхний храм во имя Святой Троицы имеет крестово-купольную конструкцию, план выполнен в виде креста»⁴².

В 1912 году 17 июня состоялось освящение нижнего храма в честь Успения Пресвятой Богородицы архиепископом Рижским и Митавским Иоанном (Смирновым).

⁴¹ Клешина Л. В. Рижский Свято-Троице Сергиев монастырь [Электронный ресурс] Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-cathedral-of-the-holy-trinity.html> (дата обращения: 13.04.2021)

⁴² Там же.

Нижний храм, расположенный в цокольном этаже, должен был стать усыпальницей устроительниц, которая первоначально была задумана как место для упокоения сестер Мансуровых. Но пути Господни неисповедимы. Обстоятельства сложились так, что там, в нижнем Успенском храме, упокоились их родители.

В 1910 году 21 июня скончался Борис Павлович Мансуров, он был похоронен в церкви Успения Божией Матери, расположенной в крипте собора Святой Троицы. Его погребение состоялось в нижнем помещении Свято-Троицкого монастырского храма. В 1906 году, из Рижской Духовной консистории был получен указ о том, что общине разрешается устроить для М. Н. Мансуровой и ее дочерей после их кончины склеп в нижних помещениях храма.

Заботу об усыпальнице, где был погребен Б. П. Мансуров, взяла на себя его вдова. В некрологе, посвященном Борису Павловичу, русский византист, историк Церкви, секретарь Императорского Православного Палестинского общества в 1906–1918 годах Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929) писал: «Скончался старейший член Государственного совета, статс-секретарь Его Величества Борис Павлович Мансуров. Имя этого государственного деятеля, последние годы проживавшего вдали от политической арены, в полужабвении, под мирным кровом женской обители, созданной им в Риге, на попечении благочестивой и религиозно воспитанной им любимой дочери, игумений этой обители, пользовался во второй половине XIX столетия и в России, и за границу, особенно на Православном Востоке, громадною популярностью и почетной известностью. Лучшие молодые годы своей государственной

деятельности Б. П. Мансуров посвятил Святой Земле и заботам о русском боголюбивом народе, непрерывною волною с давних времен приливающим к Живоносному Гробу Господню, чтобы у драгоценного ложа нашего Спасителя поплакать о своих грехах и помолиться за дорогую родину и всех присных своих. Императорское Православное Палестинское Общество, принявшее на себя заботы о русских паломниках в Святой Земле и считавшее Б. П. Мансурова в числе своих членов-учредителей, почетных членов и членов Совета первых лет существования Общества, признает своим нравственным долгом помянуть этого замечательного деятеля и энтузиаста-палестинолюбца словом благодарности на страницах своего журнала⁴³.

А спустя три года, 29 января 1914 года, после продолжительной болезни почил⁴⁴ Мария Николаевна Мансурова, урожденная княжна Долгорукова. В некрологе отмечались ее заслуги в создании в Риге общедоступной народной библиотеки, детского Дома трудолюбия, воскресной школы и монастыря. Говорилось также о ее деятельности в качестве почетной председательницы и попечительницы различных обществ, в том числе, частной рижской женской гимназии Л. И. Тайловой. В течение трех дней огромное количество людей приходило прощаться с почившей, Мария Николаевна была погребена в крипте Свято-Троицкого собора, рядом с супругом. В нижнем храме в честь Успения Божией Матери нашли упокоение родители основательниц Рижского монастыря.

⁴³ *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за текущую четверть века: 1882–1907 [Памяти Б. П. Мансурова]. – СПб., 1907. С. 18.

Но вернемся к работам по обустройству интерьера собора – они продолжались вплоть до середины 1912 года. Все убранство верхнего и нижнего храмов, включая иконостас, киоты, иконы, утварь, облачения, было решено в едином стиле – модерн. Все столярные работы выполнялись в знаменитых Абрамцевских мастерских художественной резьбы по дереву Е. Г. Мамонтовой. Эскизы разрабатывал А. А. Барышников. Известно, что в иконостасе был образ преподобного Сергия Радонежского, освящённый на его раке в Свято-Троице Сергиевой лавре. За клиросом находилась икона Божией Матери «самонаписанная», присланная в благословение от иноков Святой горы Афон, а также сугубо чтимый образ Божией Матери «Умиление» – список с чудотворной иконы Успенского Псково-Печерского монастыря. Образа писали иконописцы Лавры. Хоругви – дар рижского купеческого общества и сестер обители, вышивших на них украшения.

Но через пятьдесят лет после обустройства собора этот иконостас демонтировали.

В хрущевский период, после закрытия Кафедрального собора Рождества Христова в 1961 году, сюда перенесли богатейший иконостас Никольского Морского собора, когда-то находящийся в Либаве (совр. Лиепая). Местонахождение первоначального дубового иконостаса и паникадила Свято-Троицкого собора неизвестно. На солее сохранились два киота с виртуозно выполненной резьбой, несколько киотов перемещены в нижний Успенский храм. В дальнейшем роспись стен выполнена только на восточной стене и на подпружных арках. Интерьер нижнего храма сохранился в первоначальном виде. Одноярусный дубовый иконостас вписан

в низкие своды храма-усыпальницы. Резная сень установлена над гробницей с плащаницей Успения Божией Матери. Убранство дополняли резные поворотные подсвечники на иконостасе, оригинальные аналои, киоты, а также плиты надгробий и дубовые двери. Радует, что и сегодня можно увидеть эти шедевры русских мастеровых, а они потрясают своей красотой. Мало кто знает, но изначально фасад собора освещался керосиново-калильными фонарями на изящных постаментах. Вокруг храма разбили сквер, где высадили саженцы лип, которые и сейчас украшают территорию вокруг Свято-Троицкого собора⁴⁴.

Рижская пустынька

Как указывалось выше, Свято-Троицкая община была учреждена в 1892 году в столице Лифляндии. Воспитанники детского приюта при общине нуждались в летнем отдыхе. Основательницы смогли организовать для детей только выезд на дачу, которую снимали для приюта благотворители. По ходатайству отца учредительниц общины сестер Мансуровых, в Св. Синод было отправлено прошение с просьбой о безвозмездной передаче казенного участка земли. Таким образом, в 1894 году по решению Российского императора Александра III в дар общине передали лесные угодья площадью 173 десятин – казенная мыза Калнциемс, с подмызком

⁴⁴ *Клешнина Л. В.* Рижский Свято-Троице Сергиев монастырь [Электронный ресурс] Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-cathedral-of-the-holy-trinity.html> (дата обращения: 13.04.2021)

Кливленгоф близ Митава (совр. Елгава), а также денежное вспоможение в сумме 3 000 рублей⁴⁵.

Для обеспечения Рижского монастыря дровами по распоряжению игуменьи Сергии (Мансуровой) в лесу построили жилище для лесника, а позже решили завести и воскобойню. Со временем здесь устроили и небольшой скит. Промыслом Божиим в непроходимом лесу поставили кельи для инокинь, которые жили как отшельницы и несли общинные труды. В летописи сохранились сведения о шести сестрах, которые отбеливали воск для производства свечей и заготавливали дрова. Со временем на месте будущей церкви установили деревянный крест, указывающий на пустынножительство отшельниц, как во времена древних христианских подвижников. Больших усилий требовали труды в освоении земель и строительстве жилья для сестер. В дальнейшем на месте креста была сооружена деревянная часовня в честь преподобного Иоанна Лествичника. А 6 августа 1897 года в местечке Валгунде настоятель Рижского Алексеевского мужского монастыря архимандрит Иннокентий (Смирнов) совершил закладку первого храма.

Построить храм удалось благодаря отзывчивости купца 1-й гильдии Е. Ф. Нестерова, который в тех краях владел кирпичным заводом. Он и предложил православной общине помощь в строительстве церкви. Известно, что на его заводах, расположенных по бере-

⁴⁵ Теплый уголок. Троице-Сергиев женский монастырь в г. Риге. Впечатления паломницы / [Е.А. Воронова] СПб.: Тип-лит. М. П. Фроловой, 1907. С. 32. К 100-летию Спасо-Преображенской Пустыни // Христианос-VIII. Альманах. Рига: ФИАМ, 1999. С. 26.

гам реки Аа (совр. Лиелупе), в окрестностях Митавы работали сезонные рабочие-отходники из российских губерний, которые в своем большинстве исповедовали православие, «летом их количество составляло 6 000», а зимой оставалось от 600 до 800. И они оставались без храма, без православной службы⁴⁶. Таким образом, существенную материальную поддержку Пустыне оказало Прибалтийское Православное братство, а также многочисленные жертвователи. По проекту епархиального архитектора Владимира Ивановича Лунского (1862–1920) построили церковь «кораблем», небольшую и очень уютную. Храм покрывала вальмовая крыша с небольшим куполом. А над притвором возвышалась двухъярусная колокольня, увенчанная шатром и главкой, фасад здания был выдержан в русском стиле. Украшал храм одноярусный дубовый иконостас с образами, выполненными в живописной мастерской обитины.

Собственно, после освящения Преображенской церкви в Пустыни начались регулярные богослужения. В начале XX века количество сестер возросло до тридцати. Скитская жизнь не отличалась от уклада жизни рижских монахинь, разве только более строгим Уставом, – так, утренняя здесь начиналась в четыре утра.

Лесная обитель постепенно обживалась, благоустраивалась и духовно возрастала. Позже будет построена каменная ограда с трехчастными воротами и странноприимным корпусом. В богадельне ухаживали за больными и одинокими пожилыми женщинами. Устраивались бесплатные трапезы. В мае 1901 года Пустынь

⁴⁶ К 100-летию Спасо-Преображенской Пустыни // Христианос-VIII. Альманах. Рига: ФИАМ, 1999. С. 27.

посетила икона, именуемая Якобштадтская, которая особенно почиталась паломниками. И это стало доброй традицией. Каждый год с крестным ходом сюда прибывала икона Божьей Матери. В своей духовной простоте и величии Спасо-Преображенская пустынь стала скитом Рижской обители, соединяя в одну духовную семью рассеянных чад Церкви, подвигая инославных познать православие.

После 1902 года возвели игуменские покои, которые представляли из себя добротный одноэтажный сруб с двускатной крышей. Игуменские покои были задуманы в едином комплексе с домовым храмом, в который из дома вел крытый переход. Разрешение на строительство домового храма получили от Рижской Духовной консистории весной 1907 года. Храм во имя преподобного Иоанна Лествичника стал украшением Пустыньки, он в первозданном виде сохранился до наших дней. О нем архитектор Л. В. Клешина писала: «Это бревенчатый крещатый в плане сруб, средокрестие которого выделено большим четвериком. Над ним внутри открывается восьмигранный шатер, снаружи покрытый четырехгранной кровлей. Над шатром небольшой четверик несет изящную главу с крестом, в форме которой чувствуется влияние стиля модерн. Более низкие прямоугольные срубы “рукавов” креста с четырех сторон примыкают к основному объему. Стены храма срублены “с остатком”, их украшает скромный пропиленный декор в русском стиле, крыльцо с резными столбами. Простые формы храма очень гармонично вписались в окружающий ландшафт и умиротворяющую среду обители. Одноярусный иконостас с ажур-

ными царскими воротами и множество икон дополнили интерьер храма»⁴⁷.

Спасо-Преображенская пустынь, находилась в 52 верстах от Риги, а известна она была верующим как место уединенных молитв. Среди христиан ее с любовью называли Рижской пустынькой и почитали ее не только православные с ближайших заводов, латыши с прилегающих хуторов, а также многочисленные инославные. Как вспоминала паломница в 1907 году: «В Пустыньке сестры, чтобы дать иноверцам возможность понимать песнопения [...] богослужения, изучили латышский язык настолько, что в известные дни пели в храме на латышском языке». Как гласит монастырское предание, храм был переполнен молящимися. Так, одна из местных жительниц «при первых же звуках сладостных песнопений на родном языке [...] благоговейно опустилась на пол и так всю службу простояла на коленях, плакала и молилась...»⁴⁸. Строгий монастырский чин богослужения привлекал в Пустынь старообрядцев, и они обращались к инокиням за молитвенной поддержкой. Скит, как «тихая пристань», притягивал людей разных национальностей, сословий и возрастов. Летопись сохранила и такой случай, когда в скит привезли умирающую женщину и оставили на паперти. Сестры приняли страдальицу в монастырскую больницу, милостиво ухаживали вплоть до ее кончины, а после

⁴⁷ *Клешина Л. В.* Спасо-Преображенская пустынь [Электронный ресурс] Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-priory-of-valgunde.html> (дата обращения: 13.04.2021)

⁴⁸ К 100-летию Спасо-Преображенской Пустыни // Христианос VIII. Альманах. Рига: ФИАМ, 1999. С. 23–24.

смерти похоронили на монастырском погосте. И подобных случаев было немало, милосердие было отличительной чертой монахинь монастыря. События Первой русской революции 1905–1907 годов в Курляндии обошли стороной Пустынь. Насельницы жили так просто и так бедно, что это хранило их от «лихих людей». Но тем не менее, паломница Е. Воронова писала, что мятежники «двинулись было на нее, они были от нее в пяти верстах, если не ближе!». Монахини усиленно молились перед ликом Пресвятой Богородицы, непрерывно читая акафисты, и обносили святой образ вокруг скита. «И что же! Матерь Божия спасла их. Мятежники встретили одного латыша и спросили его о дороге в Пустынь. Тот ответил на их вопрос, но при этом прибавил: “Зачем вам туда идти? Там беднота, вы ничего не найдете для себя”. Мятежники повернули обратно»⁴⁹.

Пустынь стала миссионерским центром, богомольцев принимал странноприимный дом, работала церковноприходская школа, проводились воскресные занятия с детьми. Такое значение Пустыни проявилось постепенно. Старый храм с трудом вмещал молящихся. Освящение церкви в честь Преображения Господня состоялось 9 мая 1908 года, его совершил архимандрит Вячеслав, настоятель Рижского Алексеевского монастыря. Известно, что основательницы монастыря игуменья Сергия и монахиня Иоанна были духовными наставницами для сестер, подвизавшихся в Пустыни, и часто беседовали с ними. Духовно опекали сестер старцы из разных обителей, но своего постоянно живущего в обители старца еще не было. Так, наместник Свято-

⁴⁹ К 100-летию Спасо-Преображенской Пустыни // Христианос-VIII. Альманах. Рига: ФИАМ, 1999. С. 28.

Троице Сергиевой лавры архимандрит Павел (Глебов) и настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий (Холмский) постоянно поддерживали духовную связь с сестрами в Пустыни. Инокони считали архимандрита Мефодия духовником своей обители. Один раз в год он приезжал в скит на длительное время. После смерти отца Мефодия духовным руководителем основательниц Рижского монастыря и Пустыньки стал иеросхимонах Алексей (Соловьев), старец Зосимовой пустыни при Свято-Троице Сергиевой лавре.

Массовое паломничество в Рижскую пустыньку стало традиционным в начале XX века. Сюда стремились люди издалека, паломников бесплатно кормили на общей трапезе. В числе высоких паломниц обитель посетила летом 1909 года прославленная ныне в лике святых, великая княгиня Елизавета Федоровна. Больше недели провела она среди сестер, знакомясь с иноческим укладом. В сопровождении старшей монахини она ознакомилась с жизнью скита. По монастырскому преданию игуменья Сергия (Мансурова) благословила великую княгиню образом в честь *«Явления Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому»*. Историческим событием стало посещение Риги в начале июля 1910 года Российским императором Николаем II в сопровождении императрицы Александры Федоровны, царских детей и высокопоставленных государственных деятелей. Визит состоялся в честь 200-летия окончания войны со шведами и освящения памятника Петру I. Игуменья Сергия (Мансурова) преподнесла Российскому императору икону святой Живоначальной Троицы древнего письма с полотенцем, на котором шелком было вышито изображение монастырского храма

Святой Троицы. Начало XX столетия стало самым благополучным периодом для Рижской обители.

Первая мировая война и последующая разруха

Начало Первой мировой войны изменило размеренность монастырского уклада. С приближением Германского фронта к Риге по указанию гражданских властей в 1915 году, 19 июля, началась эвакуация монастыря, в том числе и церковного имущества Свято-Троицкого собора. Война приблизилась к Спасо-Преображенской пустыни. Взяв самое необходимое, сестры покинули Пустынь, а больные и немощные монахини выехали последним пароходом. Часть насельниц осталась в Риге, в обители организовали лазарет на семьдесят коек и женское трудовое общежитие. В монастыре шили белье и одежду для воинов. В трапезной кормили солдатские семьи. Сестринские помещения одно за другим отводились для помощи нуждающимся. Эвакуированные сестры из Рижского монастыря и Пустыни размещались в земской школе при станции Северо-Западной железной дороги «Плюсса». Игуменья Сергия и старшие монахини нашли приют в Савво-Вишерском монастыре, близ Великого Новгорода⁵⁰. По некоторым данным, вместе с насельницами Рижского монастыря число сестер достигло 200 человек. А 21 мая 1918 года

⁵⁰ Седова Г. В. (ин. Евфросиния). Рижский монастырь: история и просветительская деятельность в 20–30 гг. XX столетия. Российское православие от модерна к современному дню (конец XIX – конец XX вв.): проекции Великой Русской революции. Сборник материалов международной научной конференции. – М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 218.

митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому, 1862–1936) было разрешено «принять на службу в Новгородскую епархию весь состав сестёр Рижского Троице-Сергиева монастыря».

К осени германские войска заняли территорию современной Латвии (Курляндию) и вошли в Ригу, но жизнь в монастыре продолжалась. Оставшиеся сестры кормили голодных. Каждый день в храме преподобного Сергия совершалась Божественная литургия. В годы Первой мировой войны на территории лесной обители в Валгунде стояли немецкие войска. С правой стороны от главных ворот сохранилось обширное воинское кладбище тех лет с бетонными крестами и стелой.

После окончания войны сестрам пришлось восстанавливать храмы и все постройки, заново обустраивать быт. Пустынька окормляла беженцев из России, а также бедствующих после войны рижан. Сестры с большим трудом старались восстановить то, что уцелело, чтобы выжить, они занимались, в основном, сельским хозяйством, заготавливали на зиму продукты для монастыря.

Октябрьский переворот 1917 года и последовавшие трагические революционные события разрушили Российскую империю. Политическая ситуация оставалась крайне сложной. Над Рижским монастырем постоянно довлела угроза закрытия. Началось самоуправство местных властей: отбирались земли, лесные угодья, а также вся собственность Мансуровых, которая была завещана монастырю. Смена правительства в 1920 году не изменила негативного отношения к православной Рижской женской обители. По распоряжению министра внутренних дел независимой Латвии 28 мая 1921 года

в монастыре была произведена опись всего движимого и недвижимого имущества, вплоть до белья монахинь и всех находящихся в обители частных лиц. Сестер было мало, нужда ощущалась во всем. Все эти заботы легли на плечи игуменьи Евгении (Постовской), которая вернулась в Латвию из России в 1918 году. В дальнейшем, по благословению Святейшего Синода, матушка возглавила одновременно Рижский, Илукстский монастыри и Спасо-Преображенскую пустынь. А бывшая настоятельница Рижского монастыря игуменья Сергия (Мансурова) после эвакуации из Великого Новгорода не вернулась в Ригу. Они остались в Советской России, переехали в город Пушкино, где старшая из сестер в 1926 году окончила свой жизненный путь и незадолго до кончины была пострижена в схиму. В 1985 году ее останки были перевезены и перезахоронены в Спасо-Преображенской пустыни. В базе данных «О пострадавших за веру в годы послереволюционных гонений» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета есть сведения, что монахиню Иоанну (Мансурову) сотрудники ОГПУ намеревались арестовать, но с помощью верующих ей удалось скрыться. В последние годы своей жизни она тайно жила на Украине в городе Геничеськ на Азовском море, в 1934 году монахиня Иоанна почилла, но место ее захоронения неизвестно.

Вместо эпилога

На протяжении 130 лет Рижский Свято-Троицкий женский монастырь является духовным православным центром в Балтии. В конце XIX века семья Мансуровых собрала единомышленников, а сестры Екатерина и

Наталия – в дальнейшем игуменья Сергия и монахиня Иоанна – воплотили свои сокровенные замыслы об иночестве в жизнь и создали женскую обитель. Выдающиеся подвижники православия оказывали заметное влияние на внутреннюю жизнь и духовно-нравственные основы Рижской обители, среди них были настоятельница Московского Страстного монастыря игуменья Евгения (Озерова), протоиерей Иоанн Сергеев из Кронштадта, наместник Свято-Троице Сергиевой лавры архимандрит Павел (Глебов), старец иеросхимонах Алексий (Соловьев, 1846–1928) из Смоленской Зосимовой пустыни, а также настоятель Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий (Холмский).

В Рижской Свято-Троице Сергиевой женской обители совмещалось как общественное служение – «служение Марфы», так и внутренняя созерцательная жизнь – «служение Марии». Именно этот путь для монастырей в церковной жизни в своих документах проводил Поместный собор 1917–1918 гг., призывая «обители к общественному служению на поприще благотворительности и просвещения, но без ущерба для уставного внутреннего быта», выбирая «средний или царский путь, сохраняя верность древнему аскетическому идеалу иночества»⁵¹.

В заключении как не вспомнить наставление игуменьи Евгении (Озеровой) о иноческом призвании. В частности, в письме к Наталии Мансуровой старица

⁵¹ Седова Г. В. (ин. Евфросиния). Рижский монастырь: история и просветительская деятельность в 20-30 гг. XX столетия. Российское православие от модерна к современному дню (конец XIX – конец XX вв.): проекции Великой Русской революции. Сборник материалов международной научной конференции. – М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 217.

писала: «Что сказать о желании и искании цели в жизни? Цель общая – это спасение души. Путей к оному устроено Господом много, напости себе блаженства и проповедь на горе Христа Спасителя нашего. Но ежели в душе западает мысль о жизни монашеской, надо строго рассмотреть себя, способна ли душа к всегдашнему отражению своей воли, к беспрекословному повиновению, к исполнению посильного труда в послушании. Притом, имея мысль о сей жизни, надо и чтение свое устроить так, чтобы вникать не в общехристианское нравственное учение, а читать св. Отцов, обучающих о жизни монашеской, и по их учениям поверять свои наклонности и стремления. Молиться вместе, чтобы Господь просветил ум и сердце. Если после молитвы ошутится в душе, то же стремление – не угашать искры сей, а ждать воли Божией, устрояющей все. Если путь, предполагаемый тебе полезен, Господь так устроит обстоятельства жизни, что сама собой придешь к нему [...] Будь терпелива [...] Ежели же не на пользу путь иночества, то Господь отведет от него незаметно и поставит на тот путь, который полезен и нужен для твоего спасения. Главное не позволять себе составлять воображительных путей, не стремиться за призраками, а безусловно предать себя в волю Божию».

Рига, Латвия

Июнь 2021 г.

**Спасо-Преображенская пустынь –
филиал Рижского
Троице-Сергиева женского монастыря –
«Заря возрождения Церкви»
(архим. Таврион (Батозский))**

Александр Столяров

Родился в 1949 г. в Загорске, (ныне Сергиев-Посад).

В 1968 г. окончил Абрамцевское художественно-промышленное училище (отделение керамики); принял крещение и пришел в Церковь.

Учился иконописи у о. Вячеслава Савиных и совместно с ним участвовал в росписи первого храма в Волоколамске (1976 г.). В дальнейшем была самостоятельная работа по росписи и реставрации церквей в разных епархиях Русской Православной Церкви МП (Латвия, Белоруссия, Молдавия, Московская область и Москва, Псковская область, Кинешма).

С 1992 г. живу в Германии. Росписывал иконостасы и фрески в Кельне, Гайльнау, Дортмунде, а также выполнял многочисленные заказы для православных храмов и частных лиц в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Италии. Веду катехизаторскую и миссионерскую работу на своем приходе в Вуппертале; имею опыт гида по святым местам Европы.

Со старцем Таврионом (Батозским) познакомился в 1974 г. С этого времени – многочисленные поездки в Пустыньку, пребывание в ней неделями; ежедневное участие в литургии в Пустыньке.

ЛИТУРГИЯ СТАРЦА ТАВРИОНА¹

Личность архимандрита Тавриона (Батозского) – одно из самых ярких явлений святости в Русской Православной Церкви второй половины XX века. Исповеднический и миссионерский подвиг, богатые дары Святого Духа, которыми он обладал, ставят его в один ряд с другими прославленными старцами, исповедниками и новомучениками. Мы отмечаем 40 лет со дня его смерти и видим, как возрастает его церковное почитание, внимание к его духовному наследию, публикации выходят о нём, книги; создаются передачи, фильмы. Нет сомнений, – Господь прославил своего служителя на небе, верим, рано или поздно он будет прославлен и на земле. Тем важнее нам, его знавшим и помнящим, осознать его достойное место в нашей Церкви, своеобразие его неповторимого облика, особенно его евхаристический опыт, крайне востребованный в современном мире и Церкви.

В 14 лет связавший свою судьбу с монашеством и Глинской пустыней, вобравший в себя лучшие её традиции, старец Таврион останется для нас прежде всего великим служителем и проповедником литургии. Евхаристия была для него источником всякой святости и полноты жизни в Духе Святом. В 1925 году при рукоположении во иеромонаха священномученик Павлин Крошечкин, предвидя его страдный путь, долгие годы лагерей и ссылок подарил о. Тавриону переносной

¹ Текст выступления на конференции, посвященной 40-летию кончины архим. Тавриона (Батозского), организованной Свято-Тихоновским университетом (Москва) 11 декабря 2018 г. Публикуется впервые. *(Прим. ред.)*

антиминс с благословением совершать Божественную литургию «идеже прилучится». В разных епархиях, часто при полном отсутствии храмов, в домах, в аду ГУЛАГа, в жутких условиях, когда ежедневно умирали десятки людей, а Чашей служила кружка с клюквенным соком, а антиминсом иногда грудь, готового к смерти верующего, престолом – нары или деревянный ящик, или красный кумач на жердях, – приобретал старец немислимый опыт «идеже прилучится» литургии, который он сделал главным содержанием своей жизни. Она была для него и Голгофой и Пасхой или, как он часто повторял: «Пасхи без Голгофы не бывает», т.е. полным единением с Божественной Любовью, Жертвой Иисуса Христа, побеждающей смерть и всё зло мира сего.

Какое дерзновение перед Богом нужно было иметь, чтобы совершать, чуть ли не ежедневно, литургию в жерле ГУЛАГа, перенося неслыханные страдания, – невозможно и представить! Мы знаем лишь малые крохи из мученического опыта «идеже прилучится» старца. Так на севере, где-то под Архангельском, (старец рассказывал одному физику-ядерщику), он с кем-то вдвоём, вынужден был разгружать, хоронить, целый состав замерших зимой, привезенных в вагонах заключенных, набитых в них «как сельди в бочках». Евхаристия делала его свидетелем безмерного сострадания Божия и любви к каждому человеку. Однажды, на проповеди в Пустыньке, он со слезами вспоминал, как на Беломорканале работал оформителем, а в день умирало по сто, двести человек, и он совершал литургию «о всех и за вся».

Этот опыт в ГУЛАГе он называл «сплошным сорокоуством». Для него «страждущая Церковь» усопших,

как он сам выражался, была важнейшей составной частью Церкви, которая обнимается литургией и молитвой «за всех тех, кого некому вспомнить». Для старца Церковь была там, где была Евхаристия и, наоборот, – Евхаристия была Церковью. Поэтому он мог исповедать свой духовный радикализм вопрошанием в последнюю свою Пасху 1978 года: «У меня вопрос ко всем священникам: почему они так не любят Бога, чтобы служить литургию каждый день?». Литургия спасала его в ГУЛАГе, везде, где ему приходилось служить и делала его святым, носителем благодати Святой Троицы. Поэтому о литургии он находил такие новые и проникновенные слова, которых никто нигде никогда не слышал в других монастырях и храмах, – потому и ехали в Пустыньку, в Латвию тысячи и тысячи паломников со всех концов Советского Союза. «Зачем вы приехали? – спрашивал архимандрит. – Чтобы почувствовать святость. Он дал нам Свою Божественную Чашу. В нашем сознании, в наших чувствах, в надеждах наших, как о временной жизни, так и о вечной жизни мы должны предначально иметь Чашу Христову. Она наполнена кровью из ран, истекших на Кресте. Вся радость наша, всё утешение наше, все красоты наши, все возможности наши должны быть в литургии».

Где мы тогда, более 40 лет назад, кроме Пустыньки о. Тавриона могли подобное услышать?.. Его пророческий голос, вдохновлённый Духом Святым был одиноким в нашей Церкви. Старец видел в литургии, в Евхаристии воплощение богословия Православной Церкви и был её истинным богословом, хотя говорил он очень просто и обращался к простым людям. На самом деле, он напоминал забытое богословие св. Отцов о Евха-

стии, то, о чем учили св. Иринеи Лионский, св. Иоанн Златоуст, св. Кирилл Александрийский и другие св. Отцы, учение древней Церкви.

В этом смысле он был бесстрашным миссионером, прекрасно понимал значение своего подвига и служения. «Участие в Божественной Жертве, – в этом суть Церкви!.. Господь призывает, а вы что?.. – отпеть, отстоять, и всё?.. Какая жертвенная Любовь к вам, – и какая холодность веры вашей!» Его пламенный призыв к Евхаристии, дух ревнителя правды Божией заставляли вспомнить примеры мучеников, шедших ради веры на смерть и превративших, прежде всего, свою жизнь в слово, в дар, в Евхаристию. Литургия была для него центром жизни и условием существования всего бытия: «В Чаше Христовой сохраняется бытие всего мира. Не станет Чаши – не станет мира».

Святотатству, войнам, разрывам, несчастьям и преступлениям, он противопоставлял литургию. «Чашей Христовой объединяется полнота Церкви Божией: Церковь торжествующая, Церковь воинствующая, мы и Церковь страждущая. Церковь Христова объемлет в себе весь мир. Если хочешь, чтобы мир существовал, приходи к Чаше Христовой». Евхаристия изменяет историю и мир, удерживает его в равновесии.

Однако, старцу Тавриону было ясно, что для подавляющего большинства верующих смысл литургии непонятен, её сущностный облик потерян и не простирается дальше культа «обедни». То была застарелая, большая беда ещё царской России, беда всего синодального периода в Церкви, о которой так сильно сокрушался праведный Иоанн Кронштадтский в своём «Живом Колосе»: «У нас в мире православном, в иных местах

в церкви, – хоть шаром покати, – никого нет причастников», «Господь ежедневно взывает: “Приимите, ядите...”, “пейте от нея вси..” и “нет ядущих и пьющих”». В этом ракурсе о. Таврион видел причину трагедии русской революции 1917 года и всех её последствий.

Революция была естественным следствием забвения и отхода от Евхаристии в той или иной форме, всех слоёв русского общества и народа. И «Красное колесо» всего советского периода было наказанием Божиим за этот отход. «Мы отошли от главного – от покаяния и от Чаши, – подводит он итог. – Чаша Христова – это цена вашей жизни, цена вашего спасения, а не для того, чтобы вы на неё смотрели».

Весь мир нуждается в любви Божией, в духовном преображении и литургия призвана обновить нашу жизнь. «Мир живёт Чашей Христовой. Чаша – это свидетельство любви Божией к человеку. Мы так возлюблены Богом, так драгоценны, так нужны Ему, так особенны, что Он нас приобретает смертью Своего Божественного Сына. В Чаше Христовой вся полнота». Так старец показывал, как мы можем почитать Бога и поклоняться Ему, делать Его нам доступным, идти ко Христу и открываться Ему через Евхаристию. «Чтобы мы не отрывались от нашего Небесного Отца, Господь дал нам Чашу. Господь возвращает нам невинность. Мы на земле будем переживать Царство Божие, святость и блаженство. Господь никого не позовёт в вечность до тех пор, пока человек не придёт в собственное сознание. Чаша Христова даёт нам всё: и здоровье, и бессмертие!» Старец непрестанно гремел и взывал: «Как же ты можешь погибнуть, если с тобою Христос?.. Обитель сердца твоего становится обителью Божественной

Троицы. Сам Христос к тебе приходит... Ты за Божественной литургией предстоишь перед Агнцем, Сыном Божиим, Который за тебя заколот. Это тебя не трогает?.. Каких тебе ещё больших уверений надо?.. Надо почувствовать близость к Богу и свою близость к Нему проявить. Обними Его и, с Ним – хоть куда!».

Нельзя не вспомнить, как сильно воздействовало на нас его живое слово на литургии, в духе покаяния оно изменяло наше сознание и чувства, обращаясь к совести и внутренней жизни каждого человека, к его сердцу и вере. «Каждый осознаёт, как подойти к Чаше Христовой. Чаша Христова – это та Божественная Кровь, которая пролита на Кресте во оставление грехов наших. Поэтому, если мы подойдём, сами на себя посмотрим, что мы грешники, мы не противимся Тебе, чтобы Ты нас измыл Кровию Твоей. Вот, мы приходим, мы глубоко осознаём, что мы можем спастись, потому что Ты нас спасаешь. Ты же говоришь: “Пийте от Нея вси...”, “...имеете жизнь вечную и Я воскрешу его в последний день”. Он всё берёт на Себя, а даёт нам одно: “Приходи... Приими...”. Разве ты не хочешь оставления грехов?.. Хочешь... Так приходи!» Многие тогда ошибочно считали, что дело только в практике частого, даже ежедневного причащения и соблазнялись этим, но огненное слово старца было обращено к нашему страшному недостойнству, к спасению и сущности самой литургии. В святоотеческом духе он часто повторял слова пр. Симеона Нового Богослова, что «без слёз причащаться нельзя». Сам старец был носителем истинного духовного предания Православной Церкви.

*Отец Таврион возвращается со службы.
Свято-Преображенская пустынь, 1976 г.
Фото Владимира Вильгерта*

Предшественник о. Тавриона, как духовника Пустыньки, о. Косьма, один из последних Валаамских старцев, предсказывал, что после него будет «великий проповедник Евангелия». Неустанная проповедь старца «вовремя и не вовремя», была даром Святого Духа, который «проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4:12). Прежде всего, это была его особенная способность отвечать на самые сокровенные личные вопросы в общей для всех проповеди, подобно

исповеди. Есть сотни и сотни свидетельств такого исключительного дара старца – тайны сердец соединять с Промыслом Божиим.

В служении литургии Слова, читаемые Апостол и Евангелие данного дня, в проповеди он всегда связывал со смыслом литургии. В те далёкие 70-е годы о единстве, о внутренней связи Евангелия и Евхаристии мы могли узнать только на проповедях старца в Пустыньке. Эта богословская пища, питье Слова Божия прекрасно подготавливали нас к принятию Тела и Крови Христовой, объясняли значение причастия. О смысле литургии всегда говорилось и на проповеди после чтения Евангелия, на общей исповеди, также в конце службы, не менее двух, трёх раз, и на вечернем богослужении. Одновременно, в златоустовском духе звучал пламенный призыв к изучению Св. Писания: «Возрождение ваше, укрепление в вере, деятельность ваша по вере, свет в мире будут лишь тогда, когда вы с любовью будете читать Слово Божие. Христос в Св. Писании и в литургии, Один и Тот же, ибо Церковь живёт Словом Божиим».

Тогда, в атеистическое время, Евангелие не продавалось в каждой церковной лавке и было редкой книгой, старец советовал даже переписать его тем, кто его не имел и говорил равнодушным: «Грамотность ваша будет судить вас на Страшном Суде, считая, что всё зло в мире, в обществе, в вас – в том, что не знаете Слова Божия».

Старец сравнивал это гибельное состояние верующих людей с положением царских наследников, которые сидят на сундуках с драгоценными сокровищами и имеют ключи от них, но не имеют желания даже

открыть их и посмотреть, что в них находится. «Получили наследство, а – всё похороним» – предупреждал он. Безразличие к Св. Писанию и к Евхаристии звенья одной цепи, – оно убивает веру. «Не хоронишь ли ты последние остатки веры? – спрашивал старец. – Если у тебя нет пламени веры, то, конечно, ты её хоронишь». «Нет ясного сознания веры: ни в монашестве нет, ни в священстве нет, ни у вас нет, – один развал». «Не обратим внимание на это, – без ничего останемся. Жутко, страшно даже представить, в какую лень, беспечность мы пришли, начиная от вышних и до низших».

Суровому критическому взгляду на духовное состояние Церкви он, однако, противопоставлял неисчерпаемое богословское, духовное богатство и сокровища её Предания, литургическую и богослужебную жизнь, таинства. «Не только семинария, – говорил он, – академия того не даёт, что даёт Церковь Божия. Раскрывая богатство богословия, в семинарии и академии и малую часть не проходят того, что даёт Церковь Божия в течение целого года. Она раскрывает всё богословие, все тайны, все глубочайшие изгибы и действия благодати на человека и на совесть человеческую». Монастырь, по мысли старца, – это самая лучшая «Академия». Так называемому, «школьному богословию» он противопоставлял Литургическое Богословие Церкви и полноту деятельного участия в церковной жизни, всецелое преобразование нашей природы Духом Святым живущим в Церкви. «Вот великое искупление за тебя, Дух Святой ходатайствует о тебе, просит Бога помиловать тебя. И чтобы тебя этим Духом оживить, потребовалось Тело и Кровь Христа Спасителя. Любовь Христова изливается Духом Святым и Господь делает вас причастниками

Царства Божия. А никто из вас не выражает глубокого чувства, вам лишь бы причаститься. Пришло время пробудиться». Старец восставал против поверхностного благочестия, а некоторые думали, что дело только в частом причащении.

Отец Таврион не уставал звать к великому подвигу спасения и любви к Богу. «Твоё спасение зависит от любви к Богу. Какой у нас путь жизни?.. Каждый из нас не удостоится воскресения из мертвых, не прославится святостью до тех пор, пока не распнётся со Христом и вместе со Христом не умрёт... Чтобы распяться со Христом надо распять плоть со страстями и похотями. Мы со Христом должны умереть, совершенно всё оставить. Благодатные силы к тебе не придут, пока ты не распнёшься со Христом. Без подвига святыми не сделаемся».

Таинство покаяния было для старца важнейшим условием Евхаристии. Только формально оно называлось «общей исповедью» по причине того, что старец каждый день физически не мог исповедать 100–200 человек. Однако, как и св. Иоанн Кронштадтский, он мог у каждого сильным словом вызвать сокрушение духа, плач о грехах, жажду новой жизни. Благодатью Святого Духа он прозревал внутреннее состояние каждого, в чём легко можно было убедиться на проповеди или в личной беседе. «Я не пророк, но прекрасно вас вижу, что вы из себя представляете, – говорил старец. – Если на Страшном Суде Господь потребует отчёта я скажу: “Господи, я поступал как Ты, положив душу свою за овец!”». Старец стремился каждого поставить лицом перед тайной Жертвы Христовой. «Только Кровь Христова может смыть ваши грехи» – учил он. Мы всегда подходили под разрешительную молитву как под

«рентген». Бывали случаи, когда старец кого-то грозно обличал в лицемерии, не допуская до Чаши, говоря: «Нельзя играть с Богом». Без покаяния нет доступа к любви Божией. Обязательным в Пустыньке было таинство соборования раз в неделю, как «генеральной исповеди» забытых грехов и болезней души.

Важное место в литургии, в проповеди о. Тавриона занимает тема Пасхи. Литургия, прежде всего, есть праздник Пасхи, как предпосылки всеобщего Воскресения из мёртвых, когда за пределами этого мира Церковь соберётся вокруг Воскресшего Спасителя и Бог будет «всё во всём». Старец литургию сравнивал с Пасхой и призывал встречать её, как Пасху. «Пасха, – когда мы причащаемся Чаши, – говорил он. – Вся жизнь наша призвана сделаться вместилищем Пасхальной радости и света». «Жизнь – это святая Пасха». Литургия была для него Днём Господним, тайной переживания времени как вечности, а весь богослужебный круг лишь подготовкой к нему, предвкушением всеобщей космической Пасхи в Царстве Божиим.

Старец дерзновенно называл свою жизнь Пасхой и приводил в пример прп. Сергия и прп. Серафима, которые подобным образом «свою жизнь уступили Христу» и сделали её Пасхой Христовой. Жертвующий свою жизнь для Бога входит в полное общение с Пасхой и сам становится Евхаристией.

Незабываема одна проповедь на Пасху 1978 года, когда сам старец вспоминал свою Пасху в ГУЛАГе.

«Были такие минуты – везёшь тачку с бревном, нет никаких сил, и вместе с тем, падаешь на колени и говоришь: «Слава Тебе, Господи! Во дни Твоей Пасхи я тачу эту тачку и, какой я счастливый, и как счастливы

мои родители, которые дали мне жизнь, и я за правду Христову, за Церковь Божию, за Слово Божие, за жизнь христианскую, так умираю здесь. Красота!!! А какая внутренняя, душевная радость... Как радостно!.. Вы думаете, что только здесь можно переживать Пасху Божию? Может в тюрьме, под нарами ещё красивее и торжественнее... или в ссылке, в выкопанной живой могиле, – красота, Пасха Христова!».

Апогеем служения литургии старца явилась Рижская Преображенская пустынь. Старым насельникам монастыря, привыкшим к уютной, тихой жизни нелегко было вмещать грандиозный, миссионерский размах служения о. Тавриона, когда ежедневно бесчисленное количество верующих разного возраста, пола, образования влекло в Пустыньку. «Вот наша обитель, –ставлял старец, – у нас здесь одно, – Чаша Господня, от которой зависит бытие всей вселенной». Монастырь, по мысли старца, призван «быть светом мира» и «солью земли» через литургию, через подвиг любви к Богу и к людям. Паломники приезжают в монастырь ради отпущения грехов и Евхаристии, не только из-за святyně. Пустынька о. Тавриона показывала образец такой миссионерской обители. Старец считал, что в традиционных монастырях, где нет такой любви, «монашество отмирает».

Самые сильные впечатления на всю жизнь остались от самой литургии старца, её вдохновенного служения в Пустыньке. Так, не было ещё 6 часов, а мы, посреди соснового бора в деревянном храме, могли слышать удивительные слова: «Ранненьким утречком, когда мир ещё спит, мы приходим на брачный пир Агнца Божия, на пир Божественной Любви...». Мы начинали дышать

каким-то новым, чистым воздухом, всё изменялось, обновлялось, делалось каким-то нетленным...

Ощутимо видимым становилось единство веры во Христе, устремление к бесконечному и вечному. Литургия старца каждого из нас утверждала в воле Божией, укрепляла, благословляла, вся наша жизнь проникалась и пропитывалась литургией. Мы чувствовали, сознавали соборность Церкви через общецерковное пение, красоту вдохновенного служения старца. Чего стоили его возгласы лицом, а не спиной к народу: «Поем всею церковью...», «горé имеем сердца...». Его лик напоминал фрески Спаса Нередицы, когда он нёс Чашу или говорил проповедь с закрытыми глазами. Открытые царские врата всё время виделись нам объятиями распахнутых на Кресте рук Христовых. Старец громко, отчётливо читал в алтаре, так называемые «тайные молитвы», ещё и собственные, которые добавлял в службе, – дивные молитвы. После «Верую...» с правого клироса на середину храма выходили матушки, а в алтаре зажигали дополнительные светильники и свечи, старец переоблачался в пурпурную фелонь, остальные верующие деятельно включались в пение «Милость мира...». Перед пением «Милость мира...» старец обращаясь к народу призывал к сугубому вниманию: «Наступают величайшие минуты миропасительного таинства. Церковь Божия просит и умоляет вас, чтобы вы единым сердцем, едиными устами просили, благодарили Бога, как и мы...». Казалось, что всё творение становится единым хором, единым молением, а мы вместе вверяем нашу жизнь Богу и призываем благодать Св. Духа «о всех и за вся...». Господь присутствует на литургии, и мы вкушаем душою и телом «небесный хлеб». Мощным

светом подлинной любви Божией озаряла нас литургия блаженного архимандрита Тавриона.

Мы видели поразительные чудеса исцелений у Чаши во время литургии в Пустыньке по молитвам о. Тавриона. Один случай особенно врезался в память... Мать привезла своего 16-17-летнего больного сына, которого она таскала как мешок на спине. Он не мог ходить, а стоять мог только как четвероногое животное. Без глубокого сострадания невозможно было смотреть ни на мать, ни на сына. И вот, на третий день их пребывания в обители, на литургии, женщина под мышки тащила мальчика к Чаше. Старец, причастив его, приказал ей отойти от него, что для неё было невозможно, так как он не мог стоять, но в этот же момент она увидела, как её сын сам отошел от Чаши, кем-то еле поддерживаемый, после запивки сел и тут же заснул. Надо было видеть экстатические глаза матери в застывшей позе, которая не могла ещё осознать, что произошло, и поверить чуду. Они уезжали как обычные паломники, получив благословение.

Саму литургию старец называл «чудом из чудес».

После службы обычно, как ни казалось это странным, старец выйдя из храма старался скрываться между стволами елей и сосен, убежать незаметно от всех тех, кто просил благословения, жесты его напоминали жесты новгородских столпников Феофана Грека; старец так нас учил ценить минуты тишины и созерцания после причастия; бестолковых вразумлял: «Ты и Господь. Красота!.. Чего тебе ещё надо?..».

Пустыньку, место своего последнего служения, старец в проповеди называл «зарёю возрождения нашей Церкви». Прошло 40 лет со дня кончины старца, много

приходилось раздумывать над этими словами, зная, что прозорливый старец ничего не говорил зря, тем более, что сбылось другое его известное пророчество о Пустыньке, когда близкие спрашивали, что будет после него, и он отвечал: «Будут овцы, будут ясли, да не будет чего ясти». Я верую, что старец в Царстве Божием молится за нас, предстательствует у Престола Божия за весь мир, и в загробной своей судьбе продолжает свою миссию, совершая с Ангелами и святыми Космическую литургию. Его молитвами и семенами его проповеди, я верю, повсюду распространяется любовь к литургии, Евхаристии. Трудно наверно, поэтому сегодня встретить «непричастные дни» в церкви: в праздники, на Пасху, во время служб патриарха или епископа, синодально даже предписано, не лишать народ Евхаристии. Воистину, от благодатной проповеди старца Тавриона о литургии падают «стены Иерихонские». Нам же остаётся прибегать к его помощи и молиться:

Святой отче Таврионе, моли Бога о нас!

*Вупперталь, Германия
03.12.2018 г.*

Ли́ка Ке́ренская

Цикл монастырских рассказов автобиографичен. Я родилась в Санкт-Петербурге, тогда Ленинграде. В 1985-м году духовные поиски привели в Псково-Печерский монастырь, под руководство старца Адриана (Кирсанова). Когда попросила благословения в женский монастырь, батюшка удивился было, а потом сказал: «Понял! Ты хочешь к своим». Но не пустил меня в изысканно-прекрасную Пюхтицу, куда я рвалась, а благословил в Рижскую Спасо-Преображенскую пустынь. Правота старца открылась в первый же день, когда, едва переступив порог обители, показавшейся серенькой и невзрачной, я с изумлением «поймала» строки псалмов, будто самостоятельно влетавших в моё сознание, совершенно на молитву в тот момент не настроенное. Монастырь оказался сугубо молитвенным, и весь строй его жизни стал отличной школой монашеского делания, хотя жила я там всего год – с 1987-го по 1988-ой. После чего отправилась в Горненский женский монастырь при Русской духовной миссии в Иерусалиме, где прожила семь очень насыщенных лет. Но короткий опыт, полученный в Пустыньке, оказался бесценным сокровищем. Тем образом подлинной христианской жизни, который время только очищает от всего мелкого и лишнего, и который греет душу, вдохновляя и наполняя нежностью.

МОНАСТЫРСКИЕ РАССКАЗЫ

Отцы

Отцы, скажу я вам, чрезвычайно разнообразны. От гротескных или наоборот скучных до таких, что подобны иконам, открывающим порталы в иную реальность, в духовное измерение. Эти последние там уже отчасти и проживают, хоть остаются пока с нами видимым образом. Являясь в некотором роде уже не совсем людьми, получают они свойства ангельские и могут, как мой духовник отец Адриан Печерский, пребывая физически в тесной своей келье, являться зримо какому-нибудь чаду в другом конце страны, чтобы дать полезное указание или от чего-то предостеречь.

Предостерёг он и меня, настоятельно посоветовав, как можно скорее исчезнуть из кельи Псково-Печёрского монастыря, где жили доярки, а я тайнообразующе ночевала на сдвинутых стульчиках. О том, что я работала на скотном и оставалась ночевать в монастыре, знали все, кроме грозного настоятеля. Но в ночь того дня, что я ушла за стену, к мирно спавшим тётушкам ворвался архимандрит Гавриил аки Зевс громовержец в самой огненной своей ипостаси. Не обнаружив никого постороннего, он должен был выгнать хоть кого-нибудь чисто из самосохранения, чтобы громы и молнии не разорвали его самого. Выбор пал на всех доярок сразу, чему они несказанно обрадовались. Женщины они были мирские, монастырю помогали из благочестия и крайнего смирения, но очень переживали за свои огороды и домики. В результате доить коров пришлось монахам, пока они не взмолились, и доярок не вернули

обратно. А я втихаря немножко гордилась произведённой временной революцией.

Земных ангелов, видящих прошлое и будущее и пронизающих глубины сердечные, называют старцами независимо от возраста. Это фактически особый чин, в греческой церкви даже официальный. Поселиться возле старца всё равно, что у колодца с живой водой. В Пустыньке таким был отец Таврион, но его я, увы, не застала. В моё же время старшим священником монастыря стал отец Пётр или отче Педро, как называли его между собой особо ехидные сёстры. Очень уж он ассоциировался с литературными персонажами. С бессмертным «Девять лет дон Педро Гомец, по прозванию Лев Кастильи, осаждаёт замок Памбу...» и с Дон Кихотом Ламанчским. Был он так же высок, худ и нескладен. И так же по-испански горяч. Его проповеди, благодаря внутреннему жару, достигали порой высот подлинного вдохновения. В иные же разы тот же жар сжигал способность к рассуждению и, принимаясь обличать с амвона греховные наклонности человечества, он как-то так ухитрялся это делать, что сёстрам становилось понятно не только кого именно он имел в виду, но и кто и когда успел пожаловаться. После чего до моих ушей доносились слухи об обидах и разборках.

Но отцу Петру с апостольским его горением духовного окормления монастыря было мало. И вот уже потянулся к его домику робкий ручеёк приезжих. И вдруг обнаружилось, что отец наш Пётр проводит отчитки. Те самые молебны по изгнанию духов нечистых, о которых я писала раньше, и проводить которые могут, не повредившись, только люди, обладающие немалой духовной силой и соответствующим благословением.

Я даже устыдилась своего ироничного к отцу Петру отношения и подумала не стоит ли и мне примкнуть к страждущим и попроситься к новоявленному экзорцисту на сеанс? Но что-то меня смущало. То ли странная скрытность всего происходящего, то ли сам по себе отец Пётр. Вопрос свой я послала старцу, а тем временем случился эпизод, превративший мои сомнения в почти уверенность. И существами, открывшими мне глаза, стали не ангелы с небес, а монастырские бычки.

Бычки наши за время жизни в монастыре проникались благостью и становились такими тихими, что фермеры периодически их у нас просили для продолжения местного коровьего рода. Таким нестандартным образом распространялась окрест благодать. А в тот день стадо, в сопровождении трёх сестёр, вышло из леса и мирно паслось на полянке напротив монастыря. Картина выглядела пасторально ровно до того момента, как на горизонте показался отец Пётр. Он не просто шёл. Он бежал, явно подгоняемый невидимой силой, судя по всему, той самой, которую только что пытался изгнать. После того, как, не сбавляя скорости, он промчался мимо нас, бычки наши взбесились и стали прыгать на коров, которые тоже пришли в смятение и принялись носиться по поляне – насилу мы их уgomонили. На следующий день пришёл ответ от отца Адриана, восхищавший краткостью формулировки. «Ты имей ум, – писал отче, – Петру отчитывать или Петра отчитывать?»

О дальнейшем пути отца Петра я узнала уже из публикаций в Сети лет через 20. Он стал невероятно популярен в Воронежско-Липецкой епархии, призывая голосовать за коммунистов, отказаться от ИНН и паспортов нового образца и срочно восстановить

монархию. Так что мы застали только первые шаги мятежного архимандрита, которого церковные власти терпели-терпели, да от греха подальше отправили на покой, где он принял схиму, долго болел, ушёл в затвор и не так давно умер. Но, думая об армии его фанатов, я не сомневаюсь, что люди тянулись к нему не монархизма-сталинизма ради, а истосковавшись по искренности, смелости и горячему интересу к каждой душе. Отец Пётр – это такая большая свечка, которая дымит, коптит, трещит, но горит жарким пламенем. Очень надеюсь, что в затворе и болезни успокоился его мятущийся ум, не поспевавший за требованиями нетерпеливого сердца, жаждущего всё немедленно исправить и насадить Царство Божие на вверенной территории марш-броском прямо до райских ворот.

Сёстрам же хотелось руководства сбалансированного и трезвого. И был нам дан на счастье отец Тихон – второй пустынский священник и полная отцу Петру противоположность. Роста он среднего, полноват, спокоен и восхитительно ироничен. Городские второй волны, вышедшие из артистической или научной среды, наконец смогли выдохнуть и начать говорить на своём языке. Свойство его ума таково, что его сложно описать каким-то одним термином. У греков есть чёткое разделение на интеллект и духовную мудрость. У отца же Тихона духовный интеллект, лёгкий, весёлый и пронизательный, что совсем не исключает абсолютной серьёзности. Не могу похвастаться тем, что вела с ним долгие беседы, помимо исповедей, но несколько полуслучайных коротких диалогов запомнились радостью и сердечного родства, и ценного урока.

Как-то встречаю отца Тихона, что-то несомненно хорошее перед этим совершив, а он давай меня ругать. Я только собралась обидеться, как чувствую – что-то не то. А надо сказать, что Христос в Евангелии говорит, что принимающие похвалу уже получили свою награду. И куда ценнее, если она сохранится для вечности. И смотрю я на ругающего меня отца Тихона, и ни малейшей энергии осуждения не чувствую. И глаза улыбаются весело. Тут до меня доходит, что это известный по древним патерикам приём сохранения награды небесной. И он понимает, что я поняла. И я понимаю, что он понял, что я поняла. И расходимся мы, страшно друг другом довольные.

Помимо Пустынских, были у нас священники в Риге, в головном монастыре. Когда Матушка игуменья приглашала кого-то новенького в штат, давала ему испытательный срок. А после подробно расспрашивала сестёр, довольны ли они руководством? В результате такой заботы священники в Риге собрались выдающиеся. Православный мир знает давно ставшего легендарным отца Виктора (Мамонтова). Про него, к сожалению, ничего рассказать не могу. Разве только, что имя его сопровождало меня по жизни, включая Израиль, постоянно возникая в рассказах друзей из разных городов и даже стран. Я не со всеми его мнениями (услышанными в пересказе друзей), была согласна и вела с ним что-то вроде заочного диалога. Договорить теперь уже получится только в Царстве, если у меня хватит ума, верности и жажды туда войти.

А вот о втором рижском священнике попытаюсь рассказать, хоть и не уверена, что смогу найти слова для драгоценного своего воспоминания. Мне посчастливи-

лось присутствовать всего лишь на двух его литургиях. Но есть такие места, куда ты можешь попасть на пять минут, а потом вспоминать всю жизнь. Так случилось и со мной. И местом этим было преддверие Царства. Причём, что удивительно, возникало это переживание присутствия не только на службе – это дело обычное, а во время проповеди. За свою церковную жизнь я слышала много разных прекрасных проповедей. Несколько запомнила, в том числе от отца Петра. Не целые, а какие-то фразы, которые в тебя вдруг встраиваются, становясь частью генетического кода. Но то, что происходило в Риге, ни на что не было похоже. Я не помню имени священника, но он был не просто человеком, а явлением. Когда он выходил на амвон, все стихали, хоть он ещё не сказал ни слова. Выходила душа в абсолютной уязвимости и начинала разговор с собой перед лицом своего Бога. Слова рождались здесь и сейчас. Душа задавала себе вопросы и искала ответы, глядя не на нас, а поверх наших голов куда-то выше, где эти ответы жили. Каждый раз было немножко страшно – вдруг ответ не придёт? Но сейчас думаю, что он и это принял бы, и сказал бы об этом честно.

Речь, помню, шла об Иуде. О том, почему же он предал? А после предательства не покаялся. Даже вот больше о втором. Задав этот вопрос, священник снова обратился туда, наверх и произнёс, как будто сам себе озвучивая услышанное:

– Он не понял, что Бог есть, – тут он замер в паузе и выдохнул, – Отец.

И это «Отец» упало в глубину души как радостное открытие, как боль и отрада, как надежда и горькая горечь за Иуду, что он не понял такого простого! Такого

очевидного. Не высоко-богословского, а такого человеческого. Аба, папа, патер имон... И какой отец не простит? Что же ты, брат Иуда?

Он как-то ещё говорил о Церкви, о мистическом Телѣ, которое редко когда соответствует видимым границам и массам человеческим. И всё это было не словами, а глубинным переживанием, преображавшим каждого слышащего. И я бесконечно благодарна этим подаркам Тебе, Господи. Потому что Твои священники, – те, что действительно Твои, это Твои руки, Твой голос и Твоя безграничная отцовская любовь.

Матери

Удивительный существует обычай называть всех монастырских сестѣр, независимо от возраста, матушками. Сами сѣстры строго проводят разделение между уже принявшими постриг и послушницами. И матушками величают только постриженных. Приезжим же такие тонкости не ведомы, и на ласковое «матушка», розовея от смущения, отзываются и совсем новенькие, только мечтающие о подряснике. Обычай этот, скорее всего, пошёл от священнических жѣн, называемых матушками по прямой аналогии с супругами-батюшками. А от них перешѣл и на всех представительниц женского пола, отдавших себя церковному служению. Я могу только предположить, что в этом проявляется потребность в материнском покрове, в женском тихом участии, в образном присутствии Богородицы на земле.

У самих сестѣр это коллективное материнство существует как тайный крест по отношению к миру. Как у всех в разной степени осознаваемая ответственность.

А за оградой, внутри «семьи», воины света могут снять кольчуги, отложить огненные мечи и превратиться в смешливых девчонок, у которых есть две матери – Богородица и настоятельница, она же просто Матушка, без добавления имени. Сёстры удивительным образом умеют передавать в речи заглавную букву. Никто не переспрашивает, не уточняет.

Прожив много лет в Иерусалиме, в Горненском монастыре, я с удивлением обнаружила, что образ настоящей Матушки храню из прошлого, из всего одного года, проведённого в Рижской пустыньке. Хотя, если пристальней разобраться, картина сложнее и захватывает больше пространств.

Мою игуменью Магдалину, настоятельницу Рижского монастыря и его филиала – Спасо-Преображенской пустыньки¹ называли всероссийской матушкой. И не удивительно. 19 настоятельниц вышло из обители. Растила она своих детей как редкие цветы и нежно, и требовательно. Священников подбирала тщательно, проводя через испытательный срок. Но мы, лесные пустынские сёстры, Матушку видели редко. Ждали её приезда почти как ждут родительского дня в пионерском лагере. Если у кого накопились вопросы или проблемы, появлялась возможность с Матушкой их обсудить. Вот и я отправилась в игуменскую за какой-то надобностью. Вхожу и узнаю, что Матушка плохо себя чувствует. Только собралась уйти, как из кельи доносится тихое, но властное: «Заходи».

¹ Монахиня Магдалина (Людмила Жегалова, 1921–1996). С 1977 г. по 1996 г. игуменья Магдалина была настоятельницей Свято-Троице-Сергиева женского монастыря (Рига) и Спасо-Преображенской пустыни (Валгунда, недалеко от г. Елгавы). (*Прим. ред.*)

А теперь представьте человека, например, с высоким давлением, который лежит пластом на кровати и еле себя терпит, не то, что кого-то ещё способен нести. Но я была новенькой и, видимо, считалась кем-то вроде младенца, которого если не накормишь немедленно своей кровью, он сразу концы отдаст. Ещё одна попытка уйти была пресечена спокойным и ровным: «Говори». Деваться было некуда, пришлось излагать свой вопрос, стоя перед кроватью с лежащей, с закрытыми глазами и мучительным выражением лица, Матушкой. Помню, что получила я внятный и исчерпывающий ответ, а душераздирающую картину сохранила в памяти навсегда. Но чтобы во всей полноте осознать, как нам всем повезло, мне пришлось пройти огни и воды настоящего властолюбия или беспомощности в других краях и под другими звёздами.

Зато у нас Матушкина любовь распространялась на всё живое – и на людей, и на зверей. Когда на скотном рождались телята или козлята, сёстры сами их не называли, ждали Матушку. И вот берёт она в руки белое блеющее длинноногое существо, произносит имя, а мы ахаем. Потому что сразу понятно, что никакого другого имени у него не может быть. И что мы присутствуем перед чем-то сродным наименованию всякой твари Адамом. И радостно это, и славно.

Матушке я обязана и своим ранним иноческим постригом. Думаю, что не в моей готовности было дело, а в её желании придать мне какой-то статус перед отправлением в Иерусалим. В желании покрыть меня рясой как защитой там, где уже не будет её материнского крыла.

Монастырь и мир

В конце восьмидесятих откровенных гонений на верующих уже не было, но сохранялась установка на то, что религия – пережиток прошлого, который уйдёт вместе с последней старушкой. Поэтому в глазах комиссаров из Совета по делам религии идеальным монастырём было общежитие бабушек на самообслуживании и самоокупаемости, удачно совмещавшее дом престарелых с символом свободы совести и вероисповедания, которые значились в конституции. Задачей комиссаров было поддерживать религиозные учреждения в состоянии симулякра², и всякий признак настоящей живой жизни уничтожать в зародыше. Поэтому внутренним распоряжением по министерству в монастыри под угрозой закрытия запрещалось принимать молодых. А молодёжь, как на грех, воспламенилась жаждой духовных подвигов. Причём, в основном, девочки. Есть в них какое-то особенное бесстрашие, безоглядность любви.

С целью задурить голову комиссарам, в Пустыньке разворачивалась целая секретная операция. Приехавшая комиссия заставляла благостную картину: по монастырским дорожкам ковыляли согбенные старицы с палочками. А саму комиссию зазывали в игуменский корпус, где кормили и поили до полного размягчения

² Симулякр (фр. simulacre от лат. simulacrum – подобие, копия) – ключевой термин постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, чего на самом деле не существует. Сегодня это понятие разумеют как культурное или политическое создание, копирующее форму исходного образца. Симулякр может касаться каких угодно вещей и смыслов. (Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Симулякр>). (Прим. ред.)

сурового комиссарского нрава. Молоденькие же сёстры прятались в лесу. Но как-то раз случилось, что пошёл сильный дождь, а комиссары так душевно сидели, что выгнать их поскорее не представлялось никакой возможности. Все бумаги они подписали, но «лесные» сестры успели так замёрзнуть, что Матушка самолично отпаивала их крепкой настойкой. Кто-то всё равно заболел, пострадав за правое дело.

В другой же раз комиссары явились в праздник, и отправлять всех молодых в лес было никак нельзя, потому что среди них были главные певчие. Не оставлять же паломников без торжественной службы! Украшением хора была Алёнка, вызывающе молодая и хорошенькая. Картинка на знаменитой шоколадке – грубая подделка под Алёнку настоящую. Белоснежное личико с румянцем во всё щёку, голубые смешливые глаза, льняные волосы. Перед Матушкой игуменьей стояла непростая задача лишить Алёнку всякой привлекательности, а возрасту придать неопределённости. Чёрный её платок слева и справа завели за уши, чтобы они выразительно торчали и привлекали к себе основное внимание. Спереди платок был спущен на высокий Алёнкин лоб так низко, что она уже не видела нот. Таким образом половина лица её оказалась за чёрной завесой, из-под которой виднелся кончик носа и две румяные щеки. Очень странный родственник Чебурашки ангельским голосом выводил «Иже херувимы», и выглядело это крайне подозрительно. К счастью, комиссаров так плотно накормили, что до храма они не дошли.

Другим юным сёстрам было велено закрыться в кельях и не высовываться. Все осознавали ответственность момента и тихо сидели по углам, кроме одной,

которой не терпелось на людей посмотреть и себя показать. Ещё немного, и она столкнулась бы с выходящими из игуменской комиссарами. К счастью, вовремя заметившая её Матушка как-то так ловко комиссию повела, что они не обратили на сестру внимания. Проводив гостей за ворота, Матушка вернулась с лицом белым, как мел. И в первый и единственный раз выгнала сестру из монастыря. Не за глупость – за предательство.

Военная обстановка требовала людей надёжных и проверенных. И такими стали некоторые латыши-хуторяне, с которыми у монастыря был тайный договор. Они прописывали у себя молодых под видом дальних родственниц. Но водились в лесу и разбойнички. Точнее, проживали на тех же хуторах возле Пустыньки. А, если вы ещё не забыли, монастырь обнесён дырявой сеткой на колышках, которую местами можно просто перешагнуть. За оградой неширокое поле, а за ним сразу лес. Выйдешь из него – и вот он монастырь, как на ладони. А внутри множество полезных и замечательных вещей.

В каменный храм проникнуть тяжеловато, но он и попроще будет, а вот другой, самый волшебный, деревянный, весь увешан изнутри иконами. Уже после моего отъезда некоторые из них мироточили. Имеется в монастыре и сыроварня, и пекарня, и скотный двор с коровами, козами и курами. Есть чем поживиться хозяйственному человеку.

Охранялся монастырь с мирской точки зрения легкомысленно. Каждый вечер, после службы, сёстры обходили его с иконой и пением 90-го охранительного псалма. Удивительно, что после этого подобия крестного хода, каким бы уставшим ты ни был, возвращался в келью как будто поспал, а не прошёл, спотыкаясь в темноте вдоль всей ограды.

В тот день, когда было задумано лихое дело, мы, как обычно, прошли с иконой и спокойно легли спать. И утром никаких безобразий не заметили. Только вдруг прибежала Катя-хромоножка и, лепеча что-то на своём малопонятном языке, стала тыкать палкой в сторону ограды. Про Катю будет отдельная история, а пока пройдем к ограде, где стояла парочка местных. Это был тот случай, когда любопытство победило стыд. Изумлённые парни спрашивали, почему мы не спим по ночам? Что это с нами случилось? Оказалось, что, вооружившись кусачками и мешком, отправились они на дело. Но, выйдя из леса, увидели, что в обители горит свет, а сёстры на улице: кто в огороде работает, кто дорожки подметает. Ночью! Вот вам и ограда легкомысленная! Больше обокрасть монастырь местные не пытались.

А я с особым теплом вспоминаю пожилого интеллигентного латыша, который в тяжёлые времена много помогал Рижскому монастырю, который в городе. Был он совершенно неверующим, но любил восклицать: «Я люблю это общество! Это такое аристократическое общество!». Думаю, что дело не в нашем аристократизме, а в чуткой его душе, воспринявшей веяние Духа Божьего непосредственно, сквозь ограду ума, не принявшего Имени.

Катя-калечка и сила в немощи

Всё, что про Катю, – исключительно весело. Не знаю, как попала она в монастырь, но вошла в него как пазл. Её любили, и у неё было своё дело – Катя пасла коз, и на этом месте была незаменима. Во всяком случае, так считала сама Катя и не терпела соперников. Она ставила

колышки, привязывала к ним длинные козы поводки, следила, чтобы вокруг колышков трава не заканчивалась. Козы считали Катю великой козьей матерью, а может, даже богом.

Ходила козья мать с крючковой палкой, резко выбрасывая вперёд калечную ногу. Было в этом нечто генеральское. А говорила на своём Катином языке, изредка, по великому снисхождению, разбавляя его словами общедоступными. Когда что-то было непонятно, Катя дополняла речь жестами палки, заменявшими абстрактные и сложносочинённые образы. От Кати стояло держаться на некотором безопасном расстоянии.

Кто-то по доброте душевной подарил Кате подрясник. Настоящий, монашеский, из отличной тонкой шерсти. Тут надо сделать небольшое отступление. Ко всем элементам формы в монастыре относятся трепетно. Оговорюсь, что в разных монастырях обычаи разные, и я рассказываю только о том, как это было устроено в Пустыньке. Трудницы, к которым относилась и Катя, мечтают о том дне, когда получают право носить подрясник, пусть совсем простенький. Это знак вступления в семью, пересечение невидимой ограды – как повышение уровня в компьютерной игре. С подрясником послушницы носят на голове платочек, но пока ещё не апостольник, в каждом элементе которого заключён особый символизм. Я, грешным делом, подозреваю, что символизм появился позже чистого практицизма, но тут последовательность не важна. Апостольник с подрясником, а также уже и рясу носят инокини, или иначе рясофорные послушницы, как записано у меня в соответствующем документе. Это сёстры, прошедшие иноческий постриг, примерно соответствующий

обручению перед венчанием. За этим следует, собственно, настоящее монашество, оно же малая схима – полное посвящение себя Богу, знаком чего являются мантия и клобук, да ещё тайный, носимый под одеждой параман – квадратный плат с изображением креста и надписями. Носится он на спине и держится на четырёх шнурах, которые на груди тоже образуют крест. Ну, а вершина монашеской лестницы – великая схима. Это облачение я даже не берусь подробно описывать. Исчезает высокий клобук, придающий мантийным величественности, а появляется куколь – почти детский остроконечный капюшончик с крыльями на плечи. Схимник как будто уменьшается в размерах, уходит в себя. Зато резко возрастает на форме количество разных таинственных знаков и надписей, превращающих фигуру схимника в объект совершенно мистический.

Наша Катя, став счастливой обладательницей подрясника, проявила внезапную сообразительность, ощутив, что чего-то ещё не хватает. И это что-то с вызывающей наглядностью красовалось на всех монахинях во время богослужения: ряса, мантия и клобук! Катя страшно возмутилась нарушением миропорядка в её отдельном случае, и стучала палкой по клобукам матушек, указуя, как всё должно быть устроено у людей.

Растерянные сёстры стали звонить в Ригу игуменью. Та сначала посмеялась, потом поругала виновников, неразумно разбрасывающихся подрясниками – но не отнимать же у Кати подарок! В итоге махнула рукой и решила, что на то воля Божия и надо Катю постричь сразу в мантию, минуя промежуточные ступени. Что Катя точно раба Божия, а Господь убогих любит, и кто из нас больше монахиня, Сам лучше знает. Имя ей не

поменяли. И теперь на службу страшно довольная монахиня Екатерина вышагивала в высоком клобуке, немного съехавшем набок, царственно подхватив рукой роскошную мантию, чтоб не пылилась. Даже козы переставали жевать, провожая её глазами.

Была у Кати сестра по несчастью в смысле состояния того, что называется опорно-двигательным аппаратом, с диагнозом физически намного более тяжёлым и совершенно лишённая блаженного Катиного неведения о мире и о себе. Я думаю, что у матушки Людмилы, которую ласково называли Людмилкой, было ДЦП. Ходила она с трудом, а упав, сама не могла подняться. При этом упорно не хотела отказываться от ночных дежурств в храме, где сёстры по очереди читали тот самый круглосуточный Псалтирь, строки которого наполняли монастырский воздух. Бывало, что шла она на дежурство одна, падала, и лежала, пока кто-то не покажется на улице. Я возмущалась: ругала её, корила сестёр, но ничего не менялось. Раз сама она не жаловалась, всё принимали как должное ровно до того дня, как Людмилка не простудилась, пролежав на холодной земле.

Разболелась она сильно, и внезапно обнаружилось, что на этом хрупком существе, похожем на маленькую подбитую птицу, держалась вся монастырская бухгалтерия вместе со всей перепиской. Моментально накопились груды не отвеченных писем. Благодичная ночи не спала, пытаясь в этом хозяйстве разобраться. «Вот вам!» — думала я с совершенно не христианским злорадством. И, как только стало можно, пошла Людмилку навестить. Её слова можно написать большими буквами и повесить себе на стенку: «Пока тебе легко, ты не меняешься». Эта формула слилась у меня со словами

любимого учителя живописи: «Запомни! Работа идёт тогда, когда не идёт работа». Это о том же! О преодолении. Людмила ещё добавила: «Мы тут зачем? Чтобы прийти к изменению самым коротким путём».

В моих, и других сестёр, ночных походах в храм не было ничего примечательного. А у матушки Людмилы это был настоящий экстрим: подъём на Эверест, спуск по горной реке на каноэ. Да, не всегда удавалось проскочить пороги. Зато, когда удавалось – с чем сравнить радость победы? И зря я злилась и злорадствовала. Это был её выбор! Богом данная свобода рисковать. И почему-то я совсем не сомневаюсь, что в тех ночных молитвах, завоёванных дорогой ценой, получала она гораздо больше нашего. И все мы через неё получали.

Вот сейчас пишу и ловлю себя на том, что в чём-то даже ей завидую. Ведь это подвиг, который всегда с тобой. И Павлу апостолу дано было «жало в плоть», и «сила Моя в немощи совершается».

Сестрички и тайны монастырской кухни

Нет лучше девчонок, чем монастырские сёстры. Впрочем, и хуже тоже нет. Даже у древних аскетов сказано – «Нет страшнее человека, чем нерадивый монах. Он подобен демону». Но я с такими не сталкивалась, потому добавляю просто из любви к парадоксам и для общей полноты утверждения. Сразу отмечу, что одержимые над собой не властны, потому неподсудны и к нерадивым не относятся.

По большей же части наши сёстры одна другой краше, но у меня есть любимицы. Одна полненькая, сим-

патичная, со смешным курносым носом и проблемами с русским языком. Она чувашка, путает мужской и женский род, да и слов ей бывает, что не хватает. Но мать Антония – она же Антошка, из той породы людей, которые во всём талантливы, в каждом жесте. Я, для которой любое неправильное ударение хуже занозы, от души наслаждаюсь изумительными Антошкиными речевыми конструкциями. Всегда свежими, неожиданными. Поэзия, да и только. Сёстры Антошку обожают и всегда стараются заполучить к себе, если надо разделяться на группы для каких-то работ. От одного взгляда на неё рот начинает сам непроизвольно растягиваться в улыбку. Через несколько лет, уже в Иерусалиме, моя старица скажет:

– Начальствовать в народе надо ставить лёгких и весёлых людей.

Закон этот прекрасный иногда соблюдается. В какой-то новый монастырь поставили игуменьей нашу мать Веронику. В моей памяти она худая как щепочка, и диву даёшься, откуда сила берётся? Мы перетаскиваем сено из большой кучи в стог. Веронике подают уже наколотую на вилы порцию, а в ответ звучит возмущённое:

– Ты чего? Это ж издевательство над работой!

И захватывает кучу с себя ростом:

– Чего пустой-то ходить? Скучно.

Красивая, боевая, звонкая. Её фирменным определением – «издевательство над работой» до сих пор пользуюсь. Но в Вероничке не только удаль молодецкая. Искусство указать на ошибку, не обидев – это тоже про неё.

В целом же, ценнейшее качество монастырских, воспитанное постоянными исповедями и самоконтролем, – умение посмотреть на себя со стороны трезво,

критично и не без сарказма. Так что, пока соберёшься сделать кому-то замечание, виноватый сам себя уже осудил, наказал, умылся, очистился и дальше пошёл уже немножечко другим. И замечание твоё летит в «молоко», в оставленное за спиной прошлое. Но это всё процессы таинственные, заметные изнутри. А, начитавшись аскетической литературы, можно усмотреть множество несовершенств и иконописным образцам несоответствий.

Вот к смешливой круглолицей Алёнке приехала мама. То есть, не просто к ней, а в монастырь, чтобы остаться навсегда. Пока она ездила просто в гости, постоянно возмущалась немонашеским Алёнкиным поведением. То проспала нерадивая дочь к утренним молитвам, то наворачивает булочки между трапезами, а это (о ужас!) называется «тайноядением». А то хихикает легкомысленно в компании таких же подружек, когда, по мнению мамы, надо пребывать в непрестанной молитвенной сосредоточенности. Очень была строга! Но вот прошла неделя, вторая, и мама притихла. И орлицей не глядит, и на службе носом клюёт, и даже (только об этом никому!) была замечена за употреблением до обеда огурца, да ещё с хлебом! Если там ещё и масло присутствовало, то я даже не знаю, как она сможет такое падение пережить, не впадёт ли в уныние и отчаяние? В общем, разница между туризмом и эмиграцией налицо. Очень полезный опыт, надёжно избавляющий от представления о своей исключительности и излишнего внимания к чужим слабостям.

Ну, а я на кухне. И это совсем не то, что вы себе представили. У нас дровяная печь, похожая на огромную тумбу, и здоровенные котлы для первого-второго. Ну,

и немаленькие сковородки, если что-то надо жарить. Ещё не забыть приготовить небольшие кастрюльки для особо строго постящихся схимниц и что-то диетическое для одной матушки с диабетом. Но приготовить – это ерунда, легче лёгкого. Разносолов у нас не водится. Лично для меня самое трудное – дрова. Особенно зимой. Хранятся дрова в сарае, и надо очень рано встать, чтобы успеть их от замёрзшей поленицы оторвать, в кухню натаскать и разжечь хорошенько, чтобы всё успело к окончанию службы приготовиться. В идеале, чтобы и самой хотя бы кусочек литургии захватить.

Мне лучше вовсе не спать, чем вставать в такую рань. И я решаю провести модернизацию процесса. С ночи загружаю полную печку дров и развешиваю сушиться выстиранные тряпочки. Страшно довольная собой отправляюсь спать. Каково же было разочарование, когда утром обнаружила полностью выгоревшую печку, декорированную чёрными остатками тряпочек. Это ещё счастье, что пожара не случилось! Так себе из меня реформатор. Осталось утешаться мыслью о том, что раньше сёстры и воду из колодца таскали.

Кухня, особенно в одинокие часы вечерней уборки, приносила что-то вроде микрооткровений. Я даже помню место, где стояла, когда вдруг ясно, не умом, а сердцем поняла, что грехом является всякое действие и слово, творимое без любви. И только так и можно определять, когда стоит что-то говорить, даже мегаправильное, а когда лучше молчать и не сотрясать воздух.

В той же самой кухне глубокой зимой, перебив все котлы, полы и прочее, я ругала себя за то, что тупо сижу на лавке и трачу драгоценное время сна на бессмысленное смотрение в окно на снег, луну и чёрное небо. Но,

не найдя в себе сил на решительное – «Встань и иди!», достала из кармана маленькую книжицу, переходившую из рук в руки, как подпольный самиздат в Питере. Открыла – и замерла. Говорилось в ней удивительное. Про явление Богородицы шестерым подросткам в маленькой хорватской деревне в Меджугорье. Вот прямо сейчас, в наше время! И о послании мира. Мира, мира и мира всем детям Госпы³, в которых она включала даже мусульман. Про усталость я забыла, но моё сугубо ортодоксальное сознание возмутилось. Строчку с упоминанием мусульман я даже несколько раз перечитала, ища тайный смысл. Его не было. И надо было пройти паре десятков лет, чтобы уже в Израиле я рассказала об этом мусульманину, сделавшему огромный крюк, чтобы подвести меня на праздничную церковную службу.

– Раньше не понимала, – говорю, – почему Богородица сказала, что мусульмане тоже Её дети. А ты меня с Её словами примирил.

Как он был счастлив – не передать! Так что не всё потеряно. Может через Богородицу легче будет и этим душам примириться со Христом.

А ещё через несколько лет оказалось, что явления в Меджугорье продолжают. Хоть и подростки уже выросли, и почти у всех семьи. В последнее время Господь как-то особенно благоволит к семьям, что восполняет огромный пробел в церковной традиции, во всяком случае российской, в которой всем приходится учиться исключительно по монашеской литературе. И возникает ощущение, что только в монастыре настоящее христианство и есть, а все остальные так, рядом проходили.

³ Госпа – Госпожа (хорватский), Богородица.

А потом в Меджугорье поехали мои друзья, и на одном из тамошних молодёжных фестивалей прозвучала молитва на иврите. И к нашей израильской группе сквозь плотную толпу пробрались ребята из Ирана и обнимали израильтян как самых родных братьев. Такая несомненная и зримая реализация Богородичного призыва.

И каждый раз, уже имея возможность охватить безмерно расширившуюся картину Божьего действия в мире, я возвращаюсь в ту зимнюю ночь на краю вселенной, в маленький лесной монастырь за оградой из огородной сетки, на кухню с луной в наполовину замёрзшем окне и с зажатой в руке маленькой затёртой самиздатовской книжечкой, неведомыми путями дошедшей из горной и такой же маленькой и совершенно не видной для мира деревушки на другом конце той же вселенной. Деревушки, не различимой миром даже сейчас, когда святая Мария уже тысячным толпам говорит: «Благодарю, что ответили на мой призыв».

Остров «Пустынька» в Иерусалиме

Когда ты не понимаешь, где твоё истинное желание, а где подделка; или какое желание совпадает с Божьей волей о тебе, а какое нет; ты обнаруживаешь, что не знаешь самого себя. Что связь с самим собой, как с подводником или космонавтом, потеряна или неустойчива. С тем собой, каким ты задуман, с базовой твоей версией. Тогда ты обращаешься к старцу, получившему дар видеть сердце. Или накручиваешь новые и новые круги чёток, опуская в сердце ум, восстанавливая повреждённую связь. Ведь в идеале старцем должен стать ты сам. Хотя бы для самого себя.

Для таких упражнений нет места лучше, чем монастырь. Особенно если ты только вышел в путь, и большая пустыня для тебя опасна. Тебе нужны и руководство, и поддержка наставников, братьев или, в моём случае, сестёр. Ты много можешь почерпнуть из общения, из самого уклада, из атмосферы, если она настоящая. И тебе здорово повезёт, если окажешься в таком подходящем месте. Мне была дарована Пустынька.

Сёстры у нас, как и везде, разные. Кто-то втянулся в монастырский быт и потерял тот изначальный романтизм, без которого не оставляют мира. А кто-то в любом возрасте продолжает гореть вдохновением, которое делает каждый день новым, а жизнь интересной. Первую свою келью я делила с такой сестрой. Она похожа на чопорную училку, и мы не сразу нашли общий язык. Даже немного ссорились. Она мне казалась нудной, я ей – легкомысленной. Мы не сразу друг друга разглядели. Помимо нас, в келье поселились мыши, служившие дополнительным источником раздражения.

Но на почве духовных подвигов мы так сошлись, что стали напарницами, даже почти сообщницами, потому что брали на себя самовольные посты и всегда старались сделать что-то больше положенного молитвенного правила. И однажды, после вечерних молитв, соседка моя замерла, прислушиваясь, а потом проговорила таинственно:

– Ты заметила, что у нас исчезли мышки?

Тут прислушалась я. В келье действительно никто не шуршал. Я не помню, читали ли мы с ней специальную молитву от грызунов и прочей нечисти (такая имеется), но мышки и правда исчезли.

– Это потому что мы помирились и молились много. Я уверена.

Видели бы вы детский восторг в глазах этой «училки»! Все вдохновенные обязательно немного дети.

Я совсем мало прожила в этой келье, но она стала местом моего высочайшего достижения в практике Иисусовой молитвы – той самой, которая помогает пробиться к самому сокровенному «я». Больше нигде и никогда не удавалось это повторить. И там же прозвучал призыв в Иерусалим, разделивший жизнь на «до» и «после». Дело было так.

Сию я, читаю Псалтирь, ни о каком Иерусалиме не помышляя. Хотя одна моя подруга о нём и мечтала, но я даже старца ни о чём таком не спрашивала – все её слова не трогали моего сердца. И вдруг поднимает меня некая сила, бросает на колени перед иконой, а я, к собственному изумлению, от всей души почти кричу:

– Матерь Божия! Возьми меня в Иерусалим!

И больше, собственно, ничего. Никаких желаний у меня после этого не прибавилось, но эту молитву моей души, которой видимо как-то удалось прорваться через глухую стену моего сознания, я приняла как призыв или даже приказ. И даже то, что моё первое заявление потерялось, уже не могло меня остановить. Как и известие об убийстве двух Горненских сестёр неизвестным, после чего большая часть нашей пустынской группы лететь отказалась.

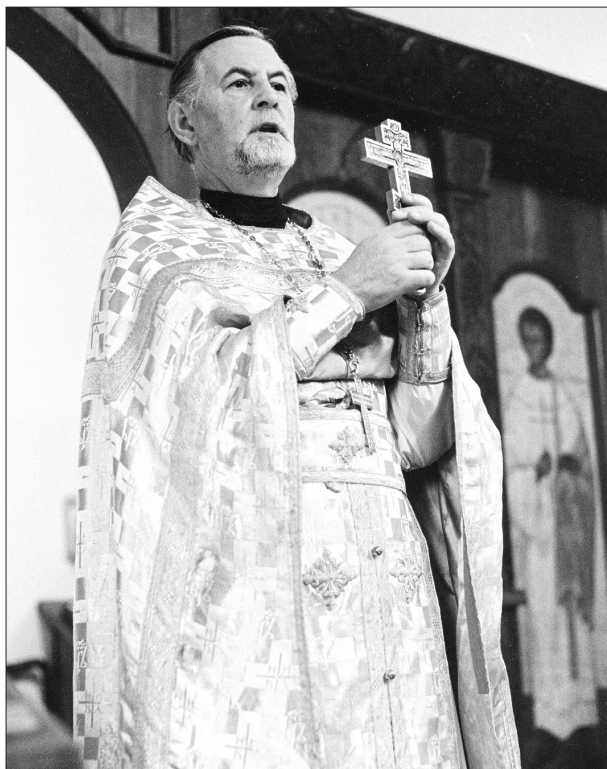
Я отправлялась в страну, где первопроходцы застали землю в трёх состояниях: болото, пыль и камни. Где всё, что цветёт, отвоёвано огромным трудом. Где только расслабишься – и пустоши заселяют шакалы. Где ходить по воде – необходимый навык выживания. Где

Господь, прежде чем воскреснуть, был распят. Где все мечты о том, что стоит только войти в Господень Гроб, ты преобразишься, разбиваются в прах. Где с твоей души будут сорваны все оболочки, и ты увидишь её в наготе. И это будет главным тебе подарком.

В этой трудной земле блажен тот, кто носит в душе покой, как остров, на котором всегда можно укрыться. Чьё духовное детство прошло в материнской люльке, в ощущении безопасности, надёжности и простоты. И когда ты окажешься один посреди бури, без всякого руководства и помощи, не испугаешься. И даже если дно твоей лодки начнут прогрызать мыши или иная нечисть, ты вспомнишь, что надо делать. И это сработает.

*Санкт-Петербург, Россия
2020 г.*

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОТОПРЕСВИТЕРА
АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА
(13.09.1921-13.12.1983)**

Прот. Александр Шмеман.
Пасха. Свято-Владимирская семинария.
Крествуд (Нью-Йорк). 1970-е гг.

**Архиепископ Сан-Францисский
и Западно-Американский
Вениамин (Питерсон)**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
В СВЯЗИ СО СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНОЙ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА**

Для меня честь поделиться некоторыми воспоминаниями и мыслями об отце Александре.

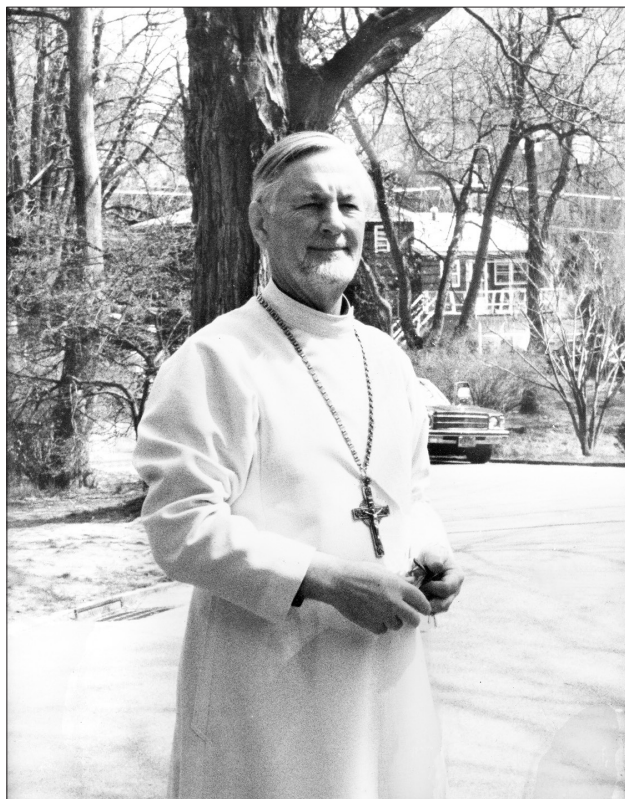
Я получил степень магистра богословия в 1981 г., и, таким образом, мое пребывание в Свято-Владимирской семинарии приходится на последние годы жизни отца Александра. Уверен, что другие останутся на его богословском наследии. Я же хотел бы немного поразмышлять об удивительном проникновении отца Александра как в русскую, так и в западноевропейскую культуру.

Лекции и труды отца Александра свидетельствуют о глубоком понимании им не только Православной Церкви и формируемого ею мира, но и западноевропейской культуры, философии и искусства. Годы его становления прошли в уникальной среде, созданной русской белоэмигрантской общиной во Франции после окончания Первой мировой войны, — общиной, которая пыталась держаться за уходящий мир. Как и у многих эмигрантов, его образование начиналось в русских школах, но затем он решил перейти во французский лицей. Это был мир не только потерявшей титулы и звания аристократии, антибольшевиков, кадетов и балов. Это был

мир великих умов: прот. С. Булгакова, Н. М. Зёрнова, прот. Г. Флоровского, Г. П. Федотова и других. Окончив Парижский университет, отец Александр поступил в Свято-Сергиевский богословский институт – великий центр православия в Западной Европе, основанный в 1925 г. Отцу Александру были знакомы имена нескольких великих французских литургистов Римско-католической Церкви, – в частности, Луи Буйе и Жана Даниэлу. Его труды свидетельствуют также о глубоком знании и понимании как русских, так и западных представителей светской культуры, таких как А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, Ж.-П. Сартр, Фридрих Ницше, Н. А. Бердяев и Альбер Камю. Но на меня именно любовь отца Александра к искусству – искусству как воплощению лучшего, что есть в человеческом творчестве, произвела поразительно глубокое впечатление.

Я пришел в православие из протестантской семьи. Мои предки шотландцы разделяли строгое и непоколебимое теологическое учение, в соответствии с которым всё, что приятно взору, вкусу или чувству... ведет к гибели. Помню, как ходил в церковь со своей шотландской бабушкой, как мы сидели на неудобной скамье, окруженные голыми стенами, и не было даже простого распятия, чтобы остановить на нем взгляд. Я совсем не хочу сказать, что не был любим, потому что несомненно был. Просто они придерживались пуританской веры, которая, например, не позволяла моей матери, одаренной певице, изучать оперное искусство. И в мой мир вошел отец Александр.

Я рос, учась играть на скрипке, и, в конечном счете, обнаружил, что у меня тоже есть голос, и я могу петь. На самом деле, я приехал в Свято-Владимирскую

*Отец Александр Шмеман
в Свято-Владимирской семинарии*

семинарию из другой духовной школы, которую можно назвать ее сестрой, – Свято-Тихоновской семинарии, и мною руководило как раз желание быть поближе к культурной жизни Нью-Йорка. Тем не менее, где-то в глубине я испытывал чувство вины из-за своего наслаждения концертами, Метрополитен-музеем и двумя оперными театрами. Вспоминаю свой первый Великий пост в качестве студента Свято-Владимирской семинарии. Я старался изо всех сил быть примерным православным христианином – настолько, что стал несколько невротичным. Со страхом и трепетом я приблизился к отцу Александру для исповеди. Когда я окончил, к моему удивлению, я получил похлопывание по спине со словами: «Это не так плохо! Иди в оперу!».

Примерно год спустя я направлялся в Новую Британию, штат Коннектикут, чтобы провести каникулы с другом. Каким-то образом, сейчас не помню, как отец Александр узнал, что я туда собираюсь, а так как он тоже ехал в том направлении, предложил меня подвезти. О Боже, думал я, о чем же я буду говорить с этим великим, эрудированным человеком городской культуры? Одно дело – сидеть в классе на его лекции, и совсем другое дело – провести с ним вместе два часа в машине. Ну, и вот, я залез в машину, и прежде чем успел что-либо понять, мы уже обсуждали новый сезон в Метрополитен-музее. Время пролетело незаметно. Я открыл для себя другую сторону этого знаменитого богослова. Думаю, будет справедливым сказать, что отец А. Шмеман понимал, что слова апостола Павла к Филиппийцам приложимы также ко всем формам искусства: *«Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно,*

что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Флп 4:8).

Я не могу сказать, что хорошо знал отца Александра. Он был человеком, несомненно, намного более глубокого ума, чем мой. Я не могу сказать, что был в числе его лучших студентов. Но я могу сказать, что во время той двухчасовой поездки передо мной открылся мир красоты и добра. Я узнал, что есть удивительная свобода в том, чтобы быть православным христианином. И за это я глубоко благодарен отцу Александру Шмеману.

*Сан-Франциско, США
6 января 2021 г.*

*Перевод с английского
Татьяны Прохоровой*

Братья Андрей (слева) и Александр Шмеманы
Фото из семейного архива семьи Шмеманов

Протопресвитер Владимир Ягелло

Владимир Ягелло родился в 1943 году в Париже. Окончил факультет русской филологии и Институт восточных языков в Парижском университете. Окончил Свято-Сергиевский богословский институт; в 1975 г. был рукоположен в дьякона, в 1994 г. – во иерея и с 1994 года – настоятель храма во имя иконы Знамения Божией Матери в Париже. Председатель радиостанции «Голос православия»; вице-председатель общества «Икона».

Автор книг: «Беседы о православной вере и русской Церкви». Париж: изд. НОВ, 1992; «Вы пришли в храм». СПб: Агат, 2004; «Россия – родина отцов наших». Париж: изд. НОВ, 2014; «История Церкви. Краткий обзор для учеников приходских школ и студентов». Париж: изд. храма Знамения, 2018; «Воспоминания. Два поколения русской эмиграции 1920–2020». Париж, Москва, Санкт-Петербург: изд. Общества любителей церковной истории, 2020.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОТОПРЕСВИТЕРЕ АЛЕКСАНДРЕ ШМЕМАНЕ

Отец Александр каждый год приезжал с матушкой Иулианией в Париж к брату Андрею и всегда служил в нашем храме Знамения Божьей Матери. Наша семья была близка к семье Шмеманов, особенно – к семье Андрея Дмитриевича и Елены Александровны. Мы дружили и дружим с их детьми, а также и с детьми о. Александра, уехавшего в 1951 году в Америку. Эти встречи были всегда радостным событием, праздником.

В 1955 о. Александр был у нас на даче под Парижем и освящал недавно купленный моими родителями дом. В 1973 о. Александр крестил нашу дочь Ксению, в момент, когда наш владыка Александр (Семёнов Тянь-Шанский) был болен. Кроме того, о. Александра приглашали в семидесятых годах на съезды РСХД в местечко Bièvres, и каждое его выступление было настоящим фейерверком в конце съезда. Многие приезжали в воскресенье днем именно на его заключительный доклад. Он вносил своей речью и трезвыми идеями оживляющую струю в души присутствовавшей молодежи.

Братья-близнецы Андрей и Александр Шмеманы родились в Ревеле (ныне Таллин), в Эстонии в 1921 г. в семье офицера Лейб-гвардии Семёновского полка Дмитрия Николаевича Шмемана и Анны Тихоновны Шмеман (Шишковой). Семья эвакуировалась из России с армией генерала Юденича и нашла убежище со многими другими в Эстонии. Вскоре семья Шмеманов переехала в Париж, где окончательно устроилась, после краткого пребывания в Белграде.

Братья Шмеманы учились в русском кадетском корпусе имени Николая II в Вилье ле Бель, откуда корпус переехал позже в Версаль в хороший большой особняк с парком и плацем.

В корпусе братья Шмеманы получили прекрасное образование, и неоднократно вспоминали беседы директора, генерала Римского-Корсакова о русской литературе, в частности, о поэзии Пушкина, Тютчева и других русских поэтов. Ему обязан был Александр своей любовью к чтению и к русской литературе. Уже тогда способность Александра к размышлению и оценке литературы и исторических фактов была подмечена

архимандритом Саввой (Шимкевичем) воспитателем кадет (чтобы отличить от политической партии было принято говорить и писать «кадет», а не «кадетов»). В эту эпоху уже работали молодежные организации, в частности РСХД, и при нем Дружина Витязей, основанная Н. Ф. Федоровым в 1926 г. Братья Шмеманы тоже посещали дом № 10 на ул. Монпарнас, где был центр молодежной деятельности. Учение Андрей закончил в начале войны в русской гимназии в Булони, а Александр – во французском лицее Карно в Париже.

В эти годы братья Шмеманы посещали собор св. Александра Невского в Париже и начали там прислуживать под управлением П. Е. Ковалевского (1901–1978), основавшего братство иподиаконов. Здесь, на богослужениях, возглавляемых митрополитом Евлогием, братья Шмеманы полюбили благолепие служб и на всю жизнь прониклись любовью к Церкви, к красоте православных богослужений. Оба были рукоположены в иподиаконов митрополитом Евлогием в 1940 г. Петр Евграфович отмечает в своих дневниках 20-го февраля 1939 года: «Саша откуда-то (он очень глубокий человек) в 18 лет имеет необыкновенное чутье к сложнейшим духовным вопросам и рассуждает как опытный церковный работник».

Как известно, Александр поступил в Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже в 1941-м году, и в 1945-м году был рукоположен во священника, и после окончания Института стал преподавателем истории Церкви, помощником профессора А. В. Карташёва. Оба брата женились, Александр на Иулиании Сергеевне Осоргиной в 1943 г., а Андрей на Елене Александровне Лодыженской в 1944 г. В 1951 г. отец Александр уехал с семьей в Америку по приглашению декана Свято-Вла-

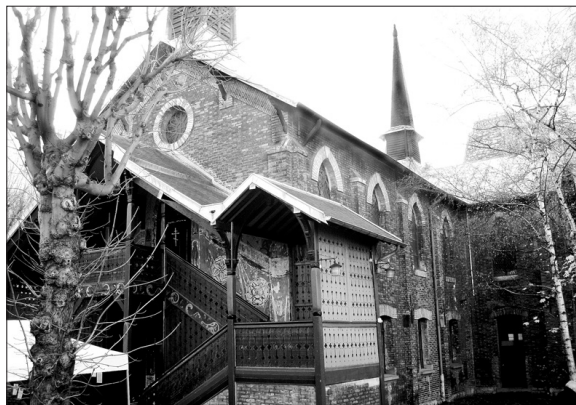

Париж, Сергиевское подворье (так называют Свято-Сергиевский богословский институт и церковь во имя прп. Сергия Радонежского), 1945 г.

Слева направо: прот. Антоний Карпенко, архим. Киприан (Керн), еп. Кассиан (Безобразов), Александр Шмеман. Снимок сделан до рукоположения Александра, поэтому он без креста.

Стоят: М. Г. Трубецкой, С. М. Осоргин.

Фото из архива Сергея Шмемана

Церковь во имя прп. Сергия Радонежского при Богословском институте.

Фото Василия Минченко

*Ульяна Шмеман и о. Александр
на пароходе «Queen Mary» на пути в Америку, 1951 г.
Дети слева направо: Анна, Мария, Сергей.
Фото из архива Сергея Шмемана*

димирской семинарии в Нью-Йорке, о. Георгия Флоровского. Андрей остался во Франции и был активен в НОВ¹, в епархии и приходе.

После смерти митрополита Евлогия в 1946 г. Андрей Дмитриевич был иподиаконом при митрополите Владимире (Тихоницком) и заслужил его полное доверие. Таким образом, в 1952 г., в момент некоторой смуты в приходе Знамения Божьей Матери, Андрей Дмитриевич был назначен митрополитом Владимиром старостой в этом приходе, и уже позже избранным старостой пребывал на этом посту до 2005 г. Кроме приходской деятельности Андрей Дмитриевич был также многие годы членом епархиального совета, и казначеем епархии.

¹ Национальная Организация Витязей. (Прим. ред.)

В Свято-Сергиевском институте отцу Александру Шмеману очень много дали профессора А. В. Карташёв, архимандрит Киприан (Керн) и протопресвитер Николай Афанасьев. Отец Киприан (Керн) и отец Николай Афанасьев были крупными специалистами по литургическому богословию, истории развития православного богослужения, главным образом, – Евхаристии. Фактически эти профессора оказали огромное влияние на о. Александра и способствовали формированию его мировоззрения, в частности, его видения Церкви.

Недаром первая книга о. Александра – *Исторический путь Православия*. Неудивительно, что творчество о. Александра проявилось в трех областях: истории Церкви и экклезиологии, литургике, и пастырстве. Главнейшей заботой о. Александра было свидетельство о вселенскости Православия, не ограничиваясь узкой *русскостью*, от которой отец Александр, тем не менее никогда не отказывался. Известно, что о. Александр оставался очень русским человеком, любителем русской поэзии, литературы, знатоком русской религиозной мысли; проповедником для русской аудитории в СССР на радио Свобода, что способствовало впоследствии его знакомству с Солженицыным. Отец Александр воспитал своих детей в русском духе, и они прекрасно говорят по-русски. Уже в бытность его редактором Епархиального Вестника во Франции (1946–1951) о. Александр ясно выражал свое убеждение в том, что Спаситель открыл нам не религию, а Царствие Божье – в таинстве Евхаристии, открывающем нам жизнь вечную. Поэтому о. Александр отвергал всякий клерикализм, как и обмирщение, ведущие к бытовой и замкнутой стороне жизни Церкви.

К концу жизни о. Александр пришёл к убеждению, что «...только православие, как истину о Боге, о человеке, о мире, как общее видение космоса, истории, эсхатологии и культуры, можно сегодня противопоставить разложению и умиранию мира, созданного христианством, но от которого он в безумии своём отказался. Но чтобы это противопоставление было действенным, надо, чтобы православие снова стало Божественной простотой, Благой вестью в чистом виде, радостью, миром и правдой в Духе Святом»².

Экклезиология о. Александра основана на эсхатологическом измерении Церкви. Эсхатология касается конца времен, но осуществляется для христиан здесь и теперь. Она предвосхищает Царствие Божье. Это понятие стало своего рода лозунгом по-французски: *ici et maintenant*, по-английски: *here and now*, по-русски: здесь и сейчас. Отец Александр подчеркивает понятие непрременной соотнесенности земного мира и Царствия Божьего. Все это возможно благодаря божественной воле и нашей жизни во Христе, следуя Евангелию. Отсюда и видение поместной Церкви о. Александром. Оно вполне соответствует учению апостола Павла и первых отцов Церкви. Благодаря своей настойчивости о. Александр, с участием о. Иоанна Мейендорфа смог довести до конца процесс автокефалии Православной Церкви в Америке: ОКА (Orthodox Church in America). Не «американская», а – «в Америке».

Относительно литургического богословия, о. Александр считал что эта наука призвана дать основу для богословского исследования богослужения и всей

² Струве Никита. Православие и Культура. // Из письма о. А. Шмемана к Н. Струве. – М., 1992. С. 166.

литургической традиции Церкви. Исходной точкой работы о. Александра является знаменитая поговорка отцов, к которой он всегда возвращался: *lex orandi – lex credendi* (лат. закон молитвы – закон веры). Для него богословие вообще не может развиваться вне литургики. Также как Священное Писание вдохновляет догматику, так и литургическое богословие должно изучать литургические тексты и их использование догматическим богословием. Другими словами о. Александр призывает к изучению литургических фактов³, их истории и смысла.

Больше всего о. Александр развил понятие экклезиологии в своем исследовании Евхаристии, в котором каждая часть называется таинством. Следуя о. Николаю Афанасьеву, о. Александр подчеркивает значение царственного священства, священства всего собрания крещенных христиан, определяя место предстоятеля именно перед собранием, а не над ним. И никакие перегородки не могут отделить предстоятеля от общего собрания, ни алтарь, ни иконостас, ни врата, ни двери, ни занавес (катапетасма), ни какие-либо «тайные» молитвы или тайные священнодействия.

Итак, совершение таинства Евхаристии становится местом примирения Божественного и человеческого, в воспоминании смерти Спасителя и Его славного Воскресения, а также и второго пришествия. Литургия св. Иоанна Златоуста: «Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бышая, крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие». Вся эсхатология здесь. Напоминание о царственном священст-

³ Литургические факты: последовательность молитв, их действительное значение как свидетельство веры. (Прим. авт.)

Отец Александр с женой Ульяной Сергеевной
Фото из архива Сергея Шмемана

ве, предполагает общее участие всего народа Божьего в этой живой встрече с Господом. Конечно, подразумевается общее причащение всех присутствующих – всех участников совершения таинства Евхаристии. В этом отношении многое переменилось в практике наших приходов.

Отец Александр Шмеман известен как богослов, однако он был и пастырем. И, конечно, мужем своей жены – матушки Иулиании и отцом своих детей. Это был крайне добрый и живой человек, без каких-либо претензий, и в общении с людьми он совсем не рвался богословствовать. Наоборот, в жизни о. Александр любил быть в семейном кругу, шутить, острить и пользоваться обыкновенными радостями жизни. С точки зрения пастырской о. Александр очень внимательно ко всем относился и, в частности, всячески старался проповедовать

на простом, ясном и доступном языке. Будучи отпрыском русской интеллигентной военной среды, переехав в Америку, отец Александр прекрасно овладел английским языком, проповедовал, писал книги на нем. Отца Александра постоянно приглашали читать лекции в разных школах и университетах, так как он уже был широко известен. Никогда не побывав в России/СССР, отец Александр как-то отрешился от российской действительности, но благодаря своему таланту, книгам и радиопередачам, вполне вписался в стихию русской культуры. Его труды постоянно издаются, цитируются во всем православном мире, в частности, в России.

У о. Александра было особое отношение к вопросу покаяния и исповеди. Он опасался подхода многих верующих к исповеди как к месту изложения психологических настроений и проблем, скорее чем к искреннему покаянию. Он пишет в своих *Дневниках*, что не чувствует призвания заниматься «духовничеством» и скептически относится к понятию «духовника, управляющего своим чадом». Отец Александр предпочитал через проповедь привести человека ко Христу, к любви и свободе во Христе. Тем более, проповедник обращается также и к самому себе, к своим слабостям.

Наследие о. Александра необъятное и является для нас всех богатым и благодатным сокровищем, чья актуальность может еще многое нам открыть.

В декабре 2008 года, в Париже состоялась конференция на тему именно этого наследия. Все выступления свидетельствовали о благодарности отцу Александру за его труды.

*Париж, Франция
Март 2021 г.*

Протоиерей Алексей Виноградов

*Священник Православной Церкви в Америке.
Храм свт. Григория Богослова в Уэппингерс-Фоллс,
штат Нью-Йорк.*

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ШМЕМАН ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ХРИСТОС И КРИЗИС НАШЕЙ ЭПОХИ

Со дня его смерти в 1983 г., наследие отца Александра Шмемана вновь обретает голос на ежегодной мемориальной лекции в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, в которой расцветали его идеи, питая поколения духовенства и верующих и достигая широкой общественности через многочисленные публикации и лекции. Постоянная академическая кафедра и учреждение ежегодного мероприятия подразумевают, что мысль этого человека представляется ориентиром и достижением для данного института – наследием, которое его духовные преемники желают чтить и нести другим. Здесь я поразмышляю о том, как о. Александр мог бы сформулировать церковный ответ на кризис нашего времени.

В качестве основополагающей идеи своих работ, пожалуй, лучше всего выраженной в его знаменитой лекции «Между утопией и эскапизмом», о. Александр отстаивает срединный путь между двумя крайностями: сектантской изоляцией от реального мира на одном полюсе и, на другом полюсе, противоположным ей «прогрессом», ведущим к эфемерной секулярной утопии.

Однако предложенный им срединный путь – это не компромисс между двумя крайностями, но, скорее, триумф восхождения из обоих тупиков к эсхатологическому видению осязаемого, реального мира – дома Воплотившегося Господа истории.

Нужно сказать, что для о. Александра эсхатология – это не какая-то смутная богословская категория, связанная с будущими посмертными заботами человека, но, напротив, явление Царства, входящего и преображающего само Время. Для него это преображение в совершенстве выявлено в литургии. В своей книге «Евхаристия. Таинство Царства» о. Александр пишет, что в литургии наше воспоминание «становится нашим вхождением в *Его* [Христа] победу над временем, над распадом его на “прошлое”, “настоящее” и “будущее”, вхождением не в какую-то отвлеченную и неподвижную “вечность”, а в “жизнь жительствоющую”...»¹.

Это восхождение над тиранией Времени просматривается в восклицании *καὶρός*, которым провозглашается Царство в начале евхаристической литургии, и далее, в воспоминании спасительных актов, которые «свершились», и включении в эти акты «второго и славного пришествия», которое мы еще предвосхищаем. Здесь, в литургии, линейная последовательность истории временно приостанавливается внутри первенствующей над ней эсхатологии: событий вечного значения, рожденных во вневременности Того, Кто пребывает ныне, и вовеки «посреди нас»! И пока богословы спорят о том, что «происходит» со Святыми Дарами, они упускают из виду тот факт, что мы прежде призываем

¹ Шмеман Александр, *прот.* Евхаристия. Таинство Царства. – Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 161.

Святого Духа произвести перемену «в нас» и, как следствие, «в предложенных здесь Дарах» («низпосли Духа Твоего Святого на ны и на предлежащия Дары сия»). Это мы, собравшиеся верные, бываем преображаемы, формируемы в Новое Творение, мы получаем способность вглядываться в неизъяснимые измерения Духа и через это воспринимать мир и всю его материальность как символ Царства.

На момент написания этой статьи Америка переживает внутренний терроризм, идущий войной на ее священные институты закона и правительства (подстрекаемый лидерами, всенародно назначенными для их сохранения) – спровоцированный захват Капитолия – и это в день, который, по иронии судьбы, совпадает с празднованием христианской Церковью обновления всего творения погружением Христа в воды Иордана. Итак, вот мы непосредственно оказались в самой гуще культурных циклов Закона и Мятежа, поляризованных сил Консерватизма и Освобождения, и здесь о. Александр говорит о Христе именно как о единственном Кризисе, разрешающем непримиримое напряжение этих крайних полюсов человеческого общежития, пронизывающее все фибры нашей жизни.

Если этимологически «кризис» означает просеивание, отделяющее токсины от здорового организма, библейское «плевелы от пшеницы», тогда сказанное Александром Шмеманом должно быть актуально для всех аспектов человеческих дел:

«Есть только *один кризис* – благой и спасительный. Это – Христос [...] В Нем исполнен Закон, но исполнена и Революция... [...] Ибо в том-то и весь смысл его [христианства], что оно выход *ввысь* из самого этого

ритма. Оно есть возможность жить правдой революции внутри закона (то есть “падшего мира”) и правдой закона (отражающего в падшем мире *строй* бытия) внутри революции. Ибо как закон – “во имя” той правды, которой живет революция, так и революция – “во имя” той правды, которой бессильно живет закон... Христианство, таким образом, – их совпадение, *coincidentia oppositorum*², и этот “синтез” закона и революции, исполненность их друг в друге – это и есть Царство Божие, *сама* правда, *сама* истина, *сама* красота, ибо Жизнь и Дух...» (8 декабря 1975)³.

Следующие слова из той же дневниковой записи дают нам представление о том, насколько душно было бы о. Александру среди сегодняшних враждующих «сторон» не только в обществе, но, особенно, в Теле Христовом:

«Мне кажется, что тут ключ к христианскому восприятию культуры, политики, да, конечно, и самой “религии” – христианского “держания вместе”, а потому и свободы от консерватизма и “революционизма”. Отсюда – ужас и от “правого” христианина, и от “левого” (в их обособленности друг от друга). А для меня – объяснение того, почему с “правыми” я так остро чувствую себя “левым”, а с “левыми” – “правым”»⁴.

Если о. Александр предостерег нас о том, что проклятие изначального грехопадения человека проявляется в этом цикле закона, с одной стороны, и стремления к свободе от закона, с другой, если он смог показать

² Совпадение противоположностей (лат.).

³ Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. С. 228.

⁴ Там же. С. 228–229.

нам, как в Себе Самом Христос воплотил примирение и осуществление двух противоположностей, – то какие ответы сам Шмеман показывает или предлагает для нашего собственного пути подражания Христу? Какие ответы он дает, которые заключали бы в себе подлинную надежду для Церкви и, как следствие, для мира? Как мы восходим со Христом в Новое Творение, которое Он создал из нас через Свое общение с нами в нашей земной плоти?

Когда мы смотрим на статьи о. А. Шмемана, посвященные святым, на его биографические очерки, как, например, широко известные «Три митрополита», или его хвалебные «юбилейные» слова о таких светилах, как о. Сергей Булгаков, мы видим, что он обращал внимание не столько на их богословские или исторические достижения, сколько на малые особенности их личности и образа жизни. В митрополите Леонтии Шмеман подчеркивает его кротость и любовь к детям; у великого философа Булгакова не его теории, а его глубокую погруженность в светоносный опыт литургии. Характер, а не великие дела, – вот отличие этих людей.

В своих экскурсах в русскую литературу о. Александр всегда подчеркивал образы, казалось бы, незначительные, такие как старая тёмная и раздражающая многих женщина – подлинная героиня «Матрёнина двора», «без которой, – по слову Солженицына, – не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша»; или как чеховский старший садовник, который никогда не мог посмотреть на своего ближнего, насколько бы тот ни был запятнан, иначе чем как на прекрасное дитя Божие.

Очевидно, что не только облако свидетелей Церкви, явленное в ее святых, но и это богатое пространство

встреченных по жизни людей и литературных персонажей сформировало собственную уникальную личность о. Александра. Я никогда не могу дочитать то место в Евангелии, где говорится о первой попытке арестовать Иисуса, без того чтобы не вспомнить при этом о. Александра. Служители возвращаются ни с чем к фарисеям и оправдывают себя так: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек» (Ин 7:46). Отец Александр привлек нас, кому посчастливилось жить в его время, тем, как он говорил слова жизни, истины и радости. Даже его откровенные и даже едкие «обличения» (рассыпанные среди его дневниковых записей и щедро приправленные перцем) неизменно выдержаны в духе скорби о заблудших и творящих зло. При этом он никогда не выставляет их как врагов, которых надо сокрушить. Он прекрасно отдавал себе отчет, что даже многие из его «героев» и святых терпели поражение в сфере «успешности» с точки зрения мира. Для отца А. Шмемана кризис, выявляемый во Христе, подлинное различие духов, состоит не в том, чтобы проклясть грешника, но в том, чтобы опознать и разоблачить идолов, подменяющих правду и овладевающих своими жертвами (Ин 5:21). Богословие, лишенное свидетелей о Царстве света и радости, богословие, поляризующее человека против брата его, – это не богословие вовсе.

Отец Александр смиренно стоял перед разверзшимся пространством истории, отчетливо излагая разницу между Царством явленным, удостоверенным и присутствующим во Христе – и тем, как нам различить и воплотить это Царство в его историческом и культурном антураже. Возможно, мы только сейчас, в нашем нынешнем кризисе политической, культурной и

религиозной поляризации и растущей по экспоненте разделённости на фракции в Теле Христовом, опознаем, как каждый из нас уловлен смертельными тисками той или иной полярности, пребывая в лагере нашей собственной «праведной» группы и единственно верного мировоззрения. Ходить в уверенности о бессмертии «сынов Божиих» (Лк 20:36) значит выстоять в свободе от этой циклической ловушки, восстать со Христом в Новое Творение, которое Он соделал из нас Своим соучастием в нашей земной плоти. Только в этой свободе имеем мы «слово», чтобы предложить его миру.

27.01.2021 г.

*Перевод с английского⁵
Татьяны Прохоровой*

⁵ Posted in Church and Modern Society, Sacramental and Liturgical Life, Theology and tagged Alexander Schmemmann, Eschatology, Fr. Alexis Vinogradov on January 27, 2021.

Священник Владимир Лапшин

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

С отцом Александром Шмеманом я знакомился (конечно же, не с ним лично, а с его творчеством) несколько раз, постепенно. Первая встреча произошла в самом конце 70-х годов прошлого века. Мне на несколько дней дали почитать книгу «Исторический путь Православия». Книга произвела неизгладимое впечатление. Я даже не представлял, что можно вот так вдохновенно и в то же время честно писать книги по истории Церкви. Особенно о Вселенских Соборах, об отцах этих Соборов. Они же святые, мы их прославляем – память отцов Первого Вселенского Собора, память отцов шести Вселенских Соборов, отцов Седьмого Вселенского Собора. А здесь все их страсти, споры, метания. Одним словом, я был настолько поражен, что решил книгу законспектировать, так как её надо было вернуть. Потом зачитывал эти конспекты, пояснял, дополнял тем, что запомнил из книги, друзьям в «малых группах», в которых я участвовал. Интересно то, что имя автора у меня не запечатлелось, только название книги запомнилось на всю жизнь.

Вторая встреча произошла в конце лета 1983 года. Я делал первую попытку поступить в семинарию. На время вступительных экзаменов всех абитуриентов поселили в общежитии МДС, в Троице-Сергиевой лавре. Селили нас по 7–10 человек. То есть возможностей для общения, как и свободного времени, было много. В то время я, конечно, был активным приверженцем отца

Александра Меня, и говорить мог только о нем, какой он умный, какие прекрасные книги он пишет, какие удивительные проповеди произносит. Надо сказать, что большинство абитуриентов были из провинции и про отца Александра Меня ничего не знали, поэтому кто-то слушал с интересом, кто-то уходил от разговоров о каком-то странном священнике, который, видите ли, проповедует в храме, да еще и книжки пишет. К сожалению, я тогда плохо понимал, какие опасные и для себя, и для отца Александра Меня беседы я там вёл. Но в нашей комнате был ещё один москвич, тогда просто Саша, теперь Александр Иванович Кырлежев, известный церковный публицист и историк. Вот он-то и намекнул мне, что в беседах надо быть осторожней. Да и, вообще, что это я всё – Мень, Мень, есть же и другие замечательные священники и богословы. Помню, я стал спорить, ведь других я не знал. А он мне назвал имя отца Александра Шмемана, стал что-то рассказывать о нем. Я спросил с иронией – и что же он такого написал? Одной из первых Саша назвал книгу «Исторический путь Православия». Вот теперь я запомнил это имя.

Через год (только через год) поступив в семинарию, и благодаря некоторым знакомствам и определенным обстоятельствам, я получил широкий доступ к библиотеке Академии. Вот там-то и нашлись некоторые книги отца Александра Шмемана. Читал их запоем, хотя с поступлением в семинарию стало совсем мало свободного времени. Позже, когда я уже служил в Подмоскovie, западные братья прислали нам на приход целую библиотеку религиозной литературы (конечно, *Тамиздат*). У нас еще ничего такого не печатали. Это был, наверно,

1990-й год. Советский Союз, деревенский приход, а тут такое богатство – 300 томов прекрасной литературы. На таможене целый месяц проверяли эту посылку, но отдали всё. Были там и книги отцов Александра Меня и Александра Шмемана. Счастью не было предела. Но главную, на мой взгляд, книгу Шмемана «Евхаристия. Таинство Царства» я к тому времени уже, конечно, знал и служил Литургию у себя в деревне так, как он завещал – открытые Царские Врата, все молитвы вслух, проповедь после Евангелия. Ну и главное, это попытка создать подлинно общинную жизнь. Всё это пригодилось потом и в Москве.

В 1995 году началась работа на ХЦОК¹ и радио «София». Работы было много, постоянно нужно было подыскивать темы для передач в прямом эфире. И чтение, комментирование книг отца Александра Шмемана, его проповедей всегда было беспроектным вариантом. Конечно, невозможно было заполнить весь эфир одним Шмеманом, но возвращение к нему всегда было праздником! А уж какой праздник начался, когда были изданы его *Дневники*. Их на радио можно было читать почти подряд несколько месяцев, обсуждать, спорить, а главное, учиться у отца Александра по-новому смотреть на мир, на жизнь, учиться радоваться простой человеческой жизни. Для меня этот праздник продолжился, когда в ноябре 2010 года в «Доме Русского Зарубежья» должен был пройти семинар «Богословие радости», и мне предложили сделать небольшое выступление. Я сейчас уже не помню, было ли всё мероприятие посвящено отцу Александру Шмеману или

¹ Христианский церковный общественный канал. (Прим. ред.)

речь шла вообще *о радости в богословии*, но я решил говорить о радости общения в его работах. Работалось с огромным удовольствием, но и с трудом. Ведь хотя текст получился не очень большой (время выступления было ограничено), необходимо было просмотреть главные его работы, ну и, конечно, заново пролистать *Дневники*. И хотя к тому времени многие проповеди отца Александра и его *Дневники* уже были прочитаны и прокомментированы мною на радио (и не единожды), именно в процессе подготовки к этому выступлению я понял, что отец Александр был очень светлым и радостным человеком, и всё его творчество буквально пронизано тихой светлой радостью. И именно с этого момента я стал часто повторять своим прихожанам, что безрадостное христианство — это вовсе не христианство. У христиан всегда есть причина, основание для радости, а повод найти нетрудно. Как можно быть верующим человеком, зная, что есть любящий тебя Бог, и не радоваться?!

К сожалению, приходится признать, что, хотя многие труды отца Александра Шмемана были изданы и переизданы в России, и сегодня его духовное наследие, его творчество многими верующими у нас не понято, недооценено и не востребовано. И не только народом, но и многими священнослужителями. Что, конечно, огорчает.

Светлая и вечная память отцу Александру!

Москва, Россия
30 января 2021 г.

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ²

Я должен признаться, что был смущен, получив приглашение принять участие в этом семинаре. Возникло сомнение, может ли «Радость» быть объектом богословия. Казалось бы, радость – это что-то слишком простое, профанное, из обыденной жизни, а богословие должно оперировать какими-то другими, более возвышенными, сугубо религиозными категориями. Одним словом, сработало то, что так активно в своих *Дневниках*³ обличал о. Александр Шмеман – склонность церковных людей «идеализировать» богословие, отрывать его от реальной жизни. Правда, это сомнение очень быстро рассеялось; достаточно было заглянуть в несколько Словарей Библейского Богословия, чтобы убедиться, что в каждом из них есть статья, посвященная «Радости». Более того, эти статьи оказались одними из самых объемных и содержательных. При этом в статьях указывались связи этого слова с такими сугубо богословскими категориями, как «Бог», «Царство Небесное», «Дары Святого Духа» и многими другими. Да и *Послания ап. Павла* вспомнились. Как-то сразу стало понятно, что говорить о Боге, о Царстве Божьем, не имея в виду радость, просто невозможно.

Но радость радости рознь. Есть простые человеческие, скажем так, житейские радости, а есть радости, как любят говорить церковные люди, «духовные», связанные исключительно с религиозной практикой. На-

² Выступление на конференции «Богословие радости», проходившей в «Доме Русского Зарубежья» в ноябре 2010 г. (Москва). Публикуется впервые.

³ Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. (Прим. ред.)

пример, радость молитвенного предстояния Богу, радость о Боге, о Церкви, о вере, даже, если хотите, радость об исполненном религиозном долге. Вот такие «духовные» радости, конечно же, имеют самое непосредственное отношение к христианскому богословию. И можно найти великое множество примеров тому в творчестве о. Александра Шмемана. Достаточно пролистать его главную, на мой взгляд, работу *Евхаристия. Таинство Царства*. Там, начиная с конца первой главы, если не на каждой, то, по крайней мере, через одну-две страницы, на которых речь идет об изначальном, т.е. подлинно христианском понимании Евхаристии, есть упоминания такого рода радости. Это и радость собрания в Церковь, радость узнавания в ней Царства Небесного, т.е. радость новой жизни, даруемой в Церкви, и радость о том, что «будущий век», грядущее Царство Божье, «уже явлен, уже дарован, уже “посреди нас”». Это радость восхождения, радость приношения, радость встречи со Христом, и так до конца книги. На последней странице читаем: «Как ясно все, как просто и светло. Какой полнотой наполнено. Какой радостью пронизано. Какой любовью озарено. Мы снова в начале, где началось наше восхождение к Трапезе Христовой в Его Царствии». Да, это радость о Царстве Божьем, дарованном нам и явленном в Евхаристическом общении «уже здесь и сейчас». Это то, о чем ап. Петр лепетал на горе: «Господи! хорошо нам здесь быть».

Но можно ли считать, что только эта радость является предметом богословия, что только она заслуживает нашего внимания. Нет, конечно же, нет. К «духовным» радостям относятся и радость творчества, и радость о красоте Божьего творения. И эти радости приобщают

нас к вечности, дают опыт присутствия Бога в нашей жизни. Как красиво, с какой любовью пишет об этом о. Александр в своих *Дневниках*. И при этом как бы мимоходом. Вот, например: «А вместе с тем, читая лекции, утром, вдохновляешься все так же. Всегда чувство – что все главное мне открылось при чтении лекций. Точно кто-то другой их читает мне!», и чуть дальше: «Сегодня лекция: о воскресном прокимне за всенощным бдением, о подготовке к чтению и о самом чтении Евангелия и т.д. И снова – сколько сам для себя радостно открываешь в этой попытке непередаваемое передать другим». И еще о творчестве: «Все эти дни – писание, пускай даже урывками, моего “Водой и Духом”, вдохновляющее и радостное. В каком я счастливом настроении, когда могу работать над любимым, прикасаться к “единому на потребу!”. А вот буквально в одной строчке и о природе, и о творчестве: «Удивительный, совершенно весенний день! Почти жарко. Весь день дома за столом. Счастье». Или вот: «Изумительные, весенние дни. И как только остаюсь один – как вчера, в Harlem, опоздав на поезд, – счастье, полнота, радость». И, конечно же, о значении красоты природы: «Как изумительна была поездка по Taconic Parkway в солнечном пожаре осенней листвы. Я думал: почему мы знаем, что кроме “мира сего” – падшего и во зле лежащего – есть, несомненно есть иной, чаемый? Прежде всего через природу, ее “свидетельство”, ее раненую красоту... Все свидетельство, вся красота природы – об ином, о Другом». И через месяц еще: «И все тот же золотой осенний свет, то же небо, та же заливающая сердце радость от всего этого». А за полгода до этого: «Лучезарный, солнечный, весенний день. Он как будто

сам звенит молитвой: “Радости приятелище! Тебе подobaет радоваться единой!”».

Можно было бы подумать, что о. Александр мизантроп, склонный к уединенной созерцательной жизни. Особенно если вспомнить его заметки по поводу политики, церковного активизма, скандалов в Семинарии и вообще в церковной жизни, по поводу настроений в эмигрантской среде. Да и сам он признает, что всегда испытывал, «с самого детства: странное удовольствие, почти счастье от созерцания, от ощущения мира “со стороны”. Именно не просто “ухода” (какое мне, мол, дело!), не равнодушия, а внутреннего detachment (отрешения, отстраненности)». Или вот: «Наконец после всего – действительно страшного – напряжения этих дней остаюсь один на аэродроме в Цюрихе. Снова дождь и туман. Снова привычная западная толпа, в сущности – мой мир. В котором мне просто. Просто – в смысле привычной принадлежности к нему и внутреннего в нем – одиночества, свободы».

То есть, с одной стороны, действительно склонность к созерцанию, к отстраненности, и в то же время о. Александр человек совершенно городской, любящий город с его ритмом жизни, с его суетой. Вот его признание: «Сегодня, ранним утром, пятнадцать блоков по Park Avenue. Как я люблю эту утреннюю городскую суету, как всегда любил ее». Он любит Нью-Йорк, а с какой любовью он пишет о Париже. Город с его улицами, магазинами, с его звуками, с его толпой, с наполняющими эти улицы и магазины людьми по-настоящему его радует. Потому что это сама жизнь. Вот как он сам об этом пишет: «Мне все делалось страшно интересным: каждая витрина, лицо каждого встречного,

конкретность этой минуты, этого соотношения погоды, улицы, домов, людей. И это осталось навсегда: невероятно сильное ощущение *жизни* в ее телесности, воплощенности, реальности, неповторимой единичности каждой минуты и соотношения внутри ее всего... и чуть дальше. – Это опыт мира и жизни буквально в *свете* Царства Божия, являемого, однако, при посредстве всего того, что составляет мир: красок, звуков, движения, времени, пространства, то есть именно конкретности, а не отвлеченности».

И вот здесь мы вернулись к тому, с чего начали. Именно *жизнь* с ее простыми житейскими радостями доставляет о. Александру *подлинную радость*, приобщающую к опыту Царства Божьего. Для него и христианство, и Евхаристия, и Церковь – это не религия, а сама жизнь в ее глубине, реальное присутствие в этом мире того, «чем все так или иначе светится, к чему все так или иначе относится». Вообще одно из любимых слов о. Александра – “отнесенность”. Он задается вопросом: «Но что такое, в чем эта “отнесенность”? Мне кажется, что именно этого я никак не могу объяснить и определить, хотя, в сущности, только об этом всю жизнь говорю и пишу (литургическое богословие – В. Л.)». Действительно, всем своим творчеством о. Александр пытался ответить на этот вопрос, для нас же сегодня важно то, что объектом его богословия, по его собственному признанию, является именно жизнь с ее простыми житейскими радостями, жизнь в ее отнесенности к Царству Божьему.

И особое место среди радостей жизни занимает радость общения. Особое место не только потому, что это самая большая радость, но и потому, что с общением

тоже все непросто. Не всякое общение радость. Достаточно вспомнить, как о. Александр относился к церковным съездам, богословским конференциям, к всевозможным спорам и обсуждениям. И даже к личным беседам на, так называемые, «духовные» темы. Вот, хотя бы, такая запись: «Страшная трудность для меня личных разговоров. Почти отталкивание от всяческой “интимности”. Мучительная нелюбовь исповедовать. О чем в христианстве можно столько “разговаривать”? И для чего?». Или вот о богословии и обсуждениях: «И вера в “обсуждения”, “выяснения”, “коммуникации”. Ни один человек в мире не обогатился обсуждениями. Только встречей с реальностью, с правдой, добром, красотой». И на той же странице: «Но прельстилось (имеется в виду богословие – В. Л.) чечевичной похлебкой обсуждений и доказательств, захотело стать словом научным – и стало пустотой и болтовней». То, о чем здесь говорит о. Александр, можно было бы назвать «первородным грехом» богословия – оно должно было бы быть искусством, искусством жизни, а захотело стать наукой.

Но вернемся к радости общения. Несмотря на все трудности, о. Александр испытывает настоящую радость от общения с людьми, но только тогда, когда это подлинное общение, а не говорильня. Вот как он сам определяет это: «То же самое и в *общении*. Оно не в разговорах, обсуждениях. Чем глубже общение и радость от него, тем меньше зависит оно от слов. Наоборот, тогда почти боишься слов, они нарушат общение, прекратят радость...» И в той же записи – «Брат Андрей: мы трех “серьезных” слов не сказали друг другу за последние двадцать лет, но встречи и общение

с ним одна из главных, реальнейших радостей моей (и, я знаю, его) жизни, бесспорное, очевидное “добро”». И как иллюстрация к этому: «Заехали на пруды, где купались когда-то; с ними связано у меня воспоминание праздника. Чудная поездка, и все время чувство полного единства с Андреем, абсолютного общения в том же. Чистая радость». Ну, хорошо, Андрей – брат-близнец, это особая статья, но возможно ли такое общение с другими? Возможно. Вот читаем: «Что такое счастье? Это жить вот так, как мы живем сейчас с Л., вдвоем, [наслаждаясь] каждым часом (утром – кофе, вечером – два-три часа тишины и т.д.). Никаких особенных “обсуждений”. Все ясно и потому – так хорошо!».

И опять возможны возражения: жена, да еще после тридцати лет совместной жизни, это не другой человек, это твое продолжение, второе «я». И детей не будем трогать, и внуков. С этим все понятно. А вот с совсем другими, как говорят, с посторонними людьми можно ли так общаться и радоваться? Да, можно, и о. Александр многожды об этом свидетельствует. Например: «Наконец, поздно вечером, после лекции, – полчаса у Коблошей с ними и с Губяками. Радостное чувство братства, единства, любви. Почему нужно все это записывать? Чтобы знать, сознавать, сколько все время дает Бог, и греховность нашего уныния, ворчания, нерадости». А вот о беседе с Мишей Меерсоном: «Для меня особенно радостно – это наше согласие в том, в чем я так остро чувствую свое одиночество в Православии... Чудный разговор: удивительно, что только русские “оттуда” сохранили тайну этой *беседы*, этого разговора как действительного общения».

Чтобы как-то закончить, попробуем подвести итог. Все, о чем размышлял о. Александр, о чем он говорил

и писал, это христианство с его вестью о Царстве Божьем. Но весть о Царстве, которое есть сама Радость, не может быть безрадостной, поэтому унылое, серое, безрадостное христианство невозможно. Вообще то оно бывает таковым и даже довольно часто, но в таком случае оно просто христианством не является. При этом Царство Божье не только обещано нам, оно уже даровано, оно уже явлено «здесь и сейчас». Явлено, прежде всего, в Евхаристии, Таинстве Церкви, которая всегда праздник, всегда радость. Однако, если Царство уже «здесь и сейчас», оно не может быть в нашей жизни только по воскресеньям или по понедельникам, или только по каким-то другим дням. Значит, оно может и должно быть реализуемо, воплощаемо в этом мире через самую жизнь, простую повседневную жизнь простых людей с ее простыми житейскими радостями. И быть сегодня христианином, как и тысячу, как и две тысячи лет назад, это значит быть свидетелем пришествия Царства Божьего, Царства любви, мира и радости, а значит жить, просто жить, даря жизнь и радость другим. И тем самым уподобляться Богу.

И в заключение еще одна цитата из *Дневников* Шмемана: «Больше всего меня занимает – что делают люди, когда они “ничего не делают”, то есть именно *живут*. И мне кажется, что только тогда решается их судьба, только тогда их жизнь становится важной. “Мещанское счастье”: это выдумали, в это вложили презрение и осуждение активисты всех оттенков, то есть все те, кто, в сущности, лишен чувства *глубины* самой жизни, думающие, что она всецело распадается на дела... “Он не имел личной жизни”, – говорим мы с похвалой. А на деле это глупо и грустно; и тот, кто не имел личной

жизни, в конце концов никому не нужен, ибо людям друг от друга и друг в друге нужна *жизнь*. Бог дает нам Свою жизнь (“чтобы имели мы жизнь за жизнь” – Кавасила), а не идеи, доктрины и правила. И общение только в жизни, а не в делах».

Когда-то о. Георгий Флоровский переживал, что школьное, или лучше сказать, академическое богословие утратило «святоотеческую перспективу», имея в виду разрыв с Византией, с «эллинским» методом богословствования. Но проблема, как мне кажется, гораздо глубже, проблема в том, что само средневековое византийское богословие еще раньше утратило библейскую перспективу, утратило евангельское отношение к жизни. Одним словом, на мой взгляд, главная заслуга о. Александра и ценность его творчества в том, что он пытался, и порой достаточно успешно, восстановить достоинство повседневной жизни человека со всеми ее радостями. Достоинство той жизни, которой церковные люди очень часто пренебрегают, которую считают уж если не грехом, то, по крайней мере, проявлением человеческой немощи. А на самом деле эта жизнь, может быть, то единственное, что чего-то подлинно стоит, если она, конечно, пронизана светом и радостью Царства Божьего. И в таком отношении к жизни нет ничего, что противоречило бы Евангелию. Это само Евангелие и есть.

*Москва, Россия
Ноябрь 2010 г.*

Священник Роберт Арида Сьюзен Арида

Сьюзен Арида и отец Роберт Арида – семейная пара, выпускники Свято-Владимирской духовной семинарии (Крествуд, штат Нью-Йорк). Прот. Роберт Арида – настоятель кафедрального Троицкого собора в г. Бостоне, Православная Церковь в Америке.

ВСПОМИНАЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

Осенью 1977 г., через три месяца после нашей свадьбы, мы погрузили всё свое имущество частично **в**, а частично **на** Chevy Blazer и отправились в поездку длинной в 4 999 миль – на север от города Хомер на Аляске. Оттуда нам предстояло взойти на паром Тустумена и в течение девяти часов добираться до острова Кадьяк, где располагается Свято-Германовская семинария. Ранее той весной нам позвонил ее секретарь Михаил Михалик с просьбой рассмотреть возможность преподавания в этом учебном духовном заведении. До этого ни один из нас не задумывался, куда мы пойдем по окончании Свято-Владимирской семинарии, но теперь перед нами открывалась возможность преподавать в самой большой и самой удаленной епархии Северной Америки. Соблазненные таким предложением, мы, тем не менее, взвешивали все «за» и «против»: это был совершенно незнакомый мир, а зарплата представляла собой крошечную «стипендию». Однако отец Александр Шмеман уговаривал нас ехать. Он заверил нас, что это будет «продолжение медового месяца».

За три года, проведенные в Кадьяке, родилась Катя, наш первенец. Сложились дружеские отношения с преподавателями, сотрудниками, студентами и членами общины Кадьяка. Они стали нашей большой семьей. Но внутри этих новых взаимоотношений всегда присутствовал отец Александр. Наша связь с ним укреплялась благодаря переписке и нерегулярным телефонным звонкам (весьма дорогостоящим). Мы всё больше понимали, какое влияние он и другие члены Свято-Владимирской семинарии оказали на нас, теперь, когда мы стремились приложить то, чему мы там научились, и поделиться этим с другими.

В частности, преданное стремление отца Александра донести Христа до каждого, побудило нас искать пути общения со студентами, для которых английский язык не был родным, и с теми жителями города, у которых были вопросы относительно церкви и церковной жизни.

Во время нескольких телефонных разговоров отец Александр сообщал нам, что планирует поездку в Свято-Германовскую семинарию, и мы несколько раз были сильно разочарованы, когда намеченная поездка срывалась, и наконец настолько же сильно обрадованы, когда он оказался на борту дневного рейса из Анкориджа¹ — одного из двух ежедневных рейсов в Кадьяк. Но уникальные, подверженные быстрой смене погодные условия Кадьяка всё еще могли создать препятствие для приземления самолета, и когда его самолет, наконец, коснулся земли и трехдневный визит стал реальностью, это было поводом для коллективной благодарственной молитвы. Поприветствовать его собрались преподаватели семинарии, включая епископа Григория

¹ Крупнейший город на Аляске. (*Прим. ред.*)

Афонского и декана семинарии отца Иосифа Крита, а также сотрудники, студенты и горожане. Пробираясь сквозь толпу, он увидел нас. «Аридаас!» – прогремел его голос. Захватив каждого из нас одновременно в объятия обеими руками, он улыбнулся и сказал: «Мы поговорим». Когда он произнес это, молодой человек с континентальной части США, обозреватель церковной жизни в своем родном маленьком городке, жаждущий получить похвалу от известного клирика, прервал нашу беседу. «Да, я бывал у вас, видел ваши русские безделушки, – сказал отец Александр. И насмешливо добавил, – я был у *Ваших* людей. Я не уверен, что они верят в Бога, но они точно верят в Вас».

Несмотря на то, что отец Александр пересек четыре часовых пояса, он прибыл в Кадьяк с неиссякаемым запасом энергии, готовый к бесконечному потоку лекций, церковных служб и встреч с семинарской администрацией. И, хотя синдром нарушения суточного ритма его таки настиг, мы не заметили, чтобы он хоть сколько-то сбавил обороты, утратил свою любознательность по отношению к этому новому месту или радость находиться среди нас. Он общался с такой интенсивностью, какой мы никогда прежде не видели, выражая искреннее желание переброситься словом с любым, кто подходил к нему, и одновременно, не выбиваясь из рамок своего изнурительного графика.

Данное отцом Александром обещание «поговорить» сбылось, когда мы пригласили его отведать камчатского краба, только что выловленного нашим приятелем-рыбаком. Прибыв в наше ветхое жилье, отец Александр на мгновение стал в тупик, пытаясь открыть кухонную дверь, из тех, на каких обычно натянуты сетки. «Она не

открывается», – сказал он. «Мы знаем, – заверили мы его, – Вы должны пролезть в проём, предназначенный для сетки». Он подчинился, ничуть не смутившись.

25 марта 1980 г.

Слева направо: Сьюзен Арида, о. А. Шмеман,
Роберт Арида, Йост ван Россум

Одним из ярких моментов визита была поездка на семинарском микроавтобусе в залив Монашка с отцом Михаилом Олексой и Йостом ван Россумом. Оттуда открывался панорамный вид на Еловый остров и бескрайний простор северо-западной части Тихого океана. В этих опасных водах с непредсказуемыми ветрами и течениями св. Герман² проделал путь в утлой лодочке на веслах от Елового острова до Кадыка. Увиденное

² Преподобный Герман Аляскинский родился в России в середине XVIII века; стал монахом на Валааме; вошел в Кадыкскую духовную миссию, созданную для проповеди Евангелия среди языческих народов Аляски. Почти всю жизнь прожил на острове Еловом, где и скончался в 1836 г. Канонизирован в 1969 г. Рака с мощами преп. Германа находится в г. Кадыке, в храме Воскресения Христова. (Прим. ред.)

явно произвело впечатление на отца Александра. Он восхищался величественной мощью творения: морем, снежными вершинами, вулканическим побережьем, парящими орлами, тюленями и дельфинами. Мы стояли вместе с ним на берегу в молчании, также потрясенные красотой и величием природы.

«...Поездка с Бобом [Арида] и его женой [Сьюзен], о. М[айклом] Олексой и Йостом [ван Россумом] по острову. Грандиозный, великолепный, “славословный” вид на море, совершенно белые горы и Spruce Island... “Исполнь славы Твоя...” Поразительно». (*Дневники*³. 25 марта 1980)

Отец Александр глубоко интересовался студентами семинарии, а они – им. Являя собой смешение самых разнообразных этносов, включая эскимосов из деревень вдоль великих внутренних рек, алеутов с далекой цепи Алеутских островов, атабасков с полуострова Аляска и тлинкитов с территории Ситка, семинарские студенты во всей полноте были самими собой, без претензий и гордости. Обладая тонкой наблюдательностью, отец Александр особенно умилялся их детьми. Как он позже отмечал в своем дневнике, в их присутствии в церкви было что-то «естественное» и тем самым «подлинное», далее поясняя, что их благочестие контрастирует с часто надуманной «религиозностью» новообращенных и их детей, которую он наблюдал в других местах.

«...Вечером чудная всенощная в переполненной церкви. Опять – умиление алеутскими детьми (их масса!), чувство чего-то подлинного, глубоко отличного от американской «религиозности», даже православной...

³ Александр Шмеман, *прот.* Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. С. 525. (*Прим. ред.*)

...Во время службы не могу оторвать глаз от алеутских детей – с толстыми щеками и узкими черными раскосыми глазами. В особенности одна девочка – не больше трех лет, вся круглая, миниатюрная, бодро поднимающаяся по ступенькам к чаше. Смирение и добро, излучаемые алеутами. Точно я всю жизнь прожил с ними. На них живая печать чего-то самого главного, «уникального» в Православии. Как они сохранили это? Иногда я ощущаю жизнь как какой-то поток подарков». (*Дневники*⁴. 23 марта, 26 марта 1980)

Обращаясь взглядом в то время, мы с глубокой нежностью вспоминаем нашего любимого учителя и друга. Проводив его в аэропорт, по дороге домой мы поделились друг с другом, что пережили опыт, который углубит наши взаимоотношения. Благодарные за его визит, мы словно омылись яркой и сияющей радостью и миром, который всегда был его даром нам и всем, кто с ним встречался. Хотя мы наслаждались еще многими другими встречами с отцом Александром, те три дня мы вспоминаем с особым чувством. То воспоминание о неустанной преданности отца Александра служению Евангелию продолжает быть источником энергии для нас, когда нам необходимо справиться с возникающими перед нами задачами.

*Бостон, США
Февраль 2021 г.*

*Перевод с английского
Татьяны Прохоровой*

⁴ Там же. С. 524, 526. (*Прим. ред.*)

Йост ван Россум

Почетный профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже; преподавал историю византийской церкви и экзегетику.

МОЙ УЧИТЕЛЬ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР

Отец Александр Шмеман оказал значительное влияние на мою жизнь и на моё видение богословия, да и на всё мое видение жизни, для меня знать его лично – особая привилегия. Я приехал в Америку в сентябре 1974 года, чтобы поступить после окончания Лейденского университета в Нидерландах в Свято-Владимирскую православную семинарию на магистерскую программу по богословию. Поскольку меня интересовали патристика и византийское богословие, я решил продолжить учебу в Св.-Владимирской семинарии и заниматься там под руководством отца Иоанна Мейендорфа. По завершении своих занятий богословием в Лейдене я принял православие и стал членом небольшого русского православного прихода в Гааге.

Ещё будучи подростком, я, прочитав книги голландского специалиста по византийской культуре Петра Хендрикса, почувствовал влечение к православию, так ярко описал он свой опыт соприкосновения с русской православной литургией. Хендрикс отправился в Россию ещё в тридцатые годы, дабы углубить свое знание Русской Православной Церкви и ее литургии. Митрополит Евлогий описывает в своей автобиографии, как он встретил его в 1937 году во время своего приезда в

Гаагу на освящение небольшой русской православной церкви. Он пишет, что «один образованный голландец, д-р Гендрикс» сказал ему: «В моей жизни было два замечательных, радостных момента, которые я не забуду до смерти: пасхальное богослужение в Москве и освящение храма в Гааге»¹.

И, действительно, Хендрикс описал в своей книге поездку в Россию и то, как ему довелось побыть в том году (не забывайте, что это было время террора сталинских «чисток»!) на ночной Пасхальной службе в соборе в Дорогомилово. Храм был переполнен, и ему пришлось стоять на улице, но он нашел место на подоконнике и через окно мог следить за литургией. Снаружи было множество верующих, которые также не могли войти в храм, и они тихо, с чувством пели знакомые гимны Пасхального канона... Хендрикс писал также о своей встрече с местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским), которого он глубоко уважал.

В 1967 году, будучи студентом Лейденского университета, я прослушал курс Хендрикса по византийской литургии. Я был тогда зачислен на богословский факультет (который не был связан ни с какой определенной церковью, хотя большинство его профессоров были протестантами), и для меня курс Хендрикса был единственным «настоящим» курсом богословия. Мы вместе читали литургии св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого, и Хендрикс объяснял нам, что суть литургии в радости, ибо Евхаристия – это участие в пасхальной тайне. Он учил нас и тому, что одной из главных

¹ *Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни.* – Париж: Р.С.Х.Д., 1994. С. 428.

особенностей Церкви, которую Русская Православная Церковь смогла сохранить как драгоценный дар, является «пасхальная радость». Будучи «славянофилом», он предпочитал русскую литургическую традицию греческой и любил использовать русскую форму своего имени *Pjotr*. Он также подчеркивал, что суть литургии и литургического искусства не может быть постигнута чисто эстетически. Он объяснял нам, что иконы – это форма богословия, «богословия в красках». Описывая литургию в маленькой русской церкви в Париже в простом гараже, переделанном в церковь (патриарший собор на рю Петель), он отмечал, что в этом убогом церковном здании нет ничего «эстетического», а в служении литургии там раскрывается не постижимая разумом красота.

Из всего вышесказанного видно, что я, как нельзя лучше, был подготовлен к продолжению учебы в Св.-Владимирской семинарии. Я решил поехать туда изучать патристику и византологию у о. Иоанна Мейендорфа. Но как только я появился в семинарии, я тут же почувствовал присутствие в ней о. Александра: его поистине «царственная» манера совершать литургию и то, как он произносил проповедь – выделяя нужные места, привлекая к ним особое внимание и избегая «благочестивую» риторику. Позже я слышал, что кто-то называл студентов Свято-Владимирской семинарии вместо «семинаристов» (*seminarians*) «шмеманиристами» (*schmemanarians*). Семинария, деканом которой о. Александр был с начала шестидесятых годов, отождествлялась с его личностью.

Вскоре после моего приезда меня вызвали к нему в кабинет, так как он имел обыкновение знакомиться с

новыми студентами. Сначала я был несколько робок, так как был в Америке впервые и извинился за свой английский. Он ответил, – улыбаясь, – с сильным русским акцентом: «Я и сам спотыкаюсь в английском». И лёд тут же растаял, я рассказал ему о своем пути к православию, о литургии и софиологии о. С. Булгакова (которая, как он заметил, была «ни чем иным, как его личным переживанием Царства Божьего»). Я сразу почувствовал близость к нему, как и к Мейендорфу. Но они были совершенно разными личностями. Мейендорф был академическим учёным и педагогом, побуждавшим своих студентов задавать вопросы тут же в аудитории («Мне нужны вопросы!»). Он мог изложить свой предмет ясно и просто, без профессорского высокоумия. Преподавание же Шмемана было отмечено его собственной харизмой, благодаря ей он мог поделиться со студентами своим личным литургическим опытом. Отец Иоанн приглашал студентов к себе домой, чтобы обсудить самые разные темы: богословие, политику, культуру. Домашнюю жизнь Шмемана, напротив, хорошо «охраняла» его матушка Ульяна, это и понятно: когда читаешь его *Дневники*, понимаешь, насколько он нуждался во времени и отдыхе для своей личной жизни. Но когда о. Александр был в семинарии, он всегда улыбался и дружелюбно относился ко всем, кого встречал в коридоре. Он излучал радость, которую он проповедовал, которой он учил, и которая никогда не покидала его, даже во время тяжелой болезни, поразившей его в последний год жизни.

Помню последнюю литургию, которую он совершил. Это было в 1983 году, в день американского праздника Благодарения, который отмечается в конце ноября.

Впервые о. Александр прочитал свою проповедь с листа (он имел обыкновение говорить без записей), эта проповедь была на самом деле стихотворением или гимном благодарения, каждая её новая фраза начиналась словами: «Благодарю Тебя, Господи...» («Благодарю Тебя, Господи, за страдания, ниспосланные нам...»). И ему, и всем нам, присутствовавшим, было ясно, что это было его последнее послание нам, и что он желал передать этими словами своё завещание. Последний год его болезни и то, как он боролся с нею, были поистине самым важным и впечатляющим уроком, который он преподавал нам: он показал, как следует справляться с болезнью и относиться к смерти. Он воплотил то, чему учил всю свою жизнь, а именно, что христианство – это переживание присутствия Царства Божьего в этом падшем мире. Он отказался «сдаться дьяволу», как он сказал кому-то, когда тот спросил его, как же он может справляться со своими страданиями.

Уже на курсах православной литургики в Лейдене, которые читал профессор Хендрикс, я понял, что «радость» – это суть литургии и Церкви. Таким образом, между моим предыдущим изучением византийской литургики у Хендрикса и курсами литургического богословия о. Александра в Св.-Владимирской семинарии была полная преемственность. Однако из учения Шмемана о литургии я узнал также нечто новое, что углубило мое понимание литургии, и это был его акцент на эсхатологии, «Царстве Божьем». Известно, что это было основой всей его богословской мысли, о чем он и сам признается в своих *Дневниках*: «“Богословски” я человек одной мысли. Мысль эта – “эсхатологическое” содержание христианства и Церкви как присутствие

в “мире сем” – “Царства будущего века”...»². Всё богословие о. Александра отмечено радостью, красотой и светом Царства Божьего, воплощаемого в служении литургии.

Позже, когда я начал читать его *Дневники* (которые охватывают почти все те годы, что мне было дано знать его!), я более глубоко понял суть его «богословия Царства», – то была его борьба с явлением, которое он называл «религией». В своей докторской диссертации он описывает, как начиная с IV века в Церкви возникает «мистериологическое благочестие», и это приводит к постепенному разъединению в ней «священного» и «профанного», духовенства и народа. Он возвращается к этому вопросу в своей книге «За жизнь мира» (первоначально это была серия лекций на конференции «Национальной студенческой христианской федерации», проведенной в США в 1963 году), где он показывает, что для современной культуры характерны два явления: это, с одной стороны – «секуляризм» (мировоззрение, в котором Бог более не является центром; и, действительно, некоторые современные богословы на Западе были склонны путать марксизм с Евангелием!), а, с другой стороны, это – «религия», которая стремится уйти из мира и сосредотачивается на личной набожности и благочестии и отличается законническим подходом к правилам Типикона (Устава), как к способу вхождения в «священное». Священник воспринимается как «святой человек», посредник между Богом и людьми, как это и было в древних религиях. Отец Александр неоднократно подчеркивал, что христианство –

² Шмеман Александр, прот. *Дневники*. – М.: Русский путь, 2005. С. 389 (13 октября, 1977).

это конец всех религий, и что Христос был распят «религией» своего времени³.

В определенных православных кругах Шмемана считают «реформатором» и «протестантом». Однако на самом деле он был «консерватором» – в том смысле, что стремился сохранить в Церкви её Традицию (с большой буквы!). Он не стремился к «реформам» в литургии. Правда, он способствовал внедрению некоторых литургических практик, которые получили в настоящее время широкое распространение, таких как «частое причащение» и чтение вслух Евхаристического канона служащими литургию. Более того, иконостас, по его мнению, следует сделать «прозрачным», чтобы он не воспринимался как стена, отделяющая духовенство от народа. Но все это скорее возврат к Традиции, чем обновление. Никогда о. Александр не призывал к тому, чтобы убрать иконостас, поскольку он должен служить знаком вхождения Церкви в Царство Божие. Прискорбно, что сегодня люди, не знавшие его, иногда карикатурно воспринимают его учение. Так некоторые отрывки из *Дневников* о. Александра цитируются для того, чтобы заявить, что он будто бы «презирал» святоотеческое богословие или монашество. В то время как он критиковал лишь определенное отношение к Отцам Церкви и монашеству. Он критиковал сугубо законническое отношение к изучению Отцов, такое отношение, которое не способно различать то, что является в их учении существенным, а что несущественным. Он также критиковал ложную духовность и благочестие

³ См. мою лекцию в «Acts» Свято-Сергиевского православного богословского института от 2003 г. и опубликованную в *Le messager orthodoxe*, n° 139, II-2003, p. 61–76 «Le père Alexandre Schmemman: témoin du Royaume».

(которое, как я уже отметил, он называл «религией»), но отнюдь не духовность и монашество как таковые. В *Дневниках* он описывает свое посещение Египта и то, какое впечатление на него произвели монахи Коптской церкви: «Но вот они – в настоящей пустыне! В настоящем подвиге... И сколько молодых. И никакой рекламы, никаких брошюр о духовности. О них никто ничего не знает, и им это все равно»⁴.

Я уже рассказал о курсе о. Александра по литургическому богословию, но был еще один курс, который давал ему возможность передать то, что он считал сутью своего богословия, это – курс по русской литературе. Каждый, кто читал его *Дневники*, знает о его любви к литературе. В том курсе, помимо таких гигантов как Толстой и Достоевский, о. Александр уделял особое внимание Чехову. Это может удивить, поскольку этот писатель известен, скорее, как агностик. Но знаменательно то, что именно в его рассказах о. Александр встретил близкое ему переживание литургии и знакомое ему отвращение к «религии». Он отмечал также, что Чехов ни разу не ошибся, описывая богослужения Православной Церкви (ведь он с детства жил церковной жизнью, пел с братьями на службах в хоре, созданном из подростков его отцом). Особенно ярко церковный опыт Чехова проявляется в его рассказе *Архиерей*, рассказе о тяжело заболевшем молодом архиерее, скончавшемся в Великую субботу. Характерно, что описание Чеховым служб Страстной недели сосредоточено не на страданиях Христа, а на эсхатологическом значении этой недели. Больного архиерея глубоко трогает как поют «Се Жених грядет» и «Чертог брачный» на утрени в

⁴ *Дневники*. С. 417 (11 февраля 1978).

начале этой недели: «Как они сегодня хорошо поют, – думал он, прислушиваясь к пению. – Как хорошо!» Последнее богослужение, которое он совершает, это утренняя Великой пятницы, которую служат вечером Великого четверга, где он читает первое Евангелие, начинающееся словами: «Ныне прославился Сын Человеческий (Ин 13:31)». После долгого дня Великой пятницы (о. Александр замечает тут: «Действительно, литургически Страстная пятница – долгий день») архиерей умирает в Великую субботу, когда Христос «отдыхает от всех своих дел» в живоносной Гробнице. Переживание Чеховым служб Страстной недели окрашено светом и радостью Царства Божия. Шмеман отмечал, что «агностик» Чехов понимал литургию лучше, чем Гоголь в своих хорошо известных «Размышлениях о Божественной литургии»!

Обсуждая два других рассказа Чехова, о. Александр разделяет отвращение автора к религии. В рассказе *Письмо* показано, как сострадание преобладает над рассудительностью. В рассказе *Убийство* описан поистине демонический характер ложной духовности и законничества, этих двух проявлений «религии»⁵. В своих *Дневниках* о. Александр признается, что ему ближе писатели нерелигиозные и агностики, такие как французский писатель Леото⁶, чем труды богословов. Он

⁵ Более подробно я написал об этом курсе русской литературы о. Александра в *La joie du Royaume* (Actes du colloque international sur « L'héritage du père Alexandre Schmemmann », Paris, Institut Saint-Serge, 11–14 décembre 2008), éd. André Lossky e.a., Paris : YMCA Press, 2012, p. 59–69 : « Le père Alexandre Schmemmann et Tchekhov ».

⁶ Леото Поль Фирмен Валантен (1872–1956) – французский писатель.

считает, что зачастую они лучше понимают сущность христианства, чем профессиональные богословы. Размышляя о Леото, он задается вопросом: «Почему безбожник может быть так свободен и правдив, честен и по-своему милостив, и почему именно этих качеств так трагически не хватает “религиозным” людям?»⁷.

Всё это делает чтение сочинений о. Александра, в том числе, его *Дневников*, столь живительным и актуальным до сих пор, и это объясняет продолжение публикаций его трудов. Проблемы, над которыми он размышлял: секуляризм, религия, клерикализм, клерикальное представление о церкви, законничество, фундаментализм – не изжиты и сегодня, ибо напряженное противостояние между Царством Божьим и Царством Тьмы будет продолжаться до скончания этого мира. Поэтому о. Александр навсегда останется для нас одним из главных наставников и помощников в преодолении тех испытаний, перед которыми Церковь стоит сегодня, и, вероятно, окажется и в грядущие времена. Если он не всегда давал четкие ответы на те мучительные вопросы, с которыми сталкивалась Церковь (тут мне думается о трудноразрешимой проблеме взаимоотношений между церковью и государством, особенно в традиционно православных странах), то он, по крайней мере, показал нам *путь*, как это и делали до него все великие Отцы Церкви⁸. Но автору этих строк он запомнился, прежде всего, как учитель жизни, который показал нам пример жизни в Свете Царства, несмотря на все соблазны, проблемы и невзгоды, с которыми мы

⁷ *Дневники*. С. 180 (28 апреля 1975).

⁸ *Шмеман Александр, прот.* Церковь и церковное устройство (сборник статей). – М.: Гранат, 2018.

сталкиваемся в этом падшем мире. Отец Александр собственным примером научил нас пониманию литургической молитвы о «христианской кончине живота нашего»!

*Париж, Франция
Март 2021 г.*

*Перевод с английского
Ларисы Олдыревой-Густафссон*

Протоиерей Александр Гарклавс

Александр Гарклавс родился в 1951 году в Нью-Йорке. Выпускник Свято-Владимирской семинарии (1982); с 2012 года и по настоящее время настоятель Свято-Троицкой церкви в г. Парма (штат Огайо) Православной Церкви в Америке.

ВСТРЕЧА, ИЗМЕНИВШАЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания об отце Александре Шмемане

Личные размышления

Отец Александр Шмеман был частью моей жизни едва ли не с самого её начала. Мои родители, русско-го происхождения (отец из Латвии, мать из России), — о. Сергей и Александра, пережив ужасы Второй мировой войны, приехали в США в 1949 году. Они познакомились в Нью-Йорке, поженились в 1950 году, и в мае 1951 года родился я. В июне 1951 года прибыл в Нью-Йорк из Франции и отец Александр с семьей. Он приехал по приглашению о. Георгия Флоровского для преподавания в Свято-Владимирской духовной семинарии. Это был переломный момент в жизни семинарии, и о. Флоровский, крайне нуждавшийся в помощи, пригласил приехать на работу в Америку своего молодого и энергичного коллегу. Фактически сразу по приезде отец Александр начал преподавать в семинарии и читать лекции православным мирянам, которых в то время было много в районе Нью-Йорка. Многие из них, как и мои родители, были недавними русскими иммигрантами

родившимися в Советском Союзе, это были люди религиозно малообразованные или совершенно необразованные. Лекции отца Александра были для них откровением — познавательным и даже развлекательным. Ещё до того, как мне исполнилось пять лет, я слышал, как мои родители то и дело восторженно произносили слово «Шмеман».

*Дьякон Сергей Гарклавс и
о. Александр Шмеман. 1954(?) г.
Фото из семейного архива автора*

Начиналась профессиональная жизнь отца Александра в Новом Свете весьма скромно, но вскоре он был признан одним из самых выдающихся богословов Северной Америки; он был тем необходимым человеком, который был послан Богом в нужное место и в нужное время.

В 1960 году мы переехали в Чикаго. Мне было около тринадцати, когда я впервые лично встретился с отцом Александром. Он приехал по приглашению Студенческой христианской ассоциации Чикагского университета. Узнав об этом, мои родители взяли меня с собой. Эти лекции проходили в одном из старинных величественных университетских зданий в большом зале, заполненном до отказа людьми. Из-за этого столпотворения мне пришлось сесть на пол. Я не помню, о чём говорил отец Александр, но я очень живо помню его самого: его вдохновенную манеру говорить, жестикулирующие руки, даже звучание его удивительного,

неповторимого голоса. Пройдет еще с десяток лет, когда я вновь встречу с отцом Александром, и эта новая встреча окажется для меня знаменательной.

В 1976 году я жил в пригороде Чикаго, трудился физически, не имея при этом никакой конкретной цели и уверенности в завтрашнем дне. В феврале того же года отец Александр приехал в Чикаго, чтобы прочитать цикл лекций в лютеранской семинарии. Это был факультативный курс для лютеранских пасторов, но его посещали также и православные священники. Одним из них был мой отец, и он предложил мне присоединиться к нему. Думаю, что именно первую – из тех, что я посетил – лекцию, отец Александр начал с цитаты из Т. С. Элиота. Я изучал Элиота в колледже и любил его стихи, но никак не ожидал, что православный богослов начнет своё выступление цитатой из Элиота. Комментарий о. Александра к ней полностью захватил меня, а его последующие лекции оказались для меня своего рода духовным озарением, испытать которое ранее мне не доводилось.

То был курс лекций «О богословии таинств» с акцентом на историю и богословие таинства Святой Евхаристии. Видение отцом Александром Святой Евхаристии проистекало из его понимания положения человека в космосе. Он ссылаясь на множество различных источников: на литургические прошения, рассказ Чехова, анекдот о русском диаконе, ссылку на Карла Маркса, цитату из Бодлера, бытовые сцены из жизни во Франции или в Нью-Йоркском метро. Из синтеза всех этих элементов возникала мысль, вызывавшая благоговение у слушателей. Он обладал редким талантом анализировать, сопоставлять, а затем соединять «универсаль-

*Архиепископ Иоанн (Гарклав) с
о. Александром Шмеманом (около 1970 г.)*

Фото из семейного архива автора

ное» и «частное». Я созрел для его слов, они упали на невосделанную почву моей души и пустили в ней корни. Оглядываясь назад на то, кем я был тогда, и как затем я стал православным священником, я должен признать, что именно те замечательные лекции изменили всю мою жизнь.

В *Дневниках* отца Александра от 23 февраля по 3 марта 1976 года есть несколько записей о его чикагских впечатлениях. Там он по-доброму пишет о моем отце («Отец С. Гарклавс – милейший, скромнейший, подлинный. С ним легко и хорошо: сияние подлинного Православия – светлого, смиренного, любовного, открытого...»¹). Как-то у него выдался вечер, когда он смог прийти на обед к моим родителям, и было явно,

¹ Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. С. 253 (четверг, 26 февраля 1976). (Прим. ред.)

что для него это было желанным отвлечением от своего жесткого графика. Он трогательно описал этот визит, с чувством большой симпатии и со свойственным ему обострённым ощущением присутствия в повседневном мире «духовного»: «Вчера вечером у Гарклавсов. Радостный опыт семьи, ее реальности, ее красоты, ее “доброты”. Ни о чем важном и серьезном не говорили. Шутили. Дети играли на рояле. А вот всем хорошо. И это “хорошо” совершенно бескорыстно. Семья не имеет “цели”, она не “прагматична”. Она источник, она – та жизнь, из которой вырастают цели. Возвращаешься домой после такого вечера – как бы омытый этой радостью, этим “хорошо”»².

Он не упомянул там мою мать, но именно она и была источником того, почему у нас было так «хорошо». Именно у неё он позаимствовал книгу-альбом об Александре Блоке, которую он позже так замечательно прокомментировал. Этот поэт-символист был героем его детства, и листая страницы альбома, отец Александр испытал ностальгию. Тогда же он поделился своими литературными оценками творчества некоторых русских поэтов XX века ³. После кончины моих родителей эта книга-альбом в коробке с другими книгами попала ко мне. И я испытал ностальгию, наткнувшись на тот альбом Блока, но не о Блоке, а о том периоде моей жизни, который был прост и полон надежд и упований.

² Там же. С. 255 (3 марта 1976). (Прим. ред.)

³ Шмеман Александр, прот. Дневники. С. 256 (3 марта 1976). (Прим. ред.)

Чикаго, около 1984 г.

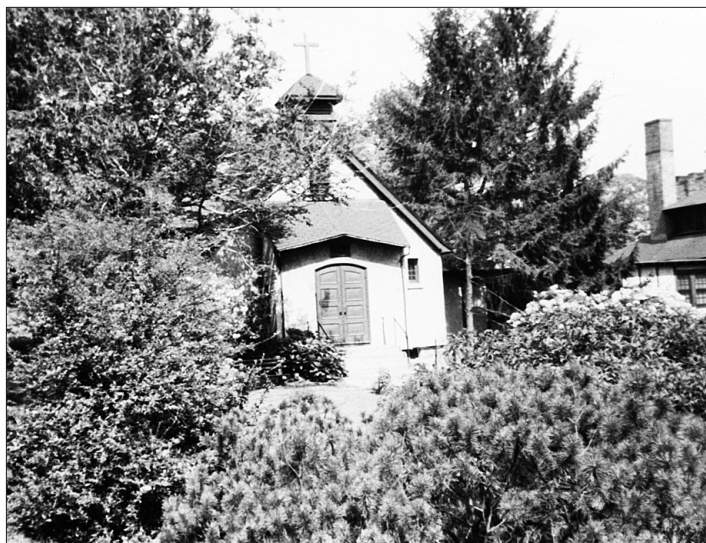
Фото из семейного архива автора

Родители отца Александра Гарклавса – Александра Ивановна и прот. Сергей с Тихвинской иконой Божией Матери, которую епископ Рижский и впоследствии архиепископ Чикагский и Миннеаполисский Иоанн (Гарклавс) вместе со своим названным сыном Сергеем спасли, вывезя ее из Риги в 1944 г. и после 5 лет скитаний, привезли в США, где иконка и хранилась в Чикаго, в семье прот. Сергея Гарклавса и Александры. И через 60 лет – в 2004 г. – о. Сергей, вместе с сыном – о. Александром доставили чудотворный образ в Тихвинский Богородичный Успенский мужской монастырь (Россия). (Прим. ред.)

В Свято-Владимирской духовной семинарии

В 1979 году я поступил в Свято-Владимирскую семинарию. Семинария переехала из Нью-Йорка в город Йонкерс, в штате Нью-Йорк, в район под названием Крествуд. Это был жилой район со своей железнодорожной станцией, откуда народ ездил в Нью-Йорк на работу и поразвлечься. Семинария находилась всего в 20 милях от Таймс-сквер на Манхэттене, и эта близость к одному из самых больших и оживленных городов мира была и плюсом, и минусом. А Крествуд был местом тихим. В те годы, что я жил там, на территории семинарского кампуса была роща, занимавшая несколько акров. Гуляя в этом лесочке, было легко ощутить себя живущим в отдалённой сельской местности. В дополнение к этой деревенской атмосфере, через кампус протекал ручей с красивым водопадом, который после сильных дождей превращался в живописный, бурный поток.

Раньше семинария была домом для престарелых при Римско-католической церкви. Это было старинное, похожее на особняк здание с часовней. Когда туда переехала Свято-Владимирская духовная семинария, часовню переоборудовали в довольно причудливую православную церковь, построили новый учебный корпус, два общежития и дома для преподавателей. Отец Александр Шмеман жил недалеко от кампуса, но большинство других преподавателей жили в округе. То была спокойная, замкнутая жизнь духовной общины, все необходимое для такой жизни находилось на территории семинарии: церковь, библиотека, аудитории, трапезная, общежития, тихие уголки для занятий и отдыха, все было расположено удобно и доступно. Студенты семи-

Старая часовня. Снесена в 1981 г.
Фото из семейного архива автора

нарии могли подолгу жить в кампусе. Исключение составляли студенты, состоявшие в браке, они жили за пределами кампуса.

Я попытался описать внешний облик семинарии, чтобы передать особый дух этого места. Для меня, как и для многих других, мысли о «Крествуде» полны радостных воспоминаний. Это была замечательная, вдохновляющая среда, где мы познали великие истины, обогатились интеллектуально и культурно, возмужали душевно и духовно, чтобы стать зрелыми и сознательными православными христианами. «Окружающая природа» кампуса семинарии заряжалась присутствием в ней исключительно одаренных профессоров. Это были поистине выдающиеся преподаватели: Г. Флоровский, Г. Федотов, Н. Лосский, Н. Арсеньев, А. Боголепов,

Б. Ледковский и другие. Все они напрямую связаны с последним ярким периодом в истории Русской Православной Церкви, предшествовавшим революции 1917 года. После крушения России и катастрофы, постигшей Русскую церковь, некоторые богословы и ученые смогли бежать в Западную Европу. Те, кто оказался в Париже, основали Свято-Сергиевский богословский институт, где продолжалось обучение богословским наукам. После Второй мировой войны через Атлантику прибыл новый поток эмигрантов, и Свято-Владимирская семинария стала учебным заведением для богословов, получивших образование в Париже, а они, в свою очередь, стали той закваской, которая сделала семинарию богословской школой мирового уровня. В мои годы активными членами, принадлежащими к той группе богословов, были трое: о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф и профессор Сергей Верховской.

Преподаватели семинарии были разными, и в частном порядке у них бывало своё мнение, но для студенчества все они были людьми «одного ума и одного сердца». Положение отца Александра среди них было особым. Он был деканом, главным литургистом и проповедником, тем, кто принимал важные решения, тем, к кому приходили с докладами о самых серьезных проблемах – он был «сердцем» и «совестью» семинарии.

«Атмосфера», царившая в семинарии, была полна духовного и интеллектуального горения, это, безусловно, влияло на студентов, ибо их связывали с преподавателями крепкие узы верности Церкви и друг другу. Глубокая религиозность, безупречная мораль и академическая строгость соблюдались и поддерживались. Первоначально семинария была создана для подготовки

к священству мужчин – православных по рождению. К тому времени, когда я приехал туда, более половины студентов были из тех, кто приняли православие. Была также и небольшая группа студенток. Образованию священников отводилось главное место, но были также и дополнительные программы по обучению регентов и преподавателей религии. Менялся характер православия в Северной Америке, и изменения в программах семинарии отражали этот процесс. Фактически, отец Александр и Свято-Владимирская семинария были главной движущей силой этих изменений.

Отец Александр Шмеман преподавал в семинарии с 1951 года. В это время он читал разные курсы по литургическому и пастырскому богословию, а также по истории церкви. К началу 1980-х его лекции были в основном по литургическому богословию. К тому времени он уже пользовался большим почётом, и на его выступления съезжалось великое множество людей. Обычно, одно из его занятий происходило вечером, и это позволяло мирянам, живущим в Нью-Йорке и его окрестностях, приезжать послушать отца Александра. Лекции проходили в большом зале, который мог вместить несколько сотен человек, и он нередко был полон, когда там выступал отец Александр. В те годы мы еще следовали старой академической традиции приветствовать лектора вставанием. Отец Александр, быстро подойдя к подиуму, жестом предлагал всем сесть и начинал: «Сегодня мы разберём...».

Он начинал с обобщения предыдущих лекций и постепенно переходил к предмету, который был темой дня. У него были заметки, исписанные его мелким почерком, но он лишь изредка заглядывал в них. Поскольку

это были темы, к которым он обращался раньше, он никогда не «читал» свои лекции. Он импровизировал, говорил увлеченно и убедительно. Иногда, обсуждая то, о чём у него было своё твердое мнение, он повышал голос, начинал жестикулировать и, будучи в возбуждении, высказывал смелые заявления, иногда шокируя и вызывая легкий смех. Невозможно было не поддаться силе его воздействия. Чувство времени исчезало на его замечательных выступлениях; час пролетал словно краткое мгновение. Мы не скучали на его занятиях и перерывы в лекциях обычно приходились на то время, когда отец Александр чувствовал, что должен остановиться.

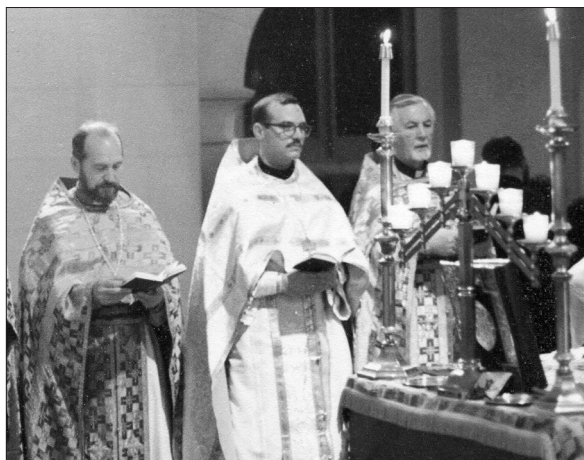
А останавливаться ему приходилось... потому что он был заядлым курильщиком. В своих *Дневниках* он, кажется, лишь однажды упоминает о попытке бросить курить во время Великого поста и признаётся, насколько «тяжело» ему было в то время. С начала и до середины XX века курение было общепринятым «стилем жизни». В той культурной среде, в которой он вырос, курение было обычным времяпрепровождением и считалось простительной слабостью, а его вредные последствия были малоизвестны. Учитывая невероятно загруженный рабочий график отца Александра, его путешествия по всему миру, административную и педагогическую нагрузку, курение было для него, своего рода, отдушиной. Но последствия этого были весьма печальны. У него развился сильный кашель, и он часто болел в те годы, что я был в семинарии.

Множество лекций отца Александра были записаны, и некоторые из этих записей хорошего качества. Доступны и записи сотен радиопередач, которые он вел

на русском языке. Благодаря им те, кому не довелось знать его лично, могут услышать его уникальный голос. Несмотря на то, что годы курения оставили свой след, его звучный баритон обладал поразительной способностью доносить до слушателей его мысли. Его речь и манеры отражали «военную» выправку его походки и осанки. Отец Александр никогда не служил в армии, но иногда он вспоминал свои юные годы в Русском кадетском корпусе в Париже. Там сформировались привычки, которые остались с ним на всю жизнь. Весь его облик, манера одеваться и вести себя были выдержаны в традиционно «европейском» деловом стиле (в *Дневниках* он подсмеивался над теми, кто стремился одеваться по последней моде). Многие семинаристы, кто намеренно, а кто и неосознанно, перенимали некоторые черты «стиля» отца Александра, желая, к примеру, приобрести именно такую обувь, какую носил он.

Руководящая роль отца Александра в семинарии была бесспорной. Однако он был всегда вовлечен в разнообразную деятельность в других сферах. Так, он был частым консультантом Священного Синода епископов ПЦА, занимался вопросами церковного управления, был членом различных комиссий и комитетов. Помимо этого, он посещал экуменические и научные конференции. Эти разнообразные обязательства накладывали свое ограничение на его работу со студентами. В *Дневниках* он часто сетует на то, что суматошный ритм жизни захлестывает его, он признается в том раздражении, которое вызывает в нём обремененность множеством различных проблем. В результате этой разносторонней деятельности страдала его педагогическая работа.

В отличие от отца Иоанна Мейендорфа он не поощрял студенческие вопросы и не любил на них отвечать. С ним нельзя было провести вечер за беседой и чашкой чая, как это бывало с профессором Сергием Верховским. Время вне стен семинарии отец Александр берёг для необходимого ему личного досуга. Но он также искал общения с замечательными людьми. Примечательно, что он стал духовным наставником и другом Александра Солженицына. Эта дружба была важна для них обоих, но она отвлекала отца Александра от работы в семинарии. И всё же бывали краткие периоды, когда он мог провести какое-то время со студентами, и те, кому довелось пережить это, дорожат воспоминаниями об этом общении.

*Рукоположение во священники
Александра Гарклавса 25 марта 1982 г.
Слева направо: прот. Сергей Гарклавс,
о. Александр Гарклавс, прот. Александр Шмеман.
Фото из архива автора*

Годы, проведённые в семинарии, оказались для меня знаменательными. Я осознал своё призвание в служении Православной Церкви, встретил ту, которая стала моей женой, был рукоположен в сан диакона, а затем во священника. Я вспоминаю то время с большой любовью, и это чувство не просто ностальгия по тем годам. Нам повезло, поскольку в 70–80-е годы там преподавали самые выдающиеся православные богословы XX века. Та степень концентрации духовной цельности, интеллектуальной прозорливости, богословского видения, присущая преподавателям семинарии тех лет, даётся лишь Божьим провидением, и случается это нечасто. Мы не только получили всестороннее богословское образование, но и прониклись вдохновляющим видением православия, которое наполнило наши сердца и умы любовью к Богу и решимостью посвятить свою жизнь служению святой Православной Церкви.

Наследие отца Александра

Отец Александр был невероятно одаренным человеком. Он обладал мощным интеллектом, фантастической памятью, и был очень притягательной личностью. Он мог быть обаятельным, но, когда было необходимо, то и авторитарным профессором. Для многих он был человеком привлекательным и достойным восхищения. Но были и люди, которым он не нравился. Некоторых его смелые и безапелляционные заявления раздражали, иногда это приводило к утверждениям, что его богословие – «ересь». С другой стороны, для некоторых он стал непререкаемым авторитетом, своего рода мудрецом, чье слово было решающим во всем. Студенты

Прот. Александр Шмеман во время таинства крещения. (Около 1979 г.)
Фото из архива автора

семинарии приходили к нему с такими житейскими вопросами как: стоит ли жениться? должно ли иметь детей? сколько детей? В *Дневниках* он признавался, насколько неловко ему было от подобных вопросов.

В *Дневниках* раскрывается духовная жизнь отца Александра и связанные с ней личные переживания, которые он хранил в себе. В дневниковых записях есть откровенные высказывания, которые проясняют некоторые аспекты его учения. Так, его осуждали за критику традиционного монашества, однако его критика не отрицала ценности истинной православной духовности. Он отвергал лишь внешние атрибуты, лицемерие и самонадеянность, которые, как он считал, способны помешать возможности жизни во Иисусе Христе, жизни во всей полноте. Схожей с осуждением его мнения о монашестве, была и односторонняя критика его

отношения к психотерапии. В этом случае нельзя не принимать во внимание то, как он понимал психологическое благополучие. Уравновешенная духовность и психологическая целостность были важными составляющими его концепции «благости» – жизни, полной Христова мира, радости и любви, – вполне достижимой для православных христиан.

Многие из тех, кто никогда не встречался с отцом Александром, восхищаются им, читая его произведения. Все его основные работы, изданные на английском языке, доступны в печати, и большинство из них переведено на русский и другие языки. Доступны и тексты его радиопередач и сборники эссе. Русский оригинал его *Дневников* в два раза больше английской версии, и это – важный источник для понимания того, кем был отец Александр на самом деле. Недавно на русском и английском языках опубликована его переписка с о. Георгием Флоровским, и эти письма позволяют проследить ранний период становления отца Александра как богослова.

Его наследие невероятно обширно. Он принимал активное участие во многих сферах церковной жизни. Именно он сыграл решающую роль в получении автокефалии Православной Церкви в Америке. Помимо лекций в семинарии и участия в церковных собраниях, отец Александр много и часто путешествовал по Европе и Северной Америке, выступая с презентациями в различных университетах и колледжах. Некоторые из них занимали неделю, как это было, например, в 1963 году в Огайо, результатом этой поездки стала его знаменитая книга *За жизнь мира*. Своими презентациями отец Александр вдохновил немало людей на принятие православия.

Он также играл значительную роль в культурной жизни русской диаспоры в Европе и Северной Америке. Хотя он никогда не был в России, он глубоко любил Россию и русскую культуру. Важной частью его наследия являются передачи на Россию, которые он вёл на радиостанции «Свобода». Отец Александр приступил к работе над ними в 1953 году, и эти передачи продолжались почти до самого конца его жизни. В объёмном томе собрано и опубликовано более пятисот текстов этих передач. Поскольку его аудиторией были люди, живущие за «железным занавесом», которые были либо не знакомы с православием, либо не имели доступа к материалу о вере, его выступления охватывали широкий круг тем: философия религии, основы православной веры, толкования православных богослужений и литургии, духовный путь русских писателей и политические проблемы современности. Мне посчастливилось прослушать его курс о «Духовности русской литературы», который он время от времени читал в семинарии. Помимо студентов, эти лекции привлекали множество людей, и некоторые из них, чтобы послушать его, приезжали издалека. Обладая энциклопедическим знанием русской литературы, отец Александр так мастерски выстраивал свой обзор русской культуры и духовности, что завораживал своих слушателей.

Богословское наследие отца Александра наиболее значительно в области литургического богословия. Среди православных богословов его по праву можно назвать «отцом» православного литургического богословия. Его подход не был подходом строгого исследователя, разбирающего смысл древних Афонских рукописей.

Именно его способность взглянуть на православную литургию экзистенциально, с пастырской точки зрения, позволила ему прийти к новаторским выводам. Отец Александр думал о литургии, выражаясь американской идиомой, «вне рамок» (*«outside the box»*). Он видел в церковных таинствах, особенно в Евхаристии, компоненты глубинного знания человека и отвергал ограниченное восприятие таинств в рамках «личных» или «сугубо сакральных» категорий. Для отца Александра пропасть между «священным» и «профанным», которая явилась результатом «грехопадения», была преодолена Церковью, которая «сакраментально вознесла» весь мир к Богу. Тело Христово, Церковь, понималось им не как изолированное святилище, существующее для избранных и защищающее христиан от остального мира, а как всеобъемлющее присутствие Иисуса Христа в мире, «призывающее все человечество» к величайшей «истине, которая сделает нас свободными».

Для многих священников (включая меня) отец Александр был и остается вдохновителем нашего священства. Отвергая традиционные «схоластические» представления, основанные на «силе и власти», он учил, что все христиане образуют «род избранный и царственное священство», и духовенство в нём выделяется, чтобы «служить другим, верно распоряжаясь всяким даром благодати Божьей». Качества священника, качества, которые отец Александр олицетворял собой, это — мужественное смирение, пастырское сострадание, великодушное прощение, безусловное милосердие и непоколебимая уверенность в том, что в православном богослужении Царство Божие становится абсолютной

реальностью. Поскольку священство напрямую связано со служением святой Евхаристии, отец Александр, чтобы углубить наше понимание этого таинства, приводил примеры не только из церковной истории, но и из современной поэзии. Один из таких примеров – стихотворение Осипа Мандельштама, которое он считал прекрасным описанием Евхаристии:

*Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе – великолепный миг.
Здесь должен прозвучать лишь греческий язык:
Взят в руки целый мир, как яблоко простое.*

Поднятие Чаши, будь то в большом соборе или в маленькой деревенской церквушке, становится актом космического значения! В этот момент, даже если окружающий нас мир жалок и полон смерти, священство являет собой трансцендентное свидетельство достоинства человека и вечной жизни. Таким образом, чрез Священное Писание, духовные традиции, жития святых, философию, поэзию и красноречивое свидетельство культурного контекста своего собственного служения отец Александр передал нам, молодым священникам, незыбленное чувство веры и дерзновения в своём служении.

В последний раз мне довелось видеть отца Александра в мае 1982 года на выпускном акте Свято-Владимирской духовной семинарии. После этого мы с женой, которая была тогда в положении, переехали на приход в Буффало, в штате Нью-Йорк. В сентябре 1982 года у него обнаружили рак. Судя по рассказам всех, кто бывал у отца Александра в это время, он противостоял

*Отец Сергей Гарклавс и отец Александр Гарклавс
в Свято-Троицком соборе. (Псков, 2006 г.)
Фото из архива автора*

своей болезни с величайшим достоинством и христианским терпением. Около восьми месяцев после определения диагноза он ничего не записывал в свои *Дневники*. 1 июня 1983 года в своей последней записи он объяснил это молчание так: «Я боялся той высоты, на которую подняла меня моя болезнь, боялся «выпасть» из нее»⁴. Многие скрыто за этими скупыми словами. Он умер 13 декабря 1983 года. Я прилетел из Буффало

⁴ Шмеман Александр, прот. *Дневники*. С. 652 (1 июня 1983). (Прим. ред.)

на его похороны, стоял в переполненной до отказа церкви семинарии среди нескольких епископов и более сотни священников и дьяконов. То был последний раз, когда я «видел» отца Александра.

Почти сразу после его смерти учение и труды отца Александра были признаны богословскими шедеврами. В таких словах о нём как «пророческий», «апостольский», «харизматический», «провидческий», «новаторский» не было преувеличения. В последние годы о нем появились научные труды, но всесторонняя оценка его богословия ещё ждёт своего исследователя. После его смерти многое изменилось. Что мог бы сказать отец Александр о сегодняшнем мире, о достижениях в области технологий и об упадке морали, о распаде Советского Союза и об отношениях между православными церквями? Об этом мы можем только догадываться. К счастью, его мысли и учение доступны и не утратили своего влияния и вдохновляющей силы.

*Парма, штат Огайо, США
15 марта 2021 г.*

*Перевод с английского
Ларисы Олдыревой-Густафссон*

Протоиерей Александр Гарклавс

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СУББОТА

Памяти о. Александра Шмемана

У христиан нет секретов,
Кроме тех, что мы храним ради наследия на небесах.
Истинные сокровища духа защиты не ищут,
Как и поворотные моменты, которые никто не отнимет, —
Не импульс к исповеди, но пульсирующая совесть,
Зов храбро схоронить никчемные пережитки,
Клич к ученым открытиям о царствах,
Откровения о прошлом, несущие зародыш будущего.

Я люблю города, пренебрегшие моим вторжением,
Их так много, всех не упомнить, но я благодарен,
мой Чикаго,

Что застал ты меня в тот серенький день
в дождливом марте

Сорок пять лет назад, и я пошел послушать человека,
Мыслителя и провидца, разбудившего моей души пустыню
Поэтическим богословием, и мне стало ясно:
Универсалии – согласно анализу – в частности,
Они сцеплены любовью и обетом, как жертва,
Связи явлены как отношения,
Как дароносица и солнце золотое, – и в этом
Дар прощения и знание о Боге в каждом человеке.

Чтобы понять как Адам испоганил Творение,
Читайте Моисея и пророков (они хорошо нас знают),
В их мире еще не было слова, только тихое веяние,

В совершенстве света Воскресения, мы ходим,
говорим и ждем;
Все в нас – ожидание и благодарность,
знание, что во Христе
Временная красота – в универсалиях,
бесконечность – в частном;
Во Христе вмещены Творение, Падение, Искупление,
И во мне – что я видел и слышал, та истина и откровение.

Перевод с английского
Ларисы Волохонской-Певеар

Лариса Волохонская-Певеар

В 1982 году с английского языка на русский была переведена книга прот. А. Шмемана «За жизнь мира». Отец Александр читал, редактировал русский текст; подписал его к печати в американском издательстве «Религиозные книги для России» (Religious Books for Russia, New York) в 1983 г. Этот авторизованный перевод не раз переиздавался (публиковался), а переводчиком его является Лариса Волохонская.

БЫТЬ В ЕГО ПРИСУТСТВИИ

Как описать человека? Любого человека... Трудно. Невозможно. Непостижимый создал нас по своему образу и подобию. И поэтому мы тоже в какой-то мере непостижимы. И язык тоже борется с нами, отказывается описывать впечатления. Особенно, когда речь идет о человеке, который был такой живой, такой красивый. Красивый, да, но скорее прекрасный, в широком смысле греческого слова *калокагатос*, прекрасный и хороший, душою и обликом. Тут тайна личности. Богатство даров. Дары радости, благодарения и мудрости. И широта: никаких границ, заборов и преград – ни национальных, ни языковых, ни социальных, ни предрассудков – свободная личность. Это видно при чтении *Дневников*¹. А в жизни всегда было чувство, что ты – в присутствии необычайного, и ты сам подтягивался, становился лучше. В голове проносились выходящие

¹ Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. – 720 с. (Прим. ред.)

из употребления слова: «благородство», «достоинство», «честь», «доблесть», «благодарность», «самопожертвование».

Попытка описать словами ощущение его присутствия или воспоминания о нем успехом не увенчивается. Одно из приблизительных выражений: становилось светло и радостно на душе. Немного похоже на чувства, внушаемые поэзией Пушкина: хочется плакать, смеяться и благодарить. Плакать от восхищения, смеяться от радости, благодарить за то, что вот он есть, был, будет. Потому что он, конечно будет с нами и с теми, кто после нас, в его книгах, беседах и *Дневниках*. И если, как мы знаем от Державина, «всё вечности жерлом пожрется», то и в этой вечности мы будем вместе с ним. Конечно, только если попадем в одно и то же «место».

В те два года, что я училась в Свято-Владимирской семинарии, я видела его почти каждый день в классе или в часовне. Личное общение свелось к немногим встречам и разговорам, которые опишу.

Впервые я увидела его, приехав на Рождество в Свято-Владимирскую семинарию в 1978 году. Я опоздала на литургию, вошла в церковь в конце проповеди. Отец Александр стоял на амвоне и говорил о приходе в мир воплощенного Господа в виде Младенца. Последние слова проповеди были такие: «Христос с нами. А мы? – с Ним ли мы?»

Это было за несколько лет до его смерти, он все еще был прекрасен, хотя и выглядел усталым, слегка отяжелевшим. Яркие карие глаза, умный, спокойный, внимательный взгляд. Ах, как он служил в алтаре! Без всякого благочестивого пафоса, спокойно, ясно, уверенно. Как будто ничего другого на свете больше нет, кроме

этой Чаши, которую надо поднять, освятить. Он любил иногда, когда в алтаре было много духовенства, стоять в церкви, среди прихожан, просто в подряснике.

Для меня было счастьем быть в его присутствии, я ходила на все его лекции, даже по пастырскому богословию. Помню, как он объяснял молоденьким мальчикам, будущим священникам, что, когда назначат на приход, первые два года ни в коем случае не следует ничего менять. Обязательно надо, чтобы прихожане привыкли, полюбили, а потом уже что-то свое предпринимать и менять. Еще он учил их, что проповедь должна быть короткой и содержать одну мысль, не больше. Больше люди не запомнят и отвлекутся. Был абсолютный запрет на морализаторство. Когда задавал написать работу, требовал, чтобы она была не больше четырех страниц. «Если вам есть что сказать, нужно уметь сказать это кратко». А насчет проповедей говорил, что не обязательно говорить что-то умное или богословское, — главное, чтобы у людей осталось в душе светлое чувство.

Еще вспоминаю, как один студент спросил, что делать, если вдруг во время службы забудешь что-нибудь, чем заполнить паузу, что сказать? Отец Александр рассмеялся и пошутил: «Скажите что-нибудь религиозное».

Помню его в Светлый понедельник. Он светился, неторопливо спускаясь с горки в своем белом подряснике и говоря каждому встречному своим бархатным баритоном «Христос воскресе!», всегда добавлял что-то личное, являющее, что он тебя помнит, знает твои обстоятельства, держит в уме. Утешительное, соболезняющее, ободряющее, веселое. Мне всегда доставалось что-то слегка ироническое, дразнящее: «А Вы, Лариса,

все богословствуете?» или, увидев мою яркую пасхальную блузу: «Вы, Лариса, похожи на пасхальное яичко». Знал, что пойму правильно – не удивлюсь, не обижусь.

Он не был моим духовником, но иногда я прибегала к нему за советом. И он вполне мог посоветовать пойти и купить шляпу. Или же темные очки. То-есть, когда чувствовал, что ничего совсем уж трагического не происходит, мог насмешить, посоветовать что-то забавное, отвлечь от мыслей о себе. Вообще исповедовать явно не любил, и он говорит об этом в *Дневниках*.

Не любил также и слово «духовность». Человек есть единство души и тела, – говорил он – нет никакой духовности самой по себе, отдельной от телесности. И отец Фома Хопко, его ученик и зять, тоже любил говорить, что тело без души – это труп, а душа без тела – призрак. Очень их обоих любители «духовности» за это не любили.

На него обижались. Он говорил прямо, без экивоков. Один обиженный, наш друг, в то время христианин в епископальной Церкви, а впоследствии психоаналитик, пошел к нему на открытую лекцию. В конце задал вопрос: «Как вы, православные, относитесь к апостольской преемственности?» И получил в ответ: «Апостольская преемственность существует. Никакого отношения к ней у православных нет». «Почему так кратко и резко? – возмущался наш друг, – мог бы прокомментировать, объяснить». – «А потому, что не надо задавать вопросы, на которые сам знаешь ответ. Ты хотел спровоцировать бесплодную дискуссию, а ему не хотелось зря воздух сотрясать».

Он был способен к сильному гневу. Однажды в семинарии произошло нарушение дисциплины. На сле-

дующий день после того, как это выяснилось, мы увидели его в ярости. Не сердитым, не недовольным, а разъяренным. Лицо его потемнело, стало почти что лиловым. Он влетел в класс. Стукнул кулаком об стол, так что не очень крепкий столик подпрыгнул, и сказал ясно и твердо: «Я не собираюсь быть деканом над такими-то и такими-то бездельниками! Все, кого это касается, сегодня же покинут школу!». После этого он спокойно начал лекцию. Не думаю, что он имел что-то лично против кого-то, - просто охранял репутацию школы.

В *Дневниках* чувствуется, что он был одинок. Равных ему на свете, наверное, вообще было мало. Конечно, была большая, дружная семья, дети, внуки, брат и его семья во Франции, многочисленные друзья, коллеги. Но много ли среди них было равных ему по широте и внутреннему богатству? Он шутил: нужно родиться русским, получить образование во Франции, жить в Америке. Он и был человеком трех культур и трех языков. Он любил стихи, знал их много наизусть. По-русски, по-французски, по-английски. Однажды ему надо было ехать венчать знакомую пару в другом городе. Меня тоже пригласили на эту свадьбу, и о. Александр предложил меня туда подвезти. В течение полутора часов, пока мы ехали, он читал стихи: Мандельштама, Ахматову, Пастернака, Рильке в переводе того же Пастернака, Аполлинера и Бодлера по-французски, Одена, Элиота, Фроста по-английски, Бродского. «После венчания мы сразу обратно, – сказал он. – Никаких банкетов, я буду торопиться». Венчание окончилось, я стою, поджидаю его, чтобы ехать. Идем к машине. Проходим мимо домика, где трапезная, и туда заглядываем.

Там стоит стол буквой «п», весь уставленный едой, питьем, пирогами, салатами, разносолами. «Похоже, что этот капустный пирог сильно задержит наш отъезд» – услышала я, и мы остались на трапезу.

Тут расскажу еще одну запомнившуюся шутку. У него было правило в начале учебного года навещать студенческие общежития. И вот в первый мой там сентябрь он навестил женское общежитие. «Девочки» волновались, готовились, прибрали, заказали пиццу и любимый им торт-мороженое фирмы «Карвел». Эти торты от Карвела были массового фабричного изготовления, химические, очень сладкие, и украшены марципанами в виде разных фигурок по сезону. Наш был украшен грибочками, осенними листиками и надписью «Welcome!» – (Добро пожаловать!). Отец Александр пришел, сел, поговорил, поспрашивал, пошутил, съел кусок пиццы, а от торта стал отказываться. Девочки огорчились, это ведь было куплено специально для него. Увидев их огорчение, о. Александр согласился и съел кусок торта. Девочки стали настаивать на добавке: «Нет, мои дорогие, спасибо, боюсь, что я начну греховно наслаждаться». Против этого аргумента возразить было нечего.

И – раз уж зашла речь о его быстром уме и шутках – можно рассказать о том, как он утешал о. Иоанна Мейендорфа. Это я рассказываю с чужих слов. Не знаю, как точно происходило. Уже в самом конце отец Иоанн, очень опечаленный, пришел навещать его в больнице. «Не горюй, Ваня, – пошутил о. Александр, – моя смерть не имеет никакого богословского значения».

Он постоянно был кому-то нужен. Были административные обязанности, всякие собрания преподавателей, духовенства... Один раз у него вырвалось: «Ах,

как они мне все надоели! Этот дьякон...» — он назвал имя. Однажды летом, все разъехались, — а я жила тогда в семинарском общежитии, у меня своего дома не было, — и там происходил съезд американского православного духовенства. Приехало человек сто, все в черных подрясниках, — греки, сербы, арабы из антиохийской епархии, русские и просто американцы... Отец Александр попросил меня сварить для них кофе. В огромном стальном баке, варилась коричневая жидкость, называвшаяся кофе. И я запомнила, как я стояла при этом бачке, и слушала, как они там за дверью все говорили, а иногда кричали, спорили, каркали. Начался перерыв, о. Александр вылетел первый из аудитории, помотал головой и сказал: «Столько святости... столько святости...»

В любое время дня на крыльце главного здания семинарии можно было встретить неведомых личностей, которые хотели его «поймать». Дежурная фраза была: «Мне надо поговорить с отцом Александром». Наверное, кому-то действительно надо было, но это была настоящая беда. Многие были обыкновенными «зависалами». Один пришел, с виду совсем бродяга, и стал говорить, что ему обязательно надо поговорить с о. Александром. «Я — говорит, — практикую аскетизм, ем все сырое. Только вот рис еще не могу невареный есть». Я его спрашиваю: «Вы что ж будете с ним о невареном рисе разговаривать?» — «Нет, — говорит, — мне надо с ним поговорить “о судьбе несчастной православной Церкви в России”». Как ни охраняли о. Александра от них, он принимал всех, кого позволяло время принять. Ульяна Сергеевна старалась изо всех сил его защитить от кого могла, но не очень в этом успевала.

А ведь были же еще и какие-то встречи по договоренности, с людьми, с которыми действительно надо было увидеться по делу, коллеги, друзья. Это был беспрерывный поток. Он говорил: «Больше всего на свете люблю один сидеть и ждать самолета в аэропорту. Никто не мешает думать». Это было до появления сотовых телефонов, а потом и всяких электронных айпэдов, айфонов и смартфонов. И в *Дневниках* мы читаем, как он любил свои одинокие прогулки, свое время в пустой церкви перед службой.

Его одиночество не было одиночеством превосходства, аристократизма или эксклюзивности. Просто он был другой – необычайный, то есть тоже человек, как и все, но больше, выше, шире, лучше... В нем не было ни грама банальности. И он был смиренен. Он знал себе цену, но знал также и цену этой цены. Воздух вокруг него дрожал и струился. Кажется, я описываю святость... Не знаю. Но тем, что он сделал для Православной Церкви в Америке, он, конечно, место среди святых себе приготовил. Не его вина, что эта Церковь быстро стала забывать все, что он ей заповедал.

Из всего, что я слышала на его лекциях и в его проповедях, наиболее врезались в память и остались со мной на всю жизнь две его мысли или, скорее, интуиции. Кратко и очень упрощая, можно о них говорить так: первая связана с нашим человеческим состоянием в падшем мире. Во всех божественных вмешательствах в историю человечества присутствует метаисторическое, нематериальное измерение. Нематериальное, а следовательно, и вневременное. Человеческий опыт и человеческий язык ограничены нашей материальностью, и поэтому нам трудно и даже невозможно об этом

говорить и это переживать. Мы живем как бы в промежутке между «уже» и «еще нет»: Спасение «уже» свершилось, Царство «уже» среди нас, но в падшем мире их «еще нет», мы все живем в ожидании полноты их свершения. Как апостолы на иконе Вознесения. Стоим и ждем. Эта интуиция «уже – еще нет» пронизывает все его богословские работы.

Вторая интуиция связана с его подходом к литературе. Это присутствует в его беседах о ней. Он решительно отрицал возможность судить о писателе в терминах «христианский-нехристианский». В литературе, как и в жизни, все перемешано. Он говорил о триединой интуиции видения мира в таких словах: наш мир сотворен, наш мир пал грехом, наш мир спасен. И он говорил о творчестве наших великих писателей в свете присутствия или отсутствия этих интуиций в их творениях. Самым гармоничным по этому критерию выходил Пушкин, у него все три присутствовали в более или менее равной степени. Такую же призму он применял к Толстому (у него дело было плохо со спасением), к Достоевскому (у него хромала сотворенность)... Грехопадения, конечно, у всех хоть отбавляй. Тут я, конечно, тоже сильно упрощаю, он не рассуждал так схематично. Но у нас, к счастью, есть теперь его лекции о русской литературе.

В течение этих двух лет у меня было несколько случаев прийти к нему в кабинет. В памяти удержалось мало, потому что всякий раз я очень волновалась. Помню большую уютную комнату, освещенную настольной лампой, книги на полках, большой тяжелый письменный стол, на нем лампа и пишущая машинка.

И еще помню то, о чем почему-то никто не рассказывает. Это интересно. Повсюду: на полках перед книгами,

на столе, на отдельно стоящей этажерке – сидели и лежали лягушки, сделанные из самых разных материалов. Скульптуры и игрушки. Выточенные из камня, отлитые из металла, вырезанные из дерева, слепленные из глины, стеклянные, набивные – из тряпки или кожи. Я сама, узнав об этой коллекции, подарила ему маленькую ярко-зеленую лягушечку-игрушечку из замши, набитой опилками, с белой ромашкой, нашитой на спине для украшения. Лягушки были реалистические или стилизованные, всех размеров и всех цветов. Впечатления сентиментальности не было никакого. Тогда не хватило смелости спросить, как возникла такая коллекция, какая мысль в ней заключалась. Откуда? Почему? Просто так? Или это какой-то символ? Воспоминание? Может быть, жив еще кто-то, кто знает? Тайна личности...

И где теперь эта коллекция?

*Париж, Франция
Февраль 2021 г.*

Сергей Шмеман

Родился в 1945 г., в Клараре (Франция); родители – о. Александр Шмеман и Ульяна Шмеман (урожд. Осоргина). Окончил Гарвардский университет.

В качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» работал в Южной Африке, СССР, Германии, Израиле, России, Франции. За свою журналистскую деятельность стал лауреатом Пулитцеровской премии. Автор книги «Эхо родной земли» (История жизни его предков в России).

ПРОРОЧЕСТВО РАДОСТИ

Нелегко писать о родном отце, особенно если он был знаменитый богослов и священник, известный многим своими трудами. Здесь опасность идеализировать родителя или, наоборот, низвести великого учителя и пастыря до домашних мелочей. Более того, я не священник и не богослов, и не могу сознательно обсуждать работы моего отца.

Тем не менее, я люблю и всегда готов говорить о нём. Потому что, чем старше я становлюсь – а я прожил уже на много лет более отца Александра Шмемана, – тем больше я понимаю, что то, чему он учил нас, своих детей, то, что он передал нам своим примером и своей жизнью, он также преподавал на своих курсах, писал в книгах и говорил в проповедях. Эта была жизнь, наполненная радостью и благодарностью, и об этом я рад поговорить.

Его призвание открылось отцу Александру в Великую Субботу, когда он был молодым прислужником в соборе св. Александра Невского в Париже, в той

знаменитой церкви на «рю Дарю», где происходили все центральные события русской эмиграции – свадьбы, полковые воссоединения, похороны. Но именно на том удивительном богослужении, во время которого черные ризы вдруг сменяются на белоснежные и мы знаем, что смерть побеждена, и ад разрушен, когда все стихает и хор поет: «Да молчит всякая плоть человека», он понял, кто он и кем будет.

Это было открытие жизни в Царстве Божьем когда слова не нужны, и радость, которую он разделял всю свою жизнь с нами, со своей семьей, как и со своими друзьями, студентами, с Россией, с Америкой, с миром. Это «пророчество радости», как его назвал один русский поклонник отца Александра, сильно проявляется в его *Дневниках*, как в моменты, которыми он дорожит, так и в его разочарованиях по поводу бесконечной каждодневной суеты, связанной с управлением семинарией и устройением Православной Церкви в Америке. В эти моменты он не жалуется; он понимает ответственность руководителя, пастыря и учителя, и не уклоняется от нее.

Но его огорчало, когда мир и его повседневные заботы сводились к «проблемам» или когда Церковь сводилась к обрядам или «терапии». Жизнь была чудесным таинством, которую нужно было прожить с радостью и благодарностью, а не «редуцировать» – слово, которым он часто пользовался. В своей небольшой книге *За жизнь мира*, которую он написал для студенческой конференции в 1963 году, он с самого начала заявил о своем противодействии «тем, кто сводит Церковь к миру и его проблемам, тем, кто просто приравнивают мир злу и болезненно радуются в своем апокалиптическом мраке».

Отец Александр придерживался противоположного направления: не понижать, а возвышать; не оплакивать, а прославлять.

Мы проводили лето на прекрасном озере в Канаде, в провинции Квебек, в мире северной природы, знакомой всем русским своими березками, белыми грибами, чистой водой и длинными летними днями. Именно там мой отец написал большинство своих книг. Там построили небольшую часовню в честь преподобного Сергия, и вскоре многие знакомые там построили или купили дачи, создав теплую и дружную летнюю общину. И мы там, будучи детьми, познали церковную жизнь так, как никогда не смогли бы узнать ее в городском приходе. Каждому из нас была поставлена

*Отец Александр с мамой, Анной Тихоновной Шмеман
(урожд. Шишковой) и с детьми – Аней, Сережей,
Машей. 1952 г.*

Фото из архива Сергея Шмемана

«церковная задача»: собирать ли цветы для украшения икон или связывать кедровые ветки – для окропления святой водой, или идти с хоругвью во время крестного хода.

Один раз за лето мы спускались к озеру, чтобы освящать воду, к удивлению проходящих мимо французских канадцев. На Преображение освящали плоды, собранные нами – малину, грибы, овощи из огорода.

Отец так же преображал наши обычные занятия. Ежедневная прогулка превращалась в приключение – отец выбирал подходящую для дорог трость и маршруты, которым давал громкие имена – Версаль, потому что вдоль дороги были поля цветов; Тропа Развалин, потому что проходила мимо стены давно заброшенной мельницы. Его восприятие жизни было заразительным. Мы чувствовали себя причастными к чему-то особенному, удивительному. И так и было.

Этот дух был не только «летний». Он распространялся на Свято-Владимирскую семинарию, где в праздник Крещения отец Александр возглавлял процессию к «Мутному ручью», протекавшему по территории семинарии, чтобы освятить воды. Он распространялся также на учеников, духовных чад и многочисленных последователей. И на меня.

Когда-то давно меня призвали в армию и отправили во Вьетнам. Перед отъездом отец благословил меня и сказал нечто, весьма неожиданное. «Знаешь, тебе очень везет, – сказал он. – Все мы вернемся к нашей нормальной жизни, к нашим повседневным заботам и суете, а ты отправляешься на что-то совершенно новое, что испытает твою душу». Конечно, как отец он беспокоился обо мне, и, конечно, его намерением было дать

мне силы для того, что ожидало впереди. Но то, что он сказал мне тем ранним утром, было также отражением его стремления к полному приятию жизни, со всеми ее радостями и испытаниями.

Переезд в Америку во многом определил миссию и мировоззрение отца Александра. Мы иммигрировали в 1951 году, когда моему отцу еще не было 30 лет, и мы были все без гражданства – оба моих родителя родились беженцами. В Америке отец Александр нашел духовное и физическое убежище, и новое видение будущего. Отец никогда не отказывался от своей русскости. Россия была родиной его культуры, русский был его первым языком, судьба России была его постоянной заботой. Всю свою жизнь в Америке он записывал еженедельную передачу на Россию на «Радио Свобода» и внимательно следил за судьбой Церкви, людей и культуры. Однажды он сказал мне, что, если бы не был священником, он стал бы литературным критиком, и его серия выступлений по «Радио Свобода» о русской литературе – «Основы русской культуры» – свидетельство этой любви.

Но Америка стала его приемной родиной. Америка и ее энергия, ее открытость и свобода, как бы утверждали его восприятие Православия как жизнь, применимую ко всем народам и культурам. Он воспринял Америку как землю обетованную, и американцы приняли его в ответ.

Он был популярным проповедником на приходах, и лектором в университетах, и на конференциях. Он постоянно путешествовал по стране и миру. Когда я начал водить машину, я часто встречал его в аэропорту, и он всегда возвращался полный восторженных впечатлений и рассказов о людях, достопримечательностях, об истории того места, где он был. Помню, как он невероятно

*Слева направо: братья Андрей и
о. Александр, сын о. Александра – Сергей
со своим сыном Сашей. Летом на даче в
Labelle в Канаде, 1983 г.*

Фото из семейного архива семьи Шмеманов

любил проповедовать в приходе в центре Мехико, а потом присоединяться к собранию в приходском зале за трапезой и общением.

Все это было полнотой жизни – «полнота» – еще одно слово, которое он часто употреблял. Жизнь была таинством, которое нужно было славить и принимать, а не сводить к мелочности, суетливости, эгоцентризму, жалости к себе или к тому, что он называл «религией с маленькой буквы». «Религия нужна там, где есть стена, отделяющая Бога от человека, – писал он в книге

За жизнь мира. – Христос открыл новую жизнь, а не новую религию».

Для меня источником постоянной радости, является то, что жизнь и дела отца Александра пустили корни в России, стране, которую он никогда не посетил, но любил и знал. Это – как если бы русский священник путешествовал по Европе и Америке и вернулся в Россию, свидетельствуя о вере, которую можно и нужно с радостью принимать повсюду.

Радость и, наконец, благодарность. День Благодарения, национальный американский праздник, стал одним из любимых праздников отца Александра, возможностью просто поблагодарить Бога за все, что нам дано. На этом празднике, в День Благодарения, в 1983 году, за две недели до его кончины, отец произнес последнюю проповедь.

«Всякий, кто способен благодарить, достоин спасения и вечной радости», – начал он, а затем перечислил все, за что мы должны быть вечно благодарны – за Евангелию, за предвкушение Царства, за Святую Церковь, за нашу страну.

В какой-то момент один ребенок начал суетиться и плакать, и отец Александр тут же симпровизировал: «Благодарю Тебя, Господи, за наши семьи: за мужей, жен и особенно за детей, которые учат нас, как славить имя Твое святое в радости, движении и святой возне».

«Господи, хорошо нам здесь быть!» – провозгласил он.

На что я могу только сказать: Аминь! Как хорошо было быть здесь с ним!

*Вашингтон,
округ Колумбия, США
Май 2021 г.*

Лиля Туркина-Колосимо

СВИДЕТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

Никто не может оставить всё,
если не увидит отблеск вечной жизни
в глазах или на лице другого человека.

*Часто цитируемое владыкой
Антонием (Блумом)
монашеское присловье*

Именно в глазах отца Александра Шмемана повезло нам увидеть этот отблеск.

Приехав подростком из России в Америку в 70-х годах прошлого века, я довольно быстро оказалась в окружении отца Александра. Познакомил нас старинный друг о. Александра, отец Кирилл Фотиев. Оба священника были рады знакомству и участию в жизни приезжающих из России соотечественников. Любили общие праздники, застолья, разговоры за полночь. Старались помочь, чем могли. Посылали тех, кому надо было помочь, к моей маме, Веронике Туркиной-Штейн, которую отец Александр шуточно и справедливо называл «всех скорбящих радость» за желание и умение всех принять и обогреть.

Семья наша была не церковная, хотя оба родителя были в детстве крещены. Старались «жить не по лжи», режиму советскому противостояли, как могли, но до церкви дойти не успевали. И только приехав в эмиграцию, увидели дорогу к храму, благодаря людям, для которых это было первостепенно важно.

И в первую очередь ошеломляющее впечатление производил отец Александр. Он светился каким-то

нездешним светом, всё вокруг него приходило в движение и обретало смысл. Очень хотелось понять, что же он такого делает, чего не делаю я. Откуда этот свет? Это вопрошание и привело меня в Церковь, где я увидела, как отец Александр эту Церковь любит, как вся жизнь его не разделена на церковную и не церковную, а составляет одно единое целое, то, что он всегда называл «единым на потребу». Быстро началась моя катехизация (в которой принял деятельное участие о. Кирилл Фотиев, приезжая ко мне из Бронкса в Квинс на метро для чтения Евангелия и бесед), и привело это к крещению в старой часовне Свято-Владимирской семинарии в Крествуде, под Нью-Йорком. Раннеподростковый возраст позволял не мудрствовать лукаво, все серьезные вопрошания и размышления были впереди, а сейчас было очевидно, что невозможно находиться не там, где был отец Александр.

Последовательное воцерковление началось через несколько лет, с появлением первого ребенка. А по окончании института стало ясно, что единственным желанием было поступление в Свято-Владимирскую семинарию для изучения своей веры, для возможности себе и своим детям ответить: *како веруеши?* Семинария притягивала присутствием отца Александра и созданного им замечательного преподавательского состава, литургической жизнью, открытым и международным православием. К тому времени там учились уже многие друзья, шла жизнь, от которой невозможно было остаться в стороне.

Поступила я в сентябре 1982 года, в том самом месяце, когда отцу Александру был поставлен его страшный диагноз – две раковых опухоли мозга. Отец Александр собрал студентов, попросил не искать в его болезни

никакого богословского смысла, и после довольно короткого курса лечения продолжил преподавать. На лекции мы ходили, как на праздник, носили с собой аудио-магнитофоны, записывали, боялись пропустить хоть слово. Многие из этих пленок удалось недавно оцифровать, и они составляют богатство библиотечно-го архива семинарии.

Отец Александр говорил вдохновенно, никогда не заглядывал в записи. Его курс «Литургия смерти» посещало больше половины всех семинаристов, хотя курс был факультативным. Описывая всё глубже деградирующее отношение к смерти, к боязни погребения, к распространяющемуся использованию кремации, мог сказать: «Когда все эти тенденции победят, я надеюсь уже лет 40, как лежать под землей».

Отец Александр был всегда занят, помимо деканства в семинарии состоял в разных церковных организациях, летал в командировки, заседал в каких-то комиссиях (чего страшно не любил, но приходилось) и тем не менее был очень внимателен, успевал пригласить к себе в кабинет и помочь, посоветовать, обнадёжить. Очень не любил слово «проблемы», считал, что люди сами себе их создают. Умел поставить вопрос под другим углом, показать несостоятельность нахлынувшего уныния, учил радоваться и за всё благодарить.

Зимой 1983 года я была на литургии в семинарии со своей маленькой дочкой. Когда подошли к кресту, отец Александр спросил: «И сколько ж ей сейчас?» Я ответила: «11 месяцев». Он улыбнулся: «Это ж сколько еще конфет можно в жизни съесть»!

От встречи с живым отцом Александром зародилась вера в Бога. От того, как он умирал – вера в бессмертие.

*Отец Александр с зятьями: слева о. Иоанн Ткачук;
справа – о. Фома Хопко.*

Фото из архива Сергея Шмемана

Несколько человек в моей жизни умирали так, что не оставляли сомнений в своем Успении, в переходе в Царство Божие. Не покидает полная уверенность в их небесном заступничестве за нас и в том, что они и придут Там нас встречать.

Отец Александр преподавал до последнего возможного момента. 24 ноября, на День Благодарения, еще служил и сказал свою последнюю проповедь. Успел раздать домашние задания на рождественские каникулы. Потом попал в больницу. Когда в больнице сказали, что сделать уже больше ничего нельзя, он попросил прекратить лечение и отправить его домой, где собралась вокруг него вся семья. Двое зятьев – священники отец Фома Хопко († 18.03.2015) и отец Иоанн Ткачук († 20.02.2021) соборовали и постоянно служили

молебны. И отец Александр, пока хватало сил, участвовал в молитвах. Последние несколько дней матушка Ульяна Сергеевна пускала всех: «Приходите посмотреть на нашу Пасху».

Умер о. Александр во вторник, 13 декабря 1983 года в половине третьего. В этот момент я сдавала устный экзамен по догматике в кабинете у отца Фомы Хопко. Позвонила дочь отца Александра, жена отца Фомы, Анна... Мы встали, перекрестились, на этом экзамен был закончен.

На отпевании в семинарской часовне была тьма народа. И отец Александр в митре, красивый, спокойный, не умерший – усопший. И не было никогда сомнения в его святости, в идущем от него свете и в том, что Церковь его обязательно когда-нибудь прославит.

*Париж, Франция
1 марта 2021 г.*

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)
(1938–2016)

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПРОПОВЕДИ

Из гомилетического наследия

(Продолжение. Начало Христианос-XXVII, XXVIII)

Крещение Господне.

19.01.1998. Литургия

Мф 3:13-17

Спасение в соединении с Богом

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Поздравляю вас всех, дорогие братья и сестры, с праздником Богоявления – Крещения Господа нашего Иисуса Христа!

Мы слышали с вами Евангелие от Матфея, главу 3-ю, стихи с 13-го по 17-й, в которых раскрывается великая тайна Божия, скрытая от человека до последних времен по промыслу Божию. И вот, наступило время, которого ожидали люди тысячелетиями: время спасения, время, когда Господь являет Свою милость, когда люди узнают, что Он – любовь и что этой любовью только можно спастись.

Что значит спастись для нас? Спасти́сь это значит соединиться с Богом, жить с Богом; ибо разрыв с Богом – это смерть, и человечество на своем опыте убедилось, как трудно жить без этой связи животельной с Богом, как трудно самому – и невозможно самому – выйти из рабства греху и смерти. Человек не мог своими силами освободиться от власти греха и смерти, и поэтому

он вопил к Господу: «Господи, к Тебе воззвах, услышь меня» (мы постоянно об этом поем в церкви), – так вопил к Богу человек всегда после грехопадения, сознавая свою вину.

И вот, на реке Иордане появляется Тот, Кто нас всех спасает: это Господь наш Иисус Христос, Он – Сын Божий. Об этом мы узнаём от Самого Бога, Его Отца, следовательно, никакого сомнения у нас не должно быть в Нем. Все услышали на Иордане голос: «И се, глас с Небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Как Он будет нас спасать? Каким образом? Некоторые думали, что придет грозный Мессия – так думал Иоанн Креститель, – который накажет грешников, потому что они против Бога много грешили, будучи поработочены этим миром и сделав богом своим маммону, т.е. богатство. И не случайно, из Иерусалима ушло много благочестивых иудеев к берегам Мертвого моря, поселились они в пещерах, видя падение людей, видя их идолопоклонство, т.е. поклонение не живому Богу, а богатству, маммоне. И вот, проводя жизнь по заповедям Божиим, эти люди мечтали о том, что, вот, явится Тот, Которому они молятся, Который услышит их, и тогда Он совершит суд праведный. И они, не греша так, как те, из-за которых они ушли из Иерусалима, думали, что в глазах Бога они есть единственные избранные: они «сыны света», а те – сыны тьмы по своему свободному выбору.

Но это человеческое рассуждение, это человеческое понятие о Мессии. И когда явился Христос, то в Нём не увидели такого Мессию, который бы одних наказывал, других миловал, делил людей на добрых и злых,

на грешников и праведников; праведников бы он любил, а грешников – нет. Этот Мессия явил любовь ко всем людям, а особенно к самым падшим, которых презирали, – и Его любовь освобождает всех от власти греха и смерти.

Эта любовь превзошла все степени ожидания, все меры человеческие, она была такой, которая всё отдает без остатка. Иисус Христос отдает за нас жизнь, Он умирает на кресте, – и эта смерть для нас спасительна, потому что Он умирает ради жизни и дарует нам жизнь. И поэтому увидеть в Нем такого Мессию, и принять такого Мессию, и жить, как Он, – это уже было спасение.

Сейчас я забежал вперед и открыл то, что мы уже знаем... А в момент Богоявления Он впервые открывается людям, является в мир для того, чтобы начать Свою проповедь общественную, для того, чтобы пробуждать души, пробуждать сердца и утверждать жизнь.

Этот голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный», – как я уже вчера говорил, относится не только ко Иисусу Христу. Это Бог Отец говорит всем людям, которые собрались на реке Иордан, и всем тем, кто живет после этого события, и Его голос обращен к тем, кто живет сейчас, и ко всем, кто будет жить после нас, покуда существует этот мир. Ибо Иисус Христос пришел для того, чтобы нас усыновить Богу; чтобы мы возлюбили Бога так, что наше сердце считало Его Своим Отцом; чтобы мы действительно верили, что Он дал нам жизнь.

Когда в сердце нашем будет реальное чувство, сознание того, что Бог действительно наш Отец, мы сможем всем сердцем молиться Ему той молитвой, которую нам дал Господь, *Отче наш*, – и сердце наше будет чувствовать, что это действительно так: что мы

Его настолько любим, что называем не Отец – это было бы несколько грубо даже, отдаляло от Него, – а говорим: *Отче*, ласково и с любовью.

И когда Бог Отец говорит, что мы будем Его сынами, это означает, что Он нас через Иисуса Христа избавляет от власти тьмы и вводит в Царство возлюбленного Сына Своего, как говорит апостол Павел в одном из своих посланий. Т.е. этот голос есть введение нас в Царство Божие. И этот голос дарует нам великую честь и славу от Бога Отца: т.е. что может быть выше усыновления!

Богу всё принадлежит: Царство Небесное, всё, что Он сотворил, – и Он нас вводит в это Своё наследие, в Царство Божие; и нам уже ничего не нужно, нам нужно только это сыновство, это наследие вечной жизни. Да? Да.

Спасение явлено, Иисус Христос отдал жизнь за нас. А как же нам усыновиться? Нам нужно встретиться со Христом, полюбить Его всем своим существом и пожелать соединиться с Ним. Вот это соединение и будет нашим крещением, т.е. полной отдачей себя Богу, полным доверием Ему через Сына.

Ведь крещение наше личное это акт веры: я крещусь в Иисуса Христа, потому что я Его люблю; а если я Его не знаю и не люблю, я не могу креститься. К сожалению, у нас бывают случаи, когда люди желают креститься без знания Христа. Узнают, что человек некрещенный, и его уже толкают к крещальной купели, а он Христа совершенно не знает: он не читал Священного Писания, он не любит Христа. Можно ли крестить взрослого человека без подготовки?

Вот, сейчас, в эти праздничные дни (попразднство Крещения Господня) в нашем храме будут совершаться

ежедневно молитвы, ежедневно совершаться Евхаристия, т.е. Таинство святого Причащения. К нам приехали братья и сестры из Резекне и из Риги, которые были крещены, в младенчестве, некоторые – уже взрослыми, но без подготовки; их крестили, не научив, и поэтому они не чувствовали себя в Церкви. Приходили в церковь, ставили свечи, ходили на праздники, – исполняли обряды, – но это же не христианство; христианство – это жизнь. Мы всегда должны жить Богом. Всегда, каждую минуту; быть христианами и дома, и на работе, и в общении с ближними, – всюду, всюду мы должны быть христианами. И когда у нас нет такого сознания, значит, мы не воцерковлены, мы ещё не научены жить друг с другом.

И вот, чтобы научиться у Господа быть христианами, мы и делаем шаг к восполнению; мы хотим исполнить всю правду, как сказал Иисус Христос Иоанну Крестителю. Когда тот Ему препятствовал креститься у него, Он говорил: «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Никто из людей не мог исполнить Закон, это было под силу только Иисусу Христу. И мы, живя ущербно как христиане, имеем потребность всё же исполнить правду жизни христианской, всё же стремиться, насколько это удастся нам, быть христианами, а не казаться христианами.

И желание наших братьев и сестер святое. Они год научались истине, они читали Священное Писание, которое прежде мало читали, а теперь для них это самая нужная книга жизни, и она стала для них не просто книгой, а – жизнью. А это самое главное: когда почувствует человек, что Евангелие нужно для того, чтобы его исполнить; не просто читать, и сказать: развиваю

я своё благочестие, это помогает моей молитве, – а я читаю его для того, чтобы оно стало моей жизнью.

И вот, в эти дни будет такое исполнение нашей жизни во Христе, и мы рады, что Господь нам даёт эту возможность. И хотелось бы, чтобы все люди, которые крещены и которые не чувствуют себя в отношении Бога сынами, – усыновились. Ведь это легко проверить: если мы Бога боимся, ближних пугаем, детей, соседей: «Ты не делай плохого, Бог тебя накажет», – то мы ещё не усыновились, мы рабы Божьи. А быть рабом это не совершенство. Нужно быть совершенным (и Господь призвал) и стремиться научиться любить Господа.

И сегодня, когда мы слышали этот голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный», – он проверяет, этот голос, нашу совесть, наше сердце; и каждый втайне сейчас говорит Господу, сын ли он Его или только ещё раб, наемник. И если наша совесть подсказывает, что мы ещё не усыновились, хотя крещены, то постараемся жить исправно и постараемся воцерковиться – т.е. жить Иисусом Христом всегда. Приходить в храм не только в праздники – отдавать долг какой-то Богу («надо идти, стыдно, праздник большой, – и вдруг я не пойду»). А как же в другие дни нашей жизни?

Неужели Бог нам нужен только на Крещение? Неужели Крещение это только святая вода? Ведь многие люди ходят в этот день в храм только для того, чтобы получить святую воду. Это не христианство, это суеверие; если мы, получив святую воду, не исправили своё сердце, мы не знаем, зачем она нам нужна, мы обращаемся с ней как с амулетом каким-то (знаете, носят люди от зла амулеты такие, верят только в этот амулет), и мы тогда верим в святую воду, а не в Бога.

Поэтому я всем желаю от Господа в этот день – захотеть всем сердцем усыновиться, и доверять Богу так, чтобы Его любить; ибо без доверия нет любви. И будем молиться об этом Господу: «Господи, – как маленький мальчик молился, – научи меня, Господи, всё больше и больше любить Тебя».

Аминь.

Сретение Господне.

14.02.1998. Вечерня

Личная встреча со Спасителем

Мы вспоминаем сегодня священное событие, когда по истечении дней очищения Божия Матерь приносит своего Первенца в Иерусалимский Храм, чтобы посвятить Его Богу, отдать Его Богу как жертву, которую заповедал Господь приносить в Израиле в воспоминание об избавлении от египетского плена. Ибо за свободу внешнюю, избавление от плена, в Египте пострадали все первенцы, младенцы – они были уничтожены; только после этой казни сердце фараона изменилось. И Господь заповедал спасенным, выкупленным из рабства ценой крови, ценой стольких жизней, приносить в жертву Богу первенцев Израиля (т.е. лиц мужского пола), – они должны были быть посвящены Богу. Они должны быть отданы Богу для жизни и смерти.

И Божья Матерь, повинувшись этому закону, приносит Младенца Иисуса Христа сорокадневного, чтобы посвятить Его Богу. И вот тут происходит встреча тех, кто ждал этого Младенца: в лице праведного Симеона,

глубокого старца, которому было обетование о том, что он не уйдет из этой жизни, покуда не увидит своими глазами спасение Израиля, Спасителя; и в лице святой праведной Анны, вдовицы, которая служила Богу всей своей жизнью, не отходя от Храма.

Это встреча очень сокровенная. Спаситель сорокадневный встречается не со всем израильским народом, а с теми, которые являются лучшими представителями израильского народа. И встреча происходит не во время богослужения: мы видим, об этом ничего не сказано; по наитию Святого Духа праведный Симеон приходит в Храм, а праведная Анна всегда при Храме, – и как бы это встреча случайная, которая не была ими запланирована.

И вот, когда встречаются Младенца Иисуса Христа праведный Симеон и праведная Анна, – это встреча глубоко личная, т.е. здесь подчеркнут личный характер встречи со Спасителем каждого человека: каждый должен встретиться с Ним лично. Он приходит ко всему народу Израиля, это обетование для всех, но эта встреча не внешняя, – можно и увидеть Спасителя, и не узнать Его, – ибо в этой встрече человек должен быть духовно зрячим. И он должен прозревать Спасителя в духе своим сердцем.

Но условием этого является глубокая жажда встречи: и Симеон жаждал, и праведная Анна тоже жаждала. И так же условием этой встречи является чистое сердце: а они были праведны оба, т.е. они не нарушали Закона Божьего. И всё было в них ожиданием Спасителя. Вся их жизнь была мольбой об этой Встрече.

И вот, старческие руки Симеона уже держат Младенца. Но в богослужении есть диалог, который мы

не встречаем в Св. Писании, диалог (Симеона с Младенцем). Когда праведный Симеон взял Младенца в свои руки, он творил молитву, которую только что и вы сотворили, пели её: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыка», – это песнь, молитва праведного Симеона. И Христос в том диалоге, о котором я сказал, говорит праведному Симеону: «Не ты Меня держишь в своих руках, а Я тебя держу, – несмотря на то, что Я – Младенец и, казалось бы, беззащитный, не имею никакой власти, – но в Моих руках твоя жизнь, ты Мое творение, и в Моей власти изменить твою жизнь, определять её пределы» и т.д.

И Духом Святым Симеон познает эту тайну: что Христос явился в этот мир как беззащитный Младенец, а не грозный Мессия, который должен освободить народ Израиля от внешнего рабства. И многие такого Мессию не узнали, потому что ждали другого Спасителя: карающего, властного, – а этот явился для того, чтобы освободить не от римских властей, а от внутреннего рабства греху и смерти.

И вот, этого Младенца Симеон признаёт как Мессию, он Его не боится, он Его любит. И эта встреча его умиляет, и он преисполнен жизни – и поэтому он хочет уйти из этой жизни, потому что явилась та жизнь, которую он чаял всю свою эту, временную жизнь. И зачем оставаться в этом мире, где нет полноты, в этой жизни, в которой нет совершенства, когда уже явлена та жизнь? И от Младенца Иисуса Христа он получает знак безмолвный, что – двери Жизни вечной для тебя открыты: твоя праведность, твоя жажда открыли двери, и Я тебя ввожу в Небесную Жизнь.

И эта встреча с Господом происходит постоянно в мире после той встречи в Иерусалимском Храме. Но не всегда в этой встрече человек, подобно праведному Симеону, узнаёт Спасителя и радуется встрече, и принимает Того, Кого он встретил, в своё сердце. Часто любовь Христова пугает людей – что очень странно и страшно. Как можно испугаться любви? Как можно испугаться этого беззащитного Младенца, Который пришел в мир, – Которого можно только любить? И Христос является любовью, но этой любви не выносит сердце, которое ожесточилось и окаменело, и пробить эту коросту нашего сердца очень трудно; тем более, что в этой встрече всё происходит в свободе. Здесь Господь только являет Себя, являет Свою любовь: «А примешь ты Меня или нет, – говорит Господь, – это уже дело твоей внутренней свободы и твоего выбора».

И человек в этом мире часто выбирает не Христа, а что-то другое, и любит не Христа, а творение. Потом может он прозреть и увидеть свою ошибку, и тогда может каяться пред Господом за свой неверный выбор: что он возлюбил творение больше, чем Творца. И тогда уже может в его сердце произойти встреча с Господом Живым, живым Иисусом Христом, и он тогда Его приветит.

Большинство людей не видят Христа, Который стоит перед ними и Который всегда с ними, Который всегда присутствует в их жизни. Человек может видеть Его икону, он может видеть Его изображение, он может видеть Чашу Жизни, которая выносится на Евхаристии, и знать, что это – Христос, но одно дело знать о Христе, а другое дело знать Христа.

Знать Его, это значит встретиться с Ним в своем сердце, это внутренняя встреча, и как она происходит –

это тайна. Человек находится один, и вдруг он встречается со Христом – как это произошло? Видимо ничего не произошло: человек как был один – в храме или дома у себя, в келье – (так и остался); но вот, произошла незримо в сердце эта встреча, он обратился, почувствовал Христа, почувствовал прикосновение благодати Духа Святого. В Духе Святом он познал, Кто стучится в его сердце, и он приветил Христа, – и уже после этой встречи становится другим человеком.

В книге «Свет и Жизнь»¹ есть стихотворение воина, погибшего во время последней войны, – который встретился со Христом, когда сидел «в кратере, что выбила граната», накануне атаки. Он смотрел на звездное небо, и вдруг Дух Святой осеняет его, ему открывается самая главная тайна жизни, и он начинает молиться первый раз в своей жизни и говорит: «Я прозрел, Господи, и мне не страшно; я сейчас иду в атаку, но теперь я смерти не боюсь». Не боится, потому что Христос – это Жизнь, а раз Христос в нём, то с Христом не умирают, а во Христе и со Христом живут вечной жизнью, обретают вечную жизнь.

Вот что дарует нам встреча с Иисусом Христом: *жизнь*; жизнь бесконечную, которая само блаженство и само совершенство, сама красота, – которую Господь имеет в Самом Себе и её, по любви Своей, даёт всем нам, т.е. Самого Себя. Его Жизнью мы живём, и эта Жизнь для нас единственная, и другой Жизни не может быть.

¹ Сборник «Свет и жизнь» (посвящен светлой памяти протоиерея Александра Меня, безвременно погибшего за исповедание веры во Христа). / *Письмо к Богу*. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 514. (Прим. ред.)

И пусть Господь, по молитвам Церкви Христовой, по молитвам каждого из нас, поможет всем тем, кто ходит сейчас во тьме, – кто встретился ещё не с Господом, а с тем, с кем встречаться опасно, – наконец встретиться с Жизнью.

Аминь.

Неделя о блудном сыне.

Сретение Господне.

15.02.1998. Литургия

Лк 15:11-32

Лк 2:22-40

О встрече со Христом и о любви Божией

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

С праздником, дорогие братья и сестры! Вернее, с праздниками, потому что мы сегодня празднуем и воскресный день, и Сретение Господа нашего Иисуса Христа. И мы читали два Евангелия: одно рядовое, посвященное воскресному дню, это притча о блудном сыне; и Евангелие от Луки о Сретении – событии, которое совершилось в Иерусалимском Храме, когда сорокадневного Младенца Иисуса Христа Его родители, Мария и Иосиф, принесли в Храм, чтобы посвятить Богу: отдать Его как жертву, на жизнь и на смерть, всецело отдать Господу.

И встретили их в Храме праведный Симеон и пророчица Анна, которые жаждали этой встречи; и в их лице мы видим всех людей Израиля, жаждущих освобождения от власти смерти и греха. В мир явился

Спаситель, Тот, Кто освободит народ от зла, от греха и смерти. И этого Младенца сорокадневного с трепетом принимает на свои старческие руки праведный Симеон: он благоговеет и трепещет, он радуется, он преисполнен мира и просит Господа отпустить его в тот мир, где нет ни печали, ни воздыхания, где жизнь бесконечная.

«Очи мои, – он говорит, – видели спасение Твое». И ради этого он пришел в этот мир: чтобы встретиться со Спасителем, полюбить Его, соединиться и обрести в этом единении для себя всё.

Пророчица Анна прославляет явившегося в мир Спасителя, а праведный Симеон предсказывает Божией Матери Её будущее страдание. Он говорит о том, что Младенец явился в этот мир, преисполненный зла, и не все люди примут Его, несмотря на то, что Он – любовь, Само совершенство. Люди, ослепленные злом, возненавидят любовь и убьют Спасителя, – а поскольку Ты Мать, Ты будешь страдать, видя Его страдание.

Он говорит Ей: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле, и предмет пререканий; и Тебе Самой оружие пройдет душу». Забегая вперед, мы можем представить себе страдание Божьей Матери на Голгофе, когда Она видела зло мира и не отчаялась, возлагая всё на Господа, но сострадала Своему Сыну, и в этом сострадании Она сораспиналась с Ним. У Неё своя была Голгофа на той Голгофе.

Как видим из повествования евангелиста, эта встреча и радостная, и горькая. Радостная, потому что одни примут Христа, потому что в мир пришло спасение; и горькая оттого, что многие люди добровольно не примут спасения, возжелают смерти, а не жизни.

И вот, в притче о блудном сыне мы как раз видим эту борьбу, это противление любви Божией; ибо эта притча о любви. Здесь рассказывается о том, как отец имел двух сыновей, и как один из них пожелал при живом отце делить наследство – этим удивил он своего отца и как бы похоронил его своим пожеланием. Наследство делят после смерти, а его отец живой, – а сын дерзает получить свою часть наследства и удалиться.

В прежние времена люди стремились жить с семьей, полным домом – вы сами, многие, из здешних мест, знаете о такой жизни, когда в одном доме жили и прабабушки, прадедушки, бабушки, дедушки и следующие поколения людей, и никто не покидал родительский дом. Если уезжали на заработки в города, чтобы поправить свое материальное положение, возвращались домой, потому что отрыв от дома грозил разрушением дома.

Но сын нарушает эту полноту жизни, и несмотря на страдание своего отца, он легкомысленно удаляется, с жаждой кутить, прожигать жизнь, как мы говорим; и он отдался пороку беспредельно – настолько, что стал уже похож не на человека, а на животное, стал питаться даже со свиньями, ибо всё прокутил и ему не на что было еды купить, он голодал, пребывал в лишениях. И вот, когда в страдании своем, в лишении, он дошел до предела, – он вспомнил, что есть отец и отчий кров, и что там есть работники, которые служат его отцу; и видя своё падение, он не дерзает возвратиться домой как сын, он хочет возвратиться к отцу как наемник, как работник, – чтобы не мучиться от голода, чтобы не страдать физически.

Решив, он, как сказано, «встал и пошел к отцу своему»; т.е. он пошел от греха к жизни, и выбор его был

правильный. И сердце его не обмануло, потому что оно знало любящее сердце своего отца. И отец сам побежал ему навстречу – видимо, он всегда его ждал – и пал ему на шею и целовал его. И когда сын пытается каяться: «Отче, я согрешил против неба и пред тобою, и уже не достоин называться сыном твоим», – после этих слов не следует никакой укоризны со стороны отца. Отец дает распоряжение: «Принесите лучшую одежду, оденьте его, дайте перстень на руку его и обувь на ноги, приведите откормленного тельца и заколите, станем есть и веселиться». Вместо укоризны, осуждения – пир, веселие, радость: всё потому, что отец его любит.

И своим отношением к сыну он открыл тайну Божественной любви. Он дал ему понять, что наши грехи, грехи человеческие, никогда не могут поколебать Божественной любви; никогда Бог не будет с нами сводить счетов за наши грехи, Бог никогда нас не будет укорять или наказывать, в Боге жестокости нет, Бог есть любовь.

Но мы склонны жить другой любовью: любовью не безусловной, а условной – когда мы любим кого-то, потому что он нас любит, а если человек предаст нас, то мы уже его не любим – и в этом мы не похожи на своего Отца, и в нас тогда нет той любви, которая всё прощает, которая всё долготерпит, которая радуется правде.

И вот, мы увидели другого человека: это брат блудного сына, который, узнав о том, что блудный сын возвратился в отчий дом, и что отец этому рад и устроил по этому поводу пир, вознегодовал. Он укоряет своего отца: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими.

А когда этот сын твой (т.е. не мой брат, я не хочу иметь дела с таким человеком), расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца». И отец пытается врачевать его чувства неверные: «Сын мой, ты всегда со мною, и всё моё – твоё; а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Но эти слова падают на каменную почву: брат не радуется. Повествование дальше не идет, оно обрывается, притча заканчивается. Мы видим ожесточенного человека, который не может любить грешника и не может простить брата, как прощает его отец.

И мы часто бываем похожи на этого брата: самодовольного человека, который уповает на свои дела; его поведение очень похоже на поведение фарисея из притчи, которую мы читали в прошлое воскресенье, а поведение блудного сына очень похоже на поведение мытаря, опять же из той притчи.

И праведность сына, не согрешившего, оказывается праведностью недостаточной; внешне он вёл себя примерно: не распутничал, не пил, не огорчал отца, работал. А в чем дело? А в том, что в его сердце нет любви. А если нет любви, то все исполненные заповеди внешне ещё не делают нас праведными, – ибо Господь смотрит на наше сердце. И сердце блудного сына имело эту любовь к отцу, имело эту надежду на его милость, и потому он получил по надежде своей, по упованию своему. А брат этого блудного сына остался со своей праведностью ожесточенным, не любящим и вне общения: все пируют, а он один, занят своими злыми чувствами и не хочет соединиться со всеми и радоваться.

Так Евангелие нам открывает в этой притче великую любовь Господа: любовь, которая врачует, которая дает жизнь, – ибо простить человека, это значит дать ему жизнь. И Господь нас всегда прощает, когда мы каемся, т.е. идем к Нему. И Он нас всегда готов принять, если мы желаем быть с Ним.

Никогда не будем уподобляться тем людям, которые ропщут на Бога, когда им трудно, и когда они говорят в своих страданиях: я хожу в храм, я всё исполняю, а почему Ты не даешь мне здоровья, например? Чем я пред Тобою согрешил или согрешила, почему Ты так делаешь? Когда мы так говорим, мы опять уподобляемся старшему сыну, мнимому праведнику, который не может любить так, как любил его отец, как любит нас Господь. Всё, что ни случилось бы в нашей жизни, мы должны принять покорно, знать, что Бог – любовь, Он никогда не желает нам зла, потому что Он не человек, Он – Бог, и любовь Его совершенна.

Аминь.

Неделя о Страшном Суде.

21.02.1998. Вечерня

...Что происходит на Страшном Суде? Он не вершит справедливость, на нем не выносит приговор грозный судья, который одними людьми доволен, другими недоволен, потому что их дела ложны. Это – суд любви, и Христос не хочет делить людей на добрых и злых, Он хочет, чтобы все были добры, чтобы все Его любили, чтобы совесть каждого человека была чиста. И Он призвал нас к такой жизни, ибо в Боге нет греха, в

Боге нет лжи, в Боге нет неправды; и если мы – Божьи, то мы должны уподобляться такой жизни, т.е. жить по совести.

И сейчас много говорят о «последних временах», о том, что они наступили, и Страшный Суд наступит вот-вот. И в первом веке христиане говорили о своем времени как о последних временах. Апокалипсис заканчивается призывом христиан: «Ей, гряди, Господи Иисусе, скоро гряди», – т.е., поскорее приходи. Почему? Потому что Страшный Суд – это радость, Страшный Суд – это любовь, – ибо как радостно встретиться с Тем, Кто есть любовь.

И тот, кто живет в любви, он горит желанием быстрее встретиться с Тем, Кто дал ему эту любовь, из Чьих рук он ее получил. И поскольку любовь Того, Кто её дал, совершеннее нашей, то душа жаждет восполнения нашей любви: ведь человек не может удовлетвориться несовершенством, всегда душа жаждет полноты жизни. Никто не согласится, чтобы его любили наполовину, или чуть-чуть больше, – человек хочет, чтобы его любили всецело, полностью. И такой любовью может любить только Господь, мы не имеем такой любви, мы только стремимся к ней. И мы бы хотели иметь такую любовь, поэтому так душа наша тянется к Тому, Кто имеет эту любовь, и хочет соединиться с Ним.

И, следовательно, Страшный Суд – это ожидание такой любви, которая исполнит каждое существо неопишуемой радости и полноты. И об этом говорил сегодня Апостол: о том, что эта встреча преобразит человека, преобразит мир, и Бог будет во всём.

Если мы живем сейчас на уровне вечной жизни, если мы живем по совести, для нас ожидание Страшного

Суда – это радость. Если этого нет, тогда для нас эта встреча с любовью страшна: ведь испугались же любви Христа, когда Он ходил по Галилее, когда Он ходил в Иерусалиме, в его пределах, когда Он встречался с теми людьми, сердца которых были злы и не очищены. И для них встреча со Христом была их обличением, она нестерпимой была для нечистой совести, и поэтому они просили удалиться Его от них: уйди от нас. Помните, как прогнал весь город Иисуса Христа, когда Он исцелил бесноватого? Они испугались этой любви.

Вот, в этой встрече с любовью, принятии её или непринятии, и заключена вся тайна Страшного Суда. Всё относится к человеку, к его выбору, к его совести: что он выбрал в этой жизни? И этот наш выбор и будет судить нас.

И Страшный Суд уже идет, он начался с пришествием Христа, он продолжается, и каждый в своей совести знает, что это так. И время Поста – это время, когда мы особо желаем встречи с Иисусом Христом, с любовью. Мы загрязнили свою совесть, мы не видим нашим сердцем Христа, но жажда любви имеется. И Церковь предлагает нам возможность исцеления. И дни Великого поста должны привести нас к этой любви Христовой, и в этом смысл его, т.е. духовный смысл, – и всё зависит от нашего усердия, от нашего подвига.

И дай, Господи, чтобы время Поста и Страшный Суд были поняты нами духовно. Чтобы Суд нас не страшил, а радовал; ибо он ведёт нас к любви, к вечной жизни, и этот путь должен только радовать и ни в коем случае не омрачать. Мы должны вместе с древними христианами, литургический возглас которых запечатлен в конце Откровения святого Иоанна... (запись обрывается – *прим. ред.*).

Неделя о Страшном Суде.

22.02.1998. Литургия

Мф 25:31-46

Божий суд – суд любви

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Всего неделя нас отделяет от Великого поста. Нынешняя неделя – о Страшном Суде, и мы читали сейчас Евангелие от Матфея, главу 25-ю, со стиха 31-го по 46-й.

Что такое Страшный Суд? В суде человеческом, суде мирском идет разбирательство, выясняется правда, справедливость, и те, кто нарушил правду и справедливость, они наказываются, а те, кто её не нарушал, они оправдываются. Т.е. суд должен выявить справедливость, суд должен выявить правду; показать ложь и выявить правду.

А что есть суд Божий? И почему он Страшный Суд? Суд Божий – это встреча всего человечества по кончине времен с Живым Богом, с Сыном Божиим, Который приходил на землю, чтобы нас спасти, т.е. возвратить к Богу. И вот, Страшный Суд покажет, как это человек сумел сделать: возвратился ли он к Богу или он ушел от Бога?

Христос дал заповедь любви, чтобы человек любил ближнего, прежде возлюбив Бога, – и в этой любви обретал всё для себя. Ибо без любви к ближнему нет жизни, потому что любовь не может замкнуться на себе, иначе она не любовь. Но эта любовь особенная: это не любовь просто к человеку, а любовь к личности, к тому, что есть образ Божий в человеке – т.е. сама чистота, сама красота должна быть возлюблена, и

эту красоту, эту чистоту нужно беречь, и охранять, и умножать.

Сейчас многие люди подменяют любовь к личности любовью к человеку и, как говорил один священник, преобладает гуманитарная забота о человеке, нежели любовь к личности. Ведь что есть любовь к человеку вообще? Это любовь неконкретная, и она может часто питать тщеславие, и она не доходит до глубины существа человека; люди развивают внешнюю деятельность, много говорят о спасении голодающих, целых народов, — эти заботы священны, и никто не будет говорить, что это не нужно, — но важно видеть не только народ, важно видеть каждую личность, каждого человека в отдельности, и общаться с ним конкретно, заглядывать в глубину его сердца, в глубину его души, и на этой глубине только общаться.

Ведь вечная жизнь — это не будущая жизнь (часто мы представляем её как будущую жизнь), вечная жизнь — это жизнь в настоящем, но в глубине бытия, — в самой глубине бытия, в самой глубине мига. Миг настоящего таит в себе вечность, глубина его таит в себе вечность; и это мы должны знать, и об этом говорил Христос: Царство Божие внутри вас есть. Т.е. не вокруг; это не жизнь внешняя, а это жизнь сокровенная, жизнь личности с Богом и в Боге. И когда мы имеем такую жизнь, мы уже живем вечной жизнью.

И вечной жизнью жили уже многие наши предшественники, христиане, — обожившиеся, одухотворившие свое тело, душу. И для них уже не было Страшного Суда. Слова «страшный» для них не существовало, потому что совершенная любовь изгоняет страх, а Страшный Суд — это встреча с любовью, встреча с

Богом, – а можно ли любви бояться? – любви можно только радоваться.

Но боится этой встречи тот человек, совесть которого не чиста и который не приблизился к Богу через своего ближнего; он не приближался к Нему, а удалялся. И сейчас ещё есть много людей, которые боятся ближнего, не хотят его видеть и говорят, что сейчас верить никому нельзя: все лгут, все обманывают. «Кому верить?» – задают вопрос. Но это происходит тогда, когда мы не выходим из собственных границ. А любить это значит выйти из себя, забыть себя ради ближнего.

Ближний забывает себя ради меня, я забываю себя ради ближнего, – и мы тогда прозрачны друг для друга в отношениях, тогда у нас всё общее; и это и есть жизнь вечная: когда всё совершается в наших чувствах в полноте, когда мы ничего не делим, когда мы живем Богом и ближним, и для нас нет в этой жизни никаких перегородок, нет слова «чужой». И тогда душа, имеющая такое устройство, имеющая такую любовь, всегда чутко отзывается на страдание ближних.

И христианство – это религия любви (если можно, с известной условностью, сказать, что оно религия); вернее сказать, христианство – это жизнь в любви, жизнь любовью. И для тех, кто уже так живет, началась вечная жизнь, и они уже входят в Царство Небесное. И для святых, как говорили Отцы, уже Страшного Суда нет, – потому что они никогда не отлучались от Бога, жили Им, всегда творили правду, жили по совести, жили любовью.

Господь Иисус Христос особо подчеркивает в сегодняшней притче о Страшном Суде соучастие в жизни

ближнего и сострадание ближнему. Он хочет сказать нам, что на Страшном Суде не будет спрошено Господом, как ты молился, как ты постился, как ты верил, а будет спрошено о том, накормил ли ты голодного, одел ты нагого, помог ли ты больному человеку, посетил ли человека в темнице. И без этих дел нет любви, потому что говорить о любви – одно, а жить любовью – другое. И если мы любим, – мы действуем, мы любовь выражаем в наших поступках; и невозможно, чтобы любящий и милующий человек мог пройти мимо страдания ближнего. И Господь хочет, чтобы каждый человек был сострадателем, каждый человек был милующим, и чтобы он всегда видел своего ближнего, т.е. того, кто нуждается в нашей помощи.

Ближний, как мы всегда говорим, это тот, кто нуждается в нашей помощи. И оказать помощь легко, она не требует от нас больших затрат, она требует только живого участия и искреннего отклика на страдание ближнего. Святитель Иоанн Златоуст говорит об этой легкости бремени, которое возлагает на нас Иисус Христос. Он говорит: Христос не просит нас исцелить больного, Он просит только посетить его; Он не просит нас освободить узника из темницы, – это невозможно нам, – Он просит только навестить его, а это сделать нетрудно. Поэтому бремя милосердия, любви очень легко, – нужно только, чтобы наше чувство исходило из глубины сердца.

И вот, двери Царства Небесного, вечной жизни открываются всем, кто хочет этой жизни, кто в этой жизни служил ближним беззаветно, бескорыстно, с полной отдачей себя, полным забвением самого себя. И таким душам Господь говорит: «Приидите, благословенные

Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».

Но сказано и о тех, кто не могут войти в это Царство блаженства, – не потому, что Христос их туда не пускает (не будем представлять себе Судию таким, каким бывает земной судия); Иисус Христос только любит, следовательно, в Царство Божие входят только те, кто любят, – а те, кто не любят, они не могут войти в Царство Небесное, потому что в Царстве Небесном нет зла, там только любовь. И подобное притягивается к подобному.

И поэтому, когда говорят: «А как будет совершаться Страшный Суд?» – думают, что это будет выяснение отношений с Богом: Бог будет все дела наши подсчитывать и обвинять нас, если мы были нерадивы, и Его гнев тогда проявится на наше зло, на нашу неправду. Так представлять Страшный Суд может только человек, который не познал тайну Божественной любви и тайну Христа. Любовь Страшный Суд совершит, и ничто другое.

И Господь явит нам Свою Славу – такую полноту жизни, которая всё преобразит. И в свете этой любви праведники воссияют ещё больше, ибо Господь восполнит их любовь и насытит её, и преисполнит её. Ибо только в Боге совершенство любви, вся полнота любви, и праведник, желая этой полноты, войдет в нее, и это вхождение будет блаженством и радостью неизреченной.

Аминь.

Неделя о Страшном Суде.
22.02.1998.

Слово после литургии

Поздравляю всех с принятием святых Христовых Таин!

Помоги, Господи, всем нам в предстоящую седмицу, которая называется в народе «масленицей», а по-церковному – сырной седмицей, уже постепенно готовить себя к Великому посту. Эта неделя называется мясопустной («отпуст на мясо»), т.е. те, кто питаются мясной пищей, сегодня последний раз её вкушают, – и уже до Пасхи это пища для нас запрещенная, если не препятствуют воздержанию от неё какие-то особые обстоятельства жизни: болезнь, какая-то работа и т.д.

Это время постепенного вступления в Великий пост. Это не время, как некоторые думают, такого разгула, т.е. чревоугодничества: что, вот, надо наедаться, потом Пост будет, уже надо питаться по-другому... Поста не надо бояться, потому что Пост – это радость. И в Пост мы имеем возможность очистить себя так, чтобы наши чувства утончились, чтобы наша молитва была глубокой, чтобы она была жаждой нашей духовной, чтобы мы стремились всё время к беседе с Богом, – потому что эта беседа нас насытить не может: мы, общаясь с Богом, не можем здесь достигать какого-то предела и удовлетвориться какой-то полнотой.

Мы в следующее воскресенье, подготовившись за эту седмицу, должны в храме все быть вечером, на вечерней службе (ибо следующее воскресенье называется Прощёным воскресеньем), чтобы простить друг другу

всё, что возникло между нами в течение этого года, года жизни в Церкви. Хотя мы постоянно очищаемся, но всё равно есть потребность в этот день особо покаяться друг перед другом, перед всей Церковью, чтобы вступить в Великий пост с чистой совестью, без всякой тяжести, какая может быть на сердце от не-прощенных обид.

«Блажени кротцыи». Кто такие кроткие? Кроткие люди это те, которые не осуждают и не обижаются. Философ религиозный, Николай Бердяев, сказал, что он обижался в детстве только, может быть, из-за игрушки какой, а так больше не помнит, чтобы на кого-то он обижался. Он был человеком, который о себе скромно думал. Он говорил, что «из всех заповедей блаженства я, наверное, исполню только одну: я был алчущим и жаждущим правды»; а в остальном он не считал себя таким, который уже может надеяться на свою праведность и подсчитывать свои заслуги, и сказать, что есть уже с чем идти в Царство Небесное.

Мы будем просить Господа, чтобы Он помог нам увидеть наши грехи; это самое главное. Когда мы увидим свои грехи, они нам, конечно, не понравятся; и не только не понравятся – возникнет ненависть к ним и захочется никогда к ним не возвращаться. Но вся трудность в том, чтобы их увидеть. А чтобы их увидеть, поможет воздержание – и телесное, и духовное.

Следующее воскресенье посвящено изгнанию Адама из рая и таинству покаяния, таинству прощения; в народе называют этот воскресный день Прощеным воскресеньем. В этот день в нашем храме будет совершаться вечерня с чином покаяния. Поэтому, еще раз повторяю, будем готовить себя...

Мы, собственно, должны всегда быть готовы предстать пред Господом. Суд уже начался с приходом Христа: Он явил любовь, дал нам эту любовь, Он ради нас пришел, Он нас пришел спасти, дарует любовь нам, – и, если мы не принимаем Его любовь, мы уже стоим перед судом этой любви. Возникает вопрос: а почему ты не хочешь принять любовь? И тогда уже совесть наша, наш внутренний судия, который устраивает нам «страшный суд» каждый день, – судия нелицеприятный, чистый, справедливый, которого мы должны очень любить, который очень желает всегда, чтобы мы поступили по правде, чтобы мы всегда смотрели на себя, на мир, на людей Божьими глазами, – этот судия в нас есть, он неподкупен, и надо благодарить, когда этот судья нам постоянно напоминает о Царстве Божьем, о вечной жизни. Когда мы сделаем неверный выбор, вечное поменяем на временное, он всегда нам скажет об этом, и мы должны прислушиваться к его голосу.

И сейчас много говорят о последних временах, есть такая эсхатологическая паника, некоторые даже предсказывают, когда мир кончится. Ответ нужно искать в Священном Писании. «Когда наступит, – говорят, – Страшный Суд? Когда придет Иисус Христос второй раз?» Эта тайна сокрыта от всех, неизвестна даже миру бесплотных сил, и человеку эта тайна тоже не открыта.

Страшный Суд уже идет, как мы сказали, потому что Иисус Христос присутствует в этом мире; Он сказал: «Я с вами всегда, до скончания века». И, следовательно, мы всегда стоим перед Его любовью, и вот это для нас Суд. Если в нас нет любви, то мы уже видим наше положение на этом суде Божьем, который совершает, как я уже сказал сегодня, любовь.

Суда Страшного нужно не бояться, Суду Страшному нужно радоваться, потому что он дарует нам вечную жизнь, а мы призваны к этой вечной жизни, – ибо Бог сотворил нас не для тления, а для вечной жизни, мы бессмертны.

И второго Нового Завета не будет: есть этот, и другого не нужно, потому что любовь пребывает вечно, а она, эта любовь, пришла вместе с Иисусом Христом, открыла свои тайны, но во всей полноте её человеку будет дано познать уже тогда, когда наступит преображение всего мира, когда будет кончина этого мира. Но мы её переживаем, кончину этого мира, как я уже сегодня сказал, в глубине мига и этой, настоящей жизни: т.е. в глубине нашей жизни есть вечность; а глубина её – Христос. И участвуя в таинстве Евхаристии, мы уже пребываем в вечной жизни.

Просим, в пении Херувимской, «отложить всякое житейское попечение» – что это означает? Пребывать сердцем, умом – в вечности, только с Богом; пусть ум не цепляется ни за что, что не есть Бог. В конечном нет совершенства, совершенство только в Боге. Как можно променять хорошее, лучшее на худшее? Только неразумный человек может сделать такой неверный выбор. Но дьявол нам представляет это конечное в таком соблазнительном виде, что люди, обезумев, тянутся к нему и держат это всё, конечное, временное, – а потом что остается? – один прах от этого временного.

Люди видят: цеплялись за здоровье, за красоту внешнюю, – приходит старость. Куда ушло цветение молодости? Если человек делал из этой внешней красоты култ, поклонялся ей – куда это ушло? Всё

ушло, всё: выпали зубы, выпали волосы, морщины – какая красота? – всё, всё ушло. Но не это самое главное, за что цеплялись. Самое главное – чтобы внутренняя красота родилась; и самое главное, чтобы это пребывало в нас.

Думаем, что смысл жизни в устройстве нашего очага или в поклонении городу, в котором живем: я так люблю этот город, я так люблю. Да, мы должны любить, но любовью духовной, и не делать ни из чего идола, чтобы не поработиться и быть свободными.

И вот, на Херувимской песни нам предлагается оставить всякое попечение во имя пребывания в вечной жизни; т.е. опыт этой вечной жизни нам уже доступен, и нужно только приобщаться к этому опыту в чистоте, и приобщаться к этому опыту с должным приготовлением себя. Т.е. в Царство Небесное нас может не пустить только наш грех, но не Бог.

Люди говорят: Бог тебя не пустит. Не Бог скажет тебе «нет», а наш грех. Бог – это любовь. Любовь никого не отталкивает, наоборот, Христос распростер Свои руки на Кресте, и этот жест означает, что Он принимает всех. И в сегодняшнем Евангелии сказано, что предстанут пред Господом на Страшном Суде все, – там не сказано, что только христиане, православные, или не православные христиане, – а все, т.е. весь народ.

И отделение произойдет, но не будем думать, что Господь будет делить людей: нечестивых и благочестивых, – это деление происходит в нашем сердце, где смешано добро и зло. И когда произойдет встреча с Господом, – что будет происходить в сердце человека, где смешаны добро и зло? Как этой тьме, всякой

нечистоте, будет трудно встретиться с светом! И должна сгорать вся нечистота, потому что встреча эта – огонь поядующий. А разве может сгореть любовь во встрече с Его любовью, пламенной любовью? Наоборот, она ещё исполнится большей силы, и человек это почувствует.

Эти тайны нам открывает Церковь. Понять тайны вечной жизни, и приготовить своё сердце к ней помогает нам Церковь.

Помоги, Господи, нам всегда пребывать в ожидании Христа, и те слова Апокалипсиса, которые вчера напоминались нами здесь в храме: «Ей, гряди, Господи Иисусе Христе; ей, гряди скоро» – пусть они будут нашими словами. «Маранафа». Т.е. этот литургический возглас, который произносили древние христиане, он был исполнен радости, надежды и такого трепетного ожидания, что вот сейчас это произойдет, и уже сейчас преобразится мир.

Если пришел Христос, и уже всё дано Им – зачем жить ещё в этой временной жизни? Почему не хотелось уходить с горы Фавор ученикам Иисуса Христа, которые видели Его славу в Его Преображении? Потому что выше этого уже ничего нет. И поэтому, когда мы по-настоящему приобщимся к духовной жизни, жизни вечной, мы этим миром будем пользоваться совершенно иначе: он не будет нас поработать; он будет нам и мешать, но у нас будет отношение к нему такое, какое было у тех, кто уже приобщился ныне к вечной жизни, у святых, – они не ненавидели мир, а они стремились преображать мир. И смысл жизни своей они видели в том, чтобы творить из каждого человека святого.

Вот, служение святых было в этом: т.е. творить из каждого, с кем встретишься в жизни, – святого. Все призваны к святости, все должны быть святыми, пребывать в этом достоинстве и не унижать его. Потому что жить природной жизнью – это оставаться в конечном, уподобляться животному царству, и в природной жизни мы не найдем этой ценности вечной жизни. Люди, которые думают о бессмертии через любовь земную, через потомство и т.д., обманывают себя, потому что в этом нет бессмертия, – бессмертие только в Боге, а не в человеке. И мы продолжаем эту жизнь природную, потому что мы живем в теле, но мы не превращаем эту жизнь природную, какой бы она ни была хорошей, пусть и поврежденной, – в свою цель, ибо есть жизнь иная.

Есть смерть первая, есть смерть вторая; есть смерть телесная, есть смерть духовная. И есть жизнь вот эта конечная, и есть жизнь вечная. И в тех мигах жизни, как я уже сказал, в которых, в глубине их, происходит разрыв времени, – мы тогда и приобщаемся к этой вечной жизни, и сердце наше говорит нам, что больше оно ничего уже не хочет. Потому что Бог нас духовно насыщает, потому что Бог дает нам то совершенство, которое не может прийти к нам ни от какого человека, ни от какой временной жизни, – только в Нем мы обретаем эту красоту, эту истинную жизнь, потому что Он Сущий, потому что Он есть Жизнь.

Сейчас мы поблагодарим Господа за трапезу духовную.

Неделя 2-я Великого поста.

Свт. Григория Паламы.

15.03.1998. Литургия

Мк 2:1-12

Исцеляющая благодать

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы слышали об исцелении в Капернауме расслабленного человека, которого принесли к Иисусу четверо его друзей. Расслабленный страдал и телесно, и душевно, был грешен; и те, кто его принесли, и, видимо, он сам – желали, чтобы он исцелился телесно. Но Христос врачует вначале душу этого расслабленного, ибо Он пришел спасти человеческую душу, которая дороже всего этого мира. И поэтому Он исцеляет его вначале внутренне – т.е. освобождает его от власти греха, от того, что гнездится в его сердце.

И это труднее, чем исцелить тело. И Христос начинает с самого трудного, что невозможно человеку и что должно было всех удивить. Но исцеление от греха вызывает у книжников возмущение, они считают, что Он богохульствует, потому что кто, кроме Бога, может прощать грехи?!

Но Иисус Христос, узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, обличает их и говорит: «Что легче, сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи, или сказать: встань, возьми свою постель и ходи?». И чтобы показать им, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, исцеляет его и телесно. «Говорит расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом твой».

Совершив и это чудо, т.е. телесное исцеление, Христос показал Свою силу, Свою власть, и все окружающие должны были убедиться в том, что Он есть Тот, Который дает жизнь, Тот, Который пришел обновить ветхого Адама, т.е. человека, и освободить его от власти греха и смерти. Ибо, находясь во власти греха и смерти, человек уже не живет, а умирает: расслабленный уже ходить не может даже, ходить пред Богом. В Св. Писании есть настоящий образ «хождения пред Богом»: человек должен ходить пред Богом – т.е. он должен бодрствовать, он должен быть в силе, он должен славить Господа, он должен преображать себя и окружающий мир. Но что может расслабленный? Он может только стонать, жаловаться на то, что ему плохо; и он ничего не может сделать.

И вот, Господь посылает этому человеку его друзей, которые помогли ему. Они обратили внимание не на грех расслабленного, а на его бедственное положение. И оно вызвало у них сочувствие, сострадание, поэтому они дружно его понесли к Тому, Кто может ему помочь. И настолько их сострадание было сильным, что они преодолели все препятствия: они, не имея возможности приблизиться из-за многолюдства ко Христу, разобрали кровлю и сверху, к ногам Иисуса Христа, опустили расслабленного. Это показывает их веру и их высокое сострадание своему другу.

И Господь хочет нас научить всех такому состраданию, давая этот пример любви к ближнему. Мы, через такое проявление любви, познаём что только в любви есть жизнь, и Бога нельзя просто почитать, Богом надо жить. Если мы будем Бога только почитать, мы превратимся в богопоклонников, и мы будем говорить

о любви, но не будет у нас поступков любви, действий любви, какие мы видим в нынешнем воскресном Евангелии.

И Господь хочет, чтобы мы имели и поклонение, и чтобы у нас было действие. И в богодействии и заключается смысл нашего пребывания здесь, на земле, — т.е., что мы должны вместе действовать с Богом; Господь помогает нам, и мы должны принять Его дар, Его помощь, и не быть пассивными, а идти к Богу.

Когда Иисус Христос исцелил расслабленного, Он ему сказал: «Иди в дом твой», — это можно понимать как побуждение Господа идти в Царство Небесное. Т.е., если ты сейчас исцелился и будешь только радоваться этому исцелению, ничего не делать, то всё может повториться, в твоей жизни может быть возвращение к греху, — ты иди, т.е. живи, а жить в этом мире это значит иметь постоянное общение с Богом и постоянное общение с ближним.

И Господь хочет, чтобы мы это достоинство, которое всем нам дано — быть богоподобными — не утратили, чтобы не растеряли его, не отказались от него. И Господь хочет, чтобы мы Его дар приняли. Какой дар? Благодать. О которой писал святитель Григорий Палама, память которого мы сегодня совершаем; которую увидели на горе Фавор в виде невещественного, нетварного Света любимые ученики Христа.

Эта благодать преображает человека, делает его богоподобным; изменяется весь состав человеческий: и тело, и душа, и дух человеческий, — когда благодать посетит человека, когда эту благодать человек приемлет. Она не может войти насильно в человека, ибо это не власть земная, связанная с насилием, — благодать

действует иначе: тихо, незаметно её пришествие, но когда она приходит, сердце чистое чувствует это пришествие, радуется ей и принимает её, потому что она есть жизнь.

И вот, Христос благодатью исцеляет расслабленного, – благодатью, которая врачует всецело человека; и об этом всецелом исцелении расслабленного я уже сказал. Господь исцелил его душу, исцелил его тело: он теперь цельный человек, и он теперь своим существованием в этом мире может преобразить этот мир, своей чистотой. Но важно, чтобы эта чистота была хранима. А чтобы её хранить, нужно постоянно трудиться над собой. Т.е. вся наша жизнь, как мы сейчас, в дни Великого поста, размышляем об этом на наших богослужениях, на наших келейных молитвах, в общении друг с другом, – и есть стяжание этой благодати.

Мы много сейчас молимся об очищении нашего телесного сосуда, сосуда внутреннего – нашего сердца,местилища благодати. И самое главное, что мы просим у Господа, это увидеть сейчас свои грехи, чтобы с Божьей помощью с ними расстаться, чтобы иметь к ним ненависть, не играть с ними, не возвращаться к греху, – а увидев, возненавидеть грех и просить Господа о том, чтобы Он помог. И дать Ему твердое обещание больше не грешить.

Здесь Христос не сказал расслабленному, как в других случаях Он говорил исцеленным: иди и не греши; Он сказал: иди в дом твой, иди в Царство Небесное. Но это значит: иди и не греши, да, – иначе ты не войдешь в этот дом. И Господь благословил расслабленного на жизнь чистую, дав ему силу жить в любви и чистоте.

И пусть этот пример евангельский поможет нам всем идти путем любви и воздержания, чтобы стяжать благодать Святого Духа, которой всякая душа живет и одухотворяется, обоживается всякий человек, живущий на земле.

Аминь.

Воскресная вечерня,
прп. Сисоя Великого.
18.07.1998.
Слово после вечерни

Мы спасаемся в надежде

(Начало утрачено – *прим. ред.*)[...] как о человеке, который уже что-то имеет, и что это имение, богатство духовное, даёт ему право считать себя кем-то пред Господом. Он понимал, что это имение не его, он и не думал, наверное, о нем, – он действительно считал себя ничего не имеющим.

И мы не отмечаем ступени нашего развития, мы должны каждый день обновляться, мы должны каждый день стремиться к тому, чтобы уклониться от зла и совершить благо. Ведь и преподобный Сисой, живя не в миру, а в других совершенно условиях, до конца своей жизни подвергался нападению злой силы. И до конца своей земной жизни он пребывал в борьбе. И он не надеялся в этой борьбе на свои подвиги аскетические, которые у него были, но он все надежды возлагал на Господа. И в этом было его смирение; т.е. он пред Богом чувствовал себя беспомощным ребенком, которого нужно

вести в этой жизни, который ничего не может сделать без того, кто выше его по разуму, по опыту жизни.

И вот, имея такое доверие к Богу, преподобный Сисой всю свою надежду, всё своё упование возложил на Господа. Мы действительно спасаемся в надежде; мы не можем сказать: я спасен (если я крестился, если я миропомазался, если я причащаюсь, и я скажу себе: я спасён). Мы спасены в надежде; т.е., мы знаем, что мы спасены, но мы должны войти в это спасение и каждый день стремиться к тому, чтобы уклониться от зла и сотворить благо. Вот, такая задача стоит перед каждым из нас на каждый день; потому что и завтра, и послезавтра, и через год, если мы будем живы, мы будем пребывать в постоянной борьбе. Нам Господь не обещал покоя, Он не сказал, что в этом мире мы будем покойны; Он сказал, что в этом мире мы будем скорбны, а это означает, что мы в непрестанной борьбе, внутренней и внешней.

И мы можем побеждать только тогда, когда не будем мешать Господу действовать в нашей жизни, ибо Его сила, а не наша. И мы не должны своей самостью устранять эту Силу из своей жизни; как только мы предпочтем свою силу силе Божией, мы начинаем тонуть, и мы тогда вопим: нам больно, нам трудно. Но когда эта Сила вливается в нас, мы пребываем в мире, и ум наш ясен и не помрачен злом.

Сегодня в паремийном чтении говорилось об этом качестве святых. Оно заключается в том, что их ум не поражен злом; ибо если мы примем зло, наш ум помрачается, и все наши поступки уже не имеют духовного вида, они поступки несправедливые, и не Божии, а человеческие.

И, помоги нам, Господи, иметь такое смирение и кротость, те добродетели, которые имели великие подвижники Божии, и Сисой Великий, о котором мы говорим. Кроткий человек это тот, который никого не осуждает и который не принял зла в свое сердце. И будем стремиться к такому постоянству; к тому, чтобы мир душевный пребывал в нас. И чтобы мы не были сегодня смиренными, кроткими, а завтра – несмиренными и не кроткими; чтобы добродетель Божия, она всегда была неповреждаема. И если мы будем верны любви Божией, то не будет у нас таких шатаний, не будет у нас таких странных изменений, о которых только что было сказано. Свойство добродетели – постоянство.

Т.е. христианин должен быть и сегодня, и завтра, и послезавтра и смиренным, и кротким. Это не значит, что мы не подвержены каким-то изменениям, мы можем изменяться по своей немощи и слабости; это не значит, что мы, стяжав мир, скажем: это навсегда, и мы его не потеряем. За мир душевный нужно каждый день бороться, и каждый день обновляться; и каждый день преодолевать (с Божьей помощью и личным нашим подвигом аскетическим, какой кому под силу) все препятствия, чтобы этот мир не потерять, не выйти из нашего естественного состояния души. Ибо мир души это самое главное, что мы должны стяжать, а всё остальное приложится нам.

Аминь.

19.07.1998. Литургия
Мф 9:1-8

Сила исцеления

В сегодняшнем воскресном Евангелии мы услышали об исцелении расслабленного. Это Евангелие от Матфея, глава 9-я, с 1-го по 8-й стихи.

Друзья расслабленного, т.е. больного человека, приносят к Иисусу Христу своего больного друга, тем самым показывая сострадание своё ему, свою любовь к нему; ибо в нашей жизни нередко случается обратное, когда мы не помогаем нашему ближнему страдающему, а уклоняемся от этой помощи. Здесь же мы имеем и веру, и любовь ближних.

Но Иисус Христос ведет Себя, на первый взгляд, очень странно. Они принесли телесно больного человека, а Он делает совершенно иное. Видя Иисус веру их, сказал расслабленному: «Дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои». Расслабленный мог сказать про себя: я здесь не для того, чтобы каяться, исповедоваться Тебе в грехах, меня принесли с другой целью; я хочу исцелиться телесно. Но Христос делает то, что считает нужным в первую очередь, – Он прощает ему грехи. Т.е. совершает великое чудо, которое не принимают некоторые из книжников; они сказали сами в себе: Он богохульствует. Ибо отпускать грехи человеку может только Бог.

А Иисус Христос хотел, как раз Своими делами, Своими действиями, показать людям, что Он есть Бог, что Он равен Богу, будучи Его Сыном; Он Бог Сын и

всё достоинство Отца присуще и Ему. И то, что Он не богохульствует, что Он не похищает власть Божию, что Он не самозванец, Иисус Христос доказывает новым чудом. «Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?»

Знать, что в сердце человеческом, внутри человека, может только Господь. Мы отчасти можем проникать во внутреннюю жизнь собственную и ближнего нашего, но видеть наше сокровенное, все наши помышления, наши желания, тайны нашего сердца, может только Господь. И книжники сказали только сами в себе, они не объявили вслух Иисусу Христу о Его богохульстве мнимом; они только внутри возроптали, а Иисус, Сердцеведец, открывает их скверные помышления всем людям. И это должно было заставить их увидеть в Нем Бога: увидеть ту силу Божественную, которая всё сотворила и которой всё подвластно. Но они не вразумляются, и Иисус Христос продолжает рассуждение: «Что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи; но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом твой».

Каков смысл этих слов? Что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Люди могут подумать: а как это проверить, прощаются тебе грехи или нет? – ты можешь это сказать, а как мы это увидим? – и как бы не принимают того, что Иисус Христос сотворил. А сотворил Он самое трудное, ибо взять грехи людей на себя не может никто из нас, это под силу только Господу. Иоанн Креститель в Евангелии от Иоан-

на как раз, представляя Иисуса Христа ученикам и народу, говорит: это Тот, Который берет наши грехи на Себя.

И чтобы доказать, что Он имеет силу и власть прощать грехи, Иисус Христос подтверждает это телесным исцелением расслабленного. Это ещё одно чудо, видимое чудо, которое совершает Иисус Христос. Он повелевает расслабленному встать и идти; т.е. слово Божие имеет силу исцеления. Но Иисус Христос начал исцеление расслабленного с его души, и это не случайно, потому что душа дороже тела; она связана с нашим телом, и не душа должна подчиняться телу, а тело должно подчиняться душе. И обычно наши болезни, наши телесные немощи являются следствием наших грехов, нездоровья нашей души.

Если человек не угождает своей плоти, потому что он знает, что призван к высшей жизни, не плотской; если он поднялся на ступень духовного человека, то он будет бороться со своими страстями и победит эти страсти с помощью Божьей. Если же не борется со страстями, человек может разрушить своё тело пьянством, наркотиками, блудом; он тело своё оскверняет, разрушает, и всё потому, что душа нездорова – потому что душа подчинилась телу, а тело как упрямый осел (как говорили святые) тащит его в сторону от Бога и делает его плотским и заземленным человеком, и, следовательно, больным.

Быть плотским человеком это значит быть больным. Большинство людей сейчас живут по плоти, видя смысл жизни в том, чтобы хорошо есть, хорошо пить, хорошо веселиться, стремиться к большим деньгам, заниматься вещелюбием и развлекаться; и

зрелищный запой приводит людей к помрачению ума и чувств: люди видят скверные зрелища, ожесточаются, в их подсознание уходят такие впечатления, которые потом дают взрыв бешенства, злобы. И человек, если будет жить по горизонтали, жить только своими чувствами, удовлетворяя их, будет больной и телесно, и душевно.

И чтобы выздороветь, нужно покаяться, т.е. выпрямить свой путь жизни. Слово «покаяние» означает выпрямление моей жизни; мой жизненный путь искривился, я отключил себя от Бога, мне Бог нужен только на праздники, чтобы удовлетворить своё эстетическое чувство. Говорят, на Пасху очень красиво поют в православных храмах, и можно пойти как на концерт насладиться; или у меня горе, а мне говорят, что Бог помогает, и вот, я пойду к Нему (как к гадалке, к ворожее, к шаману) и поставлю свечку, – и пусть Он за мою свечку утешит меня.

Т.е. когда мы Бога в своей жизни загнали в угол какой-то, Он нам не нужен, вот это признак жестокой болезни тела и души. И поэтому Тютчев писал: «Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует»; следовательно, надо начинать исцеление не с тела, а с души. Если даже мы физически больны, нужно начинать с души. Потому что, может быть, мы заболели так, что и исцеления не будет – и что тогда? проклинать мир, завидовать здоровым людям, впадать в отчаяние, уныние – нет. Нужно иметь такую внутреннюю силу духовную, чтобы претерпеть все скорби, телесные немощи и другие страдания. Но если мы этой силы не имеем, то мы предоставлены себе, и мы себя не можем

вывести из тупика жизни – это может сделать только Господь наш Иисус Христос.

И люди это чувствовали, и поэтому толпы ходили за Иисусом Христом. Среди этих людей были и плотские, и духовные люди. Плотские мечтали только о том, чтобы Христос их исцелил от телесных болезней, а Иисус Христос, видя их двойную болезнь, болезнь и тела и души, начинал с души, чтобы приучить их к правильной духовной жизни. И вот, расслабленный получил тоже духовный урок от Иисуса Христа, и его друзья, которые пеклись о его здоровье, и это похвально, – но Иисус Христос хотел возвысить их веру, и Он это делает исцелением души расслабленного.

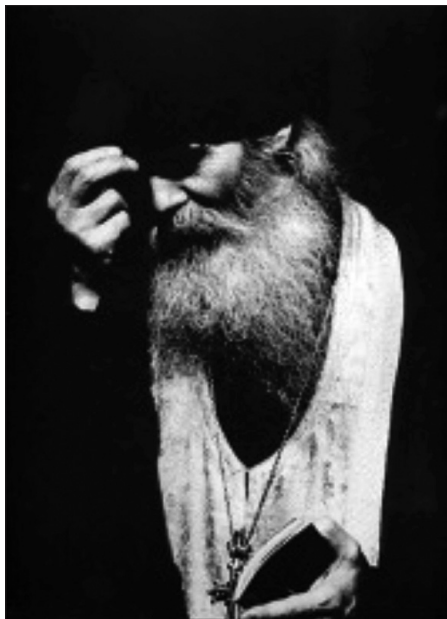
«Народ же, видя это, удивлялся и прославил Бога, давшего такую власть человекам»; т.е. власть и отпускать грехи, и исцелять телесные немощи. Иисус Христос хочет, чтобы мы и телесно, и духовно были здоровы, чтобы мы получили полное исцеление. Но обратите внимание, что в Евангелии нет заповеди об обязательном телесном здоровье. Есть заповедь об обязательном душевном здоровье и здоровье духа человеческого. Поэтому Иисус Христос говорит: «Ищите прежде всего Царствия Божьего и славы его, а остальное всё приложится вам».

Так и мы в наших скорбях и болезнях должны прежде всего просить у Господа помощи очистить своё сердце, очистить свою душу и верить, что Господь это всегда сделает, если жажда чистоты захватит нас полностью. И помощи нам, Господи, в нашей жизни не опускаться с той высокой ступени духовной, на которую Господь нас всех поднимает, на нижнюю ступень, не

превращаться в душевных плотских людей; ибо когда мы опускаемся на эту ступень, то мы идем не к Богу, а от Него, и это грех, это зло, и мы должны это понимать и чувствовать всем своим существом. И наша молитва всегда о том, чтобы Дух Святой пришел и вселился в нас, ибо только Духом Святым мы живы, а не хлебом единым, как говорил Господь.

Аминь.

**ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА
ВИКТОРА (МАМОНТОВА).
К 5-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
(1938–2016)**

Молитва

Фото А. Бондаренко
(Середина 1990-х гг.)

Наталия Большакова-Минченко

ТАИНСТВО ЛИЧНОЙ ВСТРЕЧИ

Прошло уже почти пять лет с того дня, как мы проводили в «путь всяя земли» нашего пастыря, отца Виктора (Мамонтова).

И тот день, 12-е ноября 2016 г. стоит в памяти, не тускнеет, как совершенно особенное, уникальное явление.

Перед началом отпевания была совершена Божественная литургия, к началу которой маленький деревянный храм в Карсаве был наполнен верующими, съехавшимися не только со всех городов и уголков Латвии, но и из Москвы, С.-Петербурга, Нью-Йорка, Иерусалима и других городов. Никогда в церкви прп. Евфросинии Полоцкой не было такого количества молящихся, люди стояли вплотную друг к другу. Перед началом литургии, окинув взглядом всех собравшихся, отец Алексей Виноградов (принявший служение в этой общине с конца 2011 г., когда, по болезни, о. Виктор не мог больше служить), обратился ко всем нам с просьбой о молчании, сосредоточенной молитве во время предстоящей службы. Он сказал, что понимает, как нам, собравшимся из разных мест, чадам о. Виктора, хочется обняться, поделиться друг с другом переполняющими нас чувствами, эмоциями... но что это надо оставить на потом, а сейчас сосредоточиться на совершении литургии и отпевании новопреставленного архим. Виктора, и не ходить по храму, не создавать шум, не разговаривать и т.д. Просьба о. Алексея была понятна, но при таком количестве народа трудновыполнима. Помог нам всем – и

духовенству, и мирянам – сам отец Виктор. По окончании литургии и отпевания о. Алексей опять обратился ко всем – со словами благодарности. Он говорил о том, как хорошо было молиться, совершать богослужение в такой благоговейной атмосфере, где все соединились и были как одна душа, и что в этом он видит проявление нашей любви к своему духовному отцу. Это действительно было чудесным продолжением пастырского служения отца Виктора: собрав нас всех у гроба, он дал нам (всей своей многочисленной духовной семье) еще раз пережить чувство единения и любовь между собою во время Евхаристии, что внешне выражалось в мелочах, свидетельствовавших, в этих трудных условиях, об уважительном, бережном отношении друг к другу.

Храм не смог вместить всех желающих присутствовать на отпевании архим. Виктора и проститься с ним. При пении погребальных стихир происходило прощание с почившим батюшкой, которое длилось около двух часов. Среди собравшихся священнослужителей и мирян были не только православные, но и католики, и лютеране.

Мое внимание привлек незнакомый молодой высокий мужчина в черном облачении (католик, – подумала я) с небольшим, но очень красивым букетом в руках, составленным с каким-то особым художественным вкусом. Я спросила его, откуда он приехал, он ответил: «Из Лиепай». – «Вы знали отца Виктора? Вы, наверно, из Католической Церкви?» – «Я – лютеранский священник, мое имя Эрланд». И, помолчав, добавил: «Да, я приезжал к отцу Виктору, мы вместе молились. А когда, по его молитвам, Бог исцелил меня от рака, и отец Виктор сказал, что теперь надо благодарить Господа за

дар жизни, – я понял, что хочу стать священником, и отец Виктор меня благословил». Все это о. Эрланд говорил как-то очень скромно и кротко, застенчиво улыбаясь. Но эта встреча произошла уже на кладбище, а до нее, еще в церкви, случилось вот что.

Когда я, после литургии, второй раз подошла к о. Виктору, попрощаться, нагнувшись к гробу, прикладываясь к руке батюшки с крестом, мысленно обратилась к нему: «Простите меня, батюшка! Благословите, что мне дальше делать». – И сама успела удивиться этому обращению к нему за благословением, как к живому. И только пронеслось в сознании это удивление самой себе, как «слышу» его ответ: «Делай то, что делаешь!». И я ему в ответ: «Буду делать, обещаю!». И снова – изумление. Ведь ничего подобного за последние годы его болезни не было, диалога с ним не было (ни явного, ни мысленного), я обращалась, но ответа не было.

А тут, из гроба – ответ ясный, четкий. Умерев, он выздоровел. Смерть отменила болезнь, в которой он был сокрыт от нас. Хотя, как радовался, смеялся от радости, когда мы приехали к нему в больницу в Лудзе в июле 2016-го!

Отец Виктор, умерев, победил болезнь, и, перейдя от временной жизни в вечную, полностью соединившись со Христом, победил вместе с Ним и саму смерть.

Эта многолетняя мучительная болезнь была его «испытанием в горниле уничижения», как мы читаем о святых в Св. Писании.

Пока о. Виктор болел, нельзя было с ним увидеться, поговорить; так хотелось хотя бы по телефону услышать его тихий голос, исполненный мира, любви, участия; посоветоваться с ним.

Вообще увидеть его для меня всегда было непросто, – он находился почти за 300 км от нас, машины у нас не было, добраться из Риги до Карсавы можно было только «на перекладных», особенно неудобной была дорога обратно, автобус уходил из Карсавы ночью. К нам в Ригу он приезжал нечасто. Одним словом, общения личного с о. Виктором всегда не хватало.

А когда он умер, многое изменилось, не надо искать возможности встречи – она есть, она внутри, словно он отдал каждому из нас часть себя, и эту ценность держишь в сердце. Это таинство личной встречи, любви, дружбы – в этом присутствует Господь.

«Смерть – не конец, это начало. Это – дверь, которая открывается и впускает нас в простор вечности, которая была бы навсегда закрыта для нас, если бы смерть не высвобождала каждого из нас из рабства миру сему»¹.

Во всем, что писал, говорил, о чем проповедовал, писал в письмах отец Виктор, всегда слышался живой голос свидетеля Любви, которую он нес в себе, которой он жил с юности.

Конечно, христианин, священник, служащий у престола Божьего, наполняется любовью из самого Первоисточника – в таинстве Евхаристии. Но, всматриваясь в страницы жизни Виктора Мамонтова, зная, что крещение он принял в 33 года, а священство – в 42 года, будучи не юношей, но зрелым сформировавшимся человеком, прошедшим определенный жизненный путь, имеющий опыт испытаний с детства, мы понимаем, что

¹ Виктор (Мамонтов), архим. Смерти нет. / Альманах «Христианос-XVI». – Рига, 2006. С. 107.

формообразующим явлением для его личности была любовь, именно она стала доминантой его судьбы.

Строка из надписи на могильной плите отца Виктора напоминает нам об этом: «...зряще мой гроб поминайте мою любовь...».

Но вернемся к фактам биографическим. Его отец, сельский учитель, директор школы Авраам Никитич Мамонтов в 1938 г. был репрессирован и погиб в лагере, когда Виктору было пять лет. Отца своего он не помнил. Как жила осиротевшая семья, чем кормила Вера Дмитриевна Мамонтова (1902–1993) своих девятерых детей, трудно даже себе представить... как чувствовали себя в советской школе (в сталинское время) дети «врага народа», – об этом можно только догадываться...

Люди в жизни Виктора Мамонтова

После окончания школы в 1955 г. В. Мамонтов поступил в Южно-Сахалинский педагогический институт на факультет русского языка и литературы; закончив его в 1960 г. работал учителем, а затем – директором деревенской школы. С 1962 по 1965 гг. учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В. Ленина; в 1965 г. защитил диссертацию «Драматургия А. Н. Арбузова» и получил степень кандидата филологических наук.

Учась в Москве в аспирантуре, Виктор узнал о Максимилиане Волошине, т.к. только во время «оттепели» в начале 60-х гг. о нем стали появляться статьи в Литературной энциклопедии и в других изданиях; в начале 70-х были опубликованы некоторые его переводы из французской поэзии, и лишь к 100-летию со дня

рождения поэта, в 1977 г. удалось издать небольшую книжку стихов Волошина. И уже только в 80-х будут изданы поэтические сборники Волошина. В течение почти 60-ти лет его стихи переписывались от руки, перепечатывались на машинке, распространяясь путем «самиздата» в литературной среде; редкие выставки его акварелей вызывали огромный интерес. С 1928 г. по 1961 г. в СССР не было опубликовано ни одной строчки самого Волошина, и – ничего о нем, и о наследии этого замечательного поэта и переводчика, оригинального художника, искусствоведа, блестящего мыслителя.

Виктор узнал также, что в Крыму, в Коктебеле есть дом, построенный по эскизам Максимилиана Александровича – современники называли его Домом поэта, – и что после его кончины в 1932 г. в доме постоянно живет его супруга Мария Степановна Волошина, сохранившая этот один из уникальнейших памятников культуры Серебряного века с его аутентичной коллекцией, мемориальной обстановкой комнат, богатейшей библиотекой и являющаяся хранительницей и литературного, и художественного архива мужа – плодом его 30-летней творческой жизни. Надо сказать, что Дом поэта и после ухода его основателя, несмотря на окружающую действительность, продолжал играть значительную роль в культурном и литературном процессе XX века, оставаясь символом свободомыслия и свободы творчества. Сюда продолжали стекаться литераторы и художники.

Так сложилось, что интерес к Волошину определил очень многое в судьбе самого Виктора Мамонтова. Осенью 1965 г. Виктор впервые приехал в Коктебель, пришел в Дом поэта, познакомился с Марией Степановной.

Виктор так описывает этот свой первый визит в Дом поэта: «Приехав в Коктебель, я пошел к волошинскому дому, поднялся по лестнице и вошел в столовую. Я увидел старушку в очках, одетую очень просто. Мы сели за стол и начали разговор. Мария Степановна рассказала мне историю дома, рассказала о своей долголетней жизни с Максом. Потом я вновь приехал в этот дом. у меня возник большой интерес к творчеству поэта и художника Максимилиана Волошина. Мне были даны для прочтения сборники его стихов, поэм. Я открыл для себя талантливого поэта, и мне захотелось написать о нем. Мария Степановна дала мне архивные материалы поэта – его большую переписку, автобиографические заметки. Я написал несколько статей о Волошине: «Пейзажная лирика М. Волошина», «Антивоенная лирика М. Волошина» и другие, которые были напечатаны»².

На этом сюжет не заканчивается, следует продолжение: развитие отношений с Марией Степановной, и – новые встречи, за которыми открываются другие горизонты.

Мария Степановна подарила Виктору три акварели Волошина, надписала каждую, чтобы не подумали, что они украдены. На акварели, написанной в 1931 г., под названием «Дремлют под розовой полной луной / Нагроможденья холмов и заливов», написала: «Милому Виктору. С сердечной нежностью. М. Волошина. Коктебель. Осень 1966 г.»

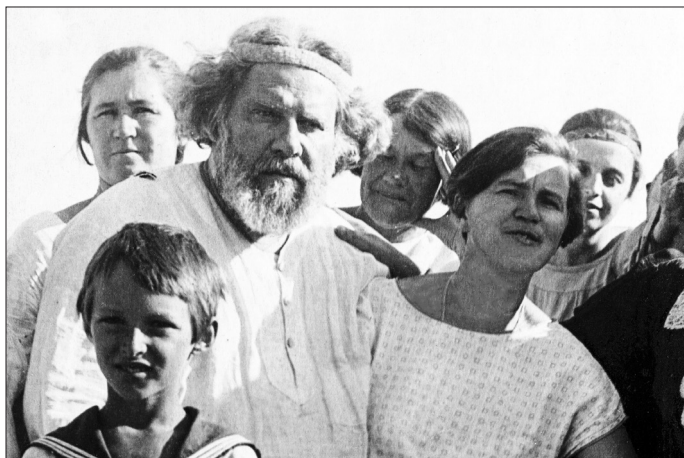
На акварели 1928 г. написала: «Вите Мамонтову с самыми добрыми чувствами. Улыбку Макса. – Неси

² *Мамонтов Виктор, архим.* Господь – Пастырь мой. / Душа «Дома поэта». – М.: Свет Православия, 2008. С. 331.

в свои странствия странствий лучшее из наваждений земли. М. Волошина. Дом поэта. Коктебель, 1971 г.»

На акварели «Дорога к морю», написанной 27 сентября 1927 г., написала: «Милому Вите. И неси в мир Макса, а остальное все знаешь сам. М. Волошина. Коктебель. Дом поэта. Сочельник 1973 г.»

Многозначность этих коротких надписей очевидна: и доверие и симпатия к Виктору, и надежды, что его стараниями и трудами имя Макса выйдет из забвения, что он будет понят и оценен. Мария Степановна еще при жизни мужа видела, что даже для многих своих друзей Макс оставался тайной за семью печатями, и как поэт, и как личность. Никто не постиг масштаба творчества Максимилиана Волошина и его миссии служения культуре. Об этом же свидетельствует надпись на этой, подаренной Виктору фотографии: «Милому Вите с нежностью и верой, что образ Макса тебе будет сопутствовать, и ты будешь всегда его оправды-

*В центре – Макс, рядом с ним – Маруся
(вторая половина 1920-х гг.).*

вать в жизни. С любовью М. Волошина. "...Неси его мысли, как воды реки. На волю к широкому устью..." Коктебель 1973. Дом Поэта».

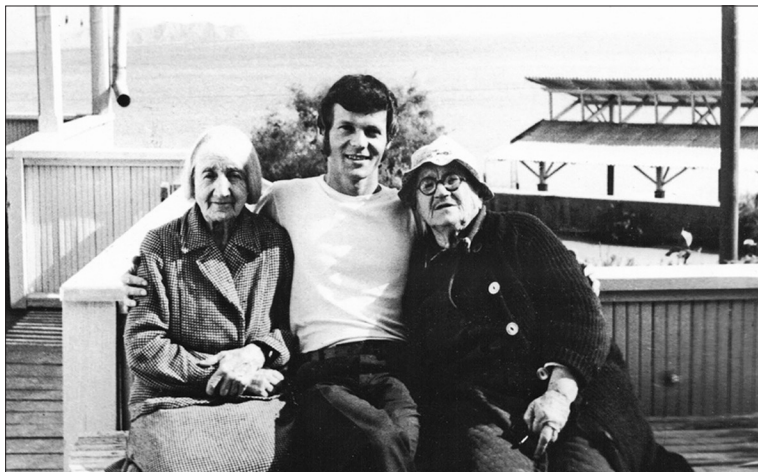
Близким человеком и частым гостем Марии Степановны была Анастасия Ивановна Цветаева. Еще в 1910-е годы она вместе с сестрой Мариной и Сергеем Эфроном приезжала в Коктебель, их связывала с Волошиным многолетняя дружба. Узнав в Париже о его смерти в 1932 г., Марина написала очерк-некролог «Живое о живом».

«Одно из жизненных призваний Макса было сводить людей, творить встречи и судьбы»³. Правота этого наблюдения Марины Цветаевой подтверждается происшедшим в жизни Виктора Мамонтова.

24 января 1968 г. Мария Степановна написала А. И. Цветаевой: «Прости, что направляю к тебе милого молодого человека Витю Мамонтова. Он работает по Максусу и над Максом. Предан Дому поэта, живет и работает на Сахалине. А Вите мне очень хочется помочь. Он всячески заслуживает того. Серьезный, целеустремленный, работающий».

С этой записки начинается не просто новый этап жизни Виктора Мамонтова, здесь обнаруживает себя его судьба. Обе эти женщины – и Волошина, и Цветаева – будут связаны с Виктором (каждая) до конца своих дней. Но влияние Анастасии Ивановны на него, глубина их отношений не сравнимы ни с чем. Это обусловлено их духовным родством (она подвела Виктора к крещению в 1971 г., стала его крестной матерью), но не только.

³ *Цветаева Марина. Собр. соч. в 7 тт. / Живое о живом. Т. 4. – М.: Эллис Лак, 1994. С. 178.*

*Слева направо: А. И. Цветаева, В. Мамонтов,
М. С. Волошина. Коктебель, 1972 г.*

*Слева направо: А. И. Цветаева, М. С. Волошина,
В. Мамонтов, Т. Стецюренко. Коктебель, сентябрь 1972 г.*

У Анастасии Ивановны был жизненный принцип, выработанный в годы жестоких испытаний: на всякое нравственное понижение отвечать только его повышением. Это был ее способ личностного самосохранения в условиях лагеря, ссылки и далее – на всю жизнь. Анастасия Ивановна поделилась этим опытом со своим крестником, что стало и его принципом, и он, став священником, делился им со своей паствой. «На всякое понижение нравственного, духовного уровня христианин отвечает только его повышением» – говорил, писал о. Виктор. Или, еще такой, казалось бы, совсем бытовой пример. Те, кто был знаком с о. Виктором, знают, что по телефону он всегда отвечал «Слушаю», а не «алло», что тоже было им воспринято от Анастасии Ивановны, и, оказывается, – было свидетельством особенного отношения к миру, к человеку. “Слушаю...” – это было первое слово, которое Анастасия Ивановна всегда произносила в телефонном разговоре, а не бессмысленное “алло”. И это означало: я вхожу в твой мир, погружаюсь в твою жизнь. Начинаю участвовать в ней. Слух ее не закрывался ни перед кем, она не боялась вслушиваться в человеческую боль, встречаться с человеческим горем. [...] Анастасия Ивановна отзывалась на человека не на миг, не мимолетной мыслью, а сердечным трепетом и – навсегда»⁴.

А слова Марины о призвании Макса соединять людей, «творить встречи и судьбы», – удивительным образом подтвердились и в жизни моей мамы. Отец Виктор крестил ее, 75-летнюю еврейку, сформировавшуюся в

⁴ Виктор (Мамонтов), архим. Господь – Пастырь мой. / Языком сердца. Об А. И Цветаевой. – М.: Свет Православия, 2008. С. 307.

атеистическом обществе, ни имевшую никакой веры, и настороженно относившуюся к христианству (что нередко бывало среди евреев после трагедии Холокоста). И словами ее нельзя было ни в чем убедить. Но в один из приездов о. Виктора к нам, я пригласила маму. Они познакомились, разговор зашел о литературе. Батюшка, с его вниманием к человеку, понял, что маме может быть интересно, и они увлеченно заговорили о... Максимилиане Волошине. Мама очень любила его поэзию, в ее библиотеке было несколько сборников его стихов и переводов, изданных в те годы. Ценила она также его акварели, – бывая в Коктебеле, в Доме поэта, познакомилась и с его богатым художественным творчеством. Так вот, после этой их беседы мама была просто счастлива; уходя, сказала мне, что такого человека никогда в жизни не встречала. О Боге они не говорили, и никаких религиозных тем не касались, но с этой первой встречи с о. Виктором начался духовный путь моей мамы.

Вскоре батюшка пригласил маму приехать к нему. Она поехала к полюбившемуся ей человеку, а попала в общину, в церковную семью, где о ней заботились, ее встречали и провожали, и где она могла увидеть необычные отношения между людьми. Это уже были не слова. Мама задумалась, почему люди в общине так относятся к ней, друг к другу, к батюшке – искренне, тепло, бескорыстно, стараются послужить друг другу. У нее появились там друзья, она с радостью ехала к о. Виктору (хотя это был нелегкий для нее путь), неизменно встречая его любовь и хорошо чувствуя себя среди новых друзей. Впервые в Карсаве стала ходить на богослужения, и однажды ощутила потребность

Августа и о. Виктор, Рига, 1997 г.
Фото Василия Минченко

причаститься, сказала об этом батюшке, и он стал готовить ее к таинству Крещения. Община участвовала в крещении мамы, и приняла ее, как младенца, родившегося для духовной жизни, в лоно Церкви. Мама начала читать Библию, и чтобы понимать ее, стала слушать кассеты с комментариями, читать книги о. Александра Меня. В промежутках между личными встречами о. Виктор с мамой переписывались. Вот одно из сохранившихся поздравлений от батюшки: «Дорогая Августа Овсеевна! В день Вашего рождения все мы, знающие и любящие Вас, молились о Вас с надеждой, что Господь Ваш Отец и Покровитель даст Вам самое главное, что нужно душе – мир. А остальное все приложится.

Надеемся в ближайшее время видеть Вас в нашей духовной семье. С любовью и благодарностью, архим. Виктор».

Последние 20 лет жизни мама прожила как христианка. Ни мечтать о таком, ни, тем более, как-то «устроить» и «организовать» такое, невозможно! Видимо, Макс с его мистическими способностями и пророческим даром повлиял на ход событий, дал свершиться этому чуду!

«В Доме поэта была вышка. Часто зимой Макс говорил Марии Степановне: “Пойдем, Маруся, погуляем по небу”. Они поднимались на вышку, смотрели на небо. “Макс научил меня, – вспоминала Мария Степановна, – читать созвездия; он хорошо знал небо. Как оживало небо в беседе Макса...”»⁵.

Мария Степановна, соединившая Виктора с Анастасией Цветаевой, дожила до 89 лет и скончалась в 1976 г. В последние годы жизни она болела, силы уходили. Виктор и Анастасия Ивановна не оставляли ее. Как-то в трудный момент Виктор даже попросил отпуск в институте в Южно-Сахалинске, чтобы ухаживать за Марией Степановной. А весной, летом и осенью 1976 г. Анастасия Ивановна приезжала в Коктебель, чтобы помочь Марии Степановне, быть при ней. В мае А. И. пишет Виктору в Москву: «Сегодня Марии Степановне стало плохо (часто падает) – вызвали скорую, потом врач, уколы, давление 220 на 90, рвота, тошнота, гипертонический криз. Лежит. К концу ли идет Маруся? Не ясно. Падения участились. Ослабла. Молитесь за нее, Витенька, Ваша молитва дойдет. Когда в себе, не смиряется: “Я не чувствую, что грешна”. И чтобы, если конец близок – то светлый бы. Артос и Вашу святую воду до криза принимала»⁶.

⁵ Виктор (Мамонтов), архим. ... / Душа «Дома поэта». С. 329.

⁶ Там же. С. 335.

Когда Мария Степановна скончалась, Виктор прилетел в Коктебель.

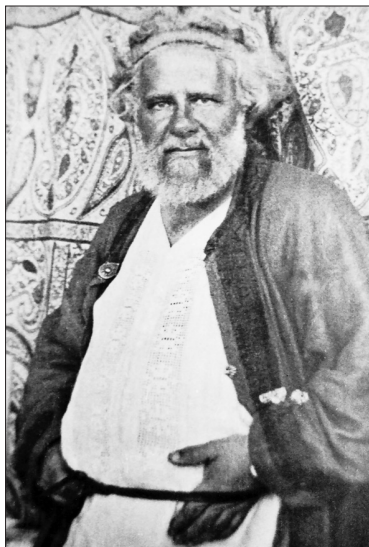
«Я всю ночь сидел возле гроба, читал Псалтирь. Было ощущение покоя, неземной тишины. Невещественный свет.

20 декабря были похороны. Среди выносивших был и я. Гроб до могилы несли на полотенцах. Он словно плыл по воздуху. Когда все восходили на холм, встретили большое стадо овец.

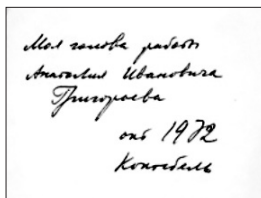
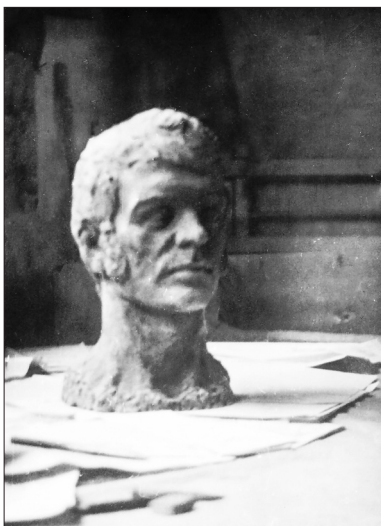
Похоронили Марию Степановну на горе Кучук-Енишар рядом с Максимилианом Волошиным. Провожавших было 27 человек из самых разных мест страны»⁷.

Многое из этого, более чем десятилетнего, периода осталось с В. Мамонтовым до конца его дней; много фотографий сохранилось в его архиве.

*Надпись на обороте
этой фотографии,
подаренной Анастасией
Цветаевой: «Дорогому
Вите Мамонтову – нашего
Макса. А. Ц.».
Фото 1932 г.*

⁷ Виктор (Мамонтов), архим. ... / Душа «Дома поэта». С. 335–336.

*Факсимиле В. Мамонтова
на обороте фотографии:
«Моя голова работы
Анатолия Ивановича
Григорьева
окт 1972
Коктебель»*

И вот эта фотография юной Аси Цветаевой, с ее надписью, свидетельствующей об их сердечной дружбе: «Дорогому Вите дарю – из последних остатков кокетства – себя молодую, 16 лет, 1911 г. А. Ц. 1970».

В 1972 г. знакомая Виктора Анна Николаевна Качалина, музыкальный редактор студии грамзаписи «Мелодия», сообщает ему о приезде на гастроли в Москву, после длительного перерыва, знаменитой польской певицы Анны Герман. В день концерта зал Театра эстрады на набережной Москвы-реки переполнен. Спустя много лет о. Виктор с волнением вспоминал о том первом, после автокатастрофы, концерте Анны Герман в Москве: «В зале гаснет свет. Луч прожектора высвечивает лицо Анны. Из тишины поплыли звуки *Ave Maria*. Анна пела *Ave Maria* каким-то отрешенным чистым голосом, в котором слышалось неизбывное томление. Это, конечно же, была молитва, и томление было по Богу».

По окончании концерта А. Н. Качалина познакомила Виктора с Анной Герман. «Её светлая улыбка и теплые слова приветствия означали: я принимаю тебя и радуюсь нашей встрече», – вспоминал о. Виктор.

И эта встреча на земле длилась 10 лет. В 1982 г. 25 августа Анна умерла в одном из госпиталей Варшавы. Ей было 46 лет.

«Анна Герман ушла в зените своей славы, в зените своей красоты. Сама душа Лирики звучала и томила в невыразимой словами прелести ее голоса, сама Любовь тянула к нам руки в каждой ее песне, само Прощание прощалось с нами в ее интонациях, в каждом углублении певческой фразы, сама Природа оплакивала свой расцвет и свое увядание – потому так неотвратимо очарование ее тембра, и только те, кто слышал ее пение, смогут понять скорбь расставанья с ним. [...] Я за мою жизнь слышала не один, казалось, неповторимый голос певицы, – но только голосу Анны Герман принадлежат по праву слова – неповторимый

и несравненный». Такое впечатление оставила А. И. Цветаева в своем очерке «Анне Герман»⁸.

За три месяца до кончины Анна принимает Крещение. На следующий день она пишет Анне Качалиной: «Дорогая моя Аничка, хочу тебе сказать самое важное. Вчера я приняла Крещение – это вера моей бабушки⁹, и я очень счастлива. Как мне хотелось бы посидеть рядом с тобой и все рассказать!! Вите скажи – я никому больше не могу писать – сил нет. Ты уж скажи кому надо сама... За окном чудесная весна, у нас сирень есть, но я уже очень давно лежу в больницах и теперь дома уже месяц – не встаю пока совсем. Но все это теперь неважно стало. Все будет... Твоя Аня»¹⁰.

Виктор не мог не поделиться таким событием – встречей с Анной и ее искусством – с самым близким ему человеком, с Анастасией Ивановной, ему так хотелось, чтобы они узнали друг друга, приняли и полюбили!

«На концерт Анны Герман впервые повел меня ее поклонник, мой младший друг, литературовед, человек тонкого вкуса, много раз ее слышавший. Он говорил о ней с таким восхищением, что я еще по пути предвкушала радость услышать необычайное...

Ее еще нет – ни шага, ни шелеста платья, – но самозабвенно лицо моего спутника. Очарованность? Преданность? Страх, что концерта не будет, отменяют?» И вот, когда Анна запела, Анастасия Ивановна «взглянула на спутника – это было как сорваться с обрыва! Он

⁸ Цветаева А. И. Неисчерпаемое. / Анне Герман. – М., 1992. С. 254–255.

⁹ Анна приняла крещение у Адвентистов седьмого дня.

¹⁰ Виктор (Мамонтов), архим. ... / Горит, горит ее звезда. С. 298.

был “бледен, как полотно”. Его – не было. Только чуть дрожали ресницы остановившихся глаз. Так человек глядит – один раз. Так – решает. Ее голос – лейтмотив его жизни. С нею он должен жить Жизнь! Она – или никто.

Мой спутник отсутствовал. И все-таки я сжала его руку – в легком, за него, страхе, – чтобы вернуть его к нам. И, добр, как всегда, он опомнился, улыбнулся, золотые глаза потеплели. Но не его лет усталость пронизала все его существо. Так, именно, захватывает такая любовь – жизнь человека. Этим путем, если не разомкнуть его звенья, – проходят до конца»¹¹.

Отец Виктор в своем очерке «Горит, горит ее звезда» пишет, что в 1974 году Анна получила подарок от Анастасии Ивановны – ее книгу *Воспоминания*. И прочитав ее, все время к ней возвращалась. В письме к Виктору, в январе 1975 г. Анна пишет: «Просто чудо, теперь уже почти никто так не пишет. Когда ты опять встретишься с Анастасией Ивановной, передай ей самый горячий привет от меня. Я, конечно, сама напишу – чуть позже. Я счастлива, что Анастасии Ивановне приятно иногда послушать “моего” Скарлатти. И я также счастлива, что она нашла время и захотела прийти на наш концерт. Таких людей мало»¹². Анна подарила Цветаевой пластинку с записанными в ее исполнении ариями из оперы Доменико Скарлатти. Этой пластинкой с дарственной надписью: «Дорогой Анастасии Ивановне с любовью – Анна» Цветаева очень дорожила.

¹¹ Цветаева А. И. Неисчерпаемое. / Анне Герман. – М., 1992. С. 255–256.

¹² Виктор (Мамонтов), архим. ... / Горит, горит ее звезда. С. 300.

Желание Виктора, чтобы эти две, дорогие для него, женщины, приняли и полюбили друг друга, осуществилось сполна! Можно сказать, что они почитали друг друга. Из письма А. И. Цветаевой к Анне Герман: «Ваш тембр струит на нас неповторимость Вашей душевной грации. Каждый изгиб интонаций Ваших радует сердце и восхищает ум – так пленительно Ваше пение.

Я знаю, что Вы испытали, через что прошли. Тем драгоценнее Ваше возвращение в нашу жизнь, вторичное сияние Вашего голоса в наших залах, где, казалось, он мог смолкнуть навеки. Ваш голос – отмеченный особой судьбой, особым благоволением к Вам Провидения, я это ощущаю в каждой песне Вашей, в каждой улыбке Вашего грациозного репертуара. Я благодарю за Вас судьбу»¹³.

Виктору тоже были подарены *Воспоминания* – второе издание – с надписью: «Дорогому Вите Мамонтову с любовью, уважением и благодарностью! – Анастасия Ивановна остановилась, – а лирику напишу потом». Потом оставленное место было заполнено:

«В день Вашей щедрой помощи мне, а себе в ущерб – 19.XI. Вспомните – когда меня уже не будет – часы нашего первого знакомства, наши беседы, смену Москвы и Коктебеля – с прослойками, Вам – Южно-Сахалинска – годы дружбы и роста, всегдашнюю радость встреч – и помяните меня добром! (Новые главы – “Осень 1911”, и 8-я глава от “Дом Марины” и до Горького). Анастасия Цветаева.

20.XI.74

Вечер после отлета восхитительной Анны Герман с пожеланием Вам той степени счастья, которого Вы, Витя, достойны. И да хранит Вас Бог! А. Цветаева».

¹³ Виктор (Мамонтов), архим. ... / Языком сердца. С. 314.

И вот Анна Герман вновь приехала в Москву. Анастасия Ивановна заболела и не смогла пойти на концерт, но ожидала «нашего общего с Анной друга – он-то уж не пропустит ее выступления!.. И он пришел, сразу после концерта. Но он мне показался новым, каким-то отчужденным... Помолчал, походил по комнате и, оставаясь передо мной, произнес: Анна – замужем. Она меня познакомила с мужем. – Замужем? – отчего-то замерло сердце, – ну, расскажите, какой он?.. – Большой, полный. Его зовут Збышек. Он был давно поклонник ее пения. Он сделал ей предложение, когда она лежала в гипсе. Было неизвестно, выживет ли, или, может быть, будет калекой.

Больше он ничего не сказал. И я не спросила. В его тоне глубокого уважения к этому человеку я почувствовала, что ему тяжело»¹⁴.

В очередной приезд на гастроли в Москву в 1975 г. Анна поделилась с Виктором своей новостью – ждет ребенка, и в ноябре этого года у нее родился сын Збышек.

В 1975 г. Виктор побывал в Свято-Успенской лавре (г. Почаев, Украина), и где в 1979 г. стал послушником.

В последний раз Виктор и Анна виделись в Москве, весной 1980 г. В тот момент Виктор и сам еще не знал, что в сентябре этого года будет рукоположен в сан священника. А для Анны это были последние гастроли в Москве. Она была уже неизлечимо больна.

«Об Анне мы знали, что жизнь победила смерть, мы приветствовали ее торжественно, потрясенно. Она радовалась жизни, она снова пела и пела, и мы слушали

¹⁴ Цветаева А. И. Неисчерпаемое. / Анне Герман. – М., 1992. С. 260.

ее, слушали, никогда бы не перестали. Но пришел ее час»¹⁵.

Виктор любил Анну всегда, был верен этой любви. Хотел, чтобы люди узнали Анну, через ее пение почувствовали не только уникальность ее голоса, но и ее душу, ее любовь, веру, ее мужество, глубину ее личности, стремление к Богу. Проводил, где только мог, вечера ее памяти (как и А. И. Цветаевой); просил меня сделать об Анне передачу на Латвийском Радио с его участием, и нам удалось это, и передачу не раз повторяли. И в Карсаве в 2003 году о. Виктор провел с участием сына Збышека и Анны Качалиной такой удивительный вечер: «Мы устроили в очень красивом месте вблизи храма вечер памяти Анны Герман, на который собралось много людей, местных и приезжих – из Москвы, из Санкт-Петербурга. Слушая пение Анны, все ощущали реальное ее присутствие среди нас, был молитвенный дух, ибо невозможно, слушая в ее исполнении *Ave Maria*, не быть в этот момент с Богом. [...] в ее голосе душа человеческая улавливает звуки вечной жизни и Любви и становится чище и светлее»¹⁶.

* * *

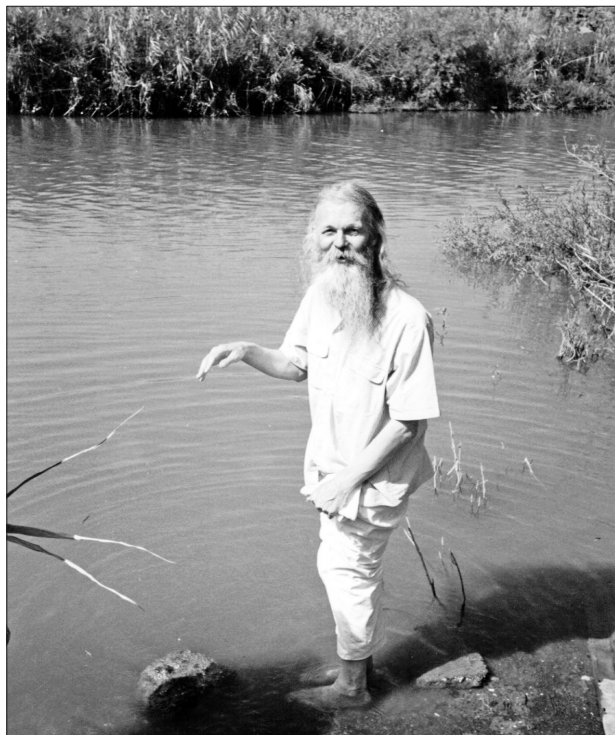
В 1982 г. 1-го апреля иеромонах Виктор (Мамонтов) был назначен митр. Рижским и Латвийским Леонидом (Поляковым, 1913–1990) настоятелем церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, с обслуживанием еще

¹⁵ Цветаева А. И. Неисчерпаемое. / Анне Герман. – М., 1992. С. 265.

¹⁶ Виктор (Мамонтов), архим. ... / Горит, горит ее звезда. С. 301, 302.

трех деревенских приходов. В этом захолустном маленьком городке (3 тыс. жителей), в бедной «непрестижной» Латгалии – приграничной с Россией области Латвии, и прожил о. Виктор до конца своих дней. Но отпуск свой ежегодно он проводил где-то вне Латвии. И, когда стало возможно, уезжал за границу.

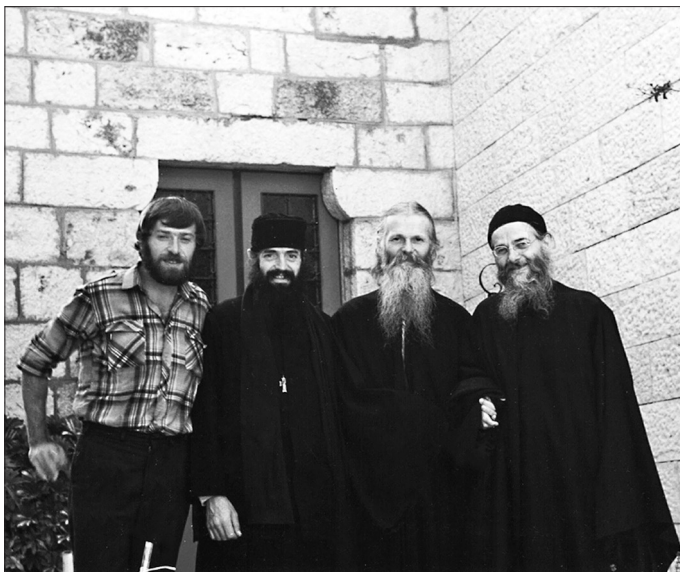
Эти поездки много давали о. Виктору, он возвращался не только отдохнувший, но – обновленный и всегда делился с нами и новыми идеями, и впечатлениями от знакомства с людьми, культурой, природой других стран.

Отец Виктор на Иордане, 1992 г.

Коснусь трех поездок батюшки за три года. В сентябре 1992 года о. Виктор побывал в Израиле. Там его ждали некоторые наши бывшие рижане, у кого он мог остановиться, и которые были его проводниками и гидами по Святой Земле. Впечатления переполняли о. Виктора, когда он рассказывал, как впервые вступил в воды Иордана. Он был счастлив, и это видно по его лицу, на котором отражен внутренний восторг, буквально детский!

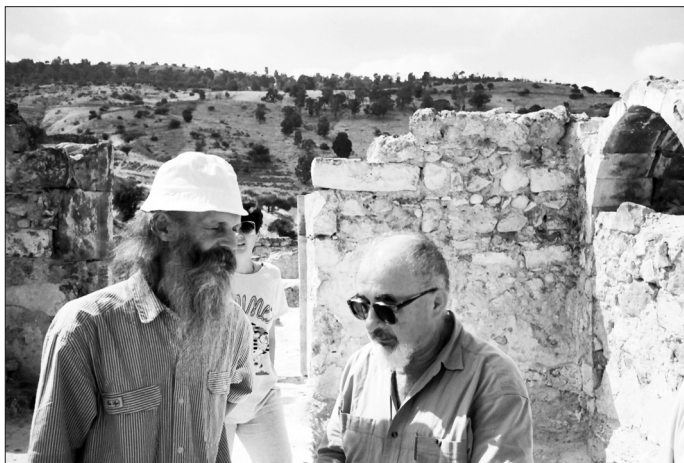
А вот – другая фотография, на которой мы видим о. Виктора среди монахов греко-мелкитского монастыря Иоанна Предтечи, с которыми он очень подружился, братья с такой любовью отнеслись к о. Виктору, предлагали оставаться у них подольше, не хотели его отпускать.

Отец Виктор в монастыре Иоанна Предтечи, 1992 г.

В Израиле батюшка встречался с людьми разных национальностей – греками, евреями, арабами, армянами, русскими эмигрантами – и разнообразной религиозной идентичности: иудеями, мессианскими евреями, арабами-мусульманами и арабами-христианами (и православными, и католиками), и с многообразием обрядовых сторон богослужений. И это богатство форм исповедания Евангелия, его преломления в разных культурах удивило и углубило о. Виктора, дало возможность ему новым взглядом посмотреть на обряд православных богослужений.

Очень и радостное, и значимое знакомство и общение произошли у отца Виктора с легендарным человеком – отцом Даниэлем Руфайзен (1922–1998) или братом Даниэлем, как он себя называл.

Отец Виктор и отец Даниэль. Цфат, 1992 г.

Даниэль Освальд Руфайзен – монах кармелитского монастыря Стеллы Марии в Хайфе и пастырь общины

евреев-христиан Католической Церкви св. Иосифа в Хайфе.

Еще при жизни он стал легендой. Кто в Израиле не знает о том, как во время Второй мировой войны еврейский юноша, свободно владеющий несколькими языками, выдавая себя за польского немца, поступил на службу в немецкую жандармерию и спас сотни жизней своих соплеменников, передавая подпольщикам гетто информацию и оружие, а затем дезорганизовал акцию по ликвидации гетто в местечке Мир под Новогрудком (Белоруссия).

Кто не слышал о том, как он же после войны, будучи кармелитским монахом, судился за право считаться евреем и израильским гражданином, дошел до Верховного суда Израиля, защищая права крещенных евреев считать себя частью своего народа, полноценными гражданами своей страны!

Многие знали о его встрече с папой Иоанном Павлом II в 1985 г., когда он в течение полутора часов излагал Папе свою концепцию возрождения в Израиле древней, первоначальной формы христианства, восходящей к апостольской традиции, призывал Святейший Престол к установлению дипломатических отношений с Израилем.

О нем слышали все, но очень мало, кто знал о главном подвиге его жизни – подвиге повседневной самоотдачи. Брат Даниэль свободно говорил и писал на восьми языках, и на всех этих языках он служил мессы, произносил проповеди, проводил экскурсии, писал письма. Ежедневно он отдавал свое время и силы десяткам людей, израильтянам и паломникам со всех концов земли, пытаясь со всеми поделиться той беспредельной любовью,

которая горела в его сердце – любовью к ближним и дальним, своим и чужим, к христианам, мусульманам, иудеям, к Израилю и всему миру. Он объединил вокруг себя выходцев из разных стран, носителей разных культур и традиций. Он говорил: «Здесь мы находимся у истоков христианства, здесь нет места разделению». Пропасть, разделяющую сегодня иудеев и христиан он переживал как личную трагедию.

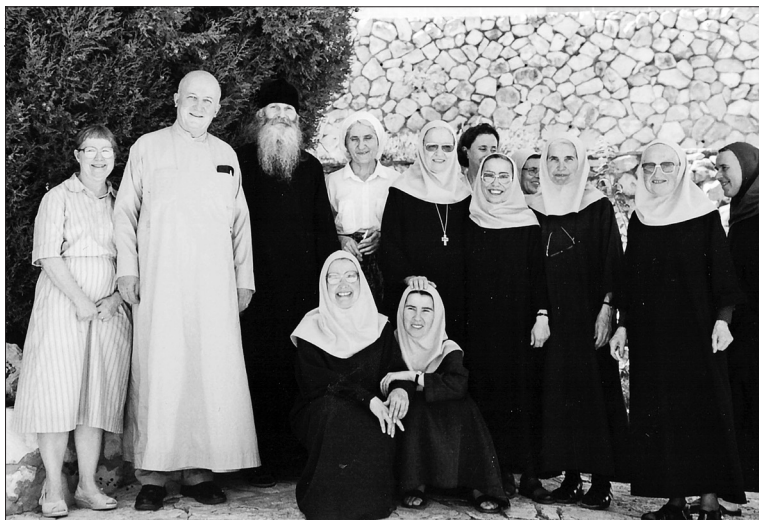
Отец Виктор был поражен многими гранями личности о. Даниэля, его литургическим творчеством, масштабом его служения. В статье «Тайна умаления» о. Виктор пишет: «Помню священника Даниэля из Хайфы, ныне уже покойного, который на братской трапезе, которую сам же приготавливал, всегда ел последним. Всех накормит, убедится в том, что все сыты, и тогда ест то, что осталось. В этом не было рисовки. Он пережил войну, знал, что такое голод, и как люди умирают от голода. Самозабвенное служение ближним было выражением истинного смирения, которое в нем было»¹⁷.

В следующем, 1993 г., в сентябре, о. Виктор снова посетил Израиль. Был в Галилее. В Назарете его принимали сестры греко-мелькитского монастыря Благовещения.

Глядя на улыбающиеся лица на фотографиях в Назарете, можно почувствовать, какая светлая, радостная атмосфера царила в общении монахинь, о. Виктора, о. Джона.

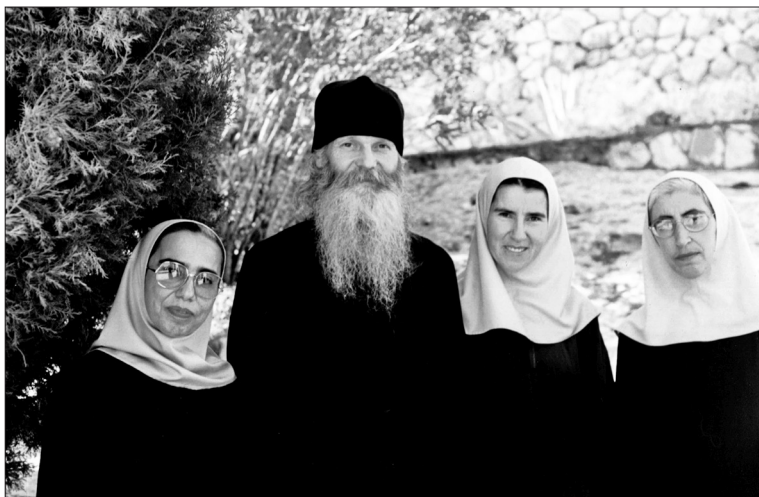
Большое впечатление на о. Виктора произвел монастырь Ратисбон (по имени основателя ордена Богоматери в Сионе в 1847 г. французского священника

¹⁷ Виктор (Мамонтов), архим. Тайна умаления. / Христианос-ХІ. – Рига: ФИАМ, 2002. С. 83.

Монастырь Благовещения в Назарете. Слева от о. Виктора – о. Джон и его супруга Барбара (из США).

Справа – Алла Михайлова из Карсавы, которая в тот год училась в Ратисбоне (Иерусалим). 1993 г.

Отец Виктор с монахинями монастыря Благовещения. Назарет, 1993 г.

Альфонса-Мари Ратисбона). Орден Богоматери в Сионе был создан ради установления диалога между иудаизмом и христианством.

Во второй половине XX века, к 70-м годам миссия ордена сосредоточилась на изучении иудаизма и укреплении межрелигиозного диалога. Монастырь Ратисбон стал христианским институтом изучения иудаики (Centre Chrétien d'Études Juives), что было связано с Вторым Ватиканским собором (1962-1965), на котором, в числе прочего, было признано, что христианство берет свое начало в иудаизме. Обучаться в институте Ратисбон могли и миряне, и духовенство. Преподавание проходило на очень высоком уровне, среди преподавателей были лучшие профессора Иерусалимского университета.

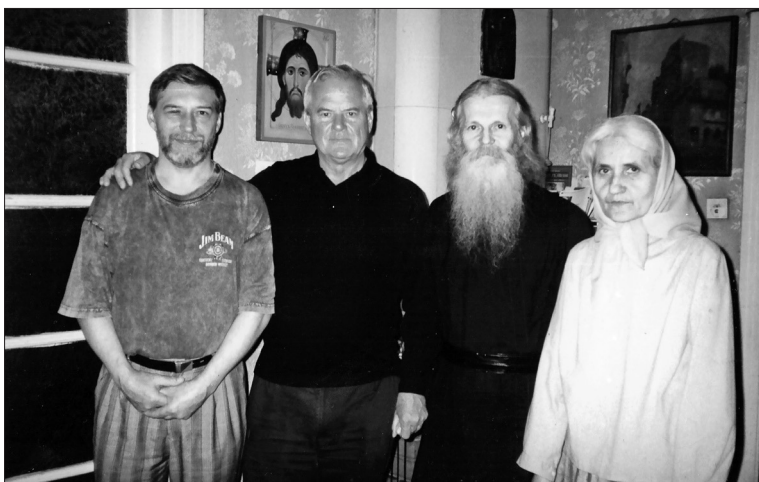
Отец Виктор, как мог, всячески способствовал обучению в Ратисбоне православных христиан.

По просьбе отца Виктора в Ригу приехал из Ратисбона монах Пьер Ленар и в течение трех дней читал нам лекции об особенностях ветхозаветной молитвы. Это было просто откровением для всех нас.

В 1994 г., во время своего отпуска, о. Виктор побывал во Франции – в Париже и в Медоне, в Центре изучения русского языка и общине св. Георгия, с настоятелем которой, отцом Рене Маришалем (1929–2020) батюшка уже познакомился у нас в Риге в 1993 г., в Фонде им. о. Александра Меня, куда о. Рене приезжал для участия в международной конференции по наследию прот. А. Меня, и где о. Виктор тоже выступал. Благодаря о. Рене, у о. Виктора произошла встреча с человеком уникальной судьбы, необыкновенной силы личностью, выдающимся служителем Церкви – с архиепископом

*Отец Виктор у входа в Ратисбон. Иерусалим,
сентябрь 1993 г.*

*Слева направо: Василий Минченко, брат Пьер Ленар,
о. Виктор, Алла Михайлова, переводившая лекции
брата Пьера с французского языка.
Фонд им. Александра Меня, Рига, 1994 г.
Фото Наталии Большаковой*

Парижским, кардиналом Жаном-Мари Люстиже (1926–2007)¹⁸.

Кардинал должен был служить мессу в кафедральном соборе Парижской Богоматери. Договорились встретиться около Собора. Отец Рене и отец Виктор с Аллой Михайловой (своей помощницей из Карсавы, владеющей французским языком) ждали кардинала, и он подъехал на маленьком Renault, скромно одетый (что приятно поразило о. Виктора), и, когда о. Рене их познакомил, они бросились чуть ли не в земном поклоне – каждый – просить благословения друг у друга, – архиепископ Парижа и деревенский священник из Латвии. (У таких людей, видимо, свое понимание иерархии!) Отец Виктор рассказывал, с какой сердечностью и любовью кардинал общался с ним во время их короткой встречи. Но пора было идти в Собор, облачаться, – скоро должна была начаться служба, и кардинал пригласил о. Виктора в алтарь этого великолепного собора Нотр-Дам, в крипте которого 13 августа 2007 г. кардинал Люстиже и был погребен.

В сентябре 1994 г. о. Виктор посетил еще и Бельгию, удивительно насыщенно провел батюшка свой отпуск 94-го года! В Медоне, как и было запланировано, о. Виктор и Алла соединились с иконописцем о. Зином (Теодором), и все вместе отправились в бенедиктинский монастырь в Шеветонь (Chevetogne), расположенный во Фландрии. Отец Зинон был приглашен аббатом монастыря сделать фреску в апсиде недавно построенного храма, где служили по латинскому обряду. Храм, где богослужения совершались по византийскому обряду,

¹⁸ См. *Аман Ив*. Памяти кардинала Ж.-М. Люстиже. / Христианос-ХVII. – Рига: ФИАМ, 2008. С. 183–206.

освященный в 1957 г., построенный в древненовгородском стиле, был расписан еще в 50-е годы греческими мастерами¹⁹.

В Шветони о. Виктор с Аллой провели неделю. Прекрасные впечатления остались у батюшки от монастырских служб, монашеского пения – и в православной традиции, и в католической, от самой братской атмосферы. Но когда я спросила, что больше всего поразило или порадовало его в жизни общины, батюшка сказал: «Я был поражен, когда монсеньор, епископ, одев рабочий халат, принялся мыть полы в коридоре, в трапезной. Он был дежурным в тот день. Я считаю, что это очень здоровый подход!».

В монастыре у о. Виктора было много встреч с братьями, но одна из них для нас особенно интересна, т.к. имеет непосредственное отношение к Латвии. Отец Виктор познакомился, в частности, с отцом Эммануилом Латтером (Emmanuel Latteur, 1934–2003). И в беседе выяснилось, что о. Эммануил был знаком с католическим епископом из Латвии Болеславом Слоскансом (1893–1981), очень почитаемым у нас исповедником, крестный путь которого протянулся через 17 тюрем, бесчисленные этапы, Соловки, Сибирь... Волею судьбы, епископ Слосканс в 1946 г. оказывается в Бельгии, где в аббатстве Мон-Сезар в г. Лувен он жил и скончался²⁰. И вот, узнав, что о. Эммануил не просто был знаком с епископом, а что Болеслав Слосканс рукополагал его в дьяконы, о. Виктор просит о. Эммануила написать ему

¹⁹ См. Об истории монастыря «Путь единения – путь Креста» / Христианос-III. – Рига: ФИАМ, 1994. С. 140–159.

²⁰ См. Жертва за братьев. Исповеднический путь епископа Болеслава Слосканса. / Христианос-XVII. – Рига: ФИАМ, 2008. С. 169–174.

об этом. Уже в начале октября 1994 г. батюшка получает от о. Эммануила письмо. Он передал мне копию перевода на русский язык, сделанного Аллой Ивановной Михайловой.

«6.10.1994 г.

Бенедектинский монастырь.

Шеветонь.

Дорогой о. Виктор,

Вы меня попросили написать воспоминания о епископе Слоскансе, который меня рукоположил в диакона.

Я был монахом в аббатстве Марэдсу в Бельгии (поступил я туда ровно 40 лет тому назад 5.10.1954). В 60-х годах много говорили о епископе Слоскансе, нашедшем пристанище в монастыре Мон-Сезар в Лувене в Бельгии. Этот монастырь был основан Марэдсу как аббатство, где молодые монахи бельгийской конгрегации могли продолжать университетское образование; мы также получали регулярно сообщения о жизни в этом аббатстве.

Я очень хорошо помню, – говорили, что еп. Слосканс жил там как святой, в уединении и тишине и всех составлял. Мне даже кажется, что читали в трапезной рассказы о преследованиях, где упоминались также те, которые ему пришлось претерпеть. В 1961–1962 годах меня послали продолжать учебу в монастырь св. Андрея в Лоппене, недалеко от Брюгге. Я был счастлив, когда мне однажды сообщили, что рукополагать в диаконы меня будет епископ Слосканс. Он придет специально из Мон-Сезара, чтобы совершить 6 или 7 рукоположений в диаконы. Это было в 1962 году, я его увидел в первый раз: он входил в церковь в литургических

епископских облачениях. Он произвел на меня огромное впечатление своим спокойствием и внутренней тишиной. Он был бледен, шел с достоинством и легко. По его лицу можно было догадаться что он жил в большой бедности и аскезе. Вероятно, он устал, но он совершал свое дело серьезно, степенно и духовно, что производило неизгладимое впечатление. Когда он возложил на меня руки и во время вступительного посвящения, я вспоминаю, что просил «его духа», хотя и сознавал свое недостойнство.

Я должен добавить, что этот дух мне казался полнотью состоящим из нежности и промысла Божьего. У меня сохранилось еще воспоминание о том, что он не искал того, чтобы понравиться людям, но исключительно – Богу. Никакого человеческого самолюбования, только сильное чувство Божьего присутствия.

А я и сегодня, спустя уже 32 года, благодарю Бога за эту благодать и прошу Его сделать меня более достойным, укрепляя во мне чувство устремленности к Нему.

Брат Эммануил Латтер»

Письмо это публикуется впервые.

*Рига, Латвия
Май 2021 г.*

Дмитрий Коробкин

О себе: Коробкин Дмитрий Юрьевич. Родился в 1977 году в России, в городе Курган. В возрасте 2-х лет переехал с семьей в Даугавпилс, где вырос и живу. Закончил исторический факультет (2002) Даугавпилсского университета, а также получил степень бакалавра теологии в СФИ (2008). С юности начал увлекаться русской религиозной философией. В особенности – творчеством и личностью Владимира Соловьева, чему посвятил несколько научных работ и статей.

ТОТ, ЧЕРЕЗ КОГО СТРУИТСЯ СВЕТ

Воспоминания об архим. Викторе (Мамонтове)

*Нам надо стать прозрачными,
Чтоб свет Христов лился через нас...*

Митр. Сурожский Антоний
об Иоанне Лествичнике

Солнечный летний день, после длительной службы я стою рядом с человеком, одетым в черное монашеское одеяние. Мы разговариваем во дворе храма. Кажется, речь шла о русской религиозной философии, но запомнилось вовсе не содержание разговора. Периодически, как будто украдкой, о. Виктор поглядывал в мою сторону и таинственно улыбался. Именно эти взгляды, намекающие и говорящие мне: «Ты это чувствуешь – то, что именно сейчас и здесь происходит?», «Замечаешь этот восторг и красоту? Разве не ощущаешь – что главная тайна – вот она – прямо перед тобой!», – именно

они лучше всего передают то тонкое, важное и цепляющее на самой глубине, что я мог бы сказать об этом человеке.

В какой-то момент на рукав батюшки садится большая бабочка и плавно машет своими красивыми узорчатыми крыльями. Он ласково на нее смотрит, а потом на меня. Вернее, пожалуй, сказать – внутрь меня – и его долгий, искрящийся взгляд наполняет меня таким светом и радостью, что всем телом начинаю ощущать – это иная реальность! Это состояние длится секунды, но это какие-то другие секунды. Совсем не те, по которым скользит привычная жизнь...

Едва ли у меня получится полноценно описать этот, или еще пару подобных эпизодов, которые случились в моей жизни, благодаря общению с о. Виктором (Мамонтовым). Память смазывает многие детали, но не ощущение и атмосферу от его присутствия. Это переживание особой защищенности, надежности, радости и полноты, – будто все, что так часто довлеет и вынуждает принимать неестественные, искривленные по жизни позы – все это становится на время невесомым, неважным и сквозь привычную, переполненную суетой и бессмысленностью, реальность проступает как бы тихий, вневременной восторг бытия.

К слову, я в те годы был очень увлечен творчеством русского религиозного философа Владимира Соловьева, который как-то высказался в том духе, что если бы не близость и свидетельства Божьего присутствия, то жизнь человека неизбежно бы превратилась в страшный сон, в кошмар, в котором тебя душит домовой. Отец Виктор говорил об этом же проще: «Физическое рождение – этого мало для человека. Необходимо рождение духов-

ное». К моему удивлению, увлечение Вл. Соловьевым он всячески поддерживал и даже подарил его полное собрание сочинений (репринтное издание брюссельского издательства «Жизнь с Богом»), о чем я и мечтать не мог.

Конечно, опыт подобных встреч с батюшкой, о которых я пытаюсь сказать, не лежал на поверхности, и эта атмосфера с привкусом преображения не возникала сама собой чудесным образом. Был огромный, очевидный труд с его стороны. Были те, кто через страдание и поиск приходили к нему. Ох, какими только путями к нему люди ни приходили... Но те секунды встречи через взгляд, тихое слово или молчаливое любящее присутствие – они были гораздо больше, весомее всей той нужды, всех усилий, исканий и слез, с которыми человек приближался к отцу Виктору. Те, кто хоть раз это пережил, становились друг-другу близки. Думаю, даже сейчас – после ухода батюшки, эта особого рода связь – имеет место для очень многих.

Таким его прежде всего и запомнил: тот, через кого струится Свет. Пожалуй, для меня он стал тем, кто показывает красоту и многообразие мира, о чем я в глубине души что-то знал. Даже так: который деликатно подталкивает и позволяет смотреть на мир по-особому, замечая тот важнейший факт, что Божия реальность, Царство – они уже здесь. Это гораздо больше, чем все прочитанные книжки и услышанные умные разговоры, которые, впрочем, батюшка тоже иногда вел.

Не могу сказать, что наше общение было интенсивным и продолжительным, как и то, что мне было дано войти в его ближний круг, хотя я этого очень хотел. Активная его фаза, когда я чувствовал, что мне можно позвонить ему в любое время, и он будет рад

откликнуться – длилась примерно год. И я звонил ему несколько раз: делился трудными переживаниями, просил совета. За этот год в моей жизни произошла масса чудесных событий. К тому же в это время шла моя подготовка к крещению, которое произошло в мае 2002-го года.

Случались самые курьезные совпадения. Так, когда я летом работал при нашем городском Даугавпилсском университете, туда, ища помощи, заехал один турист из Чехии. Он совершал велосипедное путешествие по Восточной Европе и направлялся к самой восточной границе Евросоюза в Латвии или Эстонии. Я показал ему на карте как удобнее туда ехать, что по дороге стоит посмотреть, а также упомянул, что в Карсаве (город как раз на самой границе с Россией) он при желании сможет на пару дней остановиться в особенном месте. Каково было мое удивление, когда вскоре он пришел ко мне с еще одним велосипедистом и тоже велопутешественником из Чехии, которого прежде не видел. В итоге они вместе провели несколько дней в Карсаве... Это было время, когда наша страна только что открыла границы с Европой и подобного рода туристов было у нас немало, но все же произошедшее не могло не удивлять. И такого рода совпадения либо случайные счастливые встречи происходили тогда с завидной частотой. Я мог запросто встретить друга из Латвии в центре Москвы, – как и я, случайно там оказавшегося. Или вот свою будущую жену – причем в ходе первой же поездки в Карсаву... Интенсивность жизни под покровом бабюшкиного присутствия в то время была таковой, что все это воспринималось, как норма жизни. При этом, я замечал, что так происходит не только со мной, но

и с большинством из тех, кто в эти годы (2000–2004) паломничал в Карсаву.

Поездка в Карсаву – сама по себе становилась некоторым таинством. Мы (несколько человек из Даугавпилса) ездили из Даугавпилса через Резекне, с пересадкой. Многие приезжали из Риги, Резекне, Лиепай. Время от времени появлялись люди из Москвы и Питера, из Израиля, Америки и т.д. Некоторые стали мне очень близки, в нас зарождалась многолетняя дружба. В церковном гостевом доме, между службами, а особенно – перед сном, среди нас начинались те особые разговоры, атмосфера и глубина которых открывала то чудесное и праздничное пространство, о котором сам батюшка говорил, как о «таинстве общения». Мы очень мало спали, но сил и времени – как будто хватало и с избытком. Отлично помню то ощущение, когда возвращаешься из трехдневной поездки к о. Виктору,ходишь к двери своей квартиры, – и отчетливо переживаешь – что ты совсем другой, и возвращаешься в привычную жизнь иным, обновленным.

Что же такое особенное происходило в Карсаве? Многочасовые службы, общие трапезы, встречи и разговоры. Но не это само по себе было главным. Порой в интернете встречаю тексты, где имя батюшки используется в качестве авторитетного аргумента в пользу необходимости длительных уставных служб. Не думаю, что это уместно. Да, сам о. Виктор служил практически полностью по уставу и даже упомянул в одной из своих книг о заповеди, которую получил от своего учителя: «Чти устав». Но это была та форма служения, которую он выбрал для себя и своей общины, и которую он никогда не противопоставлял другим формам, как более

адекватную. Может быть, один раз я слышал от него фразу о том, как хорошо служить утреню утром, поскольку слова молитв можно произносить более осмысленно. С этой же целью – придать службе больше смысла, и ради более полного ее понимания верующими, он прочитывал вслух, так называемые, «тайные» молитвы, а также многие молитвы произносил по-русски. Произносимые его тихим, проникновенным голосом, – они от этого только глубже касались ума и сердца.

Долгие службы, которые могли в воскресный день длиться с 5-6 утра до 2-3 часов дня становились важным фоном, атмосферой, в которой становилась возможным главное: духовная реанимация и работа каждого ради Царства. В этой связи вспоминаю сказанные им слова, которые я поначалу воспринял как грустную шутку (цитирую по памяти, своими словами): «...У продолжительных церковных служб есть одно неоспоримое преимущество, – пока человек так молится, – у него определенно меньше сил и времени для того, чтобы грешить...».

Батюшка внимательно наблюдал и чувствовал, что происходит в сердце каждого стоящего в храме. Это особенно чувствовалось, когда он начинал говорить проповедь. Вначале он некоторое время молчал, а потом аккуратно, наощупь начинал подбирать слова. У меня было ощущение, что он говорит определенным людям. Некоторые его слова, я уверен – были адресованы конкретно мне.

Иногда он мог неожиданно подойти и сказать кому-нибудь что-то лично. Так, пару раз он отводил меня в сторону и аккуратно предостерегал относительно некоторых людей, пытаясь предупредить мое смущение, или, призывая проявить максимальное внимание и де-

ликатность. А один раз он очень меня удивил, когда отвел в сторону и сказал, что в нашем прошлом разговоре (состоявшемся около года назад) он несколько ошибался. Речь шла о В. В. Розанове, которым я тогда увлекался – и к которому батюшка вначале относился скептически, а затем как-то потеплел.

Несколько раз я был свидетелем того, как батюшка вел себя в нестандартных ситуациях. Например, после рождественской вечерней службы была традиция ходить по окрестным домам и дарить подарки, но затерялся ключ от помещения, в котором они находились. Длительные поиски результата не давали и, как это обычно в таких случаях бывает, началась некоторая нервозность. И удивительно было наблюдать за о. Виктором, который с ласковой улыбкой смотрел как судорожно выворачиваются карманы и ощупываются полки. И дело не в том, что он, в отличие от других, не терял самообладание. Скорее – именно в этой ситуации я заметил, что его настоящая жизнь происходит на такой глубине, куда всему внешнему без его согласия доступ закрыт.

Был еще крайне неприятный случай, реакция на который о. Виктора меня поразила. Однажды ночью в храм через окно проникли воры и забрали ящик с церковной кассой. Батюшка ничего не говорил и был крайне сосредоточен, как будто боролся с кем-то невидимым, и лишь когда полицейские ушли, он сказал мимоходом, ни к кому конкретно не обращаясь, но и так, чтобы его слышали: «Они ведь могли просто прийти ко мне и попросить, если сильно нуждались...». Мне показалось из этих слов, что он сильно молился за тех, кто это сделал. Как, наверное, делал всякий раз, когда ему встречался человек, которого поработал и убивал

грех. «Если мы видим человека рядом с собой в беде, мы ведь не будем злорадствовать и осуждать его? Правда?» – повторял он почти через каждую проповедь.

С какого-то момента мое личное общение с о. Виктором стало затихать. Я почувствовал, что батюшка деликатно «выпихивает» меня из-под своего уютного крыла, давая понять, что все, что нужно, у меня уже есть. Теперь моя очередь начинать самостоятельную духовную жизнь. Тогда мне это было сложно осознать и принять. При этом он успел сделать для меня очень важные вещи. Благословил получить богословское образование (в СФИ) и, как выяснилось гораздо позже, дал пару советов, которые сами собой всплыли из памяти, когда нужно было принять жизненно важное решение.

Далее наше общение заключалось в том, что он дарил мне книжки. Позже я узнал, что он раздаривает всю свою замечательную библиотеку, которую я видел у него дома. В какой-то момент появилось отчетливое чувство, что тебя перестали держать сильные руки отца, и дальше предстоит плыть самому.

И будет с моей стороны неправдой, если скажу, что присутствие о. Виктора в моей жизни завершилось с его уходом в 2016-м году. «Я помню каждого из вас постоянно, поверь и передай другим», – сказал мне батюшка в одном из моих сновидений, и я верю. А также знаю и чувствую, что те искры света, которые мы (те, кто имел радость знать и узнать о. Виктора) храним и возделываем по мере сил, – они, так или иначе, освещают и помогают на пути ко Христу и со Христом в Его Царство.

Даугавпилс, Латвия

14 апреля 2021 г.

Айвар Пецка

Родился в 1964 г. в Резекненском крае. Биография достаточно стандартная для советского периода: школа – завод – армия – завод. В 1994 г. окончил Ленинградский институт Культуры, кафедра режиссуры драмы. С 1991 года и по сей день – актер и режиссер резекненского театра «Йорик».

В Церкви с 1997 года. Организовываю байдарочные и велосипедные походы для подростков и молодежи. Участвую в проведение летних лагерей для детей.

НЕУТОМИМОСТЬ ЛЮБВИ – ОТЕЦ ВИКТОР (МАМОНТОВ)

Свои воспоминания об архимандрите Викторе (Мамонтове) я начну с впечатления от первого посещения Карсавы в августе 1997 года. Это были годы, когда я пришел к вере, и мой путь в Церковь начинался в карсавском храме во имя прп. Евфросинии Полоцкой.

К тому времени о батюшке я уже много слышал и даже мельком видел (на одной из встреч в Резекне). Это мимолетное общение окончательно укрепило мое решение поехать в Карсаву, что и случилось в канун праздника Преображения Господня. К тому же и повод был: заканчивала оглашение одна из групп резекненцев и они собирались ехать туда на «светлую седмицу» (неделя заключительного этапа оглашения), и пригласили меня с собой. Что я ждал от этой встречи, от этой поездки? Прежде всего, разрешения внутренних вопросов и получения хоть какого-нибудь внятного

ответа: как жить дальше, как строить свою жизнь? Конечно, не самые простые вопросы. Ни постоянного места жительства, ни определенного рода деятельности, неразбериха в личных отношениях, метания из одной «духовной практики» в другую, чувство вины. Постоянные метания, но все не туда и не то. Нужно было что-то делать, менять. А что, как? Психологи назвали бы это состояние – «кризис среднего возраста», но легче от этого не было.

И вот, Карсава, архимандрит Виктор и люди, очень много незнакомых людей, которых скоро я назову «братья и сёстры». Все это вместе создавало необыкновенную атмосферу дружелюбия, внимания и открытости. Это не просто удивляло – поражало!

Как я понял спустя время, это был один из многочисленных даров батюшки: объединять в Церкви людей самых разных, не взирая на все различия. И не вокруг себя, а именно в Церкви, создавая общность, в которой каждый находил свое место, оставаясь при этом «уникальной личностью».

Первые дни в Карсаве не покидало чувство робости, постоянного удивления и, в глубине, надежды. Ну, а те, кто впервые исповедовался («за всю жизнь») уже в зрелые годы, знают, что переживает в эти минуты человек. Можно сравнить с прыжком в неизвестное – страх и надежда. И вот еще одно удивительное свойство батюшки – превращать страх в радость, надежду – в реальность. Тебя слышат, понимают, не осуждают и... принимают!!! Здесь и сейчас!!!

В своих проповедях о. Виктор много говорил о Царствии Небесном, о Царстве «не от мира сего». Спустя годы, можно сказать, что тогда, во многом благодаря

батюшке, мне посчастливилось увидеть «неотмирность» жизни карсавского прихода. Процесс, который живет и развивается по другим законам и у которого иные цели и задачи. Помню, что остро захотелось быть участником этого процесса, частью того единства, которое являла собой карсавская община.

А когда уезжал из Карсавы, батюшка сказал простые, но важные для меня слова: «Теперь это твой дом, приезжай, когда захочешь». Еще у о. Виктора была удивительная способность делиться всем, что у него было: время, знания, чувства, вера, а также и материальным: скажем, подарят батюшке какую-нибудь вещь или книгу, и тут же она может оказаться у тебя или еще у кого. Или что-то вкусное, именно для него, но это «вкусное» сейчас же поступает на стол за общей трапезой.

К отцу Виктору всегда приезжало много народа, самого разного, он знакомил нас, соединял друг с другом, щедро делился общением с этими людьми. Я очень ценю это качество батюшки. Такое общение образовывало нас, расширяло границы познания Бога, мира, себя, создавало связи между людьми, которые уже не разрывались. Вот только несколько имен: библиисты Илья Гриц и Андрей Десницкий, иконописец архим. Зинон, поэт Ольга Седакова, историк Ольга Васильева и многие, многие другие.

Было еще одно знакомство, которым поделился с нами батюшка, знакомство для нас заочное. Всякий раз, находясь в отпуске, о. Виктор куда-то уезжал, и когда возвращался, обязательно делился увиденным, услышанным, и мы всегда с нетерпением ждали этого момента. В тот раз, это был 1998 год, батюшка был в Лондоне

и встречался с митрополитом Антонием Сурожским. Мы, конечно, читали книги, слушали записи Владыки, и для нас это был живой голос Церкви. И вот о. Виктор рассказывает об этой встрече и создается впечатление, что мы все – безмолвные участники этой беседы. А потом батюшка сказал, что от Владыки для всех нас есть подарок. Принесли кассетный магнитофон, о. Виктор достал кассету с записью обращения митрополита Антония к прихожанам карсавского прихода, ко всем нам!

Перед включением магнитофона отец Виктор сказал: «Боясь утрудить владыку, я все же дерзнул попросить его сказать несколько слов нашей общине. Владыка с радостью согласился, включил диктофон и начал говорить».

– Во-первых, я хочу сказать, что для меня была большая-большая радость встретить вашего настоятеля, который мне столько рассказал о внутренней жизни вашего прихода, вашей общины и о том, что эта община, словно семя, которое Христос бросает на ветер с тем, чтобы оно упало там, где только может произрасти и принесло бы плод. И мне кажется, что это очень важно – создавать такие общины, которые представляют собой единство, и члены которых могут расходиться затем по всему миру, не теряя сознания, что они едины друг со другом. Это – первое, что меня поразило в рассказе отца Виктора.

Кроме того, я хочу вас поблагодарить за то, что вы читаете мои книги и умеете их воспринимать. Всякому ясно, что я – не богослов. Я никогда в богословской школе не учился. Но за долгую жизнь у меня набралось очень много переживаний, мыслей, размышлений. Я помню, мой отец мне говорил: «Ты всегда думай боль-

ше, чем будешь читать. Потому что память твоя всегда будет работать лучше твоего ума». А затем, когда я немного взрослее стал и стал верующим, он мне сказал: «Читай каждый день маленький отрывок из Евангелия и в течение всей недели только о нем и размышляй. Когда исчерпаются все твои чувства, все твои мысли, тогда встань перед Богом и молчи». И вот мне кажется, что это очень важно – чтобы мы не умом воспринимали Евангелие, слово Божие, а всем нутром, всем сердцем, и тогда оно принесет плод в свое время. Многое мы можем не принимать, а воспримем, когда созреем к этому.

Что вам пожелать? Пожелаю вам радости о Боге, о том, чтобы вы научились молиться, как святые молились. Но святой – это не какой-нибудь незаурядный человек. Это человек, который в простоте своего сердца может встать перед Богом. Мне вспоминается один образ молитвы, который у меня давным-давно в сердце. Это рассказ о том, как один священник приходил к себе в храм и заставлял всегда старика, который сидел и смотрел прямо перед собой. Он к нему однажды обратился и спросил: «Дедушка, что же ты тут сидишь? Губами ты не шевелишь, значит, устно не молишься. Пальцы твои не бегут по четкам, видно, у тебя их нет. Что же ты делаешь часами?» И тот ответил: «Я на Него смотрю, Он смотрит на меня, и нам так счастливо вместе!» И вот этого я вам всем желаю.

Во время богослужений, чтобы вы всем нутром своим молчаливо стояли перед Богом и воспринимали все то, что Церковь скажет: и напевы, и слова, и периоды молчания, и научились бы перед Бо-

гом безмолвствовать. Не то, чтобы оставаться без слов, а так углубляться, чтобы не до слов было. Так бывает, например, когда мы общаемся с человеком, который нам очень дорог. Вначале поговоришь, а затем уже приходит момент, когда уже не до разговора, не до слов. А так хорошо просто вместе посидеть! Дай вам Бог так научиться с Богом пребывать.

И это возможно не только в храме, и не только наедине у себя дома, но даже в толпе, потому что, если вы посмотрите вокруг себя и скажете себе: «Это все люди, которых Бог сотворил, которых Он так возлюбил, что Свою жизнь отдал за них. Какое счастье быть среди этих людей! Господи, благовослови этих людей, будь с ними – веруют ли они в Тебя или не веруют, это все равно. Бог в них верует». И молитесь – не только за них, а вместе с ними, чтобы ваша молитва была бы выражением их устремленности вглубь, ввысь – на те глубины и высоты, о которых они сами не знают.

Ну вот, дай вам Господь радость о Боге, радость о вашем настоятеле. Поддерживайте его, чем только вы можете. Знаете, раньше говорили: «Каков поп, таков и приход». Это остается реальным и теперь. Но еще надо вспомнить, что если приход не поддерживает всей своей молитвой, всей своей внутренней жизнью своего священника, то этот священник делается как лодочка, которую не несет уже море, а которая села на песок. Вы – море, на котором плывет челнок. Этот челнок – ваш священник, но вместе с этим он и руководит вами, потому что его просвещает Божья благодать. Да благословит вас Господь, да будет над вами Покров Пресвятой Девы Божией Матери и защита ваших святых.

Нередко после воскресной литургии устраивались концерты, прямо в храме. Однажды батюшка попросил принести в храм один музыкальный инструмент и сказал, что для этого понадобится несколько человек. Пианино что ли? – подумали мы. Это оказалась арфа, настоящая, концертная. А скромная незнакомая женщина – хозяйкой инструмента. Трудно себе представить огромную арфу в маленьком сельском храме, это было потрясающе! Или в другой раз – услышать «Ave Maria» в исполнении оперной певицы. А еще был целый детский хор из Санкт-Петербурга с концертной программой в двух отделениях.

Самые яркие воспоминания, которые остались в моей душе о праздновании Воскресения Христова, связаны с архимандритом Виктором (Мамонтовым) и храмом прп. Евфросинии Полоцкой, где служил батюшка.

Конечно, путь к Пасхе начинался с Великого поста, с переживания великопостных богослужений, которые очищают и подготавливают человека к Светлому Воскресению Христову! Особое время – Страстная седмица, когда весь строй служб и уклад приходской жизни в Карсаве настраивал душу и сознание на восприятие Пасхи. В карсавский храм на пасхальный праздник всегда съезжалось множество людей из разных стран. Совместное проживание, утренние молитвы в храме, общая трапеза, общие послушания (уборка храма, территории и другие хозяйственные дела), вечерние богослужения – все это позволяло полностью погрузиться в удивительно светлую атмосферу ожидания праздника, в которой исчезало и забывалось мирское и обыденное. И это ожидание выливалось в день Пасхи во всеобщее ликование – впечатления от полноты пасхальной радости были потрясающие.

До 150 человек собиралось в этом небольшом деревянном храме, приезжали люди, настроенные на одну волну, пребывающие в одном духе, не было ни одного человека, кто бы пришел, например, освятить только куличи, не было случайных людей. И сам храм был наполнен необыкновенной особенной атмосферой: полумрак, мерцание свечей, батюшка принимает исповедь... К нему всегда выстраивалась длинная очередь, никто никуда не торопился, и батюшка никого не торопил, потому что некоторые люди в Карсаву приезжали только на Пасху, значит, и исповедоваться они будут долго, но никто не ропщет. Отсутствовало ощущение суеты, спешки – лишь бы все быстрее закончилось – и домой. Все были настроены на долгую ночь, терпеливо ожидая, когда в этой длинной очереди подойдет твой черед на исповедь. В это время прихожане, сменяя друг друга, по несколько раз успевали прочитать *Деяния святых апостолов*. Одновременно готовилась щедрая трапеза на огромное количество людей, и в ее приготовлении участвовали все братья и сестры. Если Пасха была поздняя, и погода позволяла, трапеза после богослужения накрывалась прямо во дворе, в ограде храма. Все пребывали в предпраздничном настроении, даже суета казалась иной, наполненной каким-то особым смыслом и радостью. Наверное, когда готовят свадебный пир, все испытывают такие же чувства, вот и у всех нас, в ожидании Пасхи, которая, по словам Иоанна Златоуста, есть пир веры, присутствовало ощущение огромной радости.

После пасхальной утрени под колокольный трезвон, с пением пасхального канона Иоанна Дамаскина вокруг храма совершался крестный ход. Храм небольшой, и пока последние из него выходят, первые уже давно

вокруг храма обошли и ждут, когда из храма все выйдут. Освещения на территории храма тогда еще не было, тускло поблескивал только один старый фонарь, мерцание свечей в руках верующих, звездное небо – и чувство, что не только люди, но и сама природа празднует Пасху. Под пение тропаря «Христос воскрес из мертвых...» двери открывались, народ входил в храм и начиналось пение пасхального канона. Клирос его пел радостно и стремительно, а всем желающим подпевать раздавались книжки и распечатки канона. Общее пение тоже всех объединяет. Когда я впервые окунулся в эту атмосферу, конечно, для меня это было новое и ни с чем несравнимое ощущение радости Праздника, радости от совместного участия в богослужении, которому невозможно было найти аналогов.

Запомнилось, как читали отрывки из Евангелия от Иоанна (Ин 1:1) *«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* на всевозможных языках. Всегда читали на латышском, греческом, английском и на иврите, кто приезжал из Италии – читал на итальянском, прихожанка Алла Ивановна читала на французском, иногда звучали самые дикие языки. И это тоже свидетельствовало, что Слово Божие проповедано везде. И когда звучит многоязычие, вся служба воспринимается по-особому, обретает вселенское звучание.

Конечно, на пути к Богу и в Евхаристической жизни всегда важна личность священника. Для меня таким человеком стал отец Виктор. Его негромкий голос, его слова, проповеди, неспешное богослужение и его открытость людям, обращенность ко всем нам... Я никогда не чувствовал, что нас, как мирян, и отца Виктора, как клирика, что-то разделяет, что он как бы над нами. Батюшка

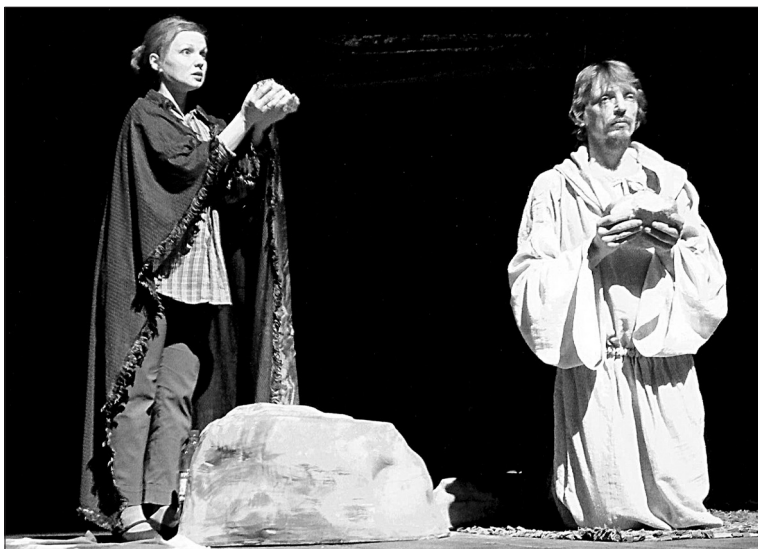
всегда нам говорил, что мы все вместе, одно целое, и только вместе можно идти к Богу. Он умел объединить не только всех собравшихся, но и осуществить полную целостность жизни в церкви – общее служение, общая молитва, общее приобщение святых Христовых Тайн.

И когда пелся пасхальный тропарь, казалось, что слова долетали до неба. Как гимн его восклицали! Завершалась пасхальная служба таинством причастия. Конечно, накапливалась к утру и усталость, но все знали, что потом ждет трапеза. И батюшка всегда говорил, что трапеза не для того, чтобы только поесть и утолить голод, а, чтобы *разделить трапезу*. Она не ограничивалась едой, за трапезой обязательно было общение и с батюшкой, и друг с другом. А еще все пели за столом псалмы, песни.

Существует поверье, что на православную Пасху играет солнце, я это слышал много раз, но никогда такого чуда не видел. И вот однажды, после пасхальной заутрени мне впервые довелось увидеть, как играет солнце. Забыть это невозможно. Непонятное и необъяснимое явление. Смотришь на восходящее солнце, а оно пульсирует, словно танцует, и расходятся от него радужные круги и лучи, а в душе в тот момент словно тоже играет солнце – солнце пасхальной радости.

Неоднократно о. Виктор организовывал и принимал участие в творческих вечерах. В резекненском театре «Йорик» проходили вечера памяти Анастасии Цветаевой, Анны Герман, Максимилиана Волошина. В своих воспоминаниях батюшка неизменно говорил о личной встрече того человека с Богом, о проявлении Божией благодати и участии Бога в жизни человека.

Был батюшка так же вдохновителем спектакля режиссера Людмилы Мезенцевой «Сон о святом Франциске»,

*Сцены из спектакля «Сон о святом Франциске».
Театр-студия «Йорик», г. Резекне, 2006 г.
Актеры – Айвар Пецка и Татьяна Сухинина-Пецка*

поставленного в театре «Йорик». За месяц работы Людмила написала пьесу и поставила этот спектакль. Это была история о том, как св. Франциск принимает участие в жизни современного человека, помогает и направляет его, о неразрывной связи между святым, жившим несколько столетий назад и сегодняшним днем. Благодаря Людмиле Мезенцевой этот спектакль увидели не только в Резекне, но и в Риге, в Санкт-Петербурге и в Москве.

Из письма автора пьесы и режиссера Людмилы Мезенцевой отцу Виктору (Мамонтову): «С благодарностью за все милости ваши и милости Божьи, по вашим молитвам ниспосланные, извещаю, что исполнила все от меня зависящее. Родила пьесу и спектакль «Сон о святом Франциске» за месяц. Это чудо, вымоленное вами! На попечение Божье и ваше оставляю сего младенца. Да дарует ему Господь благословенную судьбу!».

Отец Виктор умело поддерживал в нас малейшую творческую искру и искренне радовался, когда это давало плоды. И чем больше людей он вовлекал в творческий процесс, тем большую радость это доставляло ему и нам. Он говорил, что творчество – это то общее, что есть у Бога и человека.

Скоро уже пять лет, как нет с нами о. Виктора, но то, что он дал нам всем, мне – невозможно оценить мерками «мира сего». Конечно, батюшки очень не хватает: хочется обратиться за советом, попросить молитв, услышать проповедь, увидеть глаза, полные любви и мудрости. Но он оставил и показал самое главное – путь к Богу со Христом.

*Резекне, Латвия
Апрель 2021 г.*

**К 60-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ
СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИКА
ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО),
АРХИЕПИСКОПА
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО
(27.04.1877–11.06.1961)**

Икона священноисповедника
архиепископа Луки Крымского
(2020 г.)

Сергей Чеботарёв

Кандидат исторических наук; заместитель ректора Тамбовского государственного университета; автор монографии «Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века».

ПРЕЕМНИК АПОСТОЛОВ

Легендарный архиерей

Имя архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) известно далеко за пределами России и тех стран, которые некогда входили в состав Советского Союза. Его слава вышла за рамки государств и конфессий. И самое удивительное: чем больше проходит времени со дня его кончины, тем большее количество людей открывают для себя эту личность. О нем пишутся книги и снимаются фильмы. Изучается и издается его духовное и научное наследие. У раки с его мощами (подаренной, кстати, православными греками) совершаются чудеса.

И это притом, что после его смерти властями была предпринята попытка (и весьма успешная, надо сказать) предать полному забвению его имя. К восьмидесятым годам двадцатого века сама история о православном архиепископе, профессоре-хирурге казалась одной из благочестивых фантазий и легенд, так популярных в среде верующих послевоенного времени. Вера – удел невежественных и убогих. Эту мысль советской пропаганде удалось твердо и основательно вбить в сознание людей.

Публикация в 1990-м году в журнале «Октябрь» замечательной книги Марка Поповского¹ о владыке Луке была грандиозным событием. История православного архиерея и лауреата Сталинской премии потрясла страну, в которой только-только заговорили о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми, о вере, духовности, о Церкви. Открытие в 1991 году в Тамбове, на доме по улице Комсомольской, в присутствии городских властей и епархиального архиерея, скромной мемориальной доски в память о святителе собрало большое количество тамбовцев – и верующих, и атеистов.

Текст ее был взят с надгробия владыки на Симферопольском кладбище (1961 г.). Он составлен им лично: «Профессор, доктор медицинских наук, лауреат». Всем было понятно, зачем православный монах на надгробном камне вдруг написал свои мирские регалии. Всю свою жизнь, несмотря на жесткие запреты со стороны советского государ-

*Во время открытия
мемориальной доски
святителя Луки
(Войно-Ясенецкого)*

¹ Поповский Марк. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. Предисловие прот. Александра Меня. (Прим. ред.)

ства, а порой и церковных властей, владыка противостоял материализму и атеизму, доказывая своими проповедями и жизнью, что подлинная наука и вера совместимы и дополняют друг друга. Эта эпитафия в самый разгар хрущевских гонений была последним аргументом уходящего в вечность архипастыря. Пусть прочтут и задумаются.

Вскоре в Тамбове появился первый в мире памятник святителю, созданный руками не профессионального скульптора, а доктора Гамзата Юсупова, мусульманина. Вторая городская больница стала больницей имени архиепископа Луки (именно так, не профессора Войно-Ясенецкого). Настоял на этом ее главврач, иудей Яков Фарбер. Главным двигателем и душой всей этой работы был православный епископ Евгений Ждан. После канонизации владыки Луки в 2000 г. появятся и памятники, и храмы в честь святителя, но Тамбов был первым.

При этом, в издаваемых многочисленных исследованиях и житийных повествованиях тамбовский период часто совершенно опускался, как совсем краткий: всего

*Патриарх Алексий II
у памятника свт. Луки, 1998 г.*

два года с небольшим. Надо признать, что он и сегодня остается не совсем понятным и осмысленным – и в церковном, и в светском сознании. Между тем, этот период – один из самых важных и значимых в жизни архиепископа Луки. Он буквально насыщен событиями, поскольку полностью вместил в себя краткий период «полной симфонии» атеистического сталинского государства и Православной Церкви. В Тамбове, после многолетних ссылок и тюрем, владыка впервые в жизни, по его словам, в полной мере ощутил себя архиереем, и весь уклад его жизни изменился и перестроился в соответствии с этим². В этом небольшом городе он пережил воодушевление, связанное с возрождением церковной жизни, и горькое разочарование из-за ее ограничений со стороны государственных органов. Дважды в маленьком домике на Комсомольской улице, 9 он оказывался на короткое время прикованным к постели: в дни известия о присуждении ему Сталинской премии первой степени и накануне Поместного собора Русской Православной Церкви 1945 года, на котором он был полон решимости отстаивать подходы и дух Собора 1918 года, свободу и достоинство Русской Церкви, и на который ему «из-за тяжелой болезни» не суждено было попасть. Именно в Тамбов к нему приезжает советский обер-прокурор Карпов, на встречу к которому он накануне демонстративно отказался идти, считая, что Карпов должен идти на встречу к архиереям, а не наоборот. Именно в Тамбове советской властью, самыми высшими ее представителями,

² *Поповский Марк.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – М.: Независимое издательство «Пик», 2001. С. 380.

был окончательно поставлен для него выбор между медициной и Церковью, и он, не колеблясь, выбрал Церковь. Если ему не разрешают прийти в ученое собрание в архиерейских одеждах, он принимает свое отлучение от ученого сообщества. Но обо всем по порядку.

Вера должна засиять новым пламенем

Владыка Лука приехал в Тамбов 19 февраля 1944 года. Накануне масленицы. В храме не было архиерейского облачения, и первую свою службу владыка совершил лишь через неделю, в Прощеное воскресенье накануне Великого поста³. Неделя была потрачена на поиски облачения, устройство бытовых вопросов. Ему предложили жилье при госпитале, но он отказался и снял квартиру на улице Комсомольской, 9, рядом с храмом.

Эти две маленькие комнаты (ныне Историко-мемориальный музей святителя Луки) на два с половиной года станут и епархиальным управлением, и приемной доктора, и кельей монаха. Те, кто посещал владыку, вспоминают, что жилье его было похоже на комнату студента: книги, картины, маленькая коечка, стол у окна. Чтобы пройти на свою половину дома, он должен был миновать скромное жилище хозяйки Марии Степановны Зайцевой⁴. Бытовые неудобства, скромность и скудость жилища не смущали его. За годы тюрем и ссылок он привык довольствоваться малым. За все время своего управления епархией он так и не озаботился устройством своего быта. Святитель полностью был

³ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 53, л. 1 об.

⁴ Примите мою любовь. – Тамбов, 2019. С. 6.

*Внешний вид дома,
где в 1944–1946 жил владыка Лука*

*Выступление Сергея Чеботарёва, в то время мэра
г. Тамбова, на открытии музея свт. Луки, 2018 г.*

Внутренний вид дома свт. Луки

захвачен событиями, которые происходят в жизни Православной Церкви. Бог положил предел Своему гневу и прекратились гонения за веру, наступило ответственное время возрождения Русской Церкви. В этих невероятных событиях Лука видит исполнение обещаний Христовых о непобедимости Его Церкви. Старый тамбовский рабочий, живший по соседству, увидев, как к Покровскому храму со всех сторон тянутся ручейки народа, со слезами воскликнул: «Опять вера вернулась! И никто их не заставляет, смотрите, все сами идут»⁵. После долгих лет оголтелой и разнузданной антирелигиозной пропаганды, репрессий, наконец, объявления безбожной пятилетки, которая должна полностью и навечно похоронить религию в СССР, это казалось настоящим чудом. Преосвященный служит свою первую литургию в Покровском соборе.

Покровская церковь, 1940-е гг.

⁵ Примите мою любовь. – Тамбов, 2019. С. 20.

О внешнем виде храма в эти годы осталось свидетельство лейтенанта Павлова, будущего старца Троице-Сергиевой Лавры Кирилла. Он посетил храм в самом конце 1943 года, когда вместе с товарищами после боев под Сталинградом находился на отдыхе в тамбовских лесах. По его словам, храм был весь обшарпан и исписан, вместо иконостаса – завеса из грубой материи⁶. Но святителя это не смущает. Он воодушевлен. «Поднимайте свои храмы из пепла и мусора, очищайте от грязи, скорее несите сюда все, что у вас есть. Несите полотна, шейте священникам ризы... давайте сюда живописцев. Храмы должны вновь восстановиться и вера засиять новым пламенем». Преемник «святителей на кафедре тамбовской просиявших» пишет послание к пастве, призывая возблагодарить Бога, положившего конец голоду слышания Слова Божьего, взяться за восстановление Церкви Тамбовской и жизни ее⁷. Планирует открытие в Тамбове уцелевшего Кафедрального собора, занятого под краеведческий музей, других храмов епархии, отнятых и переоборудованных в предвоенные годы. Выслушав вместе с уполномоченным ходатая об открытии церкви в селе Ламки, где храм был закрыт и переоборудован под клуб, безапелляционно заявил: «клуб нужно закрыть, а здание отдать под церковь. Церковь важнее клуба»⁸.

Недовольный медлительностью в открытии храмов, Лука стал выдавать справки вернувшимся из лагерей священникам, сохранившим верность патриаршей Церк-

⁶ Кирилл (Павлов), архимандрит. Ближе к Богу. – М.: Российский писатель, 2004. С. 126.

⁷ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 16.

⁸ Там же, д. 2, л. 7.

ви, о том, что они находятся в каноническом общении с правящим архиереем и, следовательно, могут совершать богослужения и требы по просьбам верующих в сохранившихся храмах и на дому⁹. Для обсуждения ситуации в епархии решает созвать в марте съезд всего уцелевшего православного духовенства области¹⁰.

*Архиепископ Лука (в центре) и священнослужители
Покровского собора г. Тамбова. 1946 г.
Архив прот. В. Лисюнина*

Все его действия и инициативы отклоняются и пресекаются тамбовским уполномоченным, майором госбезопасности Медведевым. Получив от своей агентуры текст первой проповеди тамбовского архиепископа, он направляет ее в соответствующие инстанции, как «содержащую нездоровые высказывания». Медведев, по согла-

⁹ Там же, л. 23.

¹⁰ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 20.

сованию с Советом по делам РПЦ, запрещает съезд духовенства, разъясняет Луке, что храмы может открывать только правительство СССР по решению облисполкома, что это длительная и сложная процедура. Духовенство может служить только в официально открытых храмах и с разрешения уполномоченного, и выдача им справок – это грубое нарушение советских законов. Через местные власти Медведев останавливает службы в уцелевших храмах и на домах верующих¹¹. (Райисполкомы, правда, тогда смогли вычислить далеко не всех, кому Лука выдал справки, и многие служили по ним вплоть до пятидесятых годов.)¹²

Архиепископ высказал возмущение, и на замечание Медведева, что если он не согласен, то может сам обратиться в Совет по делам РПЦ в Москве, заявил, что обратится к Патриарху о переводе из Тамбова, как уже делал это в Красноярске, где не было для него храма¹³. Святитель расценивает отказ, как «перегибы на местах» людей мелких и неспособных понять новую государственную политику в области религии. Особенно возмутило его нежелание открыть в Тамбове Кафедральный собор, поскольку Покровский храм не вмещал и малой части тех, кто приходил помолиться. (На Пасху вокруг храма стояло пять тысяч человек, тогда как собор мог вместить всего 200–300 человек.)¹⁴ Владыка, как и советовал ему Медведев, обращается в Москву, к Карпову. Письмо содержало фактически шантаж: свя-

¹¹ Там же, л. 18.

¹² ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 2, л. 10; оп. 2, д. 5, л. 57; оп. 1, д. 100, л. 107.

¹³ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 53, л. 11.

¹⁴ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 2, л. 10.

титель заявлял, что если не откроют большой храм в Тамбове, то он переберется в Мичуринск и прекратит работу в тамбовских госпиталях¹⁵. Он часто будет использовать и в дальнейшем свою «большую научную значимость» для решения церковных вопросов. Но Карпов на шантаж не поддался и поддержал все решения тамбовского уполномоченного¹⁶. После полного разочарования в государственных органах, занимающихся церковными делами, преосвященный решает поставить вопрос перед священноначалием Церкви. Опираясь на свой четырехмесячный опыт управления епархией, он систематизирует все современные проблемы в жизни и деятельности Церкви и разрабатывает целую программу возрождения церковной жизни в СССР. Владыка не удовлетворен тем, как идет ее возрождение, тотальной опекой со стороны государственных органов, ограничивающей инициативы верующих, волокитой и полным произволом на местах. Он уверен, что ситуацию можно поправить только на государственном уровне и в общецерковном масштабе, обратившись к правительству (читай: Сталину), которое, был убежден святитель, «в настоящий момент Церкви, конечно, не откажет»¹⁷.

О значении, которое придавал этой программе владыка, говорит тот факт, что он не стал отправлять обращение письмом, а, несмотря на трудности передви-

¹⁵ *Лисюнин Виктор, протоиерей. Возрождение Тамбовской епархии в годы служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого) – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 421.*

¹⁶ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 53, л. 8.

¹⁷ ГАРФ, ф.р. 6991-с, оп. 7, д. 72, л. 71.

жения в военные годы, направил с ним в Синод секретаря епархии Иоанна Леоферова¹⁸. Этот документ свидетельствует не только об оценке владыкой текущей ситуации и его видении перспектив церковной жизни в стране, но и во многом характеризует его взгляды на истоки случившейся в России трагедии, а также показывает личные качества святителя. Документ практически не анализировался, поэтому будет правильным рассмотреть его подробно.

Программа возрождения русской Церкви. Все возможно верующим

Владыка – врач, и прежде чем поставить диагноз и выбрать методы лечения, прописать лекарства, он тщательно исследует организм: анализирует состояние религиозности в стране в целом и в отдельных слоях современного ему общества. По мнению владыки, несмотря на оголтелую антирелигиозную пропаганду 20–30-х годов, «простой крестьянский народ... в массе своей остается тем же почти в религиозном отношении, как и до революции»¹⁹ и страдает от невозможности полноценного участия в богослужении, а главное в Таинствах Церкви.

Полный запрет в СССР на обучение молодежи религии привел к тому, что выросло целое поколение, совсем ничего не знающее о Боге, Церкви, православных традициях России. Их нельзя назвать атеистами, они просто лишены самых простых, самых элементарных представлений о духовном. Религиозное состояние

¹⁸ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 2, л. 16.

¹⁹ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 67.

современной молодежи Лука называет плачевным, языческим, считает, что ей «надо проповедовать Евангелие, как пермякам, мордве и черемисам»²⁰.

Оплотом воинствующего безбожия в стране владыка считает советскую интеллигенцию, унаследовавшую безбожие от русской интеллигенции, народников и разночинцев. Он называет это явление неглубоким и невыстраданным – «это примитивный и вульгарный материализм полуобразованных и примитивных людей»²¹. Всегда высокомерно презиравшая толпу, интеллигенция сама подпала под ее законы, и они стали действовать на нее гораздо сильнее, чем на общество людей простых и неученых, «среди которых немало людей ясного ума и глубоких духовных запросов»²². Святитель убежден, что большие и глубокие знания, самостоятельная работа на научном поприще ведут к Богу, к благоговению перед творением, Им созданным. «Изучение физики и химии, анатомии и физиологии у людей поверхностного мышления служит поводом к укоренению в механистическом и материалистическом воззрении, а у людей более глубокого духа рождает преклонение перед Премудростью Создателя, тогда как интеллигентная толпа любое сомнительное и мало-значительное открытие принимает за последнее слово науки и непреложную истину, подхватывает вброшенные легкомысленные выводы антирелигиозной пропаганды материалистов. Эти умственно и духовно ограниченные безбожники чаще всего даже не знакомы с Евангелием и по исключительной глупости отвергают

²⁰ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп.7, д.72, л. 69.

²¹ Там же. Л. 71.

²² Там же.

и издеваются над верой»²³. По его мнению, им не хватает глубинных знаний. Они никакие не атеисты, они безбожники по невежеству, сделавшие науку, а точнее, то, что они считают наукой, религией. Именно они, по мнению святителя, продвигают нелепый тезис пропаганды о несовместимости науки и религии.

Популярность безбожия в СССР Лука объясняет ростом антиклерикализма, совершенно закономерно выросшего в обществе в результате «великой революции». «Борьба с ненавистным самодержавием автоматически перекинулась на Церковь, которая была, по сути, частью государственного аппарата, была опорой и пособницей старого режима. Но нельзя отождествлять черносотенное духовенство с Господом Иисусом Христом, а “Русское знамя” и “Колокол” с Евангелием... Уже многие из среды интеллигенции стали понимать, что вместе с водой выплеснули и младенца»²⁴. Святитель убежден, что это эмоциональное и временное явление, своего рода недоразумение, которое вполне можно и нужно исправить.

Таким образом, его оценка перспектив Церкви довольно оптимистична. Атеистическая пропаганда в СССР, несмотря на всю свою оголтелость, серьезных результатов не добилась. Атеизм в СССР, как и в других странах мира, остается явлением редким, святитель считает его своего рода аномалией, ущербностью в восприятии мира у крайне малочисленной группы людей, «болезнью, подобной дальтонизму»²⁵. Он убежден, что церковным людям необходимо активизироваться и

²³ Там же.

²⁴ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 70.

²⁵ Там же. Л. 71.

не оставлять без ответа лживые и примитивные аргументы «борцов с религией», все-таки действующие на наивные и неокрепшие души простых людей. Все эти ограниченные и примитивные, как сам атеизм, пропагандисты сильны и убедительны только в отсутствии серьезных оппонентов. Он приходит к выводу о необходимости работы по «широкому просвещению народа» через проповедь. Основные усилия должны быть направлены на «невежественную молодежь» и еще более невежественное племя советской интеллигенции, безосновательно считающей себя солью земли и обладателями истины.

Он вполне отдавал себе отчет в том, что для ослабленной гонениями Церкви эта задача не из простых и потребует колоссальных усилий и напряжения, привлечения к этой работе всех, для кого дороги христианские идеалы— вне зависимости от конфессий. Он определил первоочередные задачи, которые должны быть реализованы в максимально сжатые сроки:

1. Прежде всего, необходимо восстановить полноценное профессиональное духовное образование. В столице — высший богословский институт, а в епархиях средние богословские школы для подготовки кадров приходского духовенства. Это в перспективе. А пока владыка предлагал организовать индивидуальные занятия опытных протоиереев с кандидатами в священство, «добрых людей из недр православного народа». Выпускники возрождаемых духовных школ появятся нескоро и поэтому надо «обучать простецов богослужебной практике, дать необходимый минимум богословских и практических знаний»²⁶. Они должны за-

²⁶ ГАРФ, ф. р.6991 — с, оп. 7, д. 72, л. 69.

нять священнические места в новооткрывающихся храмах.

2. Для мирян, в течение нескольких десятилетий лишенных религиозного воспитания, создать при храмах воскресные школы для обучения основам веры. Надо организовать на достойном уровне преподавание трех дисциплин: догматического и апологетического богословия и Священной истории. Поскольку несовершеннолетние не могут, согласно советскому законодательству, посещать такие школы, религиозное воспитание детей проводить через родителей и участие их в богослужении. Содержание служб и хорошие проповеди помогут в решении этого важнейшего вопроса²⁷.

3. Для того, чтобы преподавание в духовных школах велось на должном уровне и отвечало вызовам времени, необходимо срочно заняться вопросом содержания преподаваемых дисциплин и, прежде всего, – современной христианской апологетики. По понятным причинам, церковная наука в России не развивалась в течение последней четверти века. Старые профессора и закончившие академии протоиереи в большинстве своем не готовы говорить с сегодняшним обществом и отвечать на актуальные вопросы с позиций христианского учения, не говоря уж о священниках-простецах. Святитель уверен, что года через три у Церкви появится возможность свободно издавать книги, ей предоставят большую возможность для проповеди и надо уже сейчас готовиться к этому ответственному времени²⁸. Страшно будет, если нечего будет сказать ей современному

²⁷ Там же.

²⁸ ГАРФ, ф. р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 72.

обществу. Книги конца девятнадцатого – начала двадцатого века писались совсем для других людей и вряд ли будут восприняты сегодняшним поколением. Владыка предлагал немедленно создать под руководством компетентного православного архиерея (в этой роли, судя по всему, он видел себя) группу из ученых – христиан разных конфессий – всех специальностей и направлений, которая должна изучить всю антирелигиозную литературу последних лет и подвергнуть ее тщательной и аргументированной критике. За три года это вполне можно сделать, считал святитель, и в результате появится серьезное современное пособие, которое поможет противостоять пропаганде безбожия. Оно будет незаменимо не только в духовных школах, но и для подготовки проповедей как сельского, так и городского духовенства²⁹. Кроме того, необходимо поставить вопрос перед правительством о приобретении для богословского института современной западной литературы на темы сверхъестественного. Он уверен, что правительство пойдет навстречу, поскольку без современной западной литературы ни преподавать, ни заниматься наукой в богословском институте невозможно. В СССР отсутствуют не только богословские книги католических и протестантских авторов за последние четверть века, но и книги на тему непознанного. В тех странах, где материализм не объявлен единственно верным мировоззрением, активно изучается сфера человеческого духа и сфера параллельного мира. В Европе и Америке появилась целая область знаний – метапсихология. Популяризация этих знаний заставит усомниться в истинности материализма, поможет

²⁹ Там же.

отрезвить безбожников по недомыслию, чьи головы «затуманены наукой»³⁰.

4. Важнейшим воспитательным и образовательным ресурсом Церкви является богатое наследие церковного предания. Церковь жила и живет до сих пор кровью мучеников и подвигом святых. Их жизнь и труды и есть подлинная история Церкви. Но воздействие этого ресурса крайне ограничено. Во-первых, жития святых, не издававшиеся почти тридцать лет, мало кому доступны. Кроме того, прошлые издания имеют существенные недостатки, которые отталкивают от чтения их всех сколько-нибудь образованных людей. Они обросли повторяющимися однообразными сказаниями, народными преданиями и фантазиями католических мистерий. Второстепенное в них уступает место главным событиям и фактам. Необходима большая работа современных богословов, чтобы расчистить их от «наслоений веков», переработать, существенно сократить, изложив биографии великих святых, изъясняющие путь спасения и руководящие духовным деланием. К этой работе, ввиду ее чрезвычайной важности, профессора богословского института должны приступить немедленно³¹.

5. Несмотря на то, что простой народ в массе своей сохранил православную веру, по утверждению владыки, в условиях отсутствия храмов и недоступности Таинств, в их среде прогрессирует «маразм духовный». Для того чтобы противостоять этому, необходимо немедленно широко и массово, без бюрократических проволочек, открывать храмы³². Они должны быть, говоря

³⁰ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 71.

³¹ Там же. Л. 72.

³² Там же. Л. 68.

современным языком, в шаговой доступности. Лука имел самые общие представления о существующем порядке открытия церквей.

На основе опыта он знал, что процедура эта сложная, долгая, многоступенчатая и любой, самый мелкий, начальник на уровне района или даже села может порой поставить крест на ходатайствах тысяч верующих. Именно поэтому он выступает за немедленное открытие всех уцелевших и пригодных для богослужения храмов епархии без всяких «общих процедур», о которых в свое время писал ему Карпов, отклоняя его просьбу об открытии Кафедрального собора в Тамбове. Владыка считал возможным отложить до лучших времен восстановление тех храмов, которые требовали больших затрат для ремонта. Для него главное – не красота и благолепие церковных зданий, а массовая и немедленная доступность литургии для верующего народа. При этом он не поддерживал идею совершения Божественной литургии в обычных домах. Святитель предлагал патриархии организовать разработку типовых проектов простейших, быстровозводимых храмов: церквей-обыденков. Строительным материалом, по его мнению, для них могли послужить пустующие в селах избы. «Взять две-три избы и собрать из них одну церковь с алтарем и главкой»³³.

6. Пока не заработали церковные типографии и заводы, он предлагал организовать в епархиях маленькие мастерские по переписыванию основных богослужебных книг и изготовлению предметов церковной утвари³⁴. В Тамбове он это сделал, и до наших дней дошли

³³ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 68.

³⁴ Там же.

и переписанные книги, и грубовато, но с огромной теплотой и любовью сделанные церковные сосуды и другая церковная утварь.

Но самой главной задачей святитель считал осмысление церковным сознанием попущенного Богом «народного гнева на Церковь», гонений, из которых только вышла Русская Церковь: надо понять их причины и извлечь уроки. Он видел истоки этой трагедии в тесной связи государства и Церкви. «Православие веками оправдывало все шаги и действия российской власти, было действительно опорой и пособницей самодержавия». Гнев народный, по мнению святителя, был вызван недостойным поведением в прошлом служителей алтаря Господня: корыстолюбием, небрежением в священнослужении, тщеславием, честолубием и небратолубием. Владыка с горечью замечал, что «старые язвы духовенства и церковной жизни не излечены и страшными уроками революции»³⁵.

Со всем этим наследием прошлого должно быть покончено. Святитель предлагал искоренять пороки не только кроткими наставлениями и примером личной жизни архиерея, но и строгостью. «Плохи те архиереи, которые заботятся о том, чтобы жить в мире со всем духовенством, не восстанавливать их против себя, потворствуют в их прегрешениях»³⁶.

Сам он до конца своих дней будет беспощаден ко всем проявлениям этих пороков. В Тамбовской епархии в 1945 году он введет для кающихся правила Иоанна Постника с многолетним отлучением от причастия и земными поклонами согрешивших. На замечание

³⁵ ГАРФ, ф. р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 72.

³⁶ Там же.

Святейшего и его просьбы быть помягче к духовенству и пастве, чтобы не вызывать у них отчаяния и уныния и не подменять холодным католическим юридизмом православного снисхождения и милости к грешникам, Лука отвечал, что не исключает снисхождения, но считает, что оно должно быть исключением, а не правилом, чтобы не расхолаживать паству³⁷. Вспоминается рассказ одного старого тамбовского священника, который еще семинаристом присутствовал в 1960 году на богослужении владыки в Симферополе. Совсем слепой архиерей сидел в алтаре с закрытыми глазами и, кажется, дремал. Протодиакон, произносивший на солее ектенью, допустил ошибку. Когда он, по обыкновению, подошел под благословение к архиерею, святитель, благословляя его правой рукой, левой показал что-то вроде латинской буквы V, опустив два пальца вниз. Семинарист спросил у стоящего рядом священника, что это значит? Двести поклонов на солее, – ответил тот. Таким он оставался до конца своих дней.

Этот документ – не холодный рассудочный трактат, а, скорее, эмоциональный выплеск, «излияния наболевшего сердца» владыки, честная оценка состояния Церкви и общества середины сороковых годов. «Не терпит душа, и не могу молчать, видя, что творится в Церкви Божией. О, какая страшная разруха, какой страшный голод духовный... какая беспросветная религиозная тьма!»³⁸. Эти мысли так непохожи на слова высшего священноначалия Русской Церкви, оптимистичные и задорные в оценках положения, и состояния церковной жизни в СССР. В этом сочинении владыки – боль и горячий призыв осознать меру ответственности,

³⁷ *Лисюнин Виктор, протоиерей...* С. 523.

³⁸ ГАРФ, ф.р. 6991 – с, оп. 7, д. 72, л. 67.

которую несут, прежде всего, архиереи, за «лежащую в развалинах и пепле Церковь Российскую». Это план первоочередных мер, который должен быть реализован безотлагательно, немедленно, до рассмотрения этих вопросов на грядущем Церковном соборе. Нельзя медлить, иначе жестко спросит Господь и покарает нерадивых. В сравнительно небольшом по объему документе, выражения «срочно, немедленно» и т.д. употребляются более 20 раз. Он отдает себе отчет в том, что его упрекут в нереальности планов, невозможности их выполнения в существующей обстановке. Надо довольствоваться тем, что есть, и с благодарностью принимать добрые инициативы правительства, опасаясь, как бы чрезмерная активность и амбициозность задач не вызвала гнева и не перечеркнула все то, что получила Церковь и о чем еще несколько месяцев назад нельзя было и мечтать.

Но владыка никогда не был сторонником такого подхода. Не надо ничего бояться, лукавить, колебаться и заискивать, надеясь на милость «князей человеческих». Надо идти путем высшей правды, и тогда, при глубокой вере в Бога, все будет возможно нам, верующим. Он найдет способ и умягчить сердца начальников, и воздвигнуть пастырей там, где мы их не ищем. Надо, подобно Петру, смело вступать на воды и с глубокой верой совершать по законам мира невозможное. Только «не надо изобретать способы человеческие, чтобы обойти Слова Божьи»³⁹. Как непохожи эти мысли и подходы на расчетливые хитрые схемы, в основе которых сомнительная идея спасения Церкви лукавством человеческим. Владыка считает по-другому: ничего

³⁹ Там же. Л. 68.

не боясь, спокойно идти путем Высшей правды, и управит Господь.

Этот документ написан человеком демократически настроенным, «прогрессивным», по его собственному выражению, совсем не монархистом, идеализирующим церковную жизнь царской России. Он глубоко пережил наследие Поместного собора 1918 года, хоть и не был его участником, горячо приветствовал положительные изменения в устройстве и деятельности Церкви, выводящие ее из позорного подчинения государству. Он считал это великой ценностью и огромным приобретением. Тем труднее для владыки Луки будет осознание возвращения в Синодальный период, в поработанное государством состояние, только теперь – к государству еще и откровенно богоборческому, к новому обер-прокурору, который вместе со своим огромным аппаратом работал над ограничением, а затем и искоренением церковности как таковой. И он, православный архиерей, должен безропотно исполнять все указания и «советы» нового церковного начальства. Лука трудно и медленно будет сдавать позиции. Каждая новая уступка вырывалась у него коллективным трудом патриарха, членов Синода.

Но и уступая их давлению и уговорам «ради мира и послушания церковного», он, подобно митрополиту Кириллу Смирнову, будет писать в своих указах, что делает это не по своей воле, а по указанию уполномоченного, чем будет вызывать буквально бешенство Совета по делам Русской Православной Церкви⁴⁰. Ведь это был краеугольный принцип коварной и лицемер-

⁴⁰ Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов 1946–1961. – Симферополь: Н. Orianda, 2015. С. 626.

ной церковной политики СССР: «советы» государства, касающиеся жизни Церкви, проводятся архиереями от своего имени, какими бы разрушительными они для церковной жизни ни были. Государство официально в церковную жизнь в СССР не вмешивалось. Карпов все чаще будет ставить вопрос перед патриархом об увольнении на покой реакционера и мракобеса, не вписывающегося в систему и не желавшего играть по существующим правилам. К чести патриарха Алексия I, он так и не сдал святителя, затягивая решение поставленной Карповым задачи и дав владыке умереть на кафедре в самый разгар хрущевских гонений.

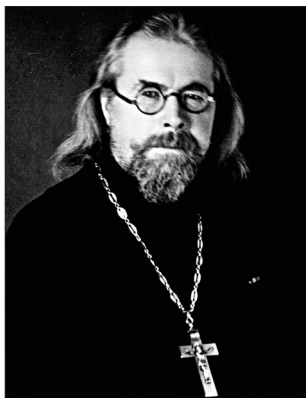
Почти ничего из того, о чем писал святитель, не было, да и не могло быть реализовано. Что-то владыка самостоятельно делал в пределах епархии: проповеди для молодежи и интеллигенции, разработка в своем сочинении «Дух, душа и тело»⁴¹ заявленных в письме проблем и т.д. Но он и предположить не мог, что его письмо читалось и обсуждалось не только и даже не столько в церковных кругах. Оно практически сразу же легло на стол высшему партийному и государственному руководству СССР. Направляя письмо владыки секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров писал: «Войно-Ясенецкий выдвигает широкую программу активизации деятельности духовенства и непримиримой борьбы церковников против материализма. Письмо показывает, насколько далеко идут планы некоторых видных деятелей из духовенства»⁴². На письме

⁴¹ Первое издание книги опубликовано в издательстве «Жизнь с Богом» (Брюссель) в 1978 г. Второе издание вышло в том же издательстве в 1988 г. (*Прим. ред.*)

⁴² РГАСПИ, ф.р. 17, оп. 125, д. 235, л. 84.

множество пометок Маленкова: читал он его внимательно. И продержал у себя почти год. Оно было сдано в архив лишь в мае 1946 года, то есть, тогда, когда владыка был отправлен из Тамбова в Крым. Обеспокоенность борьбой церковников с материализмом и атеизмом выльется в настойчивые попытки партийных идеологов принять специальное постановление ЦК по этому поводу и усилить давление на Церковь. И только позиция автора «нового церковного курса» не позволит тогда этого сделать. Можно быть уверенным: если бы владыка узнал о том, кем и как читалось и анализировалось его сочинение, как напугало оно главных партийных идеологов страны, он испытал бы от этого удовольствие и глубокое удовлетворение.

**Красных попов нам не надо.
Святитель Лука и обновленцы**

Протоиерей И. М. Леофоров – благочинный, секретарь Тамбовской епархии. 1944 г.

Некогда одна из крупнейших в Российской империи, – Тамбовская епархия, – к концу тридцатых годов двадцатого века не имела ни одного действующего храма, ни одного монастыря. В результате большой и напряженной работы тамбовским властям удалось достичь исполнения задач «безбожной пятилетки». С религией, как проклятым пережитком прошлого, на Тамбовщине покончили навечно.

«Вечность» закончилась внезапно. В августе 1943 года в Тамбовский облисполком пригласили старшего бухгалтера городской электростанции Ивана Михайловича Леоферова, в прошлом – обновленческого священника, и поставили перед ним задачу: немедленно организовать общину и открыть храм в Тамбове⁴³. Леоферов побоялся на первых порах брать вместительный Кафедральный собор, вспомнив, как мало прихожан посещали в Тамбове обновленческие приходы, и остановил свой выбор на маленькой Покровской церкви в центре города. Разумеется, эта миссия была доверена Леоферову неслучайно. Отец Иоанн был хорошо знаком властям и активно сотрудничал с органами в тридцатые годы, будучи секретарем тамбовского обновленческого епископа. Тогда казалось, что его церковная карьера шла вверх, и он даже был избран обновленческим первоиерархом в епископы и дал согласие занять Белгородскую епископскую кафедру⁴⁴. Но государственная политика в отношении религии ужесточилась, и обновленцы, сыгравшие свою роль в разрушении Православной Церкви в России, властям стали не нужны и разделили участь тех староцерковников-тихоновцев, которых они еще недавно уничтожали, опираясь на репрессивный аппарат государства. Отцу Иоанну повезло. Он не попал под каток репрессий и, подобно многим из своих сослужителей и коллег, сняв ясу, стал обычным советским служащим.

⁴³ *Тарасов Ю. С.* Тамбовская епархия в 1939–43 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (70). С. 203.

⁴⁴ Там же.

На новом этапе его кураторы ставили перед ним задачу большевистскими темпами воссоздать православную общину города, но уже не обновленческую, а староцерковную, ориентирующуюся на Местоблюстителя Патриаршего престола, митрополита Сергия Страгородского. Это казалось невероятным! Еще не было исторической встречи Сталина с митрополитами, не были приняты постановления и инструкции, регламентирующие порядок открытия и деятельность церквей в СССР. Церковная оттепель была еще совсем незаметна в промерзшей безбожием стране.

Незамедлительно отец Иоанн направляет обращение в Москву, на имя блаженнейшего митрополита Сергия с просьбой принять его вместе с общиной «в свое духовное водительство»⁴⁵. Письмо это было довольно дерзким. Бывший «уполномоченный обновленческого Синода по Тамбовской области» сообщал Местоблюстителю Патриаршего престола, что «избран верующими настоятелем храма» и просил сообщить условия воссоединения, сразу оговаривая, что публичное покаяние перед народом он отвергает, поскольку считает его «компрометирующим и унижающим пастыря перед лицом народа», актом, подрывающим его авторитет. Очевидно, такая дерзость возмутила митрополита Сергия, и он наложил резолюцию: «Советую православной общине искать себе священника среди православных, а не обновленцев»⁴⁶. Леоферов еще несколько раз обратится, уже теперь к Святейшему патриарху Сергию, но в ответ ему будет молчание.

⁴⁵ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). 2 изд., испр. и дополн. / Сост. *Круглова Е. И.* – М.: Благовест, 2019. С. 175.

⁴⁶ Там же.

Леоферов давно жил в нашей стране и, говоря словами классика, хорошо знал, как и чего в ней бывает. Опираясь на свой богатый опыт, он понимал, на кого надо ориентироваться и у кого спрашивать благословение. Получив одобрение властей, в октябре 1943 года он вместе с другими обновленческими священниками освящает Покровский храм и начинает в нем регулярные богослужения⁴⁷. Он оказался прав, отказавшись от огромного Кафедрального собора: народа в церковь ходило совсем немного. Верующие Тамбова в большинстве своем игнорировали службы, где, по их мнению, «просто дурака валяют бывшие обновленцы, которые раньше девок фотографировали, да бухгалтерами прислуживали советской власти»⁴⁸. Верующий народ Тамбова, в отличие от отца Иоанна, разницу между обновленчеством и православием понимал.

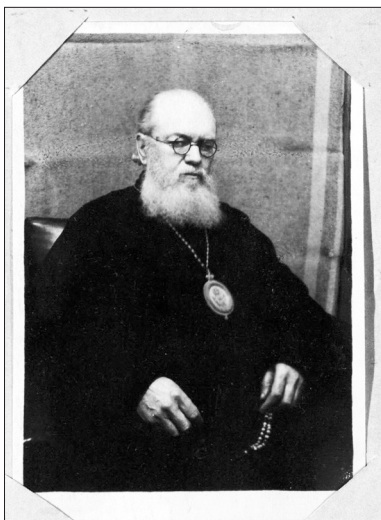
Как и предполагал Леоферов, его вопрос вскоре разрешился сам собою. Председателем Совета по делам РПЦ, полковником госбезопасности Карповым была проведена работа с патриархом Сергием относительно мягкого и щадящего приема в Патриаршую Церковь обновленцев⁴⁹. В декабре 1943 года Священный Синод РПЦ поручил архиепископу Саратовскому Григорию Чукову присоединить священников и общину в Тамбове к Православной Церкви, что и было им совершено по упрощенной процедуре, через исповедь, в предновогодние дни 1943 года⁵⁰. Архиепископ Григорий назначил Иоанна Леоферова благочинным православных

⁴⁷ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 183.

⁴⁸ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 1.

⁴⁹ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие 1941-61 гг. – М., 1999. С. 46–47.

⁵⁰ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 183.

*Фото из личного дела
архиепископа Луки. 1944 г.
(Из фондов ГАТО)*

приходов Тамбовской области «для ведения в последующем переговоров с уполномоченным Советом по вопросам открытия храмов в области... и подыскания кандидатов в клир»⁵¹. Вскоре патриарх вернет Леоферову полученный им у обновленцев сан протоиерея, как «способствовавшему возвращению многих»⁵². Фактически отец Иоанн, в отсутствие постоянного правящего архиерея в Тамбове, стал управляющим епархией, как и в далеком 1922 году, когда приехал в Тамбов в качестве уполномоченного обновленческого Синода с важной миссией – создавать обновленческую епархию в Тамбовской области. Он активно погружается в дела, связанные с открытием храмов, ведет поиск духовенства, желающего занять священнические места в новых приходах. Все изменила короткая телеграмма от 17 февраля 1944 года. «Срочная. Тамбов. Лермонтовская, 56, Леоферову. Приеду субботу. Архиепископ Лука»⁵³.

Правящий архиерей по прибытии в корне изменил проводимую Леоферовым кадровую политику в епархии. В готовящиеся к открытию храмы он разыскивает

⁵¹ Там же. С. 183.

⁵² ГАТО, ф.р. 5220, оп. 4, д. 165, л. 4.

⁵³ АТЕ, ф.р. 2, оп. 3, д. 6, л. 3.

духовенство из тех, кого власти считали нелояльными, кто подвергался репрессиям, кто вернулся из тюрем, ссылок, лагерей. Кандидатуры Леоферова поголовно отклоняются. По старой привычке отец Иоанн пытается воздействовать на архиепископа через власти. Его письма уполномоченному похожи на доносы обновленцев двадцатых годов: «Священники и монашки Кирсанова дуют в одну дуду, в звуках которой слышится контрреволюция»⁵⁴. Пытаясь продвинуть в настоятели Кирсановской церкви обновленца Симеона Петрова, он встречает активное сопротивление не только архиепископа, но и церковной общины, открыто заявившей: «красных попов нам не надо»⁵⁵.

Вместе с уполномоченным Совета по делам РПЦ при тамбовском облисполкоме Медведевым о тревожной тенденции в кадровой политике архиепископа Луки 4 марта 1944 года они информируют Председателя Совета по делам РПЦ Карпова и замначальника УНКГБ по Тамбовской области Назарова: «Штат подбирает из реакционно настроенного духовенства. Первым вопросом ставит, обновленец или нет, а вторым – был ли под арестом. Когда получает ответ, что священнослужитель из староцерковных и был под арестом, то от таких охотно принимает анкету и требует регистрировать тех, кто не посещал Покровского собора, считая его неблагоприятным, чьи кандидатуры органами НКВД отклонялись как нелояльные»⁵⁶. Совет по делам РПЦ разделил озабоченность кадровой политикой Луки. Карпов проинформировал уполномоченного Медведева, что по

⁵⁴ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 31-33.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 53, л. 11.

поводу неправильных положений и клеветы на обновленцев «Патриарх Сергей дал письменное указание архиепископу Луке»⁵⁷. Но Тамбовский архиепископ был непреклонен: «Обвинения в резких отзывах об обновленцах не считаю серьезными. Их нельзя считать проявлением контрреволюционности. Прогрессивных священников и архиереев было гораздо больше среди тихоновцев, чем среди беспринципных, по большей части, политически приспособливающихся обновленцев. Отрицательные отзывы об обновленцах свидетельствуют только о верности Церкви и политической честности»⁵⁸.

В день Торжества Православия в Покровском соборе архиепископ Лука принимал в общение с Православной Церковью священника Симеона Петрова. Делал это во время литургии при огромном скоплении народа. Он собственноручно составил чин приема обновленцев не щадяще-формальный, а обличительно-торжественный, показывающий лукавую сущность этого раскола: «Перед Великим Богом и перед народом православным исповедую мой смертный грех – нарушение единства Церкви и участие в расколе живоцерковном и обновленческом. Уча свою паству идти за Христом путем тесным и прискорбным, я сам в малодушии своем убоился страданий за Христа и избрал путь лукавства и неправды»⁵⁹.

В храме гремел голос святителя: «Тяжкий грех лежит на тех, кто отклонился от патриарха Тихона, убоился гонений, примкнул к живоцерковной кучке свя-

⁵⁷ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 53, л. 8.

⁵⁸ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 37, л. 47.

⁵⁹ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 16-17.

щенников и архиереев и образовал обновленческий раскол. Простой русский народ восстал против обновленцев, гнал их из церквей, игнорировал храмы, в которых они служили, клеймил их позором. Многие православные за это пострадали, но зато получили венец мученичества. И ваш храм, и ваша община повинны в этом грехе раскола. Горе вам. Вы слышали, как плакал сегодня священник Симеон, осознав грех раскола, так и вы кайтесь»⁶⁰.

Леоферов был вне себя от возмущения. В своем письме на имя уполномоченного отец Иоанн пишет, что «чин приема вызвал радость фанатиков, радующихся унижению обновленцев, слезы и плач людей, *непонымавших, в чем кается священник*, возмущение и презрение к епископу, унижающему личность и авторитет священника со стороны сознательных людей»⁶¹.

Через несколько дней произошло открытое столкновение архиепископа с секретарем епархии. У них было совершенно разное понимание сути обновленчества. Леоферов не считал подчинение иной церковной власти в беспокойные двадцатые грехом, хотя и письменно покался в этом перед архиепископом Григорием Чуковым. Расхожие народные обвинения в церковном модернизме, реформаторстве он отвергал. Как и абсолютное большинство обновленцев, он не принимал никаких изменений и нововведений – ни богослужебных, ни догматических. В своей автобиографии, написанной для получения регистрационной справки уполномоченному в 1944 году, перечисляя места служения, он не оговаривается об уклонении в раскол,

⁶⁰ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 16-17.

⁶¹ Там же.

очевидно, не считая это достойным упоминания⁶². Для него это скорее воссоединение двух течений в православии, а не возвращение к нему.

Для архиепископа Луки уклонение в обновленчество – предательство Христа и Его Церкви. Он неоднократно подчеркивает, что обновленчество – это не церковные реформы и даже не левые взгляды, примиряющие христианство и коммунизм, а скорее, наоборот. Он считает, что прогрессивных думающих священников было больше в Патриаршей Церкви. Для Луки обновленчество – это уклонение от Христа из-за страха гонений, сознательный выбор по малодушию, путь «лукавства и неправды», отказ от подвига исповедничества перед лицом новых гонителей, неготовность идти узким путем Христовым, предательство новых мучеников Русской Церкви и союз с ее гонителями.

Они не понимали друг друга – архиепископ и его секретарь. Леоферов заявил, что гонимы были мы, обновленцы. Лука парировал: «На вас было не гонение, а выражение презрения народа. Староцерковных архиереев ссылали, храмы закрывались или передавались обновленцам. Обновленческие священники и епископы были агентами... у одного обновленческого священника по изгнании из храма нашли список на староцерковных служителей для ареста их. В этом списке первым был я»⁶³.

Архиепископ Лука не только не отменил свой чин приема, но заявил, что Святейший Сергей неправильно принимает раскольников в зале Синода, а не в храме, и что он собирается послать ему свой чин для

⁶² ГАТО, ф.р. 5220, оп. 4, д. 165, л. 7.

⁶³ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 2, л. 29.

общецерковного использования. Леоферову посоветовал перестать стричься и ходить по городу в священнической одежде, не стыдясь своего духовного звания⁶⁴.

Удивительно, но в дальнейшем обновленец Леоферов в Московской патриархии будет чувствовать себя гораздо органичнее и комфортнее, чем староцерковник Лука. Отца Иоанна хвалили и награждали, продвигали по карьерной лестнице. И светские, и церковные власти отмечали, что работать с ним и решать вопросы необычайно легко и приятно. С Лукой, наоборот, всем было сложно. С ним подолгу беседовали в патриархии, уговаривая исполнить очередную установку Совета, искали все новые и новые аргументы, чтобы объяснить, что это делается во благо Церкви. Под раздраженные окрики Совета по делам РПЦ напоминали о христианских добродетелях: покорности властям и монашеском послушании. Он, в конце концов, соглашался, но, как писал крымский уполномоченный, хватало его ненадолго, он был другого духа.

Поместный собор 1945 года. «Я низко не кланяюсь»

15 мая 1944 года в Москве скоропостижно скончался патриарх Сергей. Согласно его завещанию, Местоблюстителем Патриаршего престола стал его ближайший сподвижник митрополит Ленинградский Алексей Симанский. Все лето в Москве шли приготовления к предстоящему Поместному собору, уточнялись изменения в принципах управления Церковью, разрабатывался порядок избрания патриарха.

⁶⁴ Там же.

В сентябре 1944 года тамбовский уполномоченный получил письмо из Совета по делам РПЦ, в котором сообщалось, что 31 января в Москве пройдет Поместный собор по выборам Московского Патриарха. В ноябре 1944 года планировалось проведение архиерейского собора, который должен одобрить выработанный патриархией совместно с властями порядок избрания предстоятеля. Совет ставил задачу оказать содействие в отправке в Москву архиепископа Луки и в избрании представителей священства и мирян для участия в предстоящем Поместном соборе. Письмо пришло под грифом «секретно», но в тексте его, тем не менее, еще раз специально оговаривалось, что до официального сообщения о дате проведения Собора не должен знать ни один человек⁶⁵.

В ноябре Тамбовский святитель отправился в столицу. Когда-то в письме управляющему делами Московского патриархата протоиерею Николаю Колчицкому Лука писал, что совсем не знает нынешних архиереев, ни с кем не знаком лично⁶⁶. Представительный архиерейский собор дал ему возможность познакомиться, и знакомство это восторга у него не вызвало. Через несколько дней он делился своими впечатлениями об этом в Тамбове: «Больше половины обновленцы. Я сразу понял – толку от этого Собора не будет»⁶⁷. Сам архиепископ много выступал перед собратями архиереями по самым разным вопросам, которые обсуждались, был самым активным из них.

Прежде всего, он поставил вопрос о церковных наградах. Как известно, Лука видел в них повод к пус-

⁶⁵ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 1, д. 3, л. 65.

⁶⁶ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 478.

⁶⁷ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 1, л. 35.

тому тщеславию и корысти. Святитель называл эту практику обновленческой. По его мнению, раздача наград – это грубое заигрывание с духовенством, ради привлечения его на свою сторону в условиях противостояния раскольников и Православной Церкви. С массовой раздачей этих «пряников» должно быть покончено. «Минуло время, когда нам нельзя было противодействовать свистопляске обновленческой. Эти награды принесли много зла. И мое мнение, что нужно коренным образом пресечь эту практику»⁶⁸. Для Луки сама служба у алтаря Христова и есть высшая награда.

Тамбовский архиепископ выступил против предложенной Собору и согласованной с властью процедуры избрания Патриарха – из единственной кандидатуры, – предложив вернуться к практике Собора 1918 года и избрать предстоятеля жребием⁶⁹. При этом владыка подчеркнул, что считает достойной кандидатуру митрополита Алексия. Выступая за максимально открытую и максимально непредсказуемую процедуру, Лука думал, прежде всего, о необходимости преодоления раскола в Русской Церкви. Даже в среде священников, близких ему по духу, которых он сумел убедить вернуться к служению в возрождаемую епархию, существовали сомнения в законности избрания патриарха Сергия. Нужно было лишить всех аргументов тех, кто считает современную Церковь обновленческой, в которой патриархи поставляются не соборным решением, а волей безбожного государства. Авторитет первосвященителя должен быть непоколебим и внутри страны, и за ее пределами, таким, какой он был у покойного патриарха

⁶⁸ ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 2, д. 32, л. 60.

⁶⁹ Там же. Л. 10.

Тихона. Не надо бояться отдать этот вопрос на волю Божию, Бог откроет имя избранника через жребий. Необходимо обставить выборы так, чтобы никто не смел шипеть, никто не смел возражать, чтобы никто не смел хулить избрание Патриарха. Это важно будет и для утверждения авторитета избранного и, прежде всего, это в интересах Церкви нашей»⁷⁰. Интересы Церкви всегда для него были превыше всего. Именно поэтому, увидев, что его не поддерживают собратья, он заявил, что будет голосовать против предложенной кандидатуры. В знак протеста. Особенно ему было горько, что в перерывах между заседаниями к нему подходили архиереи и выражали поддержку, но вслух сказать не решались⁷¹. Земной бог уже определил имя предстоятеля и его волю не решался нарушить никто.

Считается, что именно жесткая позиция архиепископа Луки по процедуре избрания Патриарха закрыла для него возможность участия в Поместном соборе 1945 года. Смеем предположить, что не эта причина все-таки была главной. Как уже отмечалось, Лука не получил системного духовного образования и не всегда его суждения в церковных вопросах, в отличие от медийных, были достаточно основательны. Об этом, кстати, говорили и некоторые архиереи, его современники. Но у Луки было замечательное качество: он слушал оппонента, и, если тот был достаточно убедителен, соглашался с ним и менял свою точку зрения. В вопросе процедуры избрания Патриарха ему объяснили, что практика 1918 года не имела прецедентов в церковной истории России, и его ссылки на историка Голубинского

⁷⁰ ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 2, д. 32, л. 10.

⁷¹ ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 1, д. 51, л. 13.

не совсем корректны. Жребий в избрании патриархов на Востоке также использовался очень редко и, как правило, в особых, чрезвычайных случаях. Не вызывает сомнения, что если бы с архиепископом поработали грамотные историки Церкви и авторитетные собратья, он, как это бывало раньше и будет позже, изменил бы точку зрения, тем более, что аргументы его оппонентов действительно были основательны, и они смогли бы его, если не переубедить, то несколько смягчить его позицию.

Тревогу властей вызвала другая его инициатива, которую никто не замечает до сегодняшнего дня. Тамбовский святитель решил вынести на обсуждение Поместного собора вопрос о падших во время гонений, то есть, об отрекшихся от веры под давлением внешних обстоятельств. В древности после окончания гонений Церковь всегда соборно обсуждала вопрос, на каких условиях принимать отрекшихся от Христа. Лука считал отрекшимися не только тех, кто сделал это явно и похулил имя Божье, но и тех, кто в соответствующей графе переписи 1937 года не указал, что он верующий. «Это малодушные и слабые люди, они отрелись от Христа. Вселенские и Поместные соборы чрезвычайно сурово к ним относились. Было время, когда их совсем не принимали в Церковь, а потом стали принимать после чрезвычайно долгого покаяния. На десятки лет отлучали от причастия»⁷².

За десять дней до начала Собора, 21 января 1945 года, в Покровском храме Тамбова владыка говорил, что в наше время многие отрелись от Христа: «Я не знаю,

⁷² *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. «Сила моя в немощи совершается». Избранные проповеди и поучения. — М.: Издательство «Апостол веры», 2017. С. 208.

какую епитимью, какое церковное наказание будем мы налагать на этих новых отступников от веры. Это непростой вопрос, который подлежит обсуждению Собора. Решение Собора, которое будет очень скоро, мы узнаем»⁷³. Поднять этот вопрос на Соборе, значит, признать факт гонений, преследований за веру в СССР, который отвергали в единодушном порыве, как клевету, и государственные, и церковные власти. Сколько сил было потрачено на то, чтобы убедить иностранцев, прежде всего, союзников по антигитлеровской коалиции, США и Великобританию, что гонения – это миф. Работали широким фронтом от Лаврентия Берии до митрополита Сергия Страгородского. Зримым воплощением этих трудов стала прекрасно изданная книга «Правда о религии в СССР». И вот теперь, собрав весь православный мир в Москве, разом перечеркнуть эту колоссальную работу! Этого ведомство Карпова (а он был в двух лицах: начальник отдела НКГБ по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией и Председатель Совета по делам РПЦ) никак не могло допустить.

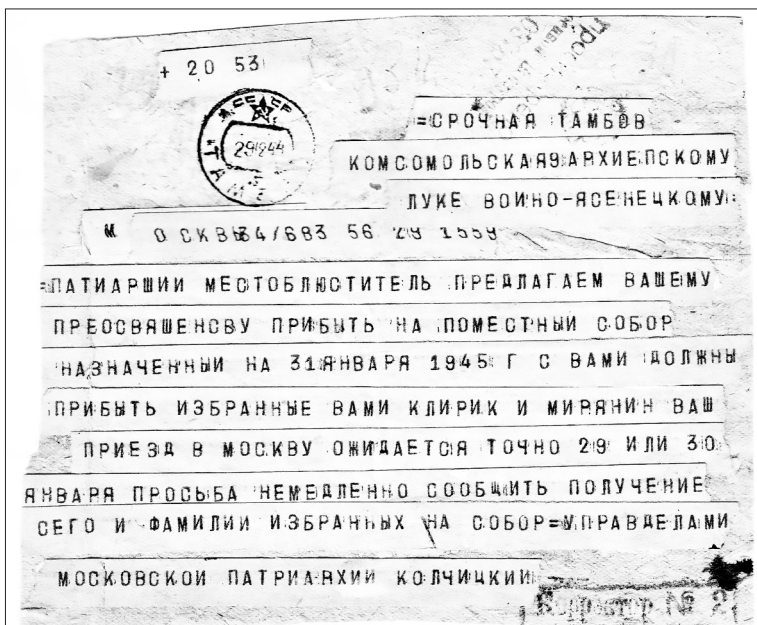
Убедиться лично в независимом и гордом нраве Тамбовского преосвященного советскому обер-прокурору пришлось, когда Лука, единственный из архиереев, проигнорировал приглашение на прием в Совет по делам РПЦ. Владыка не простил ему отказ открыть второй храм в Тамбове. Карпову передали слова Луки: «...все пошли, а я нет. Если ему нужно, мог сам прийти к епископам. Я низко не кланяюсь»⁷⁴.

Официальные церковные историки до сих пор пишут, что под давлением властей из-за позиции по

⁷³ Там же.

⁷⁴ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 1, л. 35.

процедуре избрания Патриарха архиепископ Лука не получил приглашение на Собор⁷⁵. Но это не так. В архиве Тамбовского епархиального управления хранится официальное приглашение Луки на Поместный собор от 29 декабря 1944 года за подписью протопресвитера Колчицкого⁷⁶.

Приглашение на Поместный собор

Да и не пригласить епархиального архиерея на Собор было трудно. Он по должности был членом Собора и не нуждался ни в каких приглашениях. Так что же

⁷⁵ Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 321.

⁷⁶ АТЕ, ф.р. 2, оп. 3, д. 3.

произошло? Почему святителя Луки не оказалось среди участников этого грандиозного мероприятия? Детали этой спецоперации органов мы вряд ли узнаем, но факты выстраиваются довольно ясно.

Сразу после возвращения Луки с архиерейского собора в ноябре 1944 года в Тамбов, распоряжением патриархии был направлен только что вернувшийся из мест заключения епископ Мануил Лемешевский. Его биограф, митрополит Иоанн Снычев, пишет, что местоблюститель направил Мануила в Тамбов, чтобы он имел возможность познакомиться с церковной жизнью в новых условиях под руководством Тамбовского преосвященного. В своей книге митрополит Иоанн рассказывает о теплой встрече, которую Лука оказал Мануилу⁷⁷. На самом деле тамбовский архиерей встретил гостя с тревогой и откровенным недовольством, о чем тут же донес уполномоченному бдительный Леофферов. В Покровском соборе Лука сообщил священникам, что едет Мануил по настоянию Карпова, и это ему крайне не нравится⁷⁸. Тем не менее, тамбовский святитель встретил его действительно любезно, служил вместе с ним, часто беседовал. Мануил, как давний агент органов, получил задание наблюдения за Лукой. Скорее всего, ему поручили предпринять попытку переубедить тамбовского преосвященного. Но в отличие от Сергия Страгородского, ему это сделать не удалось. И он с некоторой обидой напишет позже о Луке, что тамбовский святитель, привыкший к самоуверенности

⁷⁷ Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. – СПб., 1993. С. 186.

⁷⁸ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 1, л. 35.

и безапелляционности в медицине, также проявил себя и в «других» вопросах, где таким авторитетом не являлся⁷⁹.

Наконец, в январе 1945 г. в Тамбов прибыл сам Карпов. Совершенно ясно, что только вопрос чрезвычайной важности мог заставить его, ответственного за проведение масштабного Поместного собора, за несколько дней до его открытия оставить столицу и отправиться в Тамбов⁸⁰.

В официальной части визита не было ничего необычного. Председатель Совета по делам РПЦ встретился с руководством облисполкома, несколько встреч провел с архиепископом Лукой. В результате визита согласовал открытие второй церкви в Тамбове, дал команду на открытие еще нескольких храмов в области, о которых ходатайствовали верующие⁸¹. С архиепископом вел себя крайне дружелюбно, и после нескольких месяцев напряжения в отношениях оно было совершенно устранено. Г. Г. Карпов все-таки был профессиональным чекистом. Внешне казалось, что он приехал решить все те вопросы, которые накопились в епархии и давно тяготили душу тамбовского святителя. Лука был удовлетворен общением.

В Тамбове, изучив все обстоятельства на месте, Карпов, видимо, принял окончательное решение и отработал все детали операции по недопущению святителя в Москву. Принципиальными были два момента: его не собирались убивать, и все должно было быть обставлено, как обычный несчастный случай. Последнее было

⁷⁹ Поповский Марк... С. 389.

⁸⁰ ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 2, д. 35, л. 38.

⁸¹ Там же. Л. 39.

особенно непросто сделать, учитывая, что дело имеют с хорошим врачом. Сразу после отъезда московского гостя, по ходатайству уполномоченного, некто Конин взял из обкомовской брони билеты в мягкий вагон до Москвы для двух архиереев на воскресенье 28 января⁸².

27 января, отобедав в столовой Кафедрального собора, архиепископ Лука начал служить всенощную. Внезапно он почувствовал себя настолько плохо, что не смог окончить ее и отправился домой. Субботним вечером (а это было в районе 19 часов) у дома владыку уже встречали лично уполномоченный Павлов и два медика⁸³. Через неделю, во время проповеди, Лука так опишет свое состояние: «Один только шаг был между мною и смертью: несколько часов лежал я совсем без пульса, с минуту на минуту сердце мое готово было остановиться. Но Господь помиловал меня. Правда, и донныне я слаб, так что сидя только могу говорить с вами»⁸⁴. Медики, видимо, ввели святителю антидот, и он уже через несколько часов окончательно пришел в себя.

Епископ Мануил также не поехал в Москву. В своей книге о нем митрополит Иоанн Снычев говорит, что епископ не попал на Собор из-за сильных снегопадов, обрушившихся на город, которые не позволили ему добраться до железнодорожного вокзала Тамбова⁸⁵. При этом два других представителя епархии – Г. П. Конин и священник Алексей Лебедев – благополучно добрались и участвовали в Соборе. Сохранившаяся сводка погоды

⁸² ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 5, л. 28.

⁸³ *Поповский Марк...* С. 390.

⁸⁴ *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. «Сила моя в немощи совершается»... С. 209.

⁸⁵ *Иоанн, митрополит...* С. 186.

в Тамбове за 1945 год показывает, что был небольшой снегопад лишь 30–31 января, так что, никаких чрезвычайных ситуаций не было, тем более, что епископ Мануил жил всего в нескольких кварталах от вокзала. Он, очевидно, должен был контролировать обстановку и находиться при владыке Луке до окончания операции.

Придя в себя, архиепископ Лука, попытался все-таки отправиться в столицу. Собор открывался 31 января и теоретически он мог еще успеть. Его отговорили от поездки на поезде, сославшись на его слабость. Власти Тамбова пообещали доставить его к началу Собора с комфортом на самолете. Владыка ждал. Но в самый последний момент перед ним извинились, сославшись на нелетную погоду. Время было упущено, и он уже не успевал на заседание. Обо всем этом Лука напишет в поздравлении новоизбранному патриарху: как он стремился принять участие в этих выборах, но сначала тяжкая болезнь («отравился консервами»), а потом непогода не допустили его осуществить это желание⁸⁶. (Кстати, подобным же лукавым образом была задержана делегация Северо-Американской митрополии), которую в Красноярске местный уполномоченный пересадил с самолета на поезд, и она смогла прибыть в Москву как раз к тому времени, когда его участники разъехались. Сделано это было по просьбе патриарха Алексия Карпову. Святейший не хотел допускать контактов американской делегации с Восточными патриархами, опасаясь, что это сможет помешать наметившемуся переходу ее в юрисдикцию Московского патриархата)⁸⁷. Удивительно, но наивный владыка Лука

⁸⁶ Лисюнин Виктор, *протоиерей*... С. 187.

⁸⁷ ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 1, д. 29, л. 33.

до конца своих дней так и не заподозрил неладное в том, что не смог попасть на Поместный собор 1945 г. И только мудрый Леоферов в конце 1960-х гг. в беседе с М. Поповским не исключил, что имело место преднамеренное отравление⁸⁸.

Лука пошел служить всенощную в Покровский собор, а епископ Мануил, наконец, отправился в столицу и четвертого февраля успел помолиться на благодарственном молебне, который служил новоизбранный патриарх⁸⁹. Сразу после возвращения из Тамбова (он пробыл в городе почти два месяца) Мануил явился в патриархию за назначением на кафедру и был крайне огорчен холодным приемом со стороны патриарха Алексия, откровенно игнорировавшего его. Но через несколько дней митрополит получил назначение и отправился управлять Чкаловской епархией⁹⁰. Не остался без утешения новоизбранного первосвященника и многострадальный архиепископ Тамбовский. В феврале 1945 года Лука получил бриллиантовый крест на клобук во внимание к архипастырским трудам⁹¹.

В Москве все прошло как по маслу. Единодушно выбрали предстоятеля. Восточные патриархи были тронуты вниманием и щедрыми подношениями. Возвращались благословенные времена, когда могучая Россия активно поддерживала и финансировала их Поместные Церкви. Пребывая от этого в приподнятом настроении, некоторые из них стали высказывать мысль о проведении в Москве, как первопрестольном граде самой

⁸⁸ Поповский Марк... С. 390.

⁸⁹ Иоанн, митрополит... С. 186.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Журнал Московской Патриархии. – № 3. 1945. С. 9.

многочисленной и богатой Православной Церкви мира, Вселенского собора. Вековая мысль о Москве – Третьем Риме вдруг стала обретать реальные очертания. Не посланник Божий, а богоборческий диктатор претендовал на роль покровителя мирового православия, а Московский патриарх готовился стать вселенским. Сталин горячо поддержал идею и дал поручение готовить Собор. Никого не смущали высказанные патриархом Алексием робкие сомнения в каноничности этих действий. Большевики всегда ставили и решали самые невероятные задачи. За проведенный Поместный собор Карпов получил орден, но предстоявшая задача была куда масштабнее и обещала его скромному ведомству большие перспективы.

«Пусть теперь симферопольцы радуются».

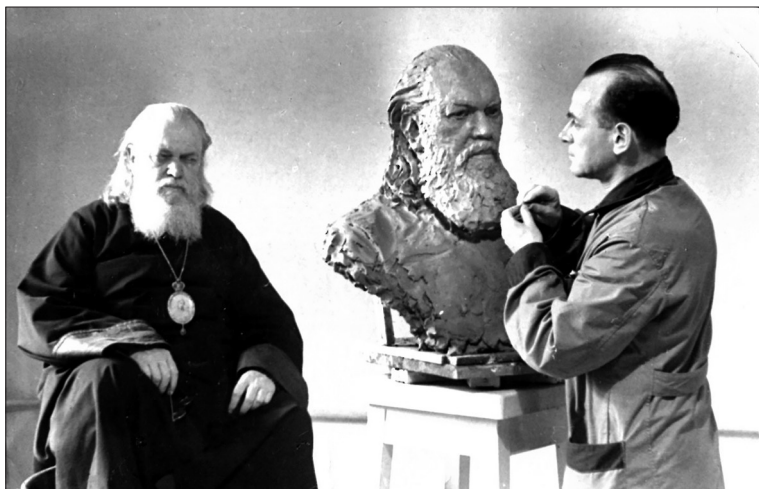
Перевод из Тамбова

Указом Святейшего патриарха Алексия 5 апреля 1946 года архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука был переведен в Крым⁹².

Перед этим он пережил в Тамбове триумф – присуждение Сталинской премии Первой степени. Это пик его научной славы. Телеграммы Сталина, других официальных лиц. О нем с восторгом пишет пресса, как светская, так и церковная. Художники создают его портреты, скульптор Оленин приехал из столицы в Тамбов лепить его бюст для галереи выдающихся хирургов⁹³.

⁹² ГАРФ, ф.р. 6991, оп. 2, д. 34а, л. 58.

⁹³ Поповский Марк... С. 379.

*Во время работы скульптора М. П. Оленина
над портретом владыки Луки. 1945 г.*

Лука переживал это с волнением, даже ненадолго слег в постель⁹⁴. Ему приятны знаки внимания, в них он видит признание государством его выдающихся заслуг. Из премии в 200 тысяч рублей он не оставит себе ни копейки. 130 тысяч вернул государству для помощи сиротам, 10 тысяч раздал нуждающимся тамбовцам по спискам, составленным в Покровском соборе, 60 тысяч отправил своим детям⁹⁵. «Я немалый козырь для нашего правительства», – пишет он им. Рассказывает, какого внимания удостоился, каких почестей⁹⁶. Его все-таки мучает то, что он стал причиной их страданий, лишений, ограничений в профессии. Это ответ на их обиды, просьбы не возвращаться к церковному служе-

⁹⁴ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 5, л. 28.

⁹⁵ Поповский Марк... С. 381.

⁹⁶ Там же. С. 379.

нию ради их благополучия. Он показывает детям, что их тревоги напрасны, они могут гордиться отцом.

Так легко увидеть в новом назначении святителя его заслуженное продвижение по карьерной лестнице. Многие исследователи так и считают⁹⁷, но увы... Несмотря на внешнее потепление в отношениях с Тамбовским архиепископом, события осени-зимы 1944–45 гг. окончательно убедили Карпова в непригодности Луки для «важной церковной работы». Он делает вывод о том, что Луку необходимо «изолировать при первом удобном случае». Выпускать его на люди было совершенно невозможно ввиду его полной непредсказуемости. Впоследствии Карпов будет с разной степенью настойчивости ставить вопрос перед Патриархом об удалении Луки от управления кафедрой и почислении на покой. Кроме того, в конце сороковых годов началась разработка святителя органами МГБ на предмет выявления его «антисоветских связей и враждебной деятельности»⁹⁸. Только чудом эта разработка не закончилась арестом святителя в 1948 году. Лука предчувствовал арест и неоднократно говорил об этом ближайшему окружению. Говорил об этом совершенно спокойно, как о реальной перспективе, к которой он был морально готов («дети во мне уже не нуждаются, а к тюрьмам и ссылкам я привык и не боюсь их»)⁹⁹.

Исследователи отмечают, что Лука давно просился из Тамбова. Это действительно так. По просьбе Луки за несколько дней до смерти патриарх Сергей поднимал вопрос его перевода в беседе с Карповым¹⁰⁰. Просил

⁹⁷ Чумаченко Т. А.... С. 586.

⁹⁸ Крымская епархия... С. 11.

⁹⁹ Там же. С. 168.

¹⁰⁰ Чумаченко Т. А. ... С. 58.

разрешения перевести старца в Тулу. Лука хотел быть ближе к медицинским центрам и библиотекам столицы, так как писал свой знаменитый труд «Дух, душа и тело», да и отсутствие полноценного Кафедрального собора, как мы помним, сильно огорчало его. В это время Совет по делам РПЦ проверял факты «демонстративного поведения» Луки: архиепископ молился перед операцией, повесил в госпитале икону, и самое страшное подозрение – пытался создать в области подпольную церковь¹⁰¹. Тогда Карпов отказал Патриарху в переводе преосвященного. И вот теперь перевод. Но не ближе к столице, о чем просил владыка, а намного дальше – в разоренный войной, голодный и холодный Крым. Это было именно удаление Луки, а не сложное многоходовое перемещение архиереев по кафедрам, как это часто бывало. Крымского и Тамбовского преосвященных просто поменяли местами.

Лука с неохотой принял это назначение, высказывал заинтересованность в хлопотах тамбовской паствы о пересмотре решения Патриарха¹⁰². Алексей как будто дал надежду тамбовским ходокам, и Лука даже произнес проповедь о том, как чистая и светлая молитва тамбовской паствы была услышана Богом, и он вновь продолжит свое служение на Тамбовщине¹⁰³. На самом деле вопрос перевода был поставлен Карповым перед Патриархом в ноябре 1945 года и решен еще до указа Алексея. Святейший намекнул владыке, что его перевод – Божья воля, и в случае отказа новые болезни посетят его¹⁰⁴. Лука попросил Патриарха заменить

¹⁰¹ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 3, л. 59, л. 30.

¹⁰² Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 639.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Поповский Марк... С. 403.

Крым на Одессу, там жили его дети и там работал его друг, знаменитый офтальмолог, академик Филатов¹⁰⁵. Ему отказали. Карпов, конечно же, не мог допустить, чтобы в городе, где располагалась летняя резиденция Патриарха, куда на встречу с ним прилетали иностранные делегации, епископом был Войно-Ясенецкий. Лука принял новое назначение.

Документы свидетельствуют, что в вопросе перевода архиепископа присутствует тамбовский след. Скорее всего, Карпов лишь поддержал тамбовскую инициативу. Сразу после драматичных событий, связанных с Поместным собором, тамбовский уполномоченный Павлов стал ставить вопрос о переводе Луки из Тамбова¹⁰⁶. Павел Константинович Павлов, пожалуй, – самый лояльный и либеральный из всех, кто занимал эту должность. Он отличался от всех своих коллег не только уровнем образования (окончил когда-то гимназию), но и тем, что не был связан с силовыми органами прежней работой. Он добросовестно проводил «новый курс» в отношении Церкви, не занимаясь мелочной опекой и подчеркивая ее самостоятельность, как инструктировал когда-то Карпова Сталин. Это было нелегко в насквозь заидеологизированной тамбовской действительности. В конце концов, он вступил в открытую схватку с руководством облисполкома и был уволен с должности «за потворство церковникам»¹⁰⁷.

И вот именно этот человек поставил вопрос об удалении Луки из Тамбова. Главный аргумент Павлова: не могу проводить через него «правильные» решения¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Крымская епархия... С. 308.

¹⁰⁶ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 11, л. 2.

¹⁰⁷ ААТО, ф.р. 3443, оп. 1, д. 772, л. 10.

¹⁰⁸ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 11, л. 3.

А это был краеугольный камень и принцип легального существования Церкви в СССР. С конца 1945 года уполномоченный прекратил обсуждение церковных вопросов с владыкой и вел их исключительно через секретаря епархии протоиерея Иоанна Леоферова¹⁰⁹. Осенью 1945 года Павлов писал в Совет по делам РПЦ:

«За все время работы с ним (Леоферовым – С. Ч.) у меня не было каких-либо разногласий, и проводить всякие мероприятия через него необычайно легко. Он имеет большое влияние на архиепископа и избавляет меня от многих неприятных и тяжелых разговоров с Лукой, если иметь ввиду многие его особенности, странности, а порой детскую наивность»¹¹⁰. В январе 1946 года Павлов обращается с настоятельной просьбой убрать строптивного архиерея из Тамбова: «Патриархия только выиграла бы от того, что у нее в Тамбовской области архиепископом был бы не Лука, а кто-либо другой. И, конечно, мне легче было бы работать и поддерживать нормальные отношения с епископом ради дела»¹¹¹. Будучи свидетелем событий января 1945 года и визита Карпова в Тамбов, Павлов был уверен, что Председатель Совета по делам РПЦ его поддержит. Ради интересов патриархии и дела, как они его понимали. Так и случилось.

Владыка отправлялся в Крым, увозя, по его словам, не только тяжелый багаж, но и сердца любящей его паствы¹¹². Его отъезд оплакивали. Проводы на вокзале

¹⁰⁹ ГАТО», ф.р. 5220, оп. 2, д. 8, л. 16.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 11, л. 3.

¹¹² *Чеботарёв С. А.* Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века. – Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2004. С. 293.

вылились в яркую демонстрацию народной любви. Убранное цветами купе. Он долго сидел на перроне, благословляя каждого, кто пришел¹¹³. В мае 1946 года патриарх Алексей получил письмо от тамбовских прихожан из молодежи: «Конечно, своим настойчивым переводом по воле Божьей дорогого владыки Луки Вы все же причинили нам боль и ему. Пролито море слез... Тамбовцы говорят о нем – святой двадцатого века. Он редкость современного мира. Что же, не все нам честь его иметь, пусть теперь симферопольцы радуются»¹¹⁴.

**Чем дальше от Москвы, тем дальше от света.
Восприятие святителем Лукой
новой церковной политики**

Нельзя обойти вниманием упреки в адрес святителя, которые появились в интернете в последнее время¹¹⁵. И главный – в поддержке системы, ее идеологическом обслуживании и даже в сотрудничестве с репрессив-

¹¹³ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 343.

¹¹⁴ Там же. С. 501.

¹¹⁵ Агафангел, митрополит. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) – две жизни в одной биографии [Электронный ресурс]. URL: <https://shabdua.livejournal.com/5274760.html> (дата обращения: 24.12.2007); Иеродиакон Иона (Сигида). Исповедник большевизма «святой» Лука (Войно-Ясенецкий) [Электронный ресурс]//Эсхатология.org: сайт архиепископа Виктора (Пивоварова). URL: <https://www.eschatologia.org/907-ispovednik-bloshevizma-luka-voino-yasenskiy.html> (дата обращения: 24.12.2007); Кондаков Сергей, прот. Взлеты и падения архиепископа Луки [Электронный ресурс]// Kondakov.ws: блог Сергея Кондакова. URL: <https://kondakov.ws/blog/Vzlety-i-padeniya-arhiepiskopa-Luki> (дата обращения: 24.12.2007).

ными органами и доносах на собратьев-священников. В их основе – старые материалы, публиковавшиеся Русской Православной Церковью Заграницей в условиях жесткого идеологического противостояния и закрытости архивов. Сегодня, когда документы стали доступны, совершенно очевидно, что святитель Лука был до конца своих дней истинным исповедником Церкви Христовой, не запятнавшим себя никакими доносами, с честью выдержавшим все пытки и издевательства палачей. В послевоенные годы он противостоял официальной идеологии материализма и атеизма. Это абсолютно уникальный, не имеющий аналогов подвиг архиепископа Московского патриархата – активного идеологического противостояния в условиях неравной и лукавой борьбы безбожного государства с Церковью.

При этом владыка Лука никогда не был оппозиционером. Это была его сознательная позиция. Слова апостола о покорности гражданской власти были для него непреложным законом и его глубоким убеждением. Он считал необходимым быть покорным высшей власти не за страх, а за совесть, если это не шло в противоречие с его исповеданием.

Большая часть его сознательной жизни пришлось на советское время. В отличие от зарубежных архиереев, он жил в СССР и не мог не ощутить на себе всей мощи и изощренности коммунистической пропаганды. Как не избежали этого даже многие эмигранты в послевоенные годы. Портрет Сталина, освободившего Европу и мир от фашизма, русские эмигранты вешали в красном углу вместе с иконами. Многие из них горели желанием вернуться (и возвращались!) в изменившийся, как им казалось, СССР, обратившийся от большевистского

наследия к наследию исторической России. Совершенно очевидно, что на какое-то время попал под влияние этих мыслей и тамбовский святитель. Особенно сильно повлияло на него изменение церковной политики государства. Нам сегодняшним трудно понять, почему он так радовался даже самым незначительным фактам внимания со стороны властей в 1943 году: передали привет от райкома партии, грамоту от профсоюза, избрали в президиум собрания на 1 мая, где сидели одни коммунисты, и т.д. После страшных тридцатых годов это казалось чем-то неправдоподобным. И он искренне этому радовался в уверенности, что все меняется по милости Божьей. Власть в лице вождя все поняла и осознала, и для Церкви открываются огромные перспективы возрождения и обновления в самом лучшем смысле этого слова. Господь через страдания вывел свою Церковь на новые горизонты. Остаткам духовенства, уцелевшим после гонений, предстоит выполнить, подобно древним пророкам, эту непосильную, по человеческому разумению, задачу. Он на какое-то время поверил в искренность перемен во власти, только власти самой главной, верховной. Поверил искренности намерений вождя, которым, как это всегда бывало на Руси, противостояли мелкие, недалекие, ограниченные чиновники на местах. В проповеди в Покровском соборе 14 октября 1945 г. Лука говорил: «Наши вожди, видя ту помощь, которую принесла Церковь Российская своей Родине, вознесли ее на небывалую высоту. Полностью осуществилась та истинная свобода Церкви, которая была возвещена великой Сталинской Конституцией. От правительства нашего мы получили великое благо, увидели, что оно поняло, как велико значение

религии... да благословит Бог тех правителей наших, которые поняли, что без Божьей помощи народ не может идти дальше... ибо они мудрые... Но есть немало людей, которые очень далеки от понимания того, чего хочет наше правительство. Много есть людей, которых нужно заставить изменить свое отношение к Церкви. Они [...] в непонимании говорят, что возвеличивание Церкви только временно, дальше будет по-иному... Таких тупых людей много. Трудно правительству добиться, чтобы директивы его были понятны и исполнены во всех низах. Их искажают, игнорируют и поступают по-своему. И чем дальше от Москвы, чем дальше от света, который воссиял там, тем больше непонимания... Что творится и доныне в области Тамбовской. Доныне продолжается разрушение храмов Божьих... Кто позволил нарушать директивы правительства? Надо думать, что более высокие власти об этом не знают...»¹¹⁶.

За два с половиной года, проведенных в Тамбове, святитель прошел путь от вдохновенного восторга в оценке действий вождя до трезвого понимания прагматичности и неискренности власти. (Многие наши современники-христиане и даже историки и сегодня не одолели этот путь.) Ко времени отъезда из Тамбова для него все уже было ясно: «Открытие церковей является вынужденным для советской власти мероприятием. Это сделано под влиянием и настойчивым требованием со стороны Америки в период войны из политических соображений»¹¹⁷.

¹¹⁶ Лисичкин В. А. Тамбовский путь святителя Луки. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 545.

¹¹⁷ Крымская епархия... С. 292.

К 1947 году он уже прекрасно разобрался и понял, как работает церковная система и кем она управляется в реальности. Он не будет больше искать защиты у патриарха от произвола властей и вносить предложения по преобразованиям в Церкви, как он делал это по наивности в 1944 году. «Наш Патриарх... обезличен и находится на поводу у правительства. Все вопросы решает Карпов. Патриарху живется хорошо, и он не станет портить отношения с правительством... Если бы он был самостоятельным главой Церкви, мог бы со всей резкостью поставить вопрос перед правительством и добиться решительных изменений в церковной жизни. Но этого нет и не будет»¹¹⁸. Владыка не осуждал Патриарха, а, скорее, жалел. Но сам вел себя принципиально иначе.

Считают меня красным. Компромисс бескомпромиссного святителя

В качестве главного обвинения против владыки Луки оппоненты выдвигают его проповеди в Журнале Московской Патриархии, которые он публиковал в середине – второй половине сороковых годов. В них он выступает как апологет системы, клеймит позором ее оппонентов, требует немедленной казни всем врагам, утверждает, что жестокость – природное немецкое качество и т.д. Действительно, публикации эти кажутся несовместимыми с образом мысли не только православного священника, но и христианина вообще, плохо вяжутся с личностью владыки архиепископа. Но, увы, слов из песни не выкинешь. Святитель Лука

¹¹⁸ Там же. С. 294.

действительно писал эти проповеди в духе передовиц газеты «Правда». Марк Поповский в своей книге о владыке Луке объяснял причину этого желанием святителя не только по заповеди апостола подчиняться власти, но и активно служить ей¹¹⁹. Если первые материалы, написанные в последние месяцы войны, можно объяснить эмоциональным потрясением, верой в искренность и демократичность советского правительства, то статьи конца сороковых объяснить искренним восторгом перед властью было невозможно. «Розовые очки» у святителя к этому времени точно спали. Так что же это было? Компромисс бескомпромиссного владыки? Надо честно сказать: да. Но нужны некоторые комментарии, чтобы понять, почему это случилось.

Если говорить об утверждении Поповского об искреннем желании Луки послужить государству и быть полезным советской власти человеком, то это не так. Документы свидетельствуют, что писал Лука по заказу, по поручению Московской патриархии. Темы и смысл доводились до него как задание. При этом святитель понимал, что истинный заказчик проповедей Г. Г. Карпов¹²⁰. Он признавал, что с годами стал покладистей и мягче по сравнению со временем ссылок и заключения¹²¹. Принадлежность к системе, ответственность за епархию, наконец, церковное послушание заставляли его несколько отступить. Владыка сознательно шел на некоторое лукавство и осознавал это. Ему было нелегко. «Мое положение не совсем приятное и приходится варьировать и тщательно продумывать

¹¹⁹ Поповский Марк... С. 393.

¹²⁰ Крымская епархия... С. 228.

¹²¹ Поповский Марк... С. 336.

тому»¹²². Он определяет для себя красную линию, советуется с близкими священниками, что можно сказать и от чего уклониться (откуда ему было знать, что все они уже давно секретные осведомители органов?)¹²³. Лука решил, что можно говорить о свободах, которых нет в СССР, хвалить строй советский, как самый демократичный, и правительство, как самое мудрое, но принципиальных вопросов вероучения не касаться. Он отказывается утверждать совместимость христианства и коммунизма, отказывается терпимо относиться к атеизму и материализму, как единственно верной идеологии. У него вызвала буквально негодование статья уважаемого им епископа Гермогена Голубева о католичестве, написанная на основе его доклада на Совещании глав и представителей Православных Церквей. В соответствии с политической конъюнктурой того времени, владыка Гермоген вымазал сплошной черной краской Католическую Церковь. Лука считает это невозможным для себя. А как же католические святые и чудеса, спрашивает он. — «Зачем воздвигаем злые и тяжкогреховные преграды между христианами?»¹²⁴. Некоторым оправданием для себя владыка Лука считал то, что Журнал Московской Патриархии настолько выхолощен и лишен Карповым духовной основы¹²⁵, что верующие его не читают, а нужен он лишь для заграницы. Несмотря на то, что публикации Луки были в разделе Проповедь, сам он их называл статьями и в храмах никогда не произносил.

¹²² Крымская епархия... С. 228.

¹²³ Там же. С. 496.

¹²⁴ Крымская епархия... С. 467.

¹²⁵ Там же. С. 294.

И все-таки была еще одна причина, по которой владыка откликнулся на просьбу патриархии. Ему льстило, что церковные власти обращаются к нему, провинциальному архиерею, хотя статьи могли бы написать столичные митрополиты, члены Синода. «Мое мнение важно, меня знают за границей» – не без гордости говорил он своему окружению¹²⁶. Была у владыки эта черта, слабость, которая именуется честолюбием. Об этом писали и его современники, и честные его биографы – от митрополита Мануила до Марка Поповского. По-человечески это было вполне объяснимо. Он реально понимал масштаб своей личности и научной значимости. При этом лучшие годы своей жизни он провел в тюрьмах и ссылках, в унижении и издевательствах. Позднее признание его заслуг, почтение и уважение были для него приятной компенсацией за пережитое, «сладким пирожным» после долгого голода.

Эту его слабость видели и использовали многие, в том числе и церковные деятели, от митрополита Сергия до протопресвитера Колчицкого, ставившего его в своих письмах, по выражению самого архиепископа Луки, «чуть ли не выше всех современных архиереев»¹²⁷. Лука искренне и по-детски относился к этим похвалам. Он был совершенно пленен митрополитом Сергием и не видел многое из того, что потом его ужасало. У него не было вопросов к процедуре избрания Сергия в 1943 году, куда более сомнительной, чем та, что предлагалась Собору 1945 года. На какое-то время он стал живой иллюстрацией к книге «Правда о религии в СССР» и, кажется, какое-то время это ему нравилось.

¹²⁶ Там же. С. 228.

¹²⁷ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 478.

У владыки была мечта: увидеть напечатанными свои проповеди, которые он произносил в храмах. Признанный авторитет в медицине, он мечтал о таком же признании на церковном поприще. Он все-таки чувствовал некую свою ущербность от того, что в отличие от своих собратьев, не имел духовного образования, иногда братья-архиереи намеками напоминали ему об этом. Получив звание «Почётный член Московской духовной академии» в 1955 году, он в течение нескольких лет будет даже самые малозначительные открытки и письма прихожанам с гордостью подписывать: архиепископ Лука, почетный член МДА¹²⁸.

Проповеди его были действительно замечательными. Он никогда не писал их, это было живое слово, обращенное к конкретным слушателям. Он говорил на основе глубокого размышления и переживаний Священного писания, своего духовного опыта. Они всегда были актуальны, злободневны, дышали проблемами и вызовами сегодняшнего дня. Их записывали прихожане и после его правок распространяли в рукописях. Успех их был невероятным. На фоне отсутствия духовной литературы, распространения суррогата в виде Журнала Московской Патриархии, эти проповеди были глотком родниковой воды в пустыне.

Во время пребывания в Тамбове он просил содействия в этом вопросе у Карпова, тот отказал, заявив, что печатать их нельзя¹²⁹. В храме они обращены к верующим, а как только будут напечатаны, то станут достоянием широкого круга людей. А религиозная пропаганда у нас запрещена. И все-таки он надеялся. Отправляя статью в защиту мира, Лука прикладывал к ним и

¹²⁸ Там же. С. 347, 349, 543.

¹²⁹ Крымская епархия... С. 292.

другие проповеди, ставя условие, что выйти его материалы могут только вместе¹³⁰. Но его настоящие проповеди неизменно отвергались.

В конце концов, он смирился с невозможностью публикации: «В своих проповедях я ругаю власти и говорю правду про безбожников. Им надо подхалимничать, писать то, что им нравится, а я этого не могу и не буду делать»¹³¹. Любопытно, что патриархия уговорила его прекратить ежедневные проповеди, только обещав отпечатать собранные им тома проповедей при условии, что он уберет из них «неприятные для власти места». Он согласился говорить только по воскресеньям, объяснив прихожанам, что готовит многотомное собрание своих проповедей по поручению патриарха¹³².

Все это надо учитывать, размышляя над статьями владыки. Как бы там ни было, но нельзя судить о нем по этим публикациям, как делают некоторые торопливые авторы. В 1947 году владыка Лука сказал своему секретарю: «Некоторые считают меня красным. Но это потому, что они не видят меня и не слышат»¹³³. И это абсолютная правда.

Сила моя в немощи совершается.

Плохой администратор

Официальный историк тамбовской епархии Олег Левин в курсе лекций для семинаристов отметил слабость архиепископа Луки как администратора в сравнении с

¹³⁰ Крымская епархия... С. 293.

¹³¹ Там же.

¹³² РГАСПИ, ф.р. 82, оп. 2, д. 499, л. 88.

¹³³ Крымская епархия... С. 225.

его преемниками¹³⁴. Не смог выстроить отношений с властями, мало занимался хозяйственными вопросами, не думал о стройках и земельных участках. Даже здание епархиального управления не удосужился ни купить, ни построить. Надо сказать, что он не оригинален в этом упреке. Первым в 1946 году эту мысль высказал уполномоченный Павлов, доказывая необходимость удаления владыки из Тамбова. За два года он так и не наладил деятельность епархиального управления как официального учреждения, его канцелярия «распихана по карманам помощников», а решения принимаются на квартире епископа¹³⁵. Архиепископ, поддерживая ходатайства верующих об открытии новых храмов, совершенно не берет в расчет их рентабельность. Он поддерживает все ходатайства без исключения, хотя существующие храмы еле сводят концы с концами. Настаивает на том, чтобы богослужения совершались ежедневно повсеместно, даже если в храмах нет молящихся и дневного дохода не хватает, чтобы оплатить даже масло в лампадах. Уполномоченный и Леоферов были возмущены тем, что он тратит церковные деньги «непроизводительно», направо и налево, раздавая их бедным и больным. При этом совершенно уклоняется от сборов средств на патриотические нужды в общецерковные фонды¹³⁶.

¹³⁴ Левин О. Ю. Открытие епархии и деятельность архиепископа Луки 1943–1945 гг. [Электронный ресурс]//Курс лекций по истории Тамбовской епархии, прочитанный в Тамбовской духовной семинарии в 2003-2006 гг. URL: <http://tambovdoc.ru/issledovaniya/lektsii-po-istorii-eparhii/22-otkryitie-eparhii-i-deyatelnost-arhiepiskopa-luki-1943-1945-gg/> (дата обращения: 21.05.2021).

¹³⁵ ГАТО, ф.р. 5220, оп. 2, д. 11, л. 2.

¹³⁶ Там же.

В год 75-летия Победы появились многочисленные статьи о том, как много сделал архиепископ Лука для сбора средств в фонд обороны, на танковую колонну «Дмитрий Донской» и другие нужды. Должен огорчить авторов. Архиепископ очень холодно относился к этим сборам. И чаще всего они проходили лишь в его отсутствие. Уполномоченный в отчете в Москву пишет, что, если бы не Леоферов, Тамбовская епархия совсем бы прекратила эту работу¹³⁷. А эти сборы были не только показателем «лояльности» духовенства власти, но и эффективности работы уполномоченного.

Отношения с властями у Луки тоже не складывались, причем повсеместно. И, прежде всего, потому, что владыка не считал это важным.

Так что, правы и Левин, и Павлов: эффективным менеджером он, увы, не был. Как не были ими мученики первых веков и новые мученики российские, у которых с властью тоже складывалось «не очень». Но он был хорошим архиереем. И доказательство этому – огромная любовь паствы, которую не испытает ни один из его преемников. И это притом, что владыка был строг, иногда даже жесток. Но за всем этим люди видели и цельность его натуры, и евангельскую верность Христу, детскую искренность и чистоту веры, подлинную любовь к пастве и сострадание – самое близкое чувство для владыки. Для него и в духовном делании, как в медицине, не было отвлеченного случая, а только живой страдающий человек. А все остальное Господь приложил, как и обещал своим верным. В Церковь Тамбовскую с ним пришло огромное количество верующих. Если Леоферов жаловался, что открытый им храм

¹³⁷ Там же.

какое-то время пустовал, то при владыке протиснуться в Покровский собор было невозможно. В праздник до пяти тысяч людей стояло рядом с храмом по отчету уполномоченного, которого в симпатии к Церкви не заподозришь. При владыке ко Христу потянулась молодежь и интеллигенция Тамбова – самая трудная и самая любимая им часть паствы. При нем, или по его ходатайству, в области было открыто около 80 процентов всех храмов, действующих в последующий советский период. Ему почти удалось открыть второй храм в Тамбове и вернуть мощи святителя Питирима. И если бы не его отъезд и робость, нерешительность епископа Иоасафа, его преемника, это произошло бы в 1946 году, а не в 1988-м. Его руками Господь творил чудеса. Нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев писал: «...работа профессора Войно-Ясенецкого в эвакогоспиталях Тамбова способствовала резкому снижению смертности до 0,05 процента среди раненых и хирургических больных со второго полугодия 1944 года»¹³⁸. И сейчас уже трудно понять, что это было – искусство почти семидесятилетнего старца-хирурга или молитва исповедника Христова. Наверное, и то, и другое.

Он пошел за Ним

Первый биограф святителя Луки митрополит Мануил Лемешевский отмечает, что о владыке Луке существовали разноречивые отзывы: говорили о его спокойствии, скромности, доброте и в то же время – о его высокомерии, неуравновешенности, заносчивости, болезненном самолюбии. Мануил, довольно близко

¹³⁸ ГАТО, ф.р. 3959, оп. 1, д. 388, л. 4.

общавшийся с Лукой в Тамбове, признавал за ним все эти качества, отмечал, что это был человек с «неизбежными недостатками», но определяющими качествами его называл стойкость и *глубокую веру*¹³⁹. С этим нельзя не согласиться. Он был разным в разные моменты своей большой и нелегкой жизни. Но главным неизменно оставалось одно – любовь ко Христу и верность Ему. Он доказывал это много раз, стоя перед сложным выбором.

Так было, когда стоял выбор между детьми и Христом. Даже близкие до конца дней недоумевали и осуждали его, упрекая в эгоизме. Как можно было оставить детей «ради поповства»?! Почему не расстригся, почему не оставил Церковь ради еще малолетних детей, обрекая их на тяжелое выживание и лишения во всех сферах тогдашней жизни?¹⁴⁰ Что может быть для отца дороже детей? И он, подобно древнему Аврааму, отвечает: «Христос, Живой Бог, который силен и воспитать его детей, и дать ему тысячи новых». Этот выбор тяжел, невыносимо тяжел для него, но он делает его, отправляясь в тюрьмы и ссылки. В отношении своих детей у него навсегда останется боль от того, что он не сумел воспитать их христианами, не сумел убедить в истинности своего пути, ценности и для них его подвига исповедничества.

Трудным для него был и выбор между медициной, наукой, которую страстно любил и церковным служением. И вновь, окончательно уже в Тамбове в 1944 году выбор между крестом и скальпелем, и он выбирает крест, отказываясь выступать в светской одежде на такой важной и значимой для него медицинской конференции.

¹³⁹ Поповский Марк... С. 389.

¹⁴⁰ Там же. С. 140.

Он с огромной сердечной болью переживает отлучение от медицинского сообщества. Но это был его выбор.

Старейший тамбовский священник Борис Жабин рассказывает запечатлевшуюся в его детской памяти картину. В осеннюю распутицу по Тамбовской набережной к Покровскому храму, опираясь на высокую палку, идет огромного роста грузный старик. На ветру развивается его черная одежда и наметки монашеского клобука, треплются выбившиеся наружу длинные седые волосы. Ему навстречу идет компания подвыпивших молодых людей. Раздаются выкрики: «Шизофреник! Шарлатан! Куда ты идешь? Дурачить людей? Твоего Бога нет!» Ни один мускул не дернулся на суровом лице старика, он был сосредоточен и спокоен. Только после литургии в храме, очевидно, задетый этой сценой, он начал говорить. «Мне кричат: шизофреник, ты дурачишь людей. Какой я шизофреник? Я доктор, я ученый. Я автор книги по гнойной хирургии, которую писал всю жизнь. И когда я еще не помышлял о священстве, я услышал голос: ты напишешь книгу и поставишь подпись – епископ Лука. Я был светским человеком, а у Бога уже был архиереем. А как это, я не знаю»¹⁴¹.

Он всегда остро ощущал свое избранничество, больше всего переживал моменты уклонения от него, связывая с этим свои болезни и несчастья в жизни. С годами его вера только росла. Общение с Богом становилось все более глубоким и явным. Это было главным смыслом и главным утешением в его жизни. Подобно галилейским рыбакам, услышав призыв Христа, он оставил *все* и пошел за *Ним*, став в страшное время испытаний Его апостолом.

¹⁴¹ Лисюнин Виктор, протоиерей... С. 324.

Господь призвал его к Себе после долгих, тяжких трудов на рассвете 11 июня 1961 года, в день *Всех святых, в земле российской просиявших*, чтобы пополнить их сонм, стать еще одним в Его многочисленном облаке свидетелей.

* * *

И все-таки, спустя много лет Господь по-доброму улыбнулся над своим любимцем.

...Когда в далеком 1945 году в Тамбовском обл-исполкоме Лука получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» он был крайне возмущен. Все его ученики, куда менее значительные медики, чем он, совсем еще дети, получили ордена, а он, профессор-хирург, дни и ночи проводивший у операционного стола, только медаль! Всему виной опять его священство! По дороге домой, он сорвал с себя награду и бросил ее Леоферову: «Иди, отдай им и скажи, что такие награды получают не ведущие хирурги, а медсестры да санитарки!»¹⁴².

В разгар страшной пандемии 2020 года президент России учредил две новые государственные награды: орден Пирогова и медаль Луки Крымского. Орден за выдающийся вклад в борьбу с болезнями вручают руководителям медицинских центров, ученым, врачам, а медсестры и санитарки за свой нелегкий и часто неблагодарный труд получают другую награду – медаль Луки Крымского.

Но кто посмеет сказать, что их награда меньше, чем орден?!

Тамбов, Россия
21 мая 2021 г.

¹⁴² Поповский Марк... С. 388.

Священник Павел Бочков

**СИБИРСКИЙ СВЯТОЙ –
СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ):
К ИСТОРИИ ЖИЗНИ,
ПОЧИТАНИЯ И КАНОНИЗАЦИИ СВЯТОГО
В КРАСНОЯРСКОЙ ЕПАРХИИ**

Являясь настоятелем приходской общины во имя святителя Луки архиепископа Красноярского города Норильска, иногда приходится сталкиваться с недоуменным вопросом: «Ваш храм во имя святого Луки (Войно-Ясенецкого)? Ведь у Вас указано «Архиепископа Красноярского, тогда как всем известно, что он – Крымский святитель». И тут каждый раз приходится терпеливо разъяснять, что святитель Лука – местночтимый святой Красноярской епархии (в настоящее время преобразованной в митрополию), и в соответствии с этим наш храм, юрисдикционно входящий в каноническую территорию данной митрополии, именуется так, как данный святитель был канонизирован: «Архиепископа Красноярского».

В очередной юбилейный год святителя Луки, когда мы вспоминаем 60-летие со дня его блаженного упокоения, необходимо напомнить о истории служения святителя в Красноярском крае и его местном почитании.

Не вдаваясь в хорошо известные и описанные в десятках книг подробности жизненного пути врача-святителя, стоит вспомнить, что в ссылках он провел в общей сложности 11 лет¹, из которых половина прошла

¹ Альбом фотографий и документов, связанных с земной жизнью архиепископа Луки и временем его прославления в лике святых. Сост. *Л. В. Бернацкий*. – Симферополь, 2006. С. 5.

в Сибири, большей частью – в Красноярском крае. Эти годы стали временем не только его становления как епархиального архиерея, но и тем узким и тернистым путем спасения, которого жаждет верующая душа в своем уповании. Именно годы жизни на Красноярской земле заложили народную любовь верующих, вылившуюся затем в почитание и местную канонизацию.

Как известно, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) (27 апреля 1877 г. – 11 июня 1961 г.) оставил огромный след в церковной, научной, медицинской и общественной жизни Красноярского края.

Будучи арестованным в 1923 г. в Ташкенте и этапированным в Москву, святитель Лука имел возможность в течение целой недели проживать на частной квартире, что позволило ему посетить Святейшего патриарха Московского и всея России Тихона, который благословил исповедника, а также «подтвердил право епископа Туркестанского заниматься хирургией»². Относительная свобода продлилась считанные дни, после чего святитель был помещен в Бутырскую тюрьму. После томительных следственных действий, продлившихся решением комиссии ГПУ, он был определен к ссылке в Нарымский край и переведён в Таганскую тюрьму для дальнейшего этапа. «В конце ноября из Таганской тюрьмы органы НКВД направили Святителя в арестантском вагоне в первую восточносибирскую ссылку по этапу»³. Поездом через Тюмень, Омск и Новосибирск святитель прибыл в Красноярск, откуда затем в январе

² Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Санкт-Петербург: Сатисъ, Держава, 2005. С. 152.

³ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. С. 148.

1924 года он был отправлен санным путем за 330 километров в Енисейск⁴. Примечательно, что, исполняя свой врачебный долг, святитель сделал операцию, «которую пришлось произвести на одном из ночлегов крестьянину лет тридцати»⁵. Именно тут начинается история духовного окормления православных верующих Красноярского края святителем Лукой. В Енисейске епископ Лука активно занимался приемом больных, помогал в местной больнице, усердно совершал богослужения на дому со ссыльными клириками, оставшимися верными канонической Православной Церкви и не уклонившимися в обновленческий раскол. Причем епископ Лука совершил два монашеских пострига и хиротонию в сан пресвитера одного местного диакона, в отличие от местного енисейского духовенства, не уклонившегося в раскол. Конечно же, популярность епископа среди местного населения была очень высока, вследствие чего местные органы ГПУ приняли решение о ссылке святителя еще далее, сначала в деревню Хая, севернее села Богучаны, а затем, вновь приведя в Енисейск, отправили еще далее на Север – в Туруханск.

В Туруханске святитель сделал огромное количество операций, активно вел прием больных, съезжавшихся в местную больницу со всего района. Помимо этого, святитель обратил из обновленческого раскола местного священника, приняв его в Православную Церковь. «И в Туруханске ... ему предлагают сделку – отказ от сана в обмен на сокращение срока ссылки. Ответ нетрудно было предвидеть, и тогда его отправляют еще дальше,

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) / Сост. Е. И. Круглова. – М.: Благовест, 2012. С. 75.

за полярный круг, в Плахино. Это был станок⁶ из трех изб, в которых оконные стекла заменяли льдины, снег лежал в углах и не таял. Но и там его встречают как спасителя. Он лечит, крестит детей. Святителя возвращают в Туруханск – но не из милости: тамошние жители устроили бунт, разгромили здание сельсовета и ГПУ, требуя вернуть своего пастыря и врача»⁷. После этого местные представители ОГПУ были вынуждены деликатно обращаться с ссылкой епископом и не принимать во внимание что он преподает благословения посещающим его больным⁸. В ноябре 1925 года стало известно об освобождении из ссылки епископа Луки и 4 декабря он покинул Туруханск, направившись в Красноярск, куда добирался почти месяц, проповедуя и служа по пути в церкви⁹. Прибыл он в краевой центр в начале января 1926 года. Пробыв там совсем мало времени, он, тем не менее, продолжал помогать больным и проводить операции.

После обретения свободы, епископ Лука посетил родственников на Советской Украине, а затем вернулся в Ташкент, где продолжил заниматься частной

⁶ Станок – название мелких селений Туруханского края, расположенных на берегу Енисея. (*Прим. ред.*)

⁷ *Петров Иван*. Наследие святителя Луки. Россия отмечает 140-летие великого исповедника и врача // Наш Красноярский край [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://gnkk.ru/articles/nasledie-svyatitelya-luki/>– Дата доступа: 03.02.2021.

⁸ *Шевченко Георгий, священник*. Приветствует вас святитель Лука, врач возлюбленный. – СПб.: Наука, 2009. С. 339 – 340.

⁹ *Марущак Василий, протодиакон*. Святитель – хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Даниловский благовестник, 2005. С. 42.

медицинской практикой. Желая сосредоточиться на предоставлении квалифицированной помощи пациентам, святитель отказался от ряда назначений на различные вакантные архиерейские кафедры, подав заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) рапорт о почислении на покой, который и был удовлетворён. В Ташкенте святитель поработал недолго, и по сфабрикованному делу в 1930 г. был вновь арестован и сослан в Северный край, где проживал в Котласе и Архангельске. В 1933 г. был освобожден и вновь продолжил заниматься врачебной практикой.

В годы массового сталинского террора был в третий раз арестован 24 июля 1937 года и прошел весь круг пыток и т.н. «допросов с пристрастием», практиковавшихся большевистскими палачами. В это время, терпя и превозмогая нечеловеческие физические и моральные страдания, святитель отверг неоднократные предложения о снятии священного сана. Он никого не оговорил и не признался в инкриминируемых ему обвинениях. То, что он, пройдя страшную сталинскую мясорубку остался жив, можно объяснить лишь чудом Божией милости. По его делу были расстреляны почти все свидетели, и приговор Особого совещания НКВД от 13 февраля 1940 по нему пришелся уже на период фактического окончания массовых расстрелов по I категории и осуждений на длительные сроки по II категории. Согласно приговору, он был определен к пятилетней ссылке в уже хорошо знакомый ему Красноярский край¹⁰. Данный период особенно подробно рассмотрен

¹⁰ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. С. 308 – 309.

в недавно вышедшей монографии красноярского историка и искреннего почитателя святителя Луки С. В. Кожевникова¹¹.

Третья ссылка началась в с. Большая Мурта, к северу от Красноярска. Уже в марте он приступил к работе хирургом в местной больнице, при этом продолжая работать над главным научным трудом своей жизни – «Очерками гнойной хирургии»¹² (первое издание вышло в 1934 г.), для чего вел обширную переписку с учеными-медиками, работал с доступными ему в условиях ссылки материалами. Осенью ему было разрешено посетить г. Томск для работы в местной научной библиотеке медицинского факультета¹³. Работая с литературой на иностранных языках, святитель смог завершить работу над вторым изданием «Очерков».

Сразу после начала Великой Отечественной войны святитель обратился с телеграммой на имя председателя Президиума ВС СССР М. Калинина, в которой предложил свою профессиональную помощь раненым советским солдатам там, где сочтет нужным правительство, при этом оговаривая, что готов отбыть после войны свою ссылку и подписавшись: «епископ Лука». В условиях катастрофы первых месяцев войны, массового захвата территории немецкими войсками, паники, перегруженности тыла, отсутствия необходимого

¹¹ См.: *Кожевников С. В.* Красноярский период (1941–1944) жизни и деятельности святителя Луки (хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого). – Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2020.

¹² См.: *Войно-Ясенецкий В. Ф.* Очерки гнойной хирургии. Издание второе, значительно дополненное. – М.: Медгиз, 1946.

¹³ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) / Сост. *Е. И. Круглова*. – М.: Благовест, 2012. С. 150.

количества медицинских работников, данное предложение, очевидно, было принято. И уже в сентябре 1941 года святитель Лука становится консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя 15-15¹⁴. При огромной нагрузке, делая несколько операций в день, он регулярно молился, не пряча свою живую веру и религиозность от сотрудников госпиталя и больных. Из-за огромного напряжения и усталости святитель и сам был вынужден лечиться и несколько недель лечился в больнице крайкома¹⁵.

Срок ссылки официально закончился в июле 1942 г., что, очевидно, способствовало согласованию с органами советской власти нового церковного назначения владыки. В декабре 1942 года решением священноначалия святитель был назначен архиереем Красноярской епархии с возведением в сан архиепископа¹⁶. С 1942 года он начал активные переговоры с властями об открытии в Красноярске хотя бы одного православного храма. Для возрождения церковной жизни в области Владыка задействовал все возможные средства, главным из которых было его особое положение ученого-хирурга. Так как на территории епархии были закрыты все православные храмы, святитель смог получить разрешение на официальное служение с февраля 1943 г.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. С. 316.

¹⁶ Галкин А. К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // Вестник церковной истории. – М., 2008. – № 2 (10). С. 90. ОБЩАЯ С. 57–118.

«в Никольской часовне (в Николаевской слободе г. Красноярска)»¹⁷. Первое пасхальное богослужение 1943 года, совершенное в данной часовне, стало отправной точкой для возрождения церковной жизни на обширной территории Красноярской епархии, будущей митрополии¹⁸. В качестве архиепископа Красноярского святитель Лука принял участие и в Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, который состоялся 8 сентября 1943 года в Москве¹⁹. На имя архиепископа поступала масса обращений из разных уголков края об открытии храмов и молитвенных домов, однако такие разрешения от властей получены не были. В «это время в крае был всего лишь один санкционированный Советом по делам РПЦ к открытию еще в 1943 г. приход, но уже начали поступать и рассматриваться ходатайства о регистрации общин от верующих других городов и сел края. Поначалу новые приходы открываются с большой осторожностью: когда в конце апреля 1944 г. Совет по делам РПЦ дал разрешение на открытие Покровского собора, то формально сделал это – взамен Никольской

¹⁷ Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг. – Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. С. 378, 389.

¹⁸ Кожевников С. В. Служение и деятельность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в 1941–1944 гг. (Из истории возрождения церковной жизни в Красноярской епархии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2018. – № 4 (48). С. 76. ОБЩАЯ С. 73–80.

¹⁹ См.: Собор епископов Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – М., 1943. – № 1. С. 6; Цыпин Владислав, прот. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1943 г. // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – Т. III. С. 541–543.

кладбищенской часовни, которая самостоятельный статус обретет вновь только через год»²⁰. Покровский собор станет кафедрой красноярских епископов и будет местом молитвы верующих Красноярска вплоть до 1961 г., когда его вновь закроют в годы очередных гонений на Православную Церковь, известных как «хрущевские». В конце 1980-х, в результате известных трансформаций, произошедших в стране и обществе, храм вновь открыл свои двери для молящихся и до сего дня выполняет свое предназначение быть местом радости богообщения.

Как известно, уже в январе 1944 года святитель был назначен на Тамбовскую архиерейскую кафедру, и в его жизни начался новый период, однако связь с благодарными красноярцами и сибиряками у него осталась. Она выражалась как в личной переписке и контактах, так и в народной любви и почитании.

Благодарная память о святителе Луке была бережно хранима не только церковным народом Красноярска, но и медицинским профессиональным сообществом. В 1990 году определением Поместного Собора 1990 года, епархия возродилась путем выделения из состава Новосибирской епархии²¹. «В момент воссоздания Красноярской Епархии, в нее входили Кемеровская область, насчитывавшая 19 приходов, и Хакасия (ныне Республика), в которой их было всего 4. В первом годовом отчете после открытия Красноярской Епархии

²⁰ Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. – Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. С. 378, 389.

²¹ Определения Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – М., 1990. – № 9. С. 7. ОБЩАЯ С. 6 – 9.

вместо 32 уже фигурирует цифра 68»²². Церковная жизнь развивалась, в народе росло почитание Новомучеников и Исповедников Российских, среди которых особое место занимала фигура архиепископа Красноярского Луки (Войно-Ясенецкого).

Подобно верующим Сибири, в Крымской епархии Украинской Православной Церкви, ставшей последней кафедрой святителя и местом его блаженной кончины, кропотливо и бережно собирали материалы и свидетельства о высокой духовной жизни старца-святителя. Результатом глубокого анализа и огромного количества почитателей стало Определение Священного Синода Украинской Православной Церкви в юрисдикции Московского Патриархата от 22 ноября 1995 года, согласно которому архиепископ Лука был прославлен в лике святителей Церкви, став местночтимым святым. Появились первые тексты акафиста, молитв, а затем и богослужения, посвященных святителю. В марте 1996 года на Первом Симферопольском кладбище были обреты драгоценные мощи святителя, которые в настоящее время почивают в Свято-Троицком женском монастыре, ставшем местом посещения большого числа паломников – почитателей святителя Луки со всего мира. На рубеже 2010-х гг., Украинская Православная Церковь учредила церковный орден во имя святителя Луки Крымского, которым отмечаются клирики и миряне за заслуги в делах милосердия и служения ближним.

Сибирские верующие также не остались в стороне от этих процессов, и уже в 1999 году и Красноярская

²² *Антоний [Черемисов], архиепископ. Выбор судьбы. Юбилейное издание. – Красноярск: Издательский центр «Красноярское Воскресение», 2004. С. 24.*

епархия издала Акт о канонизации в лике «местночтимых Сибирских святых, в Красноярской земле просиявшего» святителя Луки как «Архиепископа Красноярского»²³. 14 ноября во время Божественной литургии, в Покровском кафедральном соборе состоялся чин прославления в лике местночтимых святых²⁴. Данная канонизация была плодом единодушного порыва красноярского клира и верующих, и совершена по благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II²⁵. «После начала возрождения Красноярской епархии в 1990 г. ... было начато восстановление духовной и исторической памяти о исповедническом подвиге ... святого ... святитель был прославлен в лике местночтимых святых Красноярской епархии... на здании школы № 10 [г. Красноярска], где располагался эвакогоспиталь, была установлена мемориальная доска, а в центре города, рядом с Архиерейским домом (ныне – храмом во имя Иоанна Предтечи), поставлен памятник святителю работы скульптора Бориса Мусата. В Красноярске,

²³ *Антоний (Черемисов), архиепископ. Деяния о канонизации Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого; 1877–1961) в лике местночтимых Сибирских святых в Красноярской земле просиявшего // О канонизации исповедника и подвижника Енисейской земли старца Даниила Ачинского (Даниила Корнеевича Делиенко, 1784–1843) в лике местночтимых Сибирских святых. О канонизации архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого, 1877–1961) в лике местночтимых Сибирских святых, в Красноярской земле просиявшего. – Красноярск: Буква, 1999. С. 3–5.*

²⁴ Архиепископ Лука канонизирован в Красноярской епархии // Православная газета. Екатеринбург [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://orthodox-newspaper.ru/numbers/at25276> – Дата доступа: 08.02.2021.

²⁵ Там же. С. 5.

в с. Большая Мурта, в Норильске и в других городах и селах региона воздвигнуты и воздвигаются храмы во имя святителя Луки Красноярского»²⁶. С именем святителя связано весьма много мест в Красноярье. Красноярский государственный медицинский университет носит имя профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, существует улица святого Луки Войно-Ясенецкого в современном Туруханске, премия во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), учрежденная Красноярским краевым региональным отделением Императорского православного Палестинского общества и многое другое.

В 2000 г. состоялся эпохальный Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви на котором имя святителя – исповедника было включено в Собор Новомучеников и Исповедников Российских уже для общецерковного почитания. Кроме того, имя святителя Луки чтут и в других Поместных Церквях, особенно в пределах Элладской Православной Церкви, где ему посвящено несколько храмов. В настоящее время известно, что существует более 120 церквей и часовен по всему миру, освященных во имя святителя Луки Крымского²⁷.

Но в силу особенностей норм канонического права, на территории епархии, произведшей местную канонизацию, возможно основание общин и освящение

²⁶ Международный научно-богословский форум, посвященный святителю Луке (Войно-Ясенеckому) // Православное Слово Сибири. – Красноярск, 2006. – № 3 (50), март 2006. С. 3. ОБЩАЯ С. 3.

²⁷ *Дамаскин (Орловский), игумен*. Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. – Т. XLI. С. 603. ОБЩАЯ С. 598 – 604.

*Храм во имя свт. Луки исп.,
архиеп. Красноярского в г. Норильске.
Фото А. Раздевилова*

Иконостас храма во имя свт. Луки
Фото К. Оленева

часовен и престолов во имя этих местных святых. Именно этим правом мы и воспользовались в 2006 году, когда получили от Красноярского архиерея благословение на устройство в Норильске второго православного храма во имя святителя Луки, архиепископа Красноярского с 1 февраля 2006²⁸. Организовав крепкую и сплоченную общину, вопреки разным и систематическим противодействиям от недоброжелателей, да и просто «лжебратии», приход развивается. В сентябре 2007 года, автор этих строк как настоятель храма совместно с клириками Таймырского благочиния Красноярской епархии побывал на месте первой ссылки святителя в станке Старое Плахино²⁹. От поселения ничего не осталось, кроме нескольких заросших фундаментов. Благодаря знанию автобиографии святителя и местному проводнику удалось определить дом, в котором проживал епископ Лука. Именно от фундамента этого дома автор взял кирпич, который теперь находится в основании храма святого в городе Норильске.

В 2018 году в г. Норильске было окончено строительство церкви и воздвигнут храм во имя святителя Луки Архиепископа Красноярского, в котором со дня Святой Пасхи того же года регулярно совершаются богослужения, а сам храм, став кораблем спасения, бережно

²⁸ Указ Управляющего Красноярско-Енисейской Епархией архиепископа Красноярского и Енисейского Антония № 35 от 26.01.2006 г. // Архив автора.

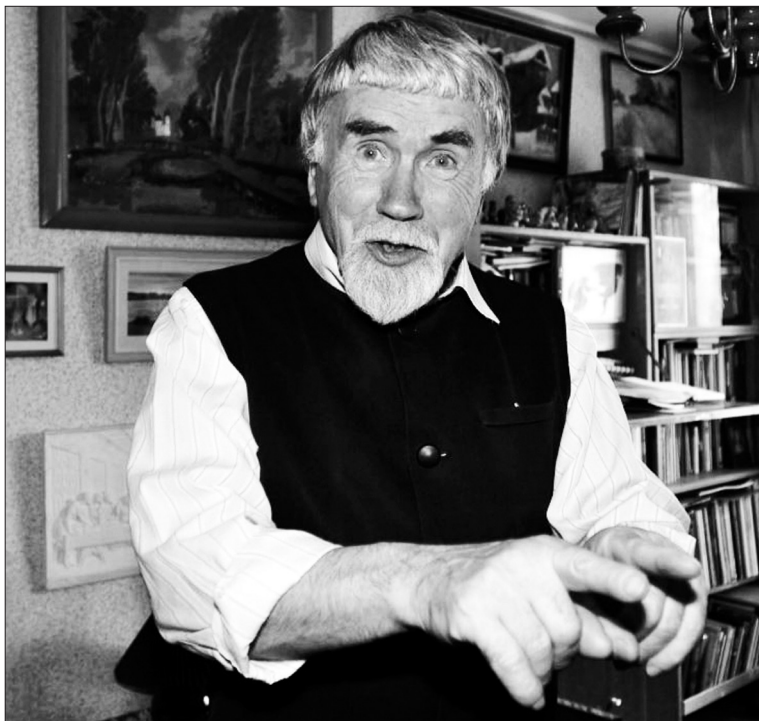
²⁹ На месте самой северной ссылки свт. Луки (Войно-Ясенецкого) установлен поклонный крест // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/295192.html> – Дата доступа: 08.02.2021.

несет своих пасомых в мир Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, находясь при этом под омофором Красноярского исповедника, святителя Луки. 2021 год – юбилейный для прихода, отмечающего свое 15-летие со дня образования.

В наше время новых бурь и противостояний между государствами и людьми, образ святителя Луки и примеры его исповедничества и жизненных принципов становятся маяком, иногда так необходимым верующим, живущим в мире телевизионной лжи и социальной несправедливости. И в год, когда мы чтим память о 60-летию со дня его упокоения, мы благодарим Господа Сил за этот светильник веры, от которого обогреваемся и твердо смотрим на освящаемый им во мраке путь спасения.

*Норильск, Россия
Февраль 2021 г.*

IN MEMORIAM

Валентин Курбатов
(1939–2021)

Фото Юрия Белинского
из книги *Дневник*

Наталия Большакова-Минченко

«НО ВЕДЬ МЫ ЖЕ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ?..»

Фрагменты переписки с В. Я. Курбатовым

6 марта 2021 г. на 82-м году жизни в Пскове скончался Валентин Яковлевич Курбатов – замечательный писатель, литературовед, литературный критик; лауреат премий им. Льва Толстого, Павла Бажова; Патриаршей литературной премии, Государственной премии РФ в области литературы и искусства; автор многих книг, статей. Верный рыцарь веры и культуры.

«Новый Завет – не книга для чтения. Это – кровообращение и мера духовного устроения. Это навсегда. Просто с годами чувство может притупиться, а при лени – механизироваться – привычка к обряду и литургии по воскресеньям часто ослабляет связь с Книгой. Привычка, увы, часто оказывается сестрой равнодушия». (В. Курбатов, из дневников.)

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем письме, адресованном вдове писателя Инне Федоровне, коллегам и друзьям, написал: «С печалью узнал о кончине Валентина Яковлевича Курбатова. Прекрасный прозаик. Один из лучших литературных критиков России, Валентин Яковлевич многие годы посвятил изучению отечественной словесности XIX–XX веков.

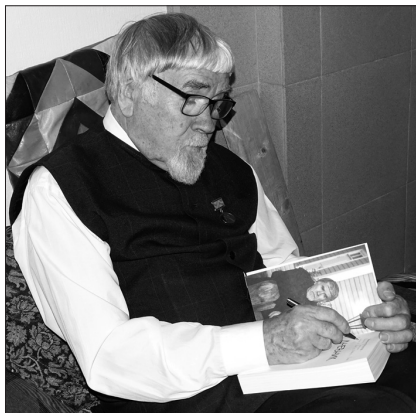
Мне довелось лично знать почившего. Будучи глубоко верующим человеком, стремившимся жить по Евангелию и при любых обстоятельствах старавшимся следовать высоким нравственным принципам в профессиональной и общественной деятельности, Валентин Яковлевич своим творчеством и самым образом жизни

словно соединял прошлое с современностью, убедительно свидетельствовал о красоте и истинности Православия.

Разделяя скорбь родных и близких, друзей и коллег усопшего, возношу молитвы об упокоении его души в обителях небесных. Вечная ему память!

С искренними соболезнованиями, Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси».

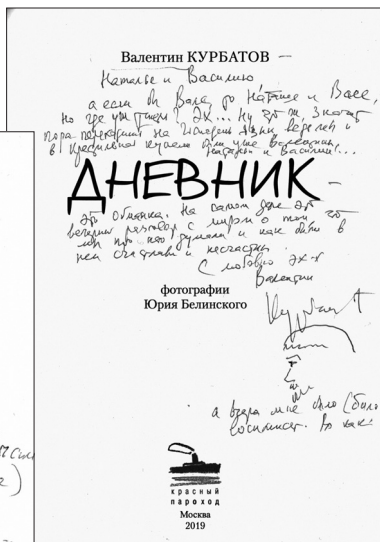
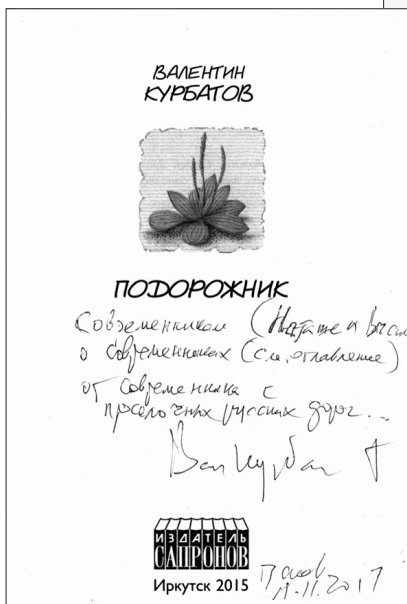
До последнего часа Валентин Яковлевич «бежал жить» (по его собственному выражению) и созидать жизнь – писать; рождать идеи, созерцать красоту. И скорее бежать на дорогу, чтобы обнимать друзей, которые вот-вот приедут...

Псков, 1 октября 2019 г.
Фото Василия Минченко

были в нем счастливы и несчастны. С любовью, Валентин». Подпись...

Фотография сделана в момент, когда Валентин Яковлевич надписывает нам только что вышедшую свою книгу *Дневник*: «Валентин Курбатов – Наталье и Василию, а если бы Валя, то Наташе и Васе [...] *ДНЕВНИК* – это обманка. На самом деле это вечерний разговор с миром о том, что мы про него думаем и как

А вот дарственная надпись на книге *Подорожник*¹:

«Современникам (Наташе и Василию) о современных

современниках (см. оглавление) от современника с проселочных русских дорог...

Вал. Курбатов. Псков. 11.11.2017».

Сколько он прошел этих проселочных русских дорог! И кого только ни встретил на них?! Можно сказать, что очерки Курбатова о писателях, записи о встречах с разными людьми, с современниками «интересны как портрет времени и собственный мой портрет, как одного из человеческого потока, “типичного” прохожего уходящего поколения.

¹ Курбатов Валентин. Подорожник. – Иркутск: Издатель САПРОНОВ, 2015. – 456 с.

...Дневник минувших лет. А он может быть уместен и интересен только как исповедь, как прямое свидетельство: “Так было”.

...Да и время ухватывается за нас, и ему хочется увидеть себя со стороны, отразиться в слове – единственном организме, неподвластном смерти. Не зря еще в евангельском детстве человечества было сказано, что “слово плоть бысть”. Вот и время, одетое в слово, говорит, что все мы – плоть едина, что мы и есть то, что зовется жизнью, а она не сама по себе идет мимо». (Из предисловия к *Дневнику*².)

Как удивительно свидетельствует о Валентине Яковлевиче одна из страниц, посвященная одной из современниц в книге автографов *Подорожник* – Анастасии Ивановне Цветаевой, написавшей в его тетрадь автографов 1 мая 1982 г. такие строки:

Мне восемьдесят лет. Еще легка походка,
Еще упруг мой шаг по ступеням,
Но что-то уж во мне внимает кротко
Предчувствиям и предсказаниям – снам.

Мне восемьдесят лет. Сие понять легко ли,
Когда еще взбегаю по холму,
И никогда еще сердечной сильной боли,
Ни головной – но сердцу моему

Уж ведомо предвестия томленье,
Тоска веселья, трезвость на пиру,
Молчания прикосновенье
К замедлившему на строке перу.

1974, берег Коктебеля

² Курбатов Валентин. Дневник. – М.: Красный пароход, 2019. С. 5, 6.

Курбатов на это написал: «Господи, нам бы с нашей сытой душевной гладкостью просто дожить, без ее испытаний, до этих восьмидесяти лет! А не то, чтобы сохранить такой чистый ум и чудесную силу дара»³. Он пишет это в полном расцвете – в свои пятьдесят. И мы видим, – он не просто дожил до восьмидесяти, сохранив и ясный ум, искрящийся неподражаемым юмором, и легкость «на подъем» (и внутреннюю и внешнюю), что равноценно молодости, и такое чувство радости жизни, что понимаешь, – вот она *жизнь с избытком*! Он чутко ощущал ценность каждого дня: «его труд, счастье повседневной скуки, счастье жить».

И еще из *Дневника*: «Как быстро прошла жизнь! Но разве она прошла, если успела стать словом? Оно было не бог весть каким, не целилось далеко, не искало славы, а только вглядывалось в чудо жизни и благодарило ее за свет и порой корило за тьму. И теперь я неожиданно думаю, что Господне Слово, которое было у Бога и было Бог, начинавшее мир, было семенем, из которого зашумела вся человеческая земная речь, и Слово это длится и животворит жизнь, делая ее вечным сегодня, так что и мы благодаря свету Слова бессмертны в нем вчера и всегда!»⁴.

Для нас имя Курбатова связано с именем дорогого отца Виктора (Мамонтова), благодаря кому и произошла наша встреча с Валентином Яковлевичем, с иконописцем отцом Зином (Теодором) и общиной Мирожского монастыря в Пскове, с братьями Петром и

³ Курбатов Валентин. Подорожник. – Иркутск: Издатель САПРОНОВ, 2015. С. 56.

⁴ Курбатов Валентин. Дневник. – М.: Красный пароход, 2019. С. 395.

Павлом. И, может быть, поэтому хочется поделиться с читателями альманаха фрагментами нашей переписки, где оживают и эти дорогие имена, и его живой голос, наполненный нежностью и неповторимыми интонациями, и богословскими озарениями, и алканием и жаждой правды. Тем более, что эпистолярный жанр тоже может быть отнесен к виду сочинительства, литературы.

А после нашей – последует публикация переписки В. Курбатова с о. В. Зелинским.

«...Что бы ни писал (дневник, письмо), пишешь “художественное произведение”, главу “романа” или “повести”. И сохрани Бог читателя восстанавливать минувшую историю по дневникам и воспоминаниям ушедших – исследователь напишет на их полях только свой “художественный текст”»⁵.

* * *

16 марта 2015

Спасибо, дорогие Наташа и Василий за последний, 23-й номер «Христианоса».

За дорогой привет из невозвратного минувшего. Как потерял из виду отцов Зинова и Виктора, так, показалось, что и всё, что было при них, осталось там, где времени нет, где живут одни любовь и память. А вы – вот! Как ни в чем не бывало.

Как будто на дворе и правда стоит вечность и люди еще слышат голос отца Александра (хотя они сегодня окликают его еще только в длящемся сопротивлении –

⁵ Курбатов Валентин. Дневник. – М.: Красный пароход, 2019. С. 396.

никак он покоя не дает – чего это он, такой умный и такой «не наш» оказался таким необходимым?).

А вот просьбу вашу выполнить не могу. Не могу написать об отце Павле⁶. Всё-таки я знал его мало, хотя и стоял рядом, когда он первым году в 89-м «получал» от властей храм Жён Мироносиц и хоть иногда мне выпадала честь читать у него Апостол. Слишком сложна была жизнь Церкви тех начальных лет. И, Господи, сколько было врагов у отца Павла даже среди ближайших людей, которые потом будут служить с ним, радоваться каждому его слову, но, как живые дети Церкви, еще почти ничего не разумея в ней, доносить на него, мучить его, бегать от него.

Я и сам был дитя того времени и если бы (дурак!) записывал тогда все эти противостояния, какой это был бы дивный документ времени, как жива была бы история начальных лет нашего духовного возвращения! Но жил и жил. И ничего не писал, и не пытался обдумать.

А теперь уж напрягай-ни напрягай свою стариковскую память, а ничего не вспомнишь.

Нина Семенова пришлет вам текст ближайшего товарища отца Павла, – его старосты от основания храма, его алтарника и его главного чтеца Апостола во все годы Виктора Яковлева.

Это будет лучшим живым свидетельством об отце Павле. А я буду сидеть на завалинке и ждать: не зазвонит ли колокольчик, и выглядывать в окно: не едете ли вы, чтобы скорее бежать на дорогу и обнимать вас.

С любовью Ваш В. Курбатов.

⁶ Имеется в виду прот. Павел Адельгейм (1938–2013). 5 августа 2013 г. о. Павел в своем доме в Пскове был убит ударом ножа в сердце. (*Прим. ред.*)

22 марта 2015

Простите, дорогие Наташа и Василий!

Мне уж, верно, отца Зинова не видывать – на порог не пустит.

Он ведь уж коли порывает, так без возврата. А без него в храме был и сделанное им видел⁷. Подлинно – кристалл!

Конечно, в Литургии всё обретает окончательную завершенность и именно в его Литургическом служении. Другие батюшки, боюсь, этот храм «не удержат». И, верно, можно было бы прийти да постоять в уголке незамеченным. Ну, а что, коли увидит, – ведь это на минуту осердит его душу, а вот этого мне бы уж никак не хотелось. Так что мне остается надеяться на свидание с Вами в более «безопасном месте».

Что до святого, которого хотелось бы написать, то как ни оглядывался, а увидеть не мог. Святые-то, кажется, только святым и являются, а нашему брату, духовно суетному и поверхностному, и батюшки такие же. Они-то, может, и глубоки, и высоки, да мы малым зрением видим только то, что нам по зрению... Да и попробуй-ка после отца Зинова найди кого «ростом подстать».

Братски обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

⁷ Речь идет о нижнем храме Федоровского собора в СПб, весь интерьер которого, иконы, фрески, алтарь выполнены по проекту и при непосредственном участии иконописца архим. Зинова (Теодора). (*Прим. ред.*)

23 марта 2015

Дорогие мои Наташа и Василий!

А я вот вместо святого возьму, да и pošлю Вам стихи отца Сергия Круглова, который служил в Минусинске, а теперь, говорят, в Москве.

Вот тут что хочешь, то и думай о русских иереях последнего времени. Я, кстати, читал порой его стихи отцу Павлу Адельгейму, и он только, как отец Зинон, поднимал согнутый палец и говорил таинственное, Бог знает, что означавшее: «Вот!». А батюшку боюсь с поры, когда мы уже разошлись и мне было отказано в посещении Мирожского монастыря, а тут иду мимо храма Михаила и Гавриила архангелов и вижу, что отец Зинон на лесах пишет образ архангела Михаила. Ну, я и разлетелся: «Бог помочь!» А он повернулся с лесов, поглядел на меня, как на неодушевленный предмет, и ни слова не говоря, опять повернулся к образу.

Я умер и ушел. И уж с той поры больше попыток не делал.

И, боюсь, не сделаю, хотя часто вижу его во сне, светло и радостно принимающего меня, так что просыпаюсь в слезах благодарности.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

12 апреля 2015

Дорогие мои Наташа, Василий!

Всё никак не приду в себя после смерти Валентина Распутина! Сорок лет были рядом и порой только за него и ухватывался посреди уж совсем разгулявшейся лжи... И вот никак не соберу сердца.

Даже и службы впервые не все выстоял. И сегодня с особенной печалью слушаю: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный».

Ведь подлинно каждый день – сей! Каждый назван и узнан в лицо, как единственный. А будет ли другой-то «сей» – Бог весть...

«Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресения Христа блистающая, и радуйтесь рекуща ясно да услышим победную поюще.

Воскресения день и просветимся торжеством и друга обьемем».

Очистим, очистим, хотя уж иногда кажется, что мир и мы сами столько натащили в наши «чувствия» неотмываемого, что все наши духовные «гигиенические» поползновения тщетны.

А все-таки «обьемемся» и не оставим надежды.

Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов.

30 апреля 2016

Дорогие мои Наташа и Василий!

Совсем скоро – по бесконечной России в разный час – встанет иерей, владыка, патриарх перед закрытой дверью храма и воскликнет: «Да воскреснет Бог!» и мы, войдя, не увидим Плащаницы, покрывавшей тело Спасителя. «Что ищите Живаго с мертвыми?» И подхватим Ангельскую песнь чистым сердцем. Господи, хоть бы на этот час действительно чистым, которым однажды и будет спасён мир. «И ненавидящих нас простим вся воскресением». И ненавидящих больше не будет, и мы впервые за историю и теперь уже навсегда «друг друга обьемем», чтобы сказать с полнотою веры

«Христос Воскресе!» и поверить, что теперь навсегда Он «ад умертви блистанием божества» и смерти больше не будет.

Как просто! Как трудно! Но зачем-то нам еще даны дни жизни...

Обнимемся!

Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов.

24 августа 2016

Дорогой Валентин Яковлевич!

Мы, с Божьей помощью, дожили до выхода Христианоса-25, который к концу этой недели должен быть полностью готов, и Василий мой сегодня едет в Москву, чтобы тираж альманаха забирать из типографии (печатаем альманах в Москве). Посвящен он теме монашества. Но в конце есть рубрика «Приношение Христианосу» (по случаю 25-ти летия), где мы поместили и Вашу замечательную статью, опубликованную в 2003 г. в «Истине и Жизни» – «Соль и крапива. Альманах Христианос: мужество веры».

Посему хотели бы Вам предоставить авторский экземпляр.

Василий уезжает из Москвы в Ригу 01.09. Не будете ли Вы, или кто-то из Ваших друзей-знакомых в эти дни (с 26.08. по 01.09.) в Москве? Телефон Василия в Москве: + 7 916 XX XX XXX.

Если никакой оказии не случится, пошлем Вам альманах по почте.

В ожидании отклика, с любовью, искренне Ваши, Наташа и Василий.

Пришлите, пожалуйста, Ваш почтовый адрес.

24 августа 2016

Дорогие мои Наташа, Василий!

Вон как – уже двадцать пятый выпуск! Поверить ли?

«Прошли года чредою незаметной и как они переменили нас»...

Да, кажется и православие наше переменили. Прежний пламень как-то поугас. Всё стало ровнее и покойнее. Хотя, может быть, это оттого, что нет рядом отца архимандрита (обоих – отца Виктора и отца Зинона). А молились бы с ними, так помнили прежний огонь и «новизну» Литургии, словно она написана ими вчера и горит в них слепящей, изумляющей их самих новизной. Вот уж к кому нельзя было «привыкнуть»!

В Москве, к сожалению, не буду (хотя сожаление тут не о самой Москве, а только о том, что не пересечемся).

А домашний адрес вот:

180024, Псков-24,

XXXXXX Россия

С благодарностью

Ваш Вал. Курбатов.

31 августа 2016

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вчера Василий отправил Вам из Москвы экземпляр «Христианоса-25».

Когда получите, напишите, пожалуйста.

В июле мы были у отца Виктора, он нам обоим явно радовался, смеялся, жал руки. За два дня мы отчетливо услышали от него три слова. Тогда он не вставал, сейчас кое-как с помощью, вроде бы может встать на ноги и пересесть на стул.

Вот такие дела.
Обнимаю,
Искренне Ваша Наташа

1 сентября 2016

Господи, Наташа, а я ведь и не знал о болезни отца Виктора.

Судя по тому, что Вы пишете, у него был инсульт. Нет, кажется, испытания мучительнее. У меня есть товарищ из старых фотографов Виктор Ахломов, снимавший полстолетия весь русский художественный мир и все время бывший в центре человеческого хоровода – счастливый, разговорчивый, неостановимый...

И вот уже третий год он только «растение», уже не умеющее выговорить ни слова, хотя по мукам лица еще умеющее понять говоримое другими. Помогите, Господи, детям своим!

По получении «Христианоса» напишу. Если задержусь, не смущайтесь – седьмого еду на неделю в Ясную Поляну, куда езжу уж двадцать лет вести там «Писательские Встречи». Ну, да авось, сборник придет раньше.

Благодарю и обнимаю Вас. Коли случится еще быть у отца Виктора, обнимите его и от меня.

Ваш В. Курбатов.

1 сентября 2016

Ой, дорогой, я думала, что Вы знаете о батюшке, ведь я Зелинскому рассказываю. У о. Виктора болезнь Альцгеймера, началась она лет 10 тому назад (по моим наблюдениям, хотя я не врач, но, когда 20 лет связан с человеком, и вдруг видишь изменения личностные...), пыталась я бить тревогу, но окружающие уверяли меня,

что все нормально. Больше 6-ти лет он не служит, не выходит из дома, не может разговаривать, не узнает и пр. Кроме того, тяжелое соматическое состояние, дважды за эти годы был на грани, но спасли, и вот мы в июле поехали, когда жизнь его зависла над смертью. Все очень мучительно.

Отец Зинов в 2014 г., когда мы у него на литургии были в Питере, потом за чаем спрашивал меня, что с батюшкой, ибо Зинов как-то звонил ему, еще тогда о. В. брал трубку, но не узнал Зинона, не мог ничего понять, кто звонит и т.д.

А мы 6-го улетаем в Милан, оттуда в монастырь в Бозе (в альманахе увидите автора – монаха этой общины), на конференцию. Но компьютер берем с собой.

Будьте здоровы, всех благ, Ваша Н.

7 сентября 2016

Получил, получил, дорогие Наташа и Василий, юбилейный номер.

Хорошо, что успел до Ясной, куда уезжаю сегодня. Тотчас перелистнул и так бы никуда и не ехал, а сразу перебрал бы сокровища номера, побыл в родном кругу. Но пока другие заботы и беспокойства.

Уж вот вернусь после 15-го тогда... Спасибо, спасибо! Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

8 ноября 2016

Дорогой Валентин!

Весть скорбная – сегодня ночью в больнице умер наш батюшка архимандрит Виктор (Мамонтов).

Ваши Н. и В.

8 ноября 2016

Родные мои Наташа, Василий!

Всею скорбью с Вами. Позвонил Петру, чтобы он известили отца Зинова (на случай, если у Вас нет его адреса и телефона).

Петр теперь с отцом Зиновом. А Павел, кажется, уже отрезанный ломоть.

А мне тотчас вспомнилась наша юность с тогда еще просто Виктором Мамонтовым, с которым мы ходили в «молодых критиках» в Переделкинском семинаре – году в 72-м, когда он еще действительно был молод, а я уже «в годах». И как заглядывались на Виктора великие старухи – Лиля Брик, Мариетта Шагинян, Катерина Виноградская (автор сценария фильма «Член правительства») – он был красив и молодостью, и умом. И жил тогда еще на Сахалине.

А потом мы уже гостили у него с отцом Зиновом. И не было счастливее этих всенощных бдений и Литургий, и долгих вечерних бесед. И как они шли со службы по снегам под луной – крылатые под ветром, легкие, летучие – ночная стража...

Как горько умножать день от дня ширящийся заупокойный листок новым дорогим именем...

С любовью Ваш В. Курбатов.

8 ноября 2016

Спасибо, дорогой Валентин Яковлевич, за Ваш сердечный отклик!

И спасибо, что позвонили Петру, чтобы отец Зинов узнал, – я сегодня просила отца Виктора Григоренко, который служит в Семхозе (где жил и был убит о. А. Мень, и на месте убийства храм прп. Сергия, где

фрески писал о. Зинон), чтобы он сообщил тому человеку (кажется, его имя Александр), с которым о. Зинон сейчас вместе, чтобы сообщили ему о кончине батюшки. Мне это представляется очень важным, чтобы Зинон знал. Но от о. В. пока не было никакого сообщения на мою просьбу. А у нас нет его адреса и телефона.

Как хорошо Вы пишете о юности и о «ночной страже», – мы оба просим Вас написать об отце Викторе для Христианоса. Пожалуйста, не откажите, у Вас столько накоплено и воспоминаний, и образов, и «общих троп», и Вы вели записи, – это ведь все бесценно! И где же, как ни в Христианосе, в котором уже с первого номера участвовали и о. Виктор, и о. Зинон, публиковать Ваши воспоминания об отце Викторе?! Если есть фотографии, то можно отсканировать и опубликовать тоже.

Христианос-26 задумано посвятить 100-летию Поместного Собора Российской Церкви 1917–1918 гг., и, отчасти, – 100-летию революции. И сделаем отдельную рубрику «Памяти отца Виктора».

А про горечь потери – можно только молчать и плакать. Читаем Евангелие от Иоанна.

Обнимаем, с любовью, искренне Ваши Наташа и Василий.

13 ноября 2016

По этим ссылкам можно увидеть любительский фильм и услышать радиопередачу об отце Викторе.

<https://www.facebook.com/larisa.scukina/videos/986840991379464/>

<http://lr4.lsm.lv/lv/lr/arhivs/?channel=4&y=2016&m=11&d=12>

13 ноября 2016

Спасибо, родные Наташа и Василий!

И радиопередача прекрасна, и любительское кино ненаглядно.

И голос уже подзабытый, постаревший, но всё тот – мягкий и бережный к слову.

А написать я навряд что-то смогу, потому что память провалилась и ничегошеньки не помню из наших разговоров, хотя тогда привязались друг к другу и по отъезде перекинулись несколькими весточками, которые я не сохранил, меня только удивило, что с Сахалина он прислал открыточку с московским храмом и закончил «помоги нам, Господи!», хотя мы ни разу, кажется, прямо о церкви не говорили. А говорили больше о Волошине, о «Весах» и «Аполлоне», о входившем в моду «серебряном веке». И он улыбался, когда Мариетта Шагинян укоряла меня в «бердяевщине», которую она заметила в одной из моих статей.

Виктор посмеивался: «Ага, попались!». А я грозил ему, что вот Лиля Брик укорит его в «мандельштамовщине» и посмотрим, что страшнее.

И, странно, в малой переписке моей с А. И. Цветаевой ни слова о Викторе, хотя мы встречались с Анастасией Ивановной в начале восьмидесятых, когда она уже крестила его и когда я писал книжку о Пришвине, и «бегали» вместе в церковь в Феодосии, когда жили в Коктебеле, и в Москве в церковь Всех Скорбящих Радость у Третьяковки – меня пленяло, как зимой она «бежала» навстречу и рукавички её зимой по-детски болтались из рукавов на веревочке.

Да я и сам поздно узнал о том, что Виктор в монашестве – когда уж он был «игумен» – узнал случайно от

отца Зинова и мы тогда же и полетели к нему – кажется, году в 89-м. Только их любящие взгляды и запомнились. И мне всё мерещилось, что и мне перепадает этой любви из «остатков» его любви к Зинону, но мне и «остатков» было через меру. И всенощная помнилась, где прихожан-то и не было. Только какая-то бабушка с мальчиком. Мальчик сначала все подкладывал дров в топящуюся печку и глядел на огонь. А потом сморился и уснул. И я не могу наглядеться на храм в его редкой целостности, хотя он принял его «намоленным» с бумажными иконами и диким внутренним убранством православной «красоты». И он взял и убрал всю эту «красоту» и содрал всё внутри до голых стен к ужасу и жалобам прихожанок. Но зато, когда всё собралось по-новому и стало так, как мы с Вами видели, те же бабушки кланялись в ноги и благодарили – «вот, значит, где Господь-то живет, а мы, дуры...».

Я известил о его кончине моих старых друзей, которые когда-то жили в Южно-Сахалинске и одна из его тогдашних знакомых, много старше его, но они как-то там все друг друга знали, ответила вот этим:

Виктора Мамонтова мы знали, когда он ещё работал преподавателем филологии в Южно-Сахалинском пединституте. Был по-юному красив, изящен, рафинирован. Ходили вместе в сопки, «в походы», где он, изысканный человек, подавал руку дамам, чтобы помочь перескочить через колдобины. Всегда нас сопровождала наша чёрненькая дворняжка «Тучка», о которой Виктор говорил: «Тучка-очаровашка».

Потом слышали, что Виктор, уже будучи в аспирантуре, уехал в Москву, где должен был встретиться

с Анастасией Ивановной Цветаевой, ожидая от неё информации о М. Волошине, – теме его диссертации.

Какие уж там велись беседы с Анастасией Ивановной, а только защищать диссертацию он не стал, а принял постриг.

Позже, уже в Карсаве, куда мы с Алёшей приезжали его навестить, признался, что начало его тайного воцерковления восходит к тем самым южно-сахалинским «походным» временам, когда наша дикая молодая орда ни о чём подобном и не помышляла. А ведь в ту пору на Сахалине не было ни одного храма, не только православного, но и синтоистского, после японцев.

В Карсаве мы встретили уже совершенно другого Виктора. И хоть он предлагал нам обращаться к нему по-прежнему запросто «Виктор», это было уже невозможно. Уже была у него другая – духовная – статья. Этим он вовсе не кичился, был прост, доброжелателен. Ухаживала за ним родная его сестра (Лариса, кажется?). От неё требовалось никогда не входить в его келью-комнату и не касаться его тела по-родственному.

Вечером того дня о. Виктор повёл нас в храм, выстроенный, знаю, его попечением. Не помню, во имя кого. Деревянный, в котором я как-то особенно всегда чувствую, что «нет перегородок до неба», что это земная проекция Первородного храма Природы.

В храме была одна певчая, интеллигентная дама, хорошо знавшая службу. Из прихожан – мы двое с Алёшей. Знаю, что, независимо от числа присутствующих, о. Виктор всегда служил по полному чину.

На мой взгляд, он каким-то дальновидным архипастырем был направлен на российско-латвийские рубежи

утверждать и охранять там устои Православия. Этому и была подчинена вся его жизнь.

Когда скончался Алёша, я позвонила в Карсаву. К телефону подошла сестра, которую я просила передать о. Виктору просьбу о поминании. О. Виктор к телефону сам уже не подходил.

Слышала, что рьяное исполнение монашеских обетов, неустанных постов «обесточило» его костный состав, и о. Виктор просто в одночасье рухнул с переломами ног. Знаю, что большого труда стоило уговорить его лечь в больницу в Риге. Лежал в больнице он и незадолго до смерти, но умер дома.

Царство Небесное истинному подвижнику веры Христианской! Вечная память и вечный покой!

Оля Агриколянская рассказала мне интересный факт об о. Викторе. Будучи ещё преподавателем, он отправился в кругосветный круиз, а, воротившись, пришёл в деканат и выложил свой партбилет, сказав, что уходит в монастырь. Все приняли это за шутку. В те поры ещё ведь редко кто сдавал партбилеты. В какой монастырь он подался – не знаю. Да и мы в 1968 году уже уехали с Сахалина.

Вдруг Вам для чего-то понадобятся и эти малости. Еще раз спасибо за передачи.

С любовью Ваш В. Курбатов.

18 ноября 2016

Дорогой Валентин Яковлевич!

Спасибо за эхо, за «крохи» об отце Викторе, – это Ольга Агриколянская все пишет об о. Викторе? У нее

есть биографические факты, которые мне не были известны. Хотя, есть и неточности (например, переломов колен у него не было. Умер в больнице, а не дома.). Можно ссылаться на нее? Где она сейчас, откуда вы получили от нее ответ? Дело в том, что ко мне обратился проф. А. Гаврилин из Латв. Универ., просит в его Сборник «Православие в Балтии» дать большую статью об о. Викторе с ссылками на все источники и пр. Поэтому мне нужно поточнее об Ольге Агриколянской знать. Очень ценно дать о батюшке в «Православие в Балтии», ибо это для историков крупных университетов сборник и Тартусского, и Российских, и в Германии, Финляндии, и США, и Канады, и пр.

Завтра мы улетаем на 10 дней в Германию, потом напишу о похоронах батюшки, это был необыкновенный, единственный в своем роде день, так не бывает и быть на земле не может...

Обнимаю, будьте здоровы, Ваша Н.

19 ноября 2016

Нет, Наташа, я не знаю Ольги Агриколянской.

Эти сведения присылала мне моя старая знакомая Алина Яковлевна Чадаева, которая и знавала отца Виктора в Южно-Сахалинске.

Если Вы, сославшись на меня, опишете ей, она, может быть, расскажет больше.

Может быть, расскажет и об Ольге Агриколянской, и о её знакомстве с отцом Виктором.

Жалко, что я сам так беспамятен и в свой час не вел дневников – теперь бы цены не было.

Обнимаю Ваш В. Курбатов.

19 ноября 2016

Спасибо, дорогой,
я просто неправильно Вас поняла, – Вы упоминаете
О. Агриколянскую.

Алину Яковлевну я знала в Москве, в связи с моими
занятиями творчеством А. П. Чехова. Ведь она занима-
ется или занималась Чеховым? Я не путаю?

Тогда я после Германии напишу ей, напомним о себе
и поспрашиваю о Южно-Сахалинске и на Вас сошлюсь.

Если Вы знаете о каких-то биографических событи-
ях и датах в жизни о. Виктора, напишите, пожалуйста,
вообще, любого рода данные о нем, если есть, присы-
лайте. Надо сейчас все точно собрать.

Помолитесь о путешествующих, через час – в аэро-
порт.

Ваши Наташа и Василий.

21 ноября 2016

Да, Наташа,
это та Алина Чадаева, которая про православного
Чехова.

Скорее возвращайтесь и пишите – она побаливает.

Ей ведь за восемьдесят. Вступаем в возраст, когда
дни «все короче».

Курбатов.

6 января 2017

Родные мои Наташа и Василий!

Каждый год я пишу эти слова родным и друзьям и
каждый год они – новость и загадка!

«Христос с небес – срящите! Христос на земли –
возноситеся!» Это чудо встречного движения.

Пустимся с ангелами и пастырями и волхвами за звездой, ведь мы опытом долгих лет знаем, что подлинно *«нас ради* родился Отроча Младо – Превечный Бог». *Нас, нас*, непутевых, каждый день теряющих из виду и пастырей, и волхвов, а с ними и Путь.

Но Он – Истина и жизнь – не оставляет нас, потому что ведь и живет Он в нас – «на земли».

Мы – Его дом. И вот Он с небес Младенцем от Бога летит к нам ободрить и выпрямить, а мы с Ним в сердце устремляемся к небу и Богу, чтобы встретиться в общем доме – вечности. В сущности, мы после крещения каждый день совершаем этот путь – с небес к себе и от земли к Отцу. Сами себе отцы и дети. Разве зоркости и отваги не хватает видеть это каждый-то день – как тогда жить при нашей-то слабости. Где взять сил? Вот и является укрепляющее Рождество.

Христос рождается – славите!

Обнимаю вас с нежностью Ваш В. Курбатов.

8 января 2017

Дорогой наш Валентин Яковлевич!

Душевно Вас благодарим за поздравление и за то, что Вы делитесь с нами Вашими мыслями, богословием Рождества! Очень эти Ваши точно найденные слова трогают и сердце, и возбуждают к продолжению мысли... Спасибо Вам!

И радостно так, что мы, хоть и редко видимся (что жаль, конечно!), но такой глубинный внутренний контакт остается нерушимым, и, возможно, даже еще более скрепляется.

Хочется послать Вам в виде Рождественского привета передачу на Латвийском Радио записанную перед

Новым годом, когда в Риге проходили молитвенные встречи для христианской молодежи (и не только), проводимые общиной монастыря Тэзе.

На этой странице в 16-10 передача «Диалог».
<http://lr4.lsm.lv/lv/lr/arhivs/?channel=4&y=2017&m=1&d=07>

В ночь Рождества мы были на литургии, и за Вас тоже записку на проскомидию подали, так что мы были вместе.

Желаем Вам, дорогой наш друг, Радости Нетленной, духовного обновления, бодрости и сил, и здоровья всем Вашим близким!

С любовью, Ваши Наташа и Василий.

ХРИСТОС ПОСРЕДИ НАС!

18 января 2017

«Глас Господень на водах вопиет глаголя: приидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия...»

Как же! Так мы и разбежались, ведь потом с этим Духом премудрости, разума и страха Божия надо сразу иначе жить и отвечать за каждое слово и поступок.

А мы лучше сходим «за водичкой», отметимся и живи себе дальше...

А Глас всё вопиет и вопиет и «секира всё при корене», а мы вперед, за батюшкой-прогрессом. И с каждым днём безумнее.

Простите, дорогие Наташа и Василий, за такое неловкое поздравление.

Да усталость к радости не пускает, хотя всё еще и подставляюсь под Иорданскую воду Крестителя.

Ваш В. Курбатов.

18 января 2017

С праздником Богоявления, дорогой Валентин Яковлевич!

И опять – такие слова, мысли, все точно! А Боговоплощение – мимо, как будто не ради нас.

Но сегодня ночью – ведь все стихии освящены. Невроятно!

Спасибо за прекрасное фото! Это Вы где?

А наша Алина Яковлевна так меня обнадежила в начале декабря, что вскоре пришлет воспоминания об о. Викторе, и потом – молчание. Я ей напомнила, спросила. Увы... видимо, не до кого другого ей, кроме как до себя и писателя, который, по ее словам, «рядом с ней 7 лет», и их книги (обоих) мне будут очень интересны, и что я в Москве будучи, должна их посетить, и все эти книги увидеть...

Но одну «деталь» важную я вставила из письма, и ссылку на нее дам. Пишу для «Православия в Балтии», выверяя, сопоставляя свои данные из разговоров с батюшкой, с тем, что где-то правдиво кто-то свидетельствует, но такого мало. Интернет уже полон «сочинительством» об о. Викторе.

Обнимаем Вас, дай нам Бог обновления Духа!

Ваши Наташа и Василий.

25 января 2017

Дорогой Валентин Яковлевич!

В приложении – фото, на котором не Вы ли справа? Большая просьба, по возможности, поскорее, ответить, где это снято (Псков? Или ...?), в каком году (хоть примерно, какие годы?), возможно, начало 90-х годов.

Эта фотография может быть опубликована вместе с моей «академической» статьей об о. В. Мамонтове в научном сборнике «Православие в Балтии», статью уже отправила и свои фото, а сейчас получила от Дм. Трубецкого вот эту фотографию.

Обнимаю, Ваша Н.

26 января 2017

Увы, Наташа, меня на фотографии нет.

А сделана, судя по фону, у кельи отца Зинова в Печерском монастыре, когда он жил в звоннице. Год, наверно, 1993-4-й, потому что потом начался Мирожский монастырь.

Простите. Только прибежал из Питера. Получал в Александро-Невской Лавре Православную литературную премию им. Александра Невского.

Опять нашему владыке беспокойство.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

15 апреля 2017

Еще «молчит всяка плоть человека», но «ангели уже поют на небеси», призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идет с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: «Христос Воскресе, радость моя!», потому что для него камень-то отвален от гроба еще тогда и навсегда. И навсегда «Его нет здесь, Он воскрес!»

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы и мы бы светали лицами и никогда бы из Дивеева не делали «Арза-

маса-16». И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья, и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь.

Но, слава Богу, бескрылые еще можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие.

Христос Воскресе, родные мои Наташа и Василий! Курбатов.

7 ноября 2017

Здравствуйте, дорогой Валентин Яковлевич!

Радуемся предстоящей скорой нашей встрече, хотя едем 9-го ноября во Псков, чтобы успеть к 40-му дню по кончине брата Павла⁸. Очень горько. Мы планировали еще летом, что в ноябре приедем в Псков, обсуждали с Ниной, она сказала о нашем намечающемся приезде Павлу, он радовался, как и мы, скорой встрече, т.к. мы давно не видались, но всегда друг друга помнили... Когда-то он приезжал к нам в Ригу. Так трудно принять эту трагедию, примириться с такой потерей...

Но с о. Евгением⁹ и Ниной мы уже обсудили вероятность нашей и публичной встречи в университетском помещении, для чего о. Евгений попросил меня прислать краткую историю альманаха «Христианос», что я вчера и сделала, и отправила ему. Видимо, когда-то после 12-го ноября, в будний вечер такая встреча состоится.

⁸ Монах Павел (Безчасный), иконописец (1967–2017). Погиб в пожаре в деревне Гверстонь; см. Памяти брата Павла. – «Христианос-XXVII», 2018. С. 381–407. (*Прим. ред.*)

⁹ Священник Евгений Ковалёв – настоятель церкви великомученицы Анастасии Узорешительницы, прихожанами которой были В. Курбатов и брат Павел (Безчасный). (*Прим. ред.*)

Но очень надеемся быть в общении с Вами и 10-го, и на этой публичной встрече (если состоится), и так сказать, приватно пообщаться очень бы хотелось с Вами. Мы выпустили 26-й номер альманаха, который посвящен и 100-летию Поместного Собора 1917–18 гг., и памяти о. Виктора. Привезем Вам этот номер.

На этом пока прощаюсь. Сегодня едем в Карсаву, чтобы быть завтра с утра на литургии в день первой годовщины кончины нашего отца Виктора (Мамонтова), завтра же вечером возвращаемся в Ригу, а 9-го ноября в 15 часов отправимся на автобусе во Псков.

Обнимаем Вас, и, как говорят французы, до скорого!
Наташа

7 ноября 2017

А знает ли отец Евгений, что встреча в университете 10-го ноября?

А то мы с ним виделись сегодня час назад. Он говорил о понедельнике-вторнике-среде...

Надо условиться сразу, а то я тоже мечусь между разными обязательствами...

Бог даст, до встречи...

Обнимаю Вас.

В. Курбатов.

7 ноября 2017

Я имела ввиду, что после литургии 10-го и кладбища, будет в храме у о. Евгения трапеза, так Нина говорила.

А эта встреча в университете, видимо, и будет в понедельник-вторник и т.д., когда о. Е. договорится.

До встречи.

Слева направо: священник Евгений Ковалев, Наталья Большакова-Минченко, Валентин Курбатов – во время презентации альманаха «Христианос-XXVI» в левом приделе (Параскевы Пятницы) церкви великомученицы Анастасии Узорешительницы.

Псков, 13 ноября 2017 г.

Фото Василия Минченко

22 ноября 2017

Дорогой Валентин Яковлевич!

Спасибо за письма и за фото, и за тексты писем из переписки и пр.!

Сразу прочитали, но не было возможности тут же отвечать. Т.к. надо было срочно вдумываться в приглашение на конференцию в Таллин в начале мая 2018 г., обдумать их тему, анонс и придумать свою тему в этом направлении («Надеюсь, значит, существую... Надежда, как педагогика: педагогика надежды»), т.к. поучаствовать очень бы хотелось, а необходимо послать не просто согласие на участие, а и тему своего доклада

на 30 минут, и сделать это до 01.12. 2017. Проводит эту международную конференцию школа Св. Иоанна Божьего слова (частная школа).

Спасибо за номер домашнего телефона. Пригодится.

А вот куда пропал отец Евгений?.. Собирался уже нынче быть в Риге, но ни письма, ни звонка.

А Вас нам тоже не хватает, ведь, кажется, только встретились, обнялись, – и уже опять далеко, через столбы пограничные... Ведь и поговорить толком не успели.

Пока прощаюсь, Василий велит приветствовать Вас.

Обнимаю,

Ваша Н.

1 января 2018

Дорогой Валентин Яковлевич!

Поздравляем Вас с Новым годом! Будьте, пожалуйста, здоровы, бодры, полны радости, творческих замыслов и куражу (как говорят французы)!

Кажется, два джентльмена на фото вполне соответствуют вышеуказанным качествам.

Обнимаем, с любовью, искренне Ваши

Наташа, Василий, Нина (у которой сегодня день рождения, и она же гостит у нас).

2 января 2018

Родные мои, иностранные!

Как без Вас грустно! Нина-то вон р-р-раз и у Вас – чё ей, она Президента не поддерживала... А мне вот сиди, учись не высовываться, помалкивай. Ку-у-да! Будто кто за язык дернет. Вот и сиди! Вот и жди, когда Наташа с Василием приедут и ты вдохнёшь басурманского воздуха свободы.

Оттого и растолстел так, что старая флотская ту-
журка наполовину не сходится. Пойду худеть, чтобы
женские шляпки сидели как влитые...

Обнимаю вас всех сразу и поодиночке. Поодиночке
чуть дольше задерживаясь на девичьем стане.

С Новым годом, дорогие мои! С «летом Господним
благословенным»!

Он-то каждое лето посылает благословенным, да мы,
дураки, умудряемся исказить его.

Ну, уж на этот раз удержим в свете и любви!

Соскучившийся Курбатов.

6 января 2018

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вот опять приближается ангельская песнь: «Слава в
вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволе-
ние».

В эти праздничные дни Церковь воспевает: «Царь
Небес на землю приходит!». Приходит, чтобы Небо ста-
ло смыслом нашей жизни: приходит, чтобы воцариться
в каждой душе: приходит, чтобы облечь нас в Царские
одежды!

Но тайну эту видит лишь смиренное сердце: лишь
благая воля принимает Царя Небес: лишь совлечшись
ветхого Адама, облакаемся в нового!

Доверимся же Божьему Промыслу о путях нашей
жизни, как Младенец Христос доверился нам! И вой-
дем в радость Господа нашего!

Мира, любви, света, здоровья Вам и Вашим близким!

Крепко обнимаем Вас с надеждой, что веществен-
ный привет (пасхального цвета, очень полезный для
здоровья) попадет в Ваши руки. Привет был отправлен

сего дня в 15 часов по рижскому времени с курьером – Ниной Семеновой, которая должна прибыть в город-герой Псков в 21 час по московскому времени.

Ваши неизменные читатели-почитатели-сотрапезники.
Василий и Наташа.

4 января 2018

Милые мои Наташа и Василий! Дорогие «производители “огненной воды”».

А скрывали, что начали её производство еще в 1900-м году. Как было не присоединить Латвию к СССР, когда там производился такой здоровый напиток! И такого правильного советского цвета.

Подарок Ваш сегодня доехал до меня. И первую рюмочку за Ваше здоровье я уже хватил (а вы и не знаете, отчего икаете).

Спасибо. А как было бы славно разделить его вместе на тихой завалинке кухни Нины Семеновой!

Но ведь мы же еще встретимся? Ведь да же?

С Новолетием Вас! Как хорошо начать «лето Господнее благословенное» вместе!

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

15 января 2018

Дорогой наш ценитель!

Надеемся, что стимул приезда к нам обозначился достаточно ясно?!

Так что пора заняться добыванием визы Шенген. Вот так!

С 30.01. по 13.02. мы будем во Франции – в Лионе и в Париже.

А там уже Масленица и Великий Пост.
Хотелось бы до Поста получить от Вас текст для
Христианоса.
Как Вы думаете, получим?
На сем пока прощаемся. Обнимаем, с Новолетием!
Н. и В.

18 января 2018

Нет, дорогие мои,
ничего я для «Христианоса» не пишу. Да и ни для
кого ничего не пишу.
Душа онемела. Даже и чтение идёт через силу. Слова
выветрились.
Эх солнышка бы! Тепла!
Обнимаю Вас.
В. Курбатов.

20 января 2018

С праздником Богоявления Вас, дорогой Валентин
Яковлевич!
Солнышко мы постараемся для Вас устроить, а Вы
не хандрите, уж будьте любезны!
А нам ведь Вас так в альманахе не хватает... так хо-
чется Ваших мыслей, чувств и слов о вере, о христиан-
стве и путях Божиих...
С надеждой и молитвой, обнимаем
Ваши Н. и В.

20 августа 2019

Дорогой Валентин Яковлевич! С Преображением
Господним поздравляем!
«Обыкновенно свет без пламени исходит в этот день
с Фавора...»

Давно мы с Вами не общались, не переписывались.

4-го июля скончалась Рая – Раиса Авраамовна Моисеева (урожд. Мамонтова), сестра отца Виктора. Ездил мы в Карсаву на ее отпевание и погребение.

Ночевали в опустевшем доме, на батюшкиной половине, я – в его келье, где раньше никогда никто не бывал, а Василий – в комнате, где мы когда-то с о. Виктором работали с архивом и пр.

Вот так окончательно перевернута страница, содержащая в себе столько, что и не измерить.

Мы сделали, с Божьей помощью, «Христианос-28», и Василий будет в Москве с 22-го по 26-е августа. Если бы кто-то из псковских друзей был бы в эти дни в Москве, то Василий с радостью бы передал для Вас, о. Евгения, Нины, Татьяны Васильевны и др. какое-то количество альманахов.

Подумайте! Вдруг найдется оказия. Тел. Василия в Москве: +7 916 XX XX XXX.

Посылаем Вам фото из Карсавы.

Обратите, пожалуйста, внимание, что у нас новый эл. адрес.

Смотрели, благодаря Виктору Яковлеву, вечер памяти о. Павла Адельгейма. Порадовались Вашему слову. Спасибо!

Завтра операция у о. В. Зелинского. Ну, Вы об этом, конечно, знаете.

Крепко Вас обнимаем, с любовью,
Ваши Наташа и Василий.

21 августа 2019

Спасибо, Наташа, за возможность проститься с Раисой Авраамовной.

Мы некоторое время после нашей поездки с отцом Зином к отцу Виктору перекликались.

И теперь мне грустно стоялось в родном храме отца Виктора. Простимся, закрылась еще одна страница.

Но зато прибавилось еще одно родное сердце ТАМ, где «ни печали, ни воздыхания».

И нам было хорошо вспомнить, и постоять над могилой отца Виктора и откликнуться на его просьбу о молитве.

А про операцию отца Владимира Зелинского я ничего не знал. Просто опечалился, что он не отвечает на два последних моих письма. А оно вон как.

Сегодня целый день молюсь о нём. И отца Владимира из Любятковской церкви, у которого мы бывали с отцом Владимиром, тоже просил о молитвах. Спрашивают: что за операция, а я и не знаю. Да и важно ли это знание. Боль и есть боль.

Что до оказии с «Христианосом» есть немного сложная оказия – едет в Псков через Петербург издатель Сергей Биговчий, выпустивший недавно мой *Дневник* (вот верстка – взгляните).

Он звал отца Зина и бывал у него (как-то Валентин Дмитрич Берестов спросил у меня: А можно ли говорить «бывывал»? Я улыбнулся и «благословил», потому что «бывал» это могло быть и разовое посещение, а «бывывал» уже предполагает хоть недолгое дружество. Вот издатель бывывал.

Его зовут Сергей Александрович Биговчий. Пусть Василий позвонит по телефону: +7 916 XXXXXXXX и они уже решат – получится ли? И каким образом? Пока Сергей Александрович готов.

Обнимаю Вас и всё выглядываю в окно: не идёте ли к Нинке.

Ваш В. Курбатов

2 сентября 2019

Жалко, что не сошлось...

Но ведь, слава Богу, мы еще молоды (мне так только восемьдесят 29 сентября!) и мы еще сколько раз повидаемся и обо всем наговоримся.

А пока вот нашел (Бог весть откуда портрет отца Виктора) и не могу наглядеться и вспоминаю его безбородого, с черными волосами в ярко желтой рубашке и как на него заглядывались, стесняясь, из-за колонн переделкинской столовой Мариетта Шагинян и Лиля Брик. А у него и тогда уже светила эта нежная улыбка знания и любви.

Обнимаю Вас и благодарю судьбу и отца Зинова, что судьба свела нас...

Ваш В. Курбатов

2 сентября 2019

Дорогой Валентин Яковлевич!

Все хорошо! Василий нашел в Москве оказию в лице дьякона Димитрия, которому и вверил две пачки «Христианоса-28», который должен в течение сентября доставить их в Псков. Как теперь говорят: «Все под контролем!». Так что, думаем, ко дню рождения вашему уже будут альманахи в Пскове, у о. Евгения.

Мы, если получится, возможно, приедем 30.09. в город-герой Псков. Напишем вам, как будет складываться.

А завтра на заре летим в Милан (в монастырь Бозе, об основателе которого статья в новом альманахе), на

конференцию, в Ригу вернемся 7-го вечером, а 11.09 летим в Москву на две конференции (и ведь выступать надо!), да еще во Владимир съездить, а из Москвы в Ригу вернемся 19.09. Вот если после всего этого будем живы, станем и про Псков думать. Ну, и если вы уж очень сильно будете нас зазывать...

И мы тоже с благодарностью тем же инстанциям за радость встречи с вами на дорогах жизни.

Будьте здоровы (по возможности!)

Спасибо за чудесное фото! Обнимаем крепко.

Ваши Н. и В.

3 сентября 2019

Какие непоседы! И в какие разные края дороги-то ведут.

Прежде бы позавидовал, а нынче сию себе и радуюсь, что никто никуда не зовет.

Вдруг улыбнулся образу в Вашем адресе «Амен обществу!»

Отец Александр первым бы улыбнулся своей аббревиатуре. И подлинно – аминь ему, этому обществу!

Во всяком случае в моем старинном понимании. Пришло время «симфонии».

С горечью улыбнулся, увидев, как на Успение в Печерах, владыка Тихон продемонстрировал «симфонию» государства и церкви, даже, можно сказать, показал миру будущий «курс» России.

Впереди всех перед мужиками тяжелый образ Успения Богородицы (в нём без малого полтонны) взвалили на плечи наш губернатор и нынешний секретарь «Единой России» Турчак, так что народ, желавший пройти под образом, сначала должен был поклониться

«Единой России», а уж потом Богородице, а дальше шли Иларион Алфеев и Тихон Шевкунов (два будущих Патриарха) – художники: композитор и писатель и режиссер (что тоже говорило о будущем духовном строительстве России).

Прям идеологическая платформа! Византия! Симфония! И «косясь, постораниваются и дают ей дорогу, другие народы и государства».

Ни в какой лес уже не спрячешься медведей кормить, потому что главный-то лес сегодня – город.

Р-раз! – в толпу и только тебя и видали, пройдут, как мимо неодушевленного.

А в день своего восьмидесятилетия был бы Вам рад. Это будет 29-го в воскресенье.

Да Вы ведь измучаетесь в дальних дорогах и не будете знать, на каком языке и говорить – французском, итальянском, латышском... Приедете, когда будете по-свободнее, и это будет еще радостнее, потому что ничем не заслонится.

Паки и паки обнимаю.

25 сентября 2019

Дорогой Валентин Яковлевич!

Все-таки, мы приезжаем в город-герой Псков, и надемся, он будет этому рад!

Автобус прибудет 30-го сентября в 21 час. Остановимся у Татьяны Дубровской. Отец Евгений обещал встретить нас на автовокзале. Отбываем днем 4-го октября.

У о. Евгения есть наши альманахи, и мы просили, чтобы вам был передан Христианос-28. Получили ли вы его? Очень хочется нам ваших впечатлений! Я вас в своей маленькой вступительной статье цитирую.

Очень ждем встречи с Вами!

2-го, после молитвы в храме (не знаем, будет ли литургия), поедem на могилу к Павлу и в Гверстонъ, видимо. Есть ли еще какие-нибудь намерения у о. Евгения, пока не знаем.

Небольшой рижский сувенир к вашему дню рождения уже приобретен, так что не извольте беспокоиться. 29-го ведите себя хорошо, а там, глядишь, и мы поедem. И устроим попразднство, как это у нас, у православных, принято.

Обнимаем,

С любовью, искренне ваши, Наташа и Василий.

25 сентября 2019

Спасибо, дорогие Наташа и Василий!

1-го непременно увидимся, если не умру.

Второго пока не знаю. Третьего еду в Эстонию открывать визу.

Дни стоят вполне безумные и Экклезиаст с своим добрым «и это пройдет» пока не утешает.

Обнимаю в чаянии встречи.

В. Курбатов.

12 октября 2019

Дорогой и любезный наш Валентин Яковлевич!

Посмотрели Ваши «Михайловские прогулки»¹⁰, и сердца переполнены благодарностью, радостью и ликованием ото всего в целом: и от Пушкина, и природы, и Ваших любви, таланта и щедрости, с коими Вы каждое слово рождаете, произносите и отдаете всем нам!

¹⁰ В. Я. подарил нам копию своего фильма «Михайловские прогулки». (Прим. ред.)

Нижайший Вам поклон, и с надеждой на встречу на нашей, «на датской почве», – ведь Вы теперь выездной!
Будьте здоровы, храни Вас Господь!
Любящие,
Наташа и Василий.

14 октября 2019

Спасибо, дорогие мои Наташа и Василий!
Жалею, что Эстония отняла у меня возможность по-
быть с Вами еще один вечер.

К «Христианосу» только подбираюсь. Всё загоражи-
вают светские заботы. Сейчас вот надо ехать в Москву
на церемонию «Ясной Поляны», а там и вовсе с Георги-
ем Васильевичем в Берлин, представлять свой «Днев-
ник» в тамошнем Пушкинском обществе. Как немцу
без моего «Дневника»?

А я по-немецки-то только и знаю «Хенде хох!» и
«Гитлер капут!».

Эх-х...

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

14 октября 2019

А мы сейчас в Лейпциге. В Берлине будем 21 и 22 ок-
тября. Не попадаем ли на Вашу презентацию? Как было
бы неожиданно прекрасно!!!

В[асилий].

14 октября 2019

Гутен таг, майн либер фройнд. Увы, я буду в Берли-
не только 1-3 ноября. Ауф видер ин Псков.

Ваш В. Курбатофф.

29 декабря 2019

Но-вы-ый го-о-д настаё-т!

И опять отчего-то больше хочется ворчать, чем восклицать.

Ишь настаёт он, «с наступающим!» Наступает и наступает, а мы пятимся и пятимся. И еще заискиваем. А нет чтоб сказать: Встанем как один, скажем: «Не дадим!».

И пусть он побудет нами с нашим вечным ожиданием какой-то таинственной полноты, которая не будет подгонять нас. Ни нашей, ни его заслуги нет в его новизне.

Он просто дан – чего его поощрять-то? Как всякий очередной день.

Правда есть только во второй части восклицания: «С новым счастьем!».

Тут хоть слышна благодарность Господу за ежедневное счастье быть, за Его дар нам, дуракам.

Это после Рождества можно ликовать, что вот опять нам даровано спасение, опять нам отпущен новый год нашей возможности сделаться Господними детьми, хотя мы уже знаем, что нам опять что-то (кроме нас самих) помешает на пути устроения души.

Ладно, разумничался он тут.

Обнимемся, Наташа и Василий, и опять в труд дня, в счастье повседневной скуки и вечного беспокойства, что опять не успели того и вон того.

В счастье жить!

Ваш старый, как уходящий год, Курбатов.

31 декабря 2019

Дорогой Валентин Яковлевич!

Обнимемся, хотя бы в воображении, которым, слава Богу не обделены!

А что еще нам делать?.. Так хотелось бы у одной елочки, за одним столом собраться с вами, с Зелинскими (как-то они приезжали к нам в Ригу на Новый год), и еще кое с кем!.. Но...

Мы с Василием к 19 часам отправимся в лютеранский собор св. Яна на концерт, в коем будут задействованы орган, скрипка, виолончель, и все это при свечах. Потом немножко прогуляемся по Старой Риге, слегка чего-нибудь выпьем и поедем домой, куда к 22 часам к нам подъедет одна наша церковная приятельница, и так вот попразднуем.

Есть все-таки некая тайна, харизма у этого Праздника. Соприкосновение времени с вечностью, что и создает, видимо, предощущение чуда, которое реально только в эту ночь... особенно для тех, кто не знает ночи Рождественской или Пасхальной. Я помню с детства это ожидание чуда, и годами оно сохранялось ярким и манящим, замещая как-то собой чудо Встречи. Душа ведь жаждет именно этого.

Стало быть, с Новым годом, дорогой наш старинный друг, Валентин Яковлевич!

Будем надеяться на радость встречи друг с другом!

На этом почти «Аминь» пока прощаемся и обнимаемся.

С любовью, Ваши Наташа и Василий.

5 января 2020

И опять (старый дак!) только вздохну, как всегда в канун Рождества. Запоём завтра в ночь: «Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» и опять на минуту споткнемся о форму глагола «возсия».

Это ведь уже навсегда сбывшийся, всякому сердцу явленный с Рождеством свет разума.

Такой ясный навсегда открытый и самому мудрёному уму, и совершенному простецу: «Да любите друг друга!».

А мир упорно оставляет себе лазейку и устами наших бабушек поёт «возсияй», то есть обещая себя – мы так ждём. А чего ждать-то?

Он две тысячи лет светит, не уставая, да мы предпочитаем слепоту уклончивого упования вместо того, чтобы с любовью принять и светить миру Его светом, который дан нам в таинстве крещения и в нашем «Верую!».

А «возсияй» и «верую» не согласны. В сбывшемся «верую» я каждым днём должен подтвердить свою веру, а в ожидаемом «возсияй» могу и погодить. Давай-те, дорогие Наташа и Василий, услышим вечное «возсия» и скорее увидим, что уже освещены и спасены.

Мы уже забыли, что и в Новый год на ёлке возжигалась Его звезда, Его не оставляющий нас свет. Новый год освещался Его светом, и мы входили в него господними детьми... Эх-х... Но ведь еще не поздно.

Так и пойдём «звездой учахуся». С Праздником, дорогие мои!

Ваш В. Курбатов.

5 января 2020

Ну, конечно, «возсия», дорогой Валентин Яковлевич!
Как радостно наше единомыслие!

Помнится, как много лет тому назад, отец Александр Мень говорил, обращаясь к деревенскому приходу, что неумирающая, реальная сила этого праздника именно в том, что миру, погруженному в сумрак, «воссиял свет Разума», и Его сияние неугасимо.

С этим и поздравим друг друга, – с тем, что Его Свет неуничтожим!

«Как Ты родился в темной пещере, так родись ныне в темноте моей души!»

Будем вместе радоваться в литургической молитве и Святых Тайнах. Аллилуйа!

Обнимаем, ваши Н. и В.

19 апреля 2020

Христос Воскресе!

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вам не кажется, что Пасха налетела быстро, внезапно?.. Казалось, что уж до Пасхи-то все должно устроиться, что время еще есть... а вот и нет!

Принимайте Воскресшего Спасителя! Он не стал дожидаться спокойного времени для торжественных помпезных богослужений, крестных ходов со звонами, толп, жаждущих не Его самого, а освящения снеди...

Ведь еще в Ветхом Завете Он все сказал нам, чего ждет от нас, а что Ему ненавистно...

Простите, м.б., эти мысли и не к месту на Праздник?!

Но мы с Василием весьма обласканы (уж не знаем, почему), но нам выпала такая удивительная Тайная Вечера Любви в Великий Четверг, священник наш чи-

тал Евангелие со слезами, голос прерывался, и стояла такая подлинная тишина, какая сама в себе содержит Таинство.

Правда, мы не без трудностей пробились в храм, ворота которого были уже закрыты в 7 утра – к началу службы, по причине обилия народа (а у нас было решено впустить только 25 человек), но была такая потребность оказаться на Тайной Вечери, вкусить Ее, что наспустили.

И сегодня приехав в 10 утра в храм, где службы не было, но шла молитва, и наш о. Александр причастил нас и еще скольких-то прихожан, пришедших в церковь, Дарами с ночной Пасхальной Евхаристии, которую было велено совершать «при закрытых дверях» только с участием клира.

Этим праздник не закончился! Мы еще и потрапезничали вместе с батюшкой, алтарниками (нас было 12), но так сказать, «тайно образуяще», в помещении Воскресной школы (где я преподаю, но с 15 марта занятия запрещены).

Вот такие мы счастливые!

Будьте здоровы, радостны! С надеждой на встречу!

Обнимаем,

Искренне ваши Наташа и Василий.

19 апреля 2020

Христос воскрес, дорогие Наталья и Василий!

А я вот впервые за пятьдесят пять лет встретил Пасху вне храма. И вот душа не на месте.

Умничаю вот, утешаю себя: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, инаго жития вечного начало...»

Фото Юрия Белинского
из книги *Дневник*

Вдруг остановишься в смущении – не торжество ли смерти и не адово ли устройство? Храмы заперты для «общего дела», молятся одни клирики. Для них, наверно, это счастливые часы, когда они подлинно одно тело и мы не мешаем им своим непониманием, неумением вести себя и слышать сердцем.

Ну, дай Бог! Пусть так! Только бы они потом вышли к нам новым телом и духом и обняли нас, как потерянных детей. И сами вспыхнули новой свечой! Слава Богу церковная завеса не раздралась, а только сомкнулась перед нами, чтобы вырвать нас из уже бестрепетной и бестревожной привычки и незаметно выходящего в душе самодовольного фарисейского гнезда («слава Богу, мы не такие, как те, кто за оградой храма»).

Совершающееся вокруг ведь тоже упрек: блюдите, како опасно ходите. Бодрствуйте и молитесь и Бог даст увидите посреди беды новым зрением, как впервые, что подлинное и единственное умерщвление смерти – Христос.

Христос Воскресе!

С нежностью обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

Рига, Латвия

6 июня 2021 г.

Священник Владимир Зелинский

«НАША МИМОЛЕТНАЯ ВСТРЕЧА...»

Из переписки с В. Я. Курбатовым

6 марта 2021 г. Выхожу из храма после панихиды Родительской субботы, заглядываю механически в телефон, взгляд падает на сообщение Наталии Большаковой, издательницы «Христианоса»: умер, можно сказать на бегу... Вышел из цветочного магазина с цветами для Инны Федоровны, жены, и упал на улице, тромб... Сразу и в толк не возьмешь: Валентин Яковлевич Курбатов, на днях я получил от вас письмо, и письмо было лицом, улыбкой, звучащим голосом, и вот словно дунуло ледяным чем-то, унеся с собой все живое, и письмо вдруг стало только текстом, документом из архива.

Мы познакомились с ним в конце 70-х или в начале 80-х годов, во Пскове, в доме о. Владимира Попова, ныне здравствующего, у которого я в те годы бывал. Ощущение открытости, приветливости, дружества возникло с ним сразу. Так сразу и легко возникло, что неожиданно – ибо я был тогда лишь случайным гостем хозяина дома – Валентин Яковлевич предложил мне переписываться. И переписка, к моему удивлению, началась и продолжалась до последних дней.

Ни дел, ни друзей, кроме псковского протоиерея о. Владимира Попова, у нас общих не было, круги разные, потом и страны далекие. Но каждое его письмо дарило особый вкус от прикосновения и к личности и родной среде, земле, стихии, словно забытой, и с ним каждый раз вспоминаемой. Ни у кого, пожалуй, я не

встречал такой природно-ласковой речи, такой общительности языка. Его слово не проваривалось в бюрократических чистках, не наступало ни в какую слякоть, не присоединялось ни к одному лагерю. Оно всегда воспринималось свежим, словно настоящим на древности и простоте, без тени игры и искусственности. И через него подавали знак доброта и любовь. Любовь к языку и вообще ко всему родному, русскому, что эта речь передает, любовь ко Христу. Они не разделялись у него, эти три вида любви. И подлинность их подтверждала себя тем, что никогда не выливалась во вражду к тем, кто был вне, кто стоял по ту сторону, кто был иным, не сего двора, другого течения. Любовь... не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине... Сорадование как-то источалось от его личности.

Он начинал, да и прожил свою творческую жизнь, как такой классический «регулярный» критик, писавший тексты о других – об Астафьеве, Пришвине, Распутине... Мне он как-то сказал, что при выборе пути был поощрен давней, 60-х годов, статьей моего отца Корнелия Зелинского «Парадокс о критике». Но главные, наиболее «личностные» книги Курбатова явились к концу жизни – *Подорожник*, *Батюшки мои*, *Нечаянный портрет*, *Наше небесное отечество*, наконец последняя – просто *Дневник*. Они все о встречах. Из таланта критика вдруг родился необыкновенный дар общения, мастер диалога, в котором он умел открываться другим, и всякий другой ему откликался: вот я, в общем пространстве жизни. Валентин Яковлевич был одарен этой способностью творить общее пространство во всех своих поездках, в пейзажах, разговорах, застольях, откликах. Он был одарен какой-то

благодатной открытостью к другим, и потому сходил-ся со всеми.

Сами его письма были предметом словесного и не только словесного искусства. Недаром в последние годы он выпустил по книге своей переписки с Виктором Астафьевым, с Александром Борщаговским. А сколько осталось невыпущенных. Одной из них могла бы стать книжица и нашей переписки. Могла бы стать. Если бы все собрал, если бы не утратил при переезде, если бы не обыск в 1985 году, забравший все подчистую, если бы не компьютер, убитый наповал безымянным хакером лет 15 назад... Да что говорить, и моя вина. Но и то, что осталось в памяти, с 2007 года тоже писем 100 наберется. Вот из этой сотни я здесь выбрал несколько десятков. И, выбирая, должен признаться читателю, ощущал боль и стыд. В стольких письмах Валентина Яковлевича слышен мягкий упрек, что, мол, пропал. А теперь и рад бы не пропасть, но кому ответить?

В тот же день прочел отклик Льва Шлоссберга, для меня прекрасный и неожиданный. «Курбатов был одним из родников русской культуры. Он говорил, что культура гибнет, не переставая каждым своим словом укреплять её живую ткань. От него пахло вечностью. Казалось, что с ним были знакомы и разговаривали все великие современники. Они говорили на одном языке».

Не подозревал, что они знакомы. Оба псковитяне, один – политик, демократ, оппозиционер, друг Немцова, другой – как бы почвенник, член президентского совета по культуре, лауреат Государственной премии, Распутин друг и Белова...

«Я теперь, если где-то приходится явиться к народу, надеваю значок лауреата Госпремии и всем объясняю

двуглавость его орла, что это не два Рима и не Европа и Азия, глядящие в разные стороны, а батюшка-государство и матушка-церковь, которые всё не увидят, что у них одно сердце». – Это из последнего курбатовского письма, разумеется, шутка-сказка, у него без шутки ничего не проговаривалось, но сказка-ложь, а в ней намек... Если же скрестить эти два псковских пути, смешать потоки двух родников, то что-то из них может родиться общее, где рассосутся нынешние узлы, сплетенные из «двух враждебных рас», из лагерей «наших и ненаших», ибо, как сказал Герцен, сердце билось у них одно. Не все только об этом знали или так прятали сердце, что и не отыщешь. У Валентина Яковлевича вот оно, в письмах. Признаюсь, что их адресат так до сих пор и не привык к чинопочитанию, и к терминам «отец» и особенно «батюшка» на его счет.

* * *

8 июля 2007

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

А я все надеюсь, что Вы доедете до нас, что мы с Вами, «как в старые годы» пройдемся по Пскову, завернем к отцу Владимиру Попову, посидим у него на завалянке. Потому что стареем ведь. А уж **там**, верно, сидится не так. Я вот и печаль Спасителя читаю вполне по-человечески, когда Он на Тайные вечера с горькой любовью говорит ученикам: «Больше Я не буду есть с вами Пасху». Так Ему жалко оставлять их, так Ему хорошо с ними в этот час братства. Ведь это то же самое «Боже, Боже, зачем Ты оставил меня?» еще до этого страшного восклицания. **Он** тут вполне человек и прощается по-человечески. Потом будет всё другое. И **Он**

другой. А вот сейчас такой же беззащитный человек перед беззащитными людьми. И сейчас арестуют, и повлекут, и Он уже не будет с ними, как сейчас в час братства и любви – наглядеться, нарадоваться друг другу, сказать лучшие слова любви. А мы будто бессмертнее Спасителя – бегом, бегом. Не можем преломить хлеба вместе. Простого, земного, еще не ставшего хлебами предложения.

Воротился из Иркутска, где представлял свою книжку «Наше небесное Отечество»¹ – всё, что сочинилось о Византии (издал иркутский издатель). Хорошие были дни, высокие. Поездил по малым городам, нагледелся на смущенное, стесняющееся молодое сибирское православие с новыми батюшками, которые как-то утешили меня своей искренностью и живостью. Все рекрутированы недавно чаще из технической интеллигенции. И достаточно независимы и не так боятся владык, как мы здесь. Мелькнула даже мысль написать малую книжицу «Батюшки мои!»², где всё про них, про их сомнение, их радость и их надежду и сказать. Их появляется все больше и больше, и все яснее, что однажды они сделают православие моложе, смелее, бесстрашнее. Нам уж этого не видать. Но дело и не в нас, а в том юношестве мира, которое выходит навстречу церкви, как еще никогда не выходило, – не роняя ума, не уступая свободы. И дай им всем Бог!

С любовью Ваш В. Курбатов.

¹ *Валентин Курбатов. Наше небесное отечество. – Иркутск, 2007. (Прим. авт.)*

² *Валентин Курбатов. Батюшки мои. – Псков, 2013. (Прим. авт.)*

11 июля 2007

Дорогой Валентин Яковлевич, спасибо, что написали. А я уж давно собираюсь написать Вам. С самой Турции, где довелось побывать в конце мая. Единственную книгу-прозу, которую взял с собой, была Ваша жизнь с житием. И, действительно, книга Ваша, малая да удалая, оказалась крутая, в языковом смысле очень плотная. Она – сама по себе, не совсем та Турция, которую я увидел. Помните стихи: «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» Много мыслей мне пришло во время чтения, жаль не записал. Скажу, что чтение было радостью, уложенной в какое-то небольшое протяжение времени, радостью небольших глоточков. И все время чтения, как бывает, было беседой с Вами. Необходимо перечитать, для одного чтения слишком собранно, слишком блистательно. Как бы Ваше «Небесное отечество» заполучить? Неужели опять не хватит авторских экземпляров? А то сейчас при нынешнем половодье книжном, где выловишь? Спасибо Вам. Что же касается Пскова, то эту мечту я еще не совсем оставил. Загадываю на сентябрь. Если получится. Очень бы хотел. Храни Вас Господь. Поклон дому Вашему и о. Владимиру.

Молитвенно и сердечно Ваш о. Вл.

10 октября 2007

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Каково подвигается Ваша книга?³ и подвигается ли? Ведь нынешние издательства и подвиг, лежащий в основе глагола, как-то мало сопрягаются. А надежды видеть Вас почаще в «Истине и жизни» всё меньше.

³ Владимир Зелинский, *свящ.* Взыскупя Лица Твоего. – Киев, 2007. (Прим. авт.)

Журнал держится изо всех сил. Но все отчетливее, что – из последних. И дело, кажется, даже в не финансовых трудностях, а в каком-то новом состоянии духа. Прежнее горение ушло. Мир выровнялся. Пришла пора покойной ежедневной, рутинной работы. А какова она, эта «рутинная работа», должна быть в Церкви – Бог весть. Вот сейчас и становится понятно, что «Царствие Божие силою нудится». Вот это слово «нудится» становится понятно. И мы все мало готовы к нему. Теперь пора «бабушкина» – повязал белый платочек и стой. Погорел глазами и будет. И это грустно. И вместе – прекрасно. Вот тут-то мы и испытаемся. Слово станет приближаться к молчанию, к глубинному покою молитвы. А хватит ли нас на такое слово – будет видно.

Ваш В. Курбатов.

7 ноября 2007

Дорогой Валентин Яковлевич,
простите, что отвечаю с таким опозданием. Письмо Ваше угодило почему-то в спам, оказалось, компьютер у меня очень строгий, вернее капризный, что-то он по своему выбору не пропускает; можно сказать, случайно попало мне Ваше письмо. Книга моя продвигается, и уже месяц, как вышла (как раз, когда Вы писали мне), как дойдет до меня, сразу пошлю Вам. Адрес Ваш прежний? На всякий случай напомним. На днях сдал в то же издательство новую мою книгу, статьи и доклады последних лет, через месяц-полтора обещает и она выйти. И я печалюсь о журнале и не знаю, где заменить ему найти. Может, что-нибудь посоветуете? Как Ваша жизнь, творческая и церковная, дорогой Валентин Яковлевич? Вижу теперь Турцию Вашими глаза-

ми. Но хотел бы увидеть также и Россию. Что Вы о ней теперешней думаете? Меня, по правде говоря, беспокоит какое-то «одубение» Церкви, которая становится все более официальной, говорящей не своим голосом. В будущем году собираюсь посвятить ей свои «тихие думы» и что-нибудь написать. Осень, должно быть, перешла у Вас плавно в зиму. Храни Бог Вас и дом Ваш. Сердечно, о. Владимир.

7 января 2008

Дорогой батюшка! Отец Владимир! Наша мимолетная встреча была для меня настоящим счастьем. И теперь, перечитывая Вашу (нашу) книгу⁴ я уже знаю, какие стены освящали ее слово и ее молитву. И от этого лучше понимаю интонацию. Написал для друзей, с которыми ездил, итальянский дневник. Поди, весь изврался? Но что возьмешь с человека, который там первый раз. Со смущением прилагаю. Христос рождается, славите! Христос на земли – возноситеся! Восславим и вознесемся в сретение!

С любовью о Господе!

Ваш В. Курбатов.

10 января 2008

Дорогой Валентин Яковлевич, и Вас с Рождеством, которое остается непостижимым, и эта непостижимость продолжается и еще не устала удивлять (О том и моя книга). Да, встреча наша была счастливой и состоявшейся, ибо Вы мгновенно и органично вписались

⁴ В. Я. Курбатов написал предисловие «От слова до Слова» к моей книге Взыскуя Лица Твоего. – Киев: Дух и литера, 2007. – 402 с. (Прим. авт.)

и в храм, и в праздник, и толпу (если хотите, общину) и в сад с таким деревенским нашим столиком, очень годным для кратких застолий. Текста Вашего, простите, еще не читал, для сего нужно усилие и отдача, ибо он как всегда весел, размахист и плотен. (Набежал глазами лишь на одну ошибку, но существенную: владыку Гавриила Вы переименовали в Варфоломея, в честь патриарха). Очень неплохо бы в следующий раз и наш север почтить, не только одну Венецию. У нас и озера есть. А Венеция, как и Рим, они всегда будут ждать. Свойство у них такое, Вы уж, наверное, заметили. Будут жить в Вас и звать. Так ласково и тихонечко. Прочту, напишу.

Храни Вас Господь!

Подарите-ка нам этого счастья еще раз.

А у Вас, друзья из Костромы пишат, -31°?

Ваш о. вл.

9 марта 2008

Дни уходят так стремительно – вот уже и не поверить, что сидели мы с Вами под хурмой у флорентийского храма, словно это было где-нибудь в Переславле.

Жизнь идет. Отцу Павлу Адельгейму дали первого (не второго – молодого священника). Добрый отец Павел служит с возможным смирением, но видеть его больно. Их высокопреосвященство воротился из Москвы митрополитом. Может быть, это умягчит его сердце. Хотя скорее – наоборот. Всюду одно и то же. Читали ли Вы Переса Реверте «Кожу для барабана»? Как всё похоже. Как одинаково некрасиво старится мир.

Отец Павел хотел бы провести вечер памяти отца Сергия Желудкова, но от этого уклоняются его коллеги. Так что, верно, вспоминать отца Сергия будут толь-

ко светские люди. Хотя и их уже почти нет. Это была другая эпоха, другой эон. И словно не с нами.

Завтра начало Великого Поста, который всегда был для меня праздником. А вот теперь не знаю, куда и пойти на начало Канона. Скорее всего, как сто лет назад – к отцу Владимиру Попову. Словно обошел землю и увидел, что она подлинно круглая и можно всё начинать сначала. Простите мне редкие письма и душевную невнятность. Помолитесь, чтобы мне поскорее найти опору посреди нечаянной осиротелости.

Ваш В. Курбатов

9 марта 2008

Дорогой Валентин Яковлевич,

отслужив литургию (со многими исповедями, чином прощения и панихидой), вернувшись по круглой земле, отобедав, отдохнув и почитав «Подорожник», открыл компьютер с твердым намерением написать Вам и первое, что нахожу – Ваше письмо. Как-то сразу сердце откликнулось благодарностью. В том числе и за такую добрую книгу Вашу. Совсем в ней нет никакой осиротелости, какое там! Скорее кажется, что люди, с которыми Вы общались, преодолевали свою осиротелость в таком общении. Она вся (пока то, что я прочел, пройдя Тарковского) – поэзия общения. Она – Ваш дар. Про псковские дела хорошо знаю, слежу за ними. И даже письма прихожан читаю. Ничего не поможет, удар выбран очень расчетливо и с долгим прицелом. Ведь если бы запрет, то был бы и скандал, а скандалы в Церкви, ох, как не любят. А здесь как бы и голову не снесли, только демонстративно пригнули и не для того, чтобы снова дать ей выпрямиться. О. Павлу, если когда-нибудь

увидите его, братский привет и поклон. Я им, скажем без громких слов, восхищаюсь. А вот «Кожи для барабана», увы, не читал. Постараюсь в Москве заказать. Поклон сердечный и о. Владимиру Попову. Он тоже держится прямо, что непросто с таким высокопреосвященством. И, помню, служит, хорошо. А почему бы Вам не дойти до о. Павла? Я думаю, увидеть Вас на службе будет поддержкой для него. Об о. Сергии когда-нибудь хотелось бы написать. Ведь я в вечерах, увы, не участвую. Почему-то захотелось послать Вам свое последнее размышление о языке. Это доклад, посланный мной для «Рождественских чтений». И меня простите, часто вспоминаю, редко пишу.

Храни Вас Господь.

С молитвенной памятью,

Ваш о. вл.

25 апреля 2008.

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Сколько у Вас в эти дни забот, сколько трудов. Но и сколько света! Вот уж и вынос Плащаницы. А завтра, завтра – свет до небес и радость всему миру. И победа!

Христос Воскресе!

Как я счастлив, что мы хоть на минуту, а повидались и обнялись в слове и любви.

Спасибо Вам. Обнимемся, батюшка!

Ваш В. Курбатов.

26 апреля 2008

Дорогой Валентин Яковлевич!

Первое пасхальное поздравление – от Вас. И Вас поздравляю с Радостной Вестью, которая, впрочем, с нами

всегда, ибо ее никто не отнимет. Позавчера при чтении 12 страстных Евангелий (впервые заметил) Христос трижды говорит о радости, как если бы она уже победила распятие и смерть. Но Вы знаете, о радости говорить труднее всего, ибо у нас для нее всегда меньше слов. На все остальное хватает, а на радость редко. И тут позвольте мне сделать неожиданный переход к Вашему «Подорожнику» (все собираюсь написать, а тут и повод нашелся). Давно его прочитал и все искал к нему ключа: в чем, собственно, главная его удача? И вот догадался: иные пишут на скепсисе, на иронии, острыми иглами, иногда даже лихо получается, а Ваша палитра — только из добрых чувств. И на все их хватает, и легко находят они удивительные слова, и слова с ними дружат, потому что не радуются неправде, не звенят кимвалом, а проповедуют Добрую Новость о встрече со всяким человеком. То же — и с Турцией (Византией), которую пока не до(не пере)читал. Узнав, что Вы написали книгу о Пришвине, стал его перечитывать и нашел нечто родственное.

Простите, пишу наспех, но очень надеюсь и в этом году обнять Вас, Валентин Яковлевич!

Храни Господь.

Христос Воскресе! Ваш ов

19 июля 2008

Конечно, конечно, я буду в первой половине августа. А и не был бы — приехал. Вот только поезда от нас в Галич не ходят. Они идут туда от Москвы. Может, и из Питера есть, но я ездил из Москвы. И то уж давно. Чуть не в шестидесятые годы. Ехал на Урал и читал в поезде Бунина и наткнулся у него на его привычку

останавливаться на незнакомых станциях, чтобы побыть в новом для себя мире. Дочитал, выглянул в окно – а там Галич – прыг из вагона. Отметил остановку и вышел, чтобы провести там сутки до следующего поезда. Без копейки денег, без гостиницы. Молодой дак. И так эта нежность к Галичу во мне и осталась. Но, наверное, есть и из Питера – как не быть – оттуда ведь тоже поезда на Урал ходят.

Сяду к окошку ждать Вас, дорогой отец Владимир.
Ваш В. Курбатов.

21 июля 2008

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Простите, что я, не спрося Вас, дал Ваш адрес еженедельнику «Литературная Россия». От них я с изумлением узнал, что Вы работали у них в конце шестидесятых, если они ничего не путают. Врут, поди. Во всяком случае они хотят, если Вы действительно были их сотрудником, попросить Вас написать два слова об этом периоде, потому что у них в этом году юбилей (убей не могу вспомнить, какой, хотя тоже сотрудничал с этой газетой, когда она была еще «Литературой и жизнью» и был у них сто раз лауреатом).

Книжку Вашу читает отец Владимир Попов. Обещал написать Вам по прочтении. Написал ли? Вижу его редко. Как и отца Павла, который просил меня приготовить в библиотеке вечер, посвященный отцу Сергию Желудкову, у которого тоже в этом году какой-то большой юбилей – не сто ли лет? Библиотека не хочет, ссылается на начало лета и полную пустоту залов. Впрочем, теперь залы пусты и не только летом.

Ваш В. Курбатов

29 июля 2008

Дорогой батюшка! Так обрадовался Вашему звонку, что от растерянности Бог знает, что плел, а в результате упустил главное: когда, в какие числа Вы приедете, чтобы я мог предупредить отца Владимира Попова. А у нас, оказывается, еще есть самолет на Москву каждый день, кроме воскресенья. Только улетает рано в 6.30. Ну, и значит регистрация в 5 утра. И цены на маленький самолет с разбросом от тысячи двухсот рублей до семи тысяч на два десятка мест. Простите мою рассеянность – летá уже вона какие.

Ваш В. Курбатов

02 августа 2008

Батюшка, если еще не выехали, запишите мой мобильный телефон на случай, если я выбегу из дому. Бог знает, как собираются разные бестолковые дела и требуют непременно присутствия то там, то здесь. А этот телефон найдет меня всюду: 8-911-XXXXXXX.

Нас с вами ждет отец Павел Адельгейм, которому вчера исполнилось 70 лет и его не поздравил никто из батюшек, опасаясь гнева владыки.

Ваш В. Курбатов.

15 августа 2008

Что здоровье, дорогой батюшка? И раньше бы сто раз спросил, да почта была изломана. А думаю каждый день и, как умею, молюсь. Прячусь в деревне и что-то пишу, готовясь к «Встречам» в Ясной Поляне. И опять, и опять с восторгом и ужасом читаю Толстого. Сколько жизни! Никакой церковью не смиришь и не управишь. Всё через край. Поскорее поправляйтесь, чтобы в свете

Преображения воскликнуть с настоящей сердечной радостью: «Хорошо нам zde быти!»

Ваш В. Курбатов.

15 августа 2008

Дорогой Валентин Яковлевич, спасибо за память, молитвенную и просто память.

Сейчас лучше, можно сказать, почти хорошо. А было совсем плохо. Теперь все как будто в норме, даже готовлюсь к поездке в Бразилию, куда пригласили читать лекции о православии католическим семинаристам. Думаю, раз в жизни, отчего ж не съездить? Очень жалею, что не добрался до Пскова, но: доберусь. Передайте запоздалое мое поздравлению о. Павлу Адельгейму, коего всегда читаю и из далека своего неизменно им восхищаюсь. Дай-то Бог ему выстоять, удержаться. А Толстого сейчас как раз тоже читаю, но не его, а «Толстого в жизни». И тоже не удерживаю восторга.

Все мечтаю добраться до «Встреч». А пошлю-ка я Вам последнее свое сочинение, оно появится в «Христианосе», да вот «Христианос» едва ли доберется до Вас. Намерен его продолжать, преклоняю ухо к Вашим замечаниям. А Лит. Россия так мне экземпляра и не послала. Придется тормозить. Поклон Вашей супруге и о. Владимиру.

Благослови Вас Господь!

Ваш о. Вл.

27 августа 2008

Спасибо, дорогой батюшка, за работу о детстве.

Мне тоже время от времени хочется оглянуться на эту пору, да уж боюсь, что открытости и чистоты в этой

оглядке не будет. Ум отяжелел и всё норовит вставить обобщение, а обобщение – это уже подчинение, «приручение», а в конце концов и обеднение природной полноты детского события. Вот и не решаюсь трогать – пусть лежит чистым светом. Авось и до слов, когда дело дойдет.

Пока же собираюсь в Ясную Поляну, перечитываю Толстого, «Анну Каренину» и опять с ужасом думаю, как страшна работа писателя! Ведь для того, чтобы написать задыхание Анны перед тем, как кинуться под поезд, надо все это – весь ужас ревности, отчаяния, неверия, злобы, вызова Богу пережить самому, переносить в себе. Надо весь этот ужас принять в себя, стать на пороге смерти и не устоять перед нею. Целое лето поневоле из-за недугов сидел дома и сейчас почти нетерпеливо жду этой поездки – увидеть, как выросла за это время мысль моих товарищей, потому что сейчас что-то засветилось в воздухе, что-то проступило, обозначилось, какой-то росток устойчивости и нового качества. Пока ничего отчетливо не вижу, но ощущаю ясно и тороплюсь увидеть в друзьях.

С Навечерием Успения, дорогой отец Владимир!
Благодарный В. Курбатов.

25 декабря 2008

Дорогой отец Владимир!

Сходил вчера к нашим католикам на их Рождество.

Немного грустно, как-то изгнаннически. Или это у меня только было такое чувство? Потому что и миру, кажется, не до Христа. У него теперь свой Бог – Кризис, которому молятся, которого страшатся, от которого бегут. И бегут не в храм. А просто бегут, прячут голову.

А мы пойдем поклонимся с волхвами и пастухами. Обнимемся с нашими бедными братьями, которые уверены, что бедны мы, а не они. Нас бо ради родися Отроча Младо – Превечный Бог. *Нас!* А не *их* и *нас*.

Ваш В. Курбатов.

2 июня 2009

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Не глядите ли в нашу сторону в связи с решительными переменами в Патриархии, чтобы поглядеть на месте: что и как?

Только мы, грешные, мечтали, мечтали, что у нас переменится правящий архиерей, да, видать, не заслужили. Рано еще. Молились мало. Для смирения оставили того же, да еще и Сергием наградили, чтобы мы глядели в себя повнимательнее. Более всех грустно за отца Павла Адельгейма. Он еще надеялся послужить «в полную силу», а не «на подхвате». Но *там* виднее. Мы с отцом Владимиром соскучились и очень бы хотели видеть Вас в гостях.

С наступлением Святой Троицы. Благословите!

Ваш В. Курбатов

8 июня 2009

Дорогой Валентин Яковлевич,

спасибо за письмо. С праздником Троицы и сегодняшним – Святого Духа. Люблю этот праздник.

Он для меня, кстати, и годовщина венчания.

Глядеть в Вашу сторону – всегда гляжу, но видится все неопределенное, что-то очень массивное, державное, помышляющее все больше о земном. Вы уж простите, если близорук. Вот Вы говорите: «Мечтали, меч-

тали...» А, может для того и Сергия дали, чтобы все мы поменьше мечтали. Поверьте, боль о Павла и мне передается. Читаю о нем все, что приходит из космоса, и вижу, что дела могут двигаться только в худшую сторону. Слава Богу, что «еще на подхвате».

Кланяйтесь ему от меня сердечно, если помнит.

Как Вы? Всегда ожидаю с Вашим письмецом какому-нибудь приложения, ибо очень мне «любезно» Ваше перо. И мне бы хотелось очень повидаться. Думаю, как бы это устроить.

У Вас, кажется, в этом году юбилей?

Как о. Владимир? Ему – благодарная память.

Кланяюсь Вам и дому Вашему.

о.вл.

8 августа 2009

Сегодня мне сказали, что умер Евгений Вагин⁵. В субботу мы соберемся с отцом Владимиром Поповым послужить литию. Смерти пошли чередой. Сначала умер «мой» издатель Сапронов в Иркутске после нашего возвращения из тяжелой экспедиции по Ангаре, по ложу будущего водохранилища Богучанской ГЭС, по очередной Матере. Ездили с Распутиным, со съемочной группой. Наслушались криков и плача (тонут трехсотлетние села), навидались слез. И мы-то с Распутиным оказались покрепче. А издатель воротился домой и не успев сказать: «Господи, в какой поездке я был!» – упал на лицо и умер в 53 года. А потом умер Савва Ямщиков –

⁵ *Евгений Вагин* (1938–2009); советский публицист, диссидент, политзаключенный. Осенью 1976 г. эмигрировал из СССР; в эмиграции долгие годы жил в Италии, работал в Риме на «Радио Ватикана» (*Прим. ред.*)

я был у него часов за восемь до смерти и он шутил, читал Галича, на прощанье сказал: Ну, как у тебя Витька-то Конецкий говорил: «Давай краба»! «Заходи завтра». Но завтра уже не было.

А мы с ним трудно дружили (с ним нельзя было легко) почти пятьдесят лет. А все через четыре дня после Сапронова и мне уже надо было читать ночью над Саввой Псалтирь. Лежал там, где Пушкин перед погребением – в Святогорском монастыре. И положен рядом с С. С. Гейченко на городище Воронич. И вот еще Женя Вагин. Чувствуешь себя как за кулисами – первый звонок, второй – выход! Помолитесь о нас, грешных, батюшка.

С любовью Ваш В. Курбатов.

8 августа 2009

Дорогой Валентин Яковлевич!

О Вагине, конечно, слышал. И о Савве тоже. В последние месяцы часто видел его по телевизору. До того никогда его не встречал, хотя имя его впечаталось в мою память уже давно с обложек многих книг. Даже на экране присутствие его было слишком плотным и завораживающим. Но жизнь его по-своему состоялась и состоялась крупно. И это пересечение с Пушкиным... Что касается Вагина, то его жизнь в Риме, внешне достаточно устроенная, казалась каким-то постскриптумом к предыдущей жизни. Впрочем, что мы знаем, возможно, все было наоборот.

Как Вы, дорогой Валентин Яковлевич? Пишу Вам из «глубины России», из глуши Костромской области, где вокруг на 10 километров – ни одного человека. Отдыхаю несколько дней у давнего московского знакомого, который перебрался сюда навсегда с женой и детьми.

Увы, нет пока грибов, коим я мечтал посвятить эти несколько дней.

Спасибо, что не забываете. Сердечный поклон о. Владимиру.

Не думайте о звонках и кулисах. В этом наше мужество и доверие сегодня.

Не забуду в молитве ни Вас, ни друзей Ваших.

Ваш во Христе.

о. вл.

18 августа 2009

С Днем Преображения Вас, дорогой Валентин Яковлевич!

Служить его буду здесь, у себя в общине (храма и по сей день нет, не устаю, однако, надеяться), ибо короток мой благой поводок, более двух воскресений в год не могу пропустить. На прошлое уже служил. А тут еще и Преображение, среди литургических путевых знаков один из любимейших. А в Костроме я не был, был в глухих лесах Костромских, п/о Антропово, от него еще км 50, среди звенящей чем-то тишины. А до Вас доберусь непременно, скупаю по Пскову. «Давно, усталый раб...»

А Вы и стихи пишете? Отчего же я не читал?

Спасибо за телефон, я бы даже и познакомился. Что же это за вольномысленник? Вроде, не очень модная сейчас профессия. А мой московско-антроповский друг решил там у себя храм возводить. Уже и благодетеля нашел. Так что, может, где-то и пересекутся вольномысленные-то линии.

Обнимаю братски. Поклон о. Владимиру и Вашей супруге.

Храни Господь.

Ваш о.в.

25 марта 2010,

Дорогой батюшка! Отец Владимир! А я ведь уже и не помню почтового-то адреса, чтобы послать свою книжку про Византию. Напомните. Разогнул сегодня покойного В. Бибихина – «Другое начало». И только улыбнулся, потому что книжка разогнулась на словах: «Когда Владимира Зелинского исключали, в секторе информации Института философии, все автоматически должны были подать заявления об уходе. Почти все потом, правда, по приглашению начальства написали заявления с просьбой принять их обратно и в основном вернулись». Кхм, кхм...

Сегодня узнал, что нашему отцу Владимиру Попову 30 марта исполняется 70 лет. Давайте поздравим его (я пока так еще до него и не доехал).

А уж на пороге Страстная неделя и сердце сжимается. Благословите! Поклон Наташе.
Ваш В. Курбатов.

3 апреля 2010

«Воскресения день и просветимся торжеством и друг друга обымем». Как бы мне хотелось спеть это вместе с Вами, Батюшка, посреди светающей Брешии! Но уже и за то спасибо Богу, что я видел Вас в Ваших стенах и разделил два кратких дня радости. Спасибо Вам.

Обымем друг друга, батюшка! И просветимся.
Поклон и поздравления Наташе и Павлу.
Христос Воскресе!
С любовью Ваш В. Курбатов

29 мая 2010

Дорогой Валентин Яковлевич!

Мне как-то даже трогательно и неудобно, что Вы ожидаете от меня какого-то на Ваш Дневник нападения, от коего Вы сразу же загодя решили загородиться «советским человеком». Ну, какой Вы, Валентин Яковлевич, советский человек? Того за дальнюю версту хорошо видеть, точнее, слышать, по речи и стилю. К Вам это все не прилипло, потому что в Вас живет добрый русский язык. Я недаром говорю «добрый», ибо муза Ваша добра (не обо всех Ваших героях это скажешь), и злое, житейское, мстительное как-то не прилипает к ней, и это сразу как-то чувствуется. Впрочем, я еще только на половине чтения, ибо читаю медленно, перебивая другими книгами, которые проходят, спеша, через руки, растягивая радость общения.

Вот у меня к Вам еще вот такая комиссия, не знаю даже, как приступить.

Оказался я между двумя друзьями Вами и А. И. Нежным, и ни к кому не хочу повернуться спиной. Александр Иосифович прислал на конкурс Ясной Поляны свой двухтомный (1500 стр.) роман, над которым работал последние десять лет. Он просил меня сообщить Вам – члену жюри – что я об этом романе думаю. Могу ли я отказать? Тем более, что роман представляется мне очень значительным, своего рода Сага или притча о Русской Церкви. Он, конечно, малость ершистый и в отношении священноначалия весьма диссидентский, но замах, как мне видится, огромный, и по сюжету, структуре, фактуре, по-моему, очень интересен. Нет у нас настоящей литературы о Церкви, за редкими исключениями, а это настоящее.

Вот такая моя комиссия. Простите за сие непрошенное вторжение не в свои дела.

Очень надеюсь вскоре Вас увидеть. И к счастливому дню, здесь проведенному, прибавить другие.

У нас ведь не одно озеро, а по меньшей мере три. Да и горы рядом.

Ваш с. вл.

14 января 2012

Увы, батюшка!

Мой Суздаль сорвался. Перенесли открытие выставки Ю. И. Селиверстова и все планы прахом. А уж я и о Крещенской суздальской проруби размечтался – правда, отец Андрей предлагал заменить её бассейном, на что оставалось только хмыкнуть.

А уж когда теперь и не ведаю. Вот разве приедете Вы и мы с Вами все побросаем и хватим в Суздаль, а там разохотимся и там уж нас не удержишь. Благо Россия велика – есть чего поглядеть.

Эх, как я скучаю по прогулкам с Вами.

Ваш В. Курбатов

15 января 2012

Все во благо, дорогой Валентин Яковлевич, Вы уж лучше в прорубь окунитесь в июне. Ведь на чем основано сие прорубное благочестие? На способности нашего организма, т.е. сердца отвечать тепловым контрударом на внезапный удар холода? Если сердце здоровое, оно справится, а если нет? Вы у него спросите, способно ли оно отразить такую бешеную ледяную атаку? Так что добрый совет Вам дал о. Андрей, чело-
веколюбивый.

Велика Россия, верно, в сердце вмещается, а во время нет. Ну, уж дай Бог, когда-нибудь разохотимся.

Скучаю и я. Храни Вас Бог. Ваш о.в.

10 июля 2012

Дорогой отец Владимир!

А потому и не писал, и мы и словом не перекинулись с Пасхи, что в начале мая полетел у меня компьютер со всем, что было накоплено в нем за семь лет. И с почтой, которую жальче всего. Адреса до сих пор потихоньку восстанавливаются. Вот и Ваш прилетел, а то не знал бы, где и искать. Хотя перемен никаких нет. Ездил на Урал, в Сибирь, само собой в Москву стократ и в Питер, в Ясную и Михайловское. Но это уже как бы обиход, — «не изменяй теченья дел, привычка — душа держав». Каждый год езжу на литературные вечера, вручение премий, в коих состою членом жюри. А теперь вот к Общественной палате России прибавилось еще и «послушание» члена Президентского Совета по культуре. На самом деле проку от таких советов никакого, но хоть близких духом людей видишь и можешь повидать их за казенный счет, потому что за свой уже до всех не доедешь. Впрочем, в советы как раз езжу редко, отделяясь письменными соображениями по разным поводам, потому что там оказывается столько желающих выступить, что до тебя все равно очередь не дойдет.

Есть поэты выступлений, художники «выкриков с места», мастера задавать вопросы, которые и живут по-настоящему только во время заседаний. Пишу мало, потому что только в соискателях премии «Ясная Поляна» оказалось в этом году больше ста двадцати и «самый тонкий» в триста страниц, а есть молодцы и к тысяче.

Так что три месяца я только ежедневно читал до физического отравления и уж жду-не дождусь, когда через три дня Премию вручат и можно будет на минуту позабыть всякое чтение и вспомнить, как держат ручку в руках.

Книги Ваши пока не получил. Тотчас по получении отпишу. Два моих эссе впервые вышли по-итальянски в геновском журнальчике “Il Gallo” (E subito per la seconda volta il gallo cantò)⁶.

Не буду говорить, как скучаю – нет у нас таких слов.
Ваш В. Курбатов

10 июля 2012

Дорогой Валентин Яковлевич!

Так до сих пор и не дошло? Значит все надо заново...

Урал, Сибирь, Москва, Питер, Михайловское, Ясная – по-моему Ваш накатанный уже маршрут. Уже и поезда выучили, и самолеты подтвердили. Завидую тем самолетам. А я вот в Москву собрался – не сам, приглашает «Вестник» на свой юбилей – в середине ноября. Не будете ли проездом? Визиты мои никак не растягиваются, ибо каждое воскресенье я – неопустительно в храме. Учítывая наличие московских дочерей и внуков, всегда выходит мелькание.

Вчера почти весь день читал Вашу переписку с Астафьевым. Вы, конечно, редкий мастер этого жанра. Но в конце книги наслаждение с благодушием с меня мгновенно слетело, как добрался я до «последнего слова» ВП⁷. Даже пригнуло меня как-то. Это ж так перед наложением на себя рук пишут, да и то развернутей. Весь

⁶ «И сразу же во второй раз пропел петух». (Итал.) (Прим. ред.)

⁷ Виктор Петрович Астафьев (Прим ред.)

день хожу под угнетением. Что же с ним в конце концов стряслось? А стряслось (не как однократное событие, а то, что растягивается на годы), это, несомненно. Великолечно послесловие Аннинского. Но как обычно у него: стиль зубаст и остер, мысли самой мелкой сетью не поймаешь. Язык и есть мысль. Но это не всегда так бывает.

Как бы счастлив был бы я видеть Вас!

Во Христе ов

6 января 2014

А уж вот и Рождество, батюшка!

Для меня второе. Первое встретил в Праге, бегая из храма в храм, чтобы послушать мессу по-немецки, итальянски, французски, чешски и узнать, как славят Господа «все языцы». Было хорошо и отчего-то грустно и душно о печальном:

Мир накануне Господня Рожденья
Тих и таинствен, нигде ни движенья.
Ночь замерла, ибо всходит звезда
Прямо над сердцем Марии и Сына,
В небе волхвов и в пастушьих долинах,
Мир разделяя на «нет» и на «да»...

В небе звезда молодая играет,
В яслях Младенца волны согревают
Нежным дыханьем, и Дева глядит,
Как Её Сын над землею светает...

Завтра Он встанет и мир победит,
Будет поруган людьми и убит.

Пусть Он подольше об этом не знает...

...Господи, тише, Дитя Твое спит!

Пошли Вам Господь света и покоя! Христос рождается, славите. Христос с небес, возноситеся!

С любовью и молитвой Ваш В. Курбатов.

15 января 2014

Дорогой Валентин Яковлевич,
с праздниками Вас, прошедшими и грядущими!

Я только сейчас заметил, что не ответил на первое поэтическое (!) письмо Ваше. Мысленно прошелся с Вами по Праге. И еще подумал, как хорошо жить в мире, в котором есть Рождество. Весь век бы праздновал. Только вот: «Такой короткой сделалась дорога, которая казалась всех длинней».

От Праги до нас меньше, чем от Пскова до Праги. Так кажется...

У меня Рождество с подарком. Дали наконец мне «свою» или «мою» церковь, кончилось как будто мое странничество из храма в храм вечным гостем, не очень при этом желанным, которое продолжалось 14 лет.

Присылаю Вам фотографию.

Аллилуйя, дорогой Валентин Яковлевич!

Ваш во Христе

ов

18 января 2014

С праздником, батюшка!

С Новосельем! Значит, теперь дома?

Догадываюсь, что это и сколь отрадно, столь и тревожно.

Пока живешь «на квартире», все кажется, что однажды начнется своя подлинная долгая умная жизнь и её ждешь. А когда вдруг обретаешь свой «дом», то не-

ожиданно смущаешься... Значит, – всё? Значит, теперь только – последний порог и все приготовления кончились и наступила жизнь, за которой только последняя дверь?

Интерьер мне понравился диалогом двух церквей (он и прежде был такой, но то был «чужой», а теперь – свой) – о, если бы дозваться тех и этих. Ну, значит, теперь и остается – Путь, Истина и Жизнь (с маленьких-маленьких и больших-больших букв!)

Ах, если бы разделить с Вами там Литургию! Пусть нынешнее Богоявление будет для Вас и храма подлинным Богоявлением!

С любовью Ваш В. Курбатов.

19 января 2014

Правильно Вы все угадали, дорогой Валентин Яковлевич, Теперь дом – «свой», значит ответственный. На обстоятельства его не взвалишь. И свой путь надо начинать как бы сначала. Вот на Богоявление – человек 200 пришло. Едва вместились. Но то Богоявление. А в обычное воскресенье – 50-70. И каждого запомни, обогрей, ободрь. А Литургию разделить и мне бы хотелось.

До субботы я в странствиях. Неделя христианского единства.

С нами Бог, дорогой Валентин Яковлевич. Но мы – с Ним ли?

Ваш ов

04 июля 2015

Всё реже родные голоса. Всё уже круг друзей.

Слетал вот в Иркутск, навестил могилу Валентина Григорьевича Распутина, с которым был связан

работой и дружеством около сорока лет. Лежит хорошо – в ограде Знаменского монастыря. Окошки по жаре были в храме открыты и долетало родное «паки и паки» и можно было простоять всю Литургию вместе, что редко случалось в живой жизни. На Байкал съездил, искупался семь раз в его «кипятке» в три-четыре градуса.

Молодцом вылетаешь, как Иванушка из котла в «Коньке Горбунке». И попрощался с писательскими «Встречами», которые сам завел там девять лет назад. Без Валентина Григорьича они уж будут не те.

Он хоть и не выступал ни разу, а только сидел в зале, но и этого было довольно для высоты камертона.

Тут и понимаешь печаль старости, когда некому сказать: «А помнишь?», словно матушка-смерть потихоньку приучает тебя к одиночеству и своему соседству, пока вы не останетесь двое и ты уж, как глубокие старики, не станешь просить её взять тебя поскорее. Пока я, слава Богу, еще её в такие близкие собеседники не поступил и еще бегаю взад-вперед, но всё чаще по утрам поднимаю глаза к книгам со старинным пушкинским:

«Прощайте, друзья мои!»

И уж Италии не видать, попал «под санкции», как Остап под лошадь из-за своего членства в Президентском Совете по культуре. Ну, и ладно! И дома еще вон сколько чудес не видано. Вот только и жаль, что не хватит на райские острова...

Благословите, батюшка.

С любовью и печалью Ваш В. Курбатов.

26 июля 2015

Дорогой Валентин Яковлевич,

Вы уж простите за редкие мои ответы, но, знаете, иногда общение не требует многих слов. Хотя письма ждешь. Ваше последнее — «с любовью и печалью» — любовью и печалью повеяло и на меня. Да, есть печаль старости, но в Вас она светла, какой и должна быть. А то, что Вы семь раз бросались в «кипяток Байкала», о старости еще не возвещает, для старости хватило бы и одного раза, да и то на всю жизнь бы запомнилось. Хорошо представляю Вас у церковных окон, за которыми Литургия, над могилой ВГ (Распутина — *прим. ред.*). Я верю в общение с личностями умерших, иногда они сами могут натолкнуть нас на какие действия, воспоминания, молитвы. Я, можно сказать, даже пережил это. Люди ушедшие не просто вспоминаются, а начинают вдруг жить в нас какой-то своей жизнью, которая вливается в нашу. Нет, «здесь не одно воспоминанье...» Я с ВГ встречался лишь однажды, но на протяжении нескольких дней; это было в Венеции на конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси, куда я случайно попал. На фоне шумно стрекочущих писателей, поражало его, распутинское, молчание. У меня случайно оказалась его книга, он мне ее подписал: «С добрыми воспоминаниями...» В той компании, сугубо официальной, оказался и архиепископ Кирилл, возможно я уже рассказывал, тогда простите.

Я по-прежнему, в суете, делах церковных и словесных, поездках, как и Вы. Не могу поверить, что именно перед Вами закрыл свои двери, ну, все же он не так мелочен. Буду в Москве где-то в числах 18-21 августа, потом уеду к другу, который очень зовет в Костромскую

область, 25 вернусь, а 27 уже возвращаюсь домой, к Успению. Словом, отпуск на 9 дней. А Ваши пути не пройдут ли через столицу в эти дни? Надежды большой не имею, но лелею мечту.

Храни и благослови Вас Бог.

Сердечно

30 декабря 2015

Дорогой Валентин Яковлевич!

С Новым Годом Вас! С пожеланием завершить его в добром здравии и полноте души. С пожеланием, чтобы он стал – одним из лучших. И хоть говорят, не православное это дело новогодние поздравления посылать, тем более до Рождества, но существо наше так вписалось во время, что его уже оттуда не выпилишь. Тем более, что волхвы уже вышли, и мы за ними – в тот же путь.

Письмо Ваше отозвалось во мне уколом и укором. Это я все собираюсь Вам постучать через стенку: тук-тук-тук, да, видно, совсем забыл грамоту. Общение с Вами всегда настроено на тишину, а ее редко отыщешь в себе и вокруг. Я Вам, конечно, писал, но еще раз напишу, что вот уже два года у меня «собственный» храм, в котором удалось построить иконостас, и всякий раз, когда отпираю дверь и вхожу, радуюсь. Особенно по утрам, в воскресенье, в полумраке, когда никого нет, ты один читаешь входные молитвы, совершаешь проскомидию, поминаешь близких живых, усопших, ощущая родство с ними. Не забываю и Вас. И алтарь наполняется их голосами и лицами. Очень бы хотелось Вас здесь увидеть, но Вы, наверное, в дальние края больше не двигаетесь. И давно я Вас не читал, чего бы хотелось.

Обнимаю Вас, дорогой Валентин Яковлевич, и не оставляю надежды увидеть.

Ваш во Христе

ов

А Александр Сергеич с елкой и няней – это Ваше сочинение? Очень хорош.

30 декабря 2015

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Мы всё дальше и сердце большее воспринимает это удаление.

А между тем волхвы уже вышли с дарами смиренны, алоэ и золота (кротости, любви и бессмертия) и Вифлеемская звезда уже взошла над елкой, чтобы вести нас к свету Рождества.

Подпояшемся и вперед! И опять поверим, что «возсия миру свет разума», хотя мир из всех сил торопится погасить этот свет. И все-таки света и света!

Благословите, батюшка!

Ваш В. Курбатов.

И Александр Сергеич с няней.

10 апреля 2016

Дорогой Валентин Яковлевич,

Все собираюсь написать, и все уносит куда-то. Планируемые поездки, а к ним доклады. И колесо, вращаемое пушистым зверьком. А Религиозно-философское общество возродить – дело доброе. Сами видите сколько ревности не по разуму. И все ее прибывает. Оставьте Хайдеггеров и Дерида, без нас они обойдутся, хотя первым из этой двойцы мне недавно вновь пришлось заниматься (так сказать, подводя итоги, извлекая из

глубины прошлого). Вы меня как раз застали на этой странной стадии религиозной философии, не пропадать же ей. Скучаю что-то и по Вас, и по о. Владимиру, и по Пскову вообще. Что-то теплое и родное для меня там укрыто. Простите, опять пишу на бегу, между двумя столицами, хотя каждое воскресенье – у престола. Это – никак иначе не может быть.

Храни Вас Господь, разговор мы еще продолжим.

Ваш во Христе

ов

30 апреля 2016

Дорогой батюшка!

Совсем скоро – по бесконечной России в разный час – встанет иерей, владыка, патриарх перед закрытой дверью храма и воскликнет: «Да воскреснет Бог!» и мы, войдя, не увидим Плащаницы, покрывавшей тело Спасителя. «Что ищете Живаго с мертвыми?» И подхватим Ангельскую песнь чистым сердцем. Господи, хоть бы на этот час действительно чистым, которым однажды и будет спасён мир. «И ненавидящих нас простим вся воскресением». И ненавидящих больше не будет, и мы впервые за историю и теперь уже навсегда «друг друга обьемем», чтобы сказать с полнотою веры «Христос Воскресе!» и поверить, что теперь навсегда Он «ад умертви блистанием божества» и смерти больше не будет.

Как просто! Как трудно! Но зачем-то нам еще даны дни жизни...

Благословите! Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов.

22 сентября 2016

Дорогой батюшка! Вот и полетел бы к Вам причащаться, да тут еще, оказывается, я подписал два года назад какое-то письмо, поддерживающее политику Путина в Крыму и за это лишен шенгенской визы.

Даже в соседнее Тарту не могу съездить. Письма-то не подписывал (просто кто-то вставил «для списка»), но опровергать не хочу. Да уж и устал от поездок-то – всё-таки 77 – это много.

Официально мне причащаться не запретили – это уж батюшки, пряча глаза, говорят, что лучше у них не надо. А поводом к письму в Патриархию было то, что обратился-то в епархию «царствующий священник» – прихожанин из Петербурга и действительно мой старый товарищ, которого, оказывается, архимандрит Зинон не принял, когда тот (товарищ мой) привозил ему хороший совместный заказ – товарищ из керамистов, делающих фарфоровые иконостасы. А когда такие письма пишут прихожане, не отмолчишься. Это на «попа» можно прикрикнуть, чтобы место знал.

Да и уж очень я поперек нашему владыке, хотя и не знаю, чем.

А текст «Батюшек» я Вам посылал, так что и сам не знаю, где я там впал в особенную ересь.

Простите и благословите.

Ваш В. Курбатов.

30 сентября 2016

Дорогой Валентин Яковлевич,

простите, пропустил вчерашний Ваш юбилей, позвольте поздравить, обнять и благословить. Пусть Господь будет с Вами во все дни до самой мирной кончины,

коей никому не избегнуть, и чтоб чем ближе к небу, тем больше было покоя радости.

А «Батюшек» Ваших читал, помню, ничего там достойного отлучения нет, а все достойно ласки Божией.

Храни Вас Бог на многая лета!

Ваш ов

1 октября 2016

Ну, теперь с благословением-то возьми-ка меня!

Спасибо, батюшка!

А тут и осень явилась с утешением – золото и лазурь!

Во искупление безумного мокрого лета. Убегу завтра в Михайловское к Александру Сергеичу и нарадуюсь свету и покою.

С сердечной нежностью Ваш В. Курбатов.

1 октября 2016

Поклон передайте, дорогой Валентин Яковлевич, вечно присутствующему в тех местах хозяину. Помню могилу его в разоренном (тогда) Святогорском монастыре; теперь там, наверное, все цветет, поет, служит и размещает паломников. Это, по-моему, км в двух от Михайловского? Дай-то Бог, чтобы и Вас там приняли с золотом и лазурью, покоем и светом.

Храни Вас Бог! Обнимаю

ов

6 января 2017

С Праздником, Батюшка!

Каждый год я пишу эти слова родным и друзьям и каждый год они – новость и загадка!

«Христос с небес – срящите! Христос на земли – возноситеся!» Это чудо встречного движения.

Пустимся с ангелами и пастырями и волхвами за звездой, ведь мы опытом долгих лет знаем, что подлинно «нас ради родился Отроча Младо – Превечный Бог». *Нас, нас*, непутевых, каждый день теряющих из виду и пастырей, и волхвов, а с ними и Путь.

Но Он – Истина и жизнь – не оставляет нас, потому что ведь и живет Он в нас «на земли».

Мы – Его дом. И вот Он с небес Младенцем от Бога летит к нам ободрить и выпрямить, а мы с Ним в сердце устремляемся к небу и Богу, чтобы встретиться в общем доме – вечности. В сущности, мы после крещения каждый день совершаем этот путь – с небес к себе и от земли к Отцу. Сами себе отцы и дети. Разве зоркости и отваги не хватает видеть это каждый-то день – как тогда жить при нашей-то слабости. Где взять сил? Вот и является укрепляющее Рождество.

Христос рождается – славите!

С нежностью обнимаю Вас и прошу благословения.
Ваш В. Курбатов.

8 января 2017

Дорогой Валентин Яковлевич,

И Вас – сердечно с Рождеством Христовым, событием, которому никак не могу надивиться и оставшегося вечным благодатным вызовом нашему разумению. Да, загадка, в которой хорошо жить.

А Ваше письмо вставил, авторство скрыв, в сегодняшнюю свою проповедь: да, встречное движение. Но тут со стороны человека есть и вечное убежание.

Как Вы живете, Валентин Яковлевич? Пишется ли Вам? Я вот только что наконец закончил книгу фило-

софских портретов, которая протянулась через мою жизнь, с давнего 71 года начиная. В основном русские философы, но не только. 22,5 листа. Когда, надеюсь, выйдет, Вам непременно пошлю.

Как там наш, любятовский тезка мой – о. Владимир?
Ему сердечный поклон.

Благослови Бог Вас на весь оставшийся путь.

Во Христе Ваш ов.

15 апреля 2017

Еще «молчит всяка плоть человека», но «ангели уже поют на небеси», призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идет с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: «Христос Воскресе, радость моя!», потому что для него камень-то отвален от гроба еще тогда и навсегда. И навсегда «Его нет здесь, Он воскрес!»

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы и мы бы светали лицами и никогда бы из Дивеева не делали «Арзамаса-16». И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья, и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь.

Но, слава Богу, бескрылые еще можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие.

Христос Воскресе, батюшка!

С любовью Ваш В. Курбатов

11 ноября 2017

Приехали Наташа с Василием и «Христианосом». И мы вспоминаем Вас, а Вы, должно быть, икаете и думаете: кто это? А это мы.

Привезли уже 26-й номер, посвященный, в основном, ушедшему год назад архимандриту Виктору Мамонтову.

А я пустился в воспоминание, когда мы были с ним молодыми критиками и сидели в Переделкино на семинаре. И слушали стариков Шкловского и Николая Тихонова, а за обедом я хихикал, как жадно тайком из-за колонн на Виктора (чудо соединения армянской и русской крови) заглядывались Катерина Виноградская (сценарист культового фильма «Член правительства»), Мариэтта Шагинян («искусственное ухо рабочих и крестьян» – она была глуха и носила на груди микрофон, в который надо было кричать) и Лиля Брик. Все желтые, столетние, грешные, неизменные. Это сколько же тогда мне самому лет?

А, семьдесят восемь – вот-вот догоню и Катерину, и Мариэтту и Лилю...

Все Вам кланяемся. А я еще и книжку жду. А им не говорю, а то они тоже будут ждать...

Ваш В. Курбатов.

17 ноября 2017

Дорогой Валентин Яковлевич,

простите, задержался с ответом, хотя на этой неделе вообще не должен бы быть дома, а приглашен был на семинар в Одессу, но не поехал. Накануне вернулись мы с Наташей со Святой Земли, утром служил, а ночью надо было опять улетать. Но тут мне Ангел-Хранитель посоветовал воздержаться, давление, перегрузки, а следующая неделя плотнейшая.

Сиюю дома и готовлюсь аж к пяти выступлениям. Так уж сошлось, хотя и редко так бывает.

А Наташа с Василием, наверное, где-то представляли «Христианос»? В последний номер я писал, но не попал, они, может быть, о том рассказывали. И Вас, должно быть, зазывали? Дело хорошее, ведь вольных христианских изданий практически нет, разве что «Христианос» и «Вестник». И я в обоих.

Как здоровье, Валентин Яковлевич? А книжку выслал Вам только вчера. На старый адрес, на Юбилейную XX. Как придет, сообщите.

Храни Вас Бог.

Ваш во Христе

ов

15 декабря 2017

Дорогой Валентин Яковлевич,

конечно, не все еще потеряно, но почти все.

Эх, вековая мудрость говорит нам: скупой платит дважды. Пожалел, окаянный, 7 евро на заказное письмо. Ибо все всегда доходило и так. Но послал письмом скоростным. Бумажка от него есть. Одновременно тоже самое послал в Израиль – и опять не дошло. На следующей неделе зайду на почту, спрошу, но что толку, за обычные посылки она не отвечает.

Если уж совсем не дойдет, pošлю заказной, но уже в послерождественское время. Кстати, посылал ли я Вам своего «Ребенка» что-то не припомню.

А когда зимой дождь всегда тоска. Не по правилам это. И душа как-то ежится да морщится: снегу бы белого.

Очень скучаю по Вас, дорогой Валентин Яковлевич.

Вот сейчас с гостем едем на тот островок на озере, помните? Сугубо буду Вас вспоминать.

Благослови Бог.

ов

2 февраля 2018

Пришла, пришла вчера книжка⁸, дорогой отец Владимир!

И уж ночью кинулся читать, не отрываясь. Сразу про мою любимую «Переписку» Гершензона с Ивановым, которую я нет-нет перечитываю просто для того, чтобы «держать себя в форме». И уже не терпится заглянуть и в другие очерки.

Особенно в Голосовкера, которого я числил чуть не в античных мыслителях, когда впервые прочитал на флоте, а при демобилизации и утащил из библиотеки его «Достоевского и Канта». А Вы вон, оказывается, с этим «античным» мыслителем были знакомы. Ну, теперь буду читать по чайной ложке, чтобы побыть с Вами подольше.

А прочитаю, отнесу отцу Владимиру, чтобы и он разделил со мною радость общения с Вами, как «в старые годы».

Благословите, батюшка!

Счастье и счастье!

Ваш В. Курбатов

7 февраля 2018

Вот, дорогой Валентин Яковлевич, снова мы общаемся книгами. Я в Ваши дневники-очерки-исповеди нет-нет, да заглядываю и зачерпываю от них родины и теплоты. А о «Голосовкере» Вы много чего узнаете, хотя, на мой взгляд, самый интересный там очерк – наименее читаемый – о Гегеле-Ленине. «Толстой» Вас развлечет, может быть и Клеман. Но вот, что хочу

⁸ Речь идет о моей книге «Священное ремесло». Алетейя, 2017. (Прим. авт.)

спросить: Вам какая книга пришла, та, что нормальной шла почтой или заказной? Нормальная должно быть, потерялась, с другой стороны, Вы не упоминаете о книге «Ребенок», что говорит в пользу нормальной. Жаль, не догадался послать книгу о. Владимиру; многим ему обязан. Если понравится, непременно пошлю.

Храни Вас Господь.

Обнимаю

ОВ

8 февраля 2018

Опять вспомнил «Переписку». Как я метался между Гершензоном и Ивановым, по очереди принимая правду того и другого, пока не увидел, что это письма одного человека самому себе в разный час. Что в каждом из нас бьются две правды, мучая нас – это и наши письма самим себе. И это в нас «Иаков с Богом борются».

А книжку-то получил «заказную», а не ту, давнюю. И если не помянул «Ребенка», которого тоже не терпится открыть, то потому, что с порога кинулся в «Переписку» и уже не отрывался. Сейчас вот уже за Чаадаева принялся – тоже когда-то хотел ему письмо написать, да отваги не хватило... А потом всё в словах расточил, в умствованиях...

Торопиться не буду. Хотя так бы и читал всё сразу. Да и не разбежишься тут – так плотен текст.

Вы тут подлинно последний. Кажется, наша мысль закатывается. Оставался еще Биbihин, но у него уже накал ослабел. Разве еще задевает сердце и ум живым и горячим словом Карен Свасьян. Бесплодное время истощает мысль. Что ни сей, всё на камень упадет.

Еще раз благодарю Вас, дорогой отец Владимир.
Побежал читать.
В. Курбатов.

9 февраля 2018

Спасибо и сердечно, дорогой Валентин Яковлевич. Вот, думаю и задаю себе вопрос, для чего пишешь? И Вы мне отвечаете. Каждый из этих очерков – глубинная встреча. И отчасти допрос с пристрастием: како веруеши? Но с пристрастием добрым. И Вы, как отличный стилист, заметите: каждый из текстов – в своем стилистическом ключе. Другом, не в том, что был раньше.

А Вы что из Свасьяна посоветуете? Читал только его введение к «Закату Европы» Шпенглера.

Храни Вас Господь.
Ваш во Христе
ОВ

10 февраля 2018

Господи, Голосовкер-то!

Я ведь не знал. Вот, думал, какое счастье мыслить с такой ясностью и глубиной. И всё подглядывал, надеясь хоть малость научиться. Ку-да-а...

Тут Господь даёт, даже если ты и до конца жизни будешь уверен, что «сам».

И уж и в Гегеля заглянул, такого нынешнего. Всё с большей радостью вижу, что русская мысль остро жива в Вас, когда уже закатилась в Отечестве и всё вспоминаю, вспоминаю, как это мысль летела в нас в восьмидесятых, когда мы на Божедомке у Достоевского с Ю. И. Селиверстовым пытались воскресить религиозно-философское общество при радостном приветствии Юрия Давыдова и сопротивлении Гулыги.

Не раскачали...

А про Толстого у Вас чудесно хорошо. Юра Селиверстов тоже замечательно видел, как бедный Лев Николаевич собою себя мерил и судил.

Вот до сих пор лучший портрет Юриной работы той поры...

Как старик идет меж пашней и чистым листом к самому себе в небесах.

Благодарю Вас и бегу читать дальше.

А у Свасьяна я тоже читал только вступление к Шпенглеру и книжечку о Гёте, а Вы поглядите его имя в интернете – там все его книги выставлены.

Ваш В. Курбатов.

19 февраля 2018

Дорогой Валентин Яковлевич, не успел поклониться и попросить прощения вчерашним днем. Ибо есть за что. То подолгу молчу, то взваливаю бремя неудобно-симое, принуждая быть своим читателем.

Никогда не поздно поклониться издалека, прощенья попросить и поблагодарить.

Храни Вас Господь, дорогой Валентин Яковлевич!

И с началом Поста.

Ваш ов

7 апреля 2018

С Благовещением, батюшка! И Христос Воскресе!

Как тесно, как трудно. Гроб Христов стоит еще посреди храма, а Архангел Гавриил летит над ним возвестить Марии рождение вот этого плащаницею обвитого Сына. Иголку не просунешь в этой вечности. Время

навсегда отменено и старушка Смерть без работы. Так ей и надо!

Благословите!

С любовью Ваш В. Курбатов.

7 апреля 2018

Бог благословит, дорогой Валентин Яковлевич!

Да, удивительное сочетание и радостное и смертно-бессмертное. Сейчас иду служить, скажу об этом.

Обнимаю

Ваш

ов

4 декабря 2018

Боюсь и спрашивать, Батюшка, что с Вашим приходом.

После всех новостей от Вселенского Патриарха? Церковь стала предметом светских забав и теперь над нею в России не тешится только ленивый.

И что будет с «Духом и Литерой»?

Всё как-то разом «поехало»... И у нас, и в Киеве. Новости лучше не открывать, чтобы сберечь душу и веру.

У нас новый митрополит, которого те же новости упорно натравливают на Патриарха: вот, мол, хватит, «мракобесов», пусть будет молодой продвинутый из ВГИКовцев с прекрасным литературным даром. Наши батюшки тоже вскинулись, было, но вскоре притихли, потому что вот уже полгода не видят его – то он в Москве, то служит в монастыре. Даже в кафедральном соборе служил от силы раза два.

Я понемногу разучиваюсь писать, ссылаясь на преклонность лет, хотя дело в простой лени и сознании

ненужности слова. Книг выходит в России все больше, а значимость слова все ниже.

Впрочем, боюсь, что и в мире то же. Слова разошлись со своими земными значениями, утратили плоть.

Подлинно остались только гамлетовские «слова, слова, слова...»

Благословите, батюшка и простите мое долгое молчание.

Оно от душевной потерянности.

27 апреля 2019

Батюшка,

Мы так основательно потеряли друг друга, что уж не знаешь, где и искать. А так бы хотелось в эти дни хоть в памяти побыть рядом и вместе воскликнуть:

«Воскресения день, и просветимся тожеством и друг друга обьемем... и ненавидящим нас простим вся воскресением...»

Авось и они нас простят и обьмут.

Христос Воскресе!

С благодарной памятью и надеждой, что потерялись не навсегда

Ваш В. Курбатов

5 мая 2019

Валентин Яковлевич! Дорогой!

Уже коли потеряли, хотя я этого совсем не почувствовал, так снова найдем.

И скажем: Христос Воскресе!

И «друг друга обьемем».

Правда на самую Пасху я попал в больницу с заворотом кишок. Не хотел ложиться, стал объяснять:

«Страстные службы, Пасха, я к Вам потом приду». – «Потом, голубчик, – мне сказали, – Вы к нам придете, только уже мертвым». Слава Богу, у меня «викарий» нашелся, только на Рождество рукоположенный. Но по-русски не говорящий, только по-итальянски. И ничего справился, отслужил. А я служил и сегодня и вчера.

А мы, Вы слышали, конечно, пребываем в нашей юрисдикционной буре, как будто в бурях есть покой. Есть разные ориентации. Моя – промосковская, но с автономией. Патриарх Варфоломей нас распустил и велел идти к грекам. А мы не пошли. И остались там, где остались. А вот где мы остались, не совсем ясно. Никаких индивидуальных побегов я устраивать не хочу, все же священническая присяга связывает, но ситуация неуютно сложная.

Как Вы, дорогой Валентин Яковлевич? Один из главных каналов общения с Родиной у меня проходит через Вас и Ваши книги. Как о. Владимир?

Ему сердечный поклон.

С пасхальной радостью и солидарностью в ней

Ваш

ов

8 мая 2019

Дорогой батюшка!

Слава Богу, что «нашлись». С годами заводить новые дружества всё труднее, а старые уходят, уходят... И с каждым днём чаще.

Как же это Варфоломей «отдаёт» Вас грекам? Хорошо Украине не отдает.

Неладно что-то в нашем «датском православном государстве» – хоть Гамлета вспоминай.

Поделили Господа нашего, и Он захочет нам в глаза поглядеть, а мы на Него все в разные стороны смотрим.

А вот Вы бы приехали, и мы бы как сели на завалинке в Любятове у отца Владимира, и тут же бы и увидели, что сердце у нас одно. Теперь уж только и надежды, что батюшки окажутся тверже владык и памятьливее на священнические клятвы. А уж Варфоломею и вовсе поди трудно глаза-то на предшественников по кафедре поднимать (я был у него в 1999-м году и ахнул в кабинете – ведь до него тут сидели Андрей Первозванный, Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст...).

Мера-то, мера ответственности за единство Православия какая должна быть! И вот на тебе...

Эх, ма-а... Уж, пожалуйста, больше не «теряйтесь».

Благословите обнять Вас.

Ваш В. Курбатов.

26 июня 2019

Дорогой Валентин Яковлевич.

Казалось, вчера пришло Ваше письмо, а нет, время перегнало его, оно уже «за дальним холмом».

Так что отвечаю с опозданием.

Насчет завалинки. Правда, очень бы хотелось на ней посидеть. Не будете ли Вы случаем в Москве между 1 и 5 июлем. Меня пригласили на конференцию в Педагогический университет, где я буду представлять новое издание книги «Будьте как дети».

Потом еще между 25 и 28 сентября (воскресенье включая) буду в Питере на конференции «Русский Логос». Питер совсем как бы неподалеку. Посмотрю, смогу ли я до Пскова доехать, соскучился.

А про Православие (наше, здешнее) всего не расскажешь.

Могу прислать Вам свое размышление на сей счет.

Обнимаю, жду и мыслю, как бы повидаться.

Горячий привет отцу Владимиру.

Одноименный ему

ов

23 июля 2019

Дорогой батюшка!

Наш отец Владимир посиживает в сердечном санатории. Но глядит молодцом.

А я меж тем выпустил книжку «Дневник», да только вот гонорар-то за неё – один экземпляр.

Таковы нынче издатели – умеют прижимать копеечку. Плюшкин с Пал Иванычем Чичиковым научили.

И похвалиться вот не могу. Хорошо утаил верстку без обложки и хоть так могу подтвердить, что книжка есть и что я еще жив. Благословите.

Ваш В. Курбатов

19 сентября 2019

Дорогой батюшка! Отец Владимир!

Так бы и полетел в Петербург и обняться, и послушать, но близится 29-е сентября, моё восьмидесятилетие, и я уж весь в заботах: кто приедет, кто нет, где размещать, как вынести «репетицию» погребения, когда зазвучат «панихидные» определения: «высокий», «значительный», «глубокий». Так и хочется перед началом каждой такой речи сказать: «От нас ушел...».

Зато обнимусь с отцом Владимиром Поповым и мы перекинемся словцом о Вас.

Как мы молились о Вас, пока Вы были на операции, от которой мы узнали от Большаковых.

У нас переменился владыка и он даже порой звонит мне – вот что значит воцарившийся демократизм! А на Успении в Печёрах икону Богородицы несли первыми глава «Единой России» и наш губернатор. Так что прежде, чем склониться перед Богородицей, народ склонялся перед «Единой Россией». И уж только потом видел Богородицу и двух соперничающих владык – Илариона Алфеева и Тихона Шевкунова. Вот что такое «симфония»! Вот настоящий «цезарепапизм».

А владыки-то: один композитор, другой – сценарист и режиссер. Возвращайтесь скорее! И мы начнём новое небо и новую землю. А видели ли Вы, батюшка, православного Ленина? Вот он.

Он стоит в Ясной Поляне у гимназии, основанной дочерью Льва Николаича и вот кепку-то снял и троеперстие сложил, а на что перекреститься не знает – кругом Лев Николаевич! А что скажет Победоносцев?

Благословите. Ваш В. Курбатов.

2 апреля 2020

Сегодня итальянские новости обгоняют родные русские.

И так страшны, что не успеваешь сказать: «Господи, помилуй!» и первая мысль о Вас. Как Вы там? Наш добрый отец Владимир провалялся в больнице месяц с сердцем. Стали уговаривать поехать в Петербург на шунтирование, но тут уж матушка (тоже врач) первая догадалась, что его сердце уже не выдержит такой операции и отец Владимир вернулся домой. И счастлив, и бегаёт в храм и тем спасается.

Мы не можем встретиться из-за коронавируса (матушка не пускает), но всякий день перекидываемся словцом и это первое словцо о Вас.

Ободрите нас. Скажите, что Брешия не соседка Ломбардии и Вы спокойны и не оставляете надежду надеяться в Россию (видите, я уж все слова Вам и продиктовал).

С нежностью целуем Вас (бабушка в руку и плечо) а я так просто, как настоящий итальянец.

Благословите, бабушка.

Ваш В. Курбатов.

3 апреля 2020

Дорогой Валентин Яковлевич,
очень обрадовался Вашему письму.

Что сказать: живы-здоровы, чему и сами удивляемся. Потому что нашего брата пожилого вирус первым делом косит. А вот насчет Брешии и Ломбардии никак не могу принести хорошие новости: Брешия в самом центре Ломбардии, более того, в самом центре эпидемии. По сегодняшним сведениям в нашем городе болен каждый шестой. Человек 50 в день умирает. Храмы закрыты, мой в том числе. Так что, дорогой, любимый наш Валентин Яковлевич, в молитве очень нуждаемся. На улицы выходить не можно, раз уж у Вас в мирном Пскове не велят, то что уж говорить о нас. С нами сын Павел, который в маске и в магазин, и в аптеку, но заточение немного утомляет. Насчет России очень надеюсь, у меня теперь есть коллега викарий, так что воскресенье могу и пропустить. Раньше не мог. Но сейчас это что-то в жанре «светлого будущего».

Как Вы? Здоровы? Вспоминаю дом Ваш и надеюсь еще до него добраться. Сердечный привет о. Владимиру и его матушке, мы, как видите, здесь в осаде, пусть вызволяет.

Благослови Господь всех.
Обнимаю, Ваш во Христе
ов.

6 апреля 2020

Ну слава Богу, батюшка, а то уж не решаешься и «за перо» взяться.

Прочитал Ваше письмо отцу Владимиру. Он полёживает после инфаркта, но бодрится и надеется еще не раз посидеть с Вами на завалинке своего дома.

Народ посмеивается и пользуется всяким поводом укрепить себя.

Вот Вам для примера.

Улыбнитесь и Вы.

С сердечной радостью и неизменной любовью
Ваш В. Курбатов.

29 июля 2020

Дорогой Валентин Яковлевич, давно уж Вам собираюсь написать, но тут опрокинулась на Вас государственная премия, ну, подумал, много вокруг Вас теперь будет писателей и поздравителей. Поздравляю Вас и я, главное, наверное, что она вытщила Вас из денежных забот. Все жалею, что не можете Вы пересечь нашу границу, а, может, она уже сменила гнев на милость? Впрочем, а и я Вашу пока не могу, все из-за ковида. У меня умер от него заочный, но близкий друг, настоятель собора в Новоси-

бирске о. Андрей Федоров. Две недели назад. А в Вашем кругу нет ли жертв?

Мы с супругой живы, не болели пока, и это уже главное достижение сего года. Но домашний арест, который продолжался месяца два с половиной, это, правду сказать, не праздник.

А отец Владимир как? Вы писали об инфаркте, Сколько ему? Уже за 80, должно.

Месяца два назад послал свою книгу «Священное ремесло» (может быть, Вы ее даже открывали пару раз?) на яснополянскую премию, там все же есть эпизод, напрямую связанный со Львом Николаевичем. Никакой премии, конечно, не дадут, но хоть узнают то, что до сей поры не было ведомо.

Сейчас дочитываю «Нечаянный портрет», и как-то очень заскучалось по автору.

Храни Господь Вас и дом Ваш.

Во Христе и сердечно

Ов

6 января 2021

Эх, как бы я, батюшка, спел сейчас у Вашего крыльца:
Рождество Христово – ангел прилетел.

Он летел по небу, тихо песню пел:

«Вы, люди, ликуйте! Днесь все торжествуйте –
Днесь Христово Рождество!».

Но Вы вона где и «между нами снега и снега...», но сердце-то, слава Богу, пока проворнее поездов и самолетов и можно р-раз и обняться, и опять сидеть рядышком и распутывать клубки мира, которые запутываются всё изобретательнее и уж скоро их без Господней помощи уже не распутаешь.

И это узорочье всё витиеватее и, видно, уже не обходится без ревнивого Художника, он же – Князь мира сего. Ну, что ж, встанем в Красный угол и поверим, что если наберем веры с горчишное зерно, то и «возсия мирови свет разума» и уже не затмится вовеки. И «звездам служащий» будут учиться Звездой, восшедшей над яслями. А мы рядышком на высоком месте между волон и ослом.

Благословите. Пошли за Звездой!

Ваш В. Курбатов.

23 февраля 2021

Дорогой Валентин Яковлевич,

приношу повинную голову, если меч пожелает, пусть сечет, Вы мне писали на Рождество, а ныне уж к Великому посту подбираемся, а я так Вам и не ответил. Так со мной бывает; не ответишь сразу, так забвение засасывает как болото. Хотя болото это слегка соевостливое; нет-нет да напомним: когда Валентин Яковлевичу напишешь, злодей? Но неподвижность жизни не располагает к переписке; мы с Наташей живем слегка придушенные вирусом, не дает далеко ни пойти, не поехать. Но живем, не боеем. Пока. Пережили одну волну (чуть было не написал, войну) пережили вторую, теперь живем на пороге третьей. С тех пор как пришло Ваше письмо, я уж троих друзей потерял в России; поминальный список мой все растет.

Но жизнь жительствоует, вот правнук у меня родился здешний, итальянский, Антонио-Массимо, в воскресенье буду крестить в честь святого Антония. Я, правда, больше люблю Максимов, и Грека и Исповедника, но внука хочет почтить московского отца, Антона.

А у Вас, дорогой Валентин Яковлевич, есть ли внуки?

Беру иногда с полки Ваши книги; они, как теперь говорят, «мастер-класс», для меня, как прогулка по заповедным языковым тропам, душистым, цветущим, немного лабиринтоподобным. В подражание Вам тоже стал вести что-то вроде дневника, но не в тетрадке укрытого, а в электронике, в Фейсбуке. Целая книжка уже сложилась, ищу где бы ее применить, т.е. обумажнить.

А другая книжка «Разговор с отцом» сейчас идет в издательстве НЛЮ.

Обнимаю сердечно.

Ждем Пасхи, там обнимемся хоть и через границы.

«Возсия миру свет разума», он и Постом не гаснет.

24 февраля 2021

Спасибо, батюшка! Благословите!

Я тоже домовничаю уже с полгода. Вырвался раз в соседнее Михайловское – и тоже уже счел подвигом.

В храм да домой – вот и все дороги. Даже и отца Владимира не видел уже месяца четыре.

Только нет-нет словцом по телефону перекинемся. «Ковидло», как подсластил эту напасть русский человек, только усугубило наше и без того ширящееся разделение. Местоимение «мы» можно вычеркнуть из словаря, потому что мы давно пользуемся одним «я». В церкви тоже стоять тяжело. Маски мешают.

А тут еще и причастие сродни облатке, чтобы, сохрани Бог, ты не прикоснулся к Чаше и лжице. Это тоже не очень сближает.

Дал бы Господь, чтобы хоть к Пасхе развиднелось. И Вы бы однажды ка-а-ак приехали и мы бы ка-а-ак

посидели у отца Владимира на крыльце, как в молодые лета. И уж обсудили бы так обсудили церковные дела.

Я теперь, если где-то приходится явиться к народу, надеваю значок лауреата Госпремии и всем объясняю двуглавость его орла, что это не два Рима и не Европа и Азия, глядящие в разные стороны, а батюшка-государство и матушка-церковь, которые всё не увидят, что у них одно сердце. А вот, Бог даст, увидят и повернутся друг к другу, то мы сразу будем Господни дети и нас никакому врагу будет не повалить.

Благословите, батюшка. И помолитесь обо мне, грешном. Стало прихватывать сердце. Авось уже так надолго теряться не будем, а то Бог знает, чего успеешь пере-думать.

Ваш В. Курбатов

* * *

...Так и на этот раз вовремя не ответил. Думал, как раз сегодня соберусь.

Значит, не будем теряться. Ни здесь, ни там.

Вечная память, Валентин.

Брешия, Италия

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы истории в лицах и датах	4
--	---

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ РИЖСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (1891–2021)

Инокания Евфросиния (Седова).

К 130-летию Рижского женского монастыря: о его основателях и истории обители	9
---	---

*Спасо-Преображенская пустынь – филиал Рижского
Троице-Сергиева женского монастыря – «Заря возрож-
дения Церкви» (архим. Таврион (Батозский))*

Александр Столяров. Литургия старца Тавриона	81
---	----

Лица Керенская. Монастырские рассказы	97
Отцы	98
Матери	104
Монастырь и мир	107
Катя-калечка и сила в немощи	110
Сестрички и тайны монастырской кухни	114
Остров «Пустынька» в Иерусалиме	119

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

**Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американ-
ский Вениамин (Питерсон).** Размышления в связи со

столетней годовщиной со дня рождения отца Александра Шмемана. (Пер. с англ.)	125
---	-----

Прот. Владимир Ягелло. Воспоминания о прото- пресвитере Александре Шмемане	131
--	-----

Прот. Алексей Виноградов. Отец Александр Шмеман для нашего времени: Христос и кризис нашей эпохи. (Пер. с англ.).....	141
Свящ. Владимир Лапшин.	
Отец Александр Шмеман	148
Радость общения.....	152
Прот. Роберт и Сьюзен Арида. Вспоминая отца Александра. (Пер. с англ.)	161
Йост ван Россум. Мой учитель отец Александр. (Пер. с англ.).....	167
Прот. Александр Гарклавс. Встреча, изменившая жизнь <i>Воспоминания об отце Александре Шмемане.</i> (Пер. с англ.).....	178
Благословенная Суббота. (Пер. с англ.).....	199
Лариса Волохонская-Певеар. Быть в его присутствии.....	201
Сергей Шмеман. Пророчество радости	211
Лиля Туркина-Колосимо. Свидетель вечности.....	218

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архим. Виктор (Мамонтов). Проповеди	225
--	-----

К 5-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА ВИКТОРА (МАМОНТОВА)

Наталья Большакова-Минченко. Тайнство личной встречи	271
Дмитрий Коробкин. Тот, через кого струится свет. <i>Воспоминания об архим. Викторе (Мамонтове)</i>	305
Айвар Пецка. Неутомимость любви – отец Виктор (Мамонтов).....	313

**К 60-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ
СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИКА ЛУКИ
(ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО), АРХИЕПИСКОПА
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО**

Сергей Чеботарёв. Преемник апостолов327

Прот. Павел Бочков. Сибирский святой – святитель
Лука (Войно-Ясенецкий): к истории жизни, почитания и
канонизации святого в Красноярской епархии395

IN MEMORIAM

Наталия Большакова-Минченко. «Но ведь мы же еще
встретимся?..»

Фрагменты переписки с В. Я. Курбатовым 413

Свящ. Владимир Зелинский. «Наша мимолетная встреча...»

Из переписки с В. Я. Курбатовым..... 460

SOMMAIRE

Pages d'histoire: les personnes et les dates.....	4
---	---

POUR LE 130e ANNIVERSAIRE DE LA FONDATION

DU MONASTÈRE FÉMININ DE RIGA (1891–2021)

Moniale Euphrosyne (Sédova). Pour le 130 ^e anniversaire du monastère féminin de Riga : Ses fondateurs et l'histoire du monastère	9
--	---

*Le monastère de la Transfiguration du Sauveur filiale
du monastère de la Trinité-Saint-Serge de Riga –
« L'aube de la renaissance de l'Église »
(archimandrite Tavrion (Batozsky))*

Alexandre Stoliarov. La liturgie du starets Tavrion	81
Lika Kérenskaya. <i>Récits monastiques</i>	97
Les pères	98
Les mères	104
Le monastère et le monde	107
Katia l'handicapée et la force qui s'accomplit dans la faiblesse	110
Les petites sœurs et les secrets de la cuisine monastique	114
L'île « Poustynka » à Jérusalem.....	119

POUR LE CENTENAIRE DE LA NAISSANCE DU PROTOPRESBYTRE ALEXANDRE SCHMEMANN

Benjamin Peterson archevêque de San-Francisco et d'Amérique de l'Ouest. Réflexions à propos du centenaire de la naissance du père Alexandre Schmemann (<i>traduit de l'anglais</i>)	125
--	-----

Archiprêtre Vladimir Yagello. Souvenirs sur le protopresbytre Alexandre Schmemann	131
---	-----

Archiprêtre Alexis Vinogradov. Le père Alexandre Schmemmann pour notre temps : Le Christ et la crise de notre époque (<i>traduit de l'anglais</i>)	141
Prêtre Vladimir Lapchine.	
Le père Alexandre Schmemmann	148
La joie du dialogue	152
Archiprêtre Robert et Susan Arida. Quand nous nous rappelons le père Alexandre (<i>traduit de l'anglais</i>)	161
Joost Van Rossum. Le père Alexandre, mon professeur (<i>traduit de l'anglais</i>)	167
Archiprêtre Alexandre Garklavs. La rencontre qui a changé ma vie. <i>Souvenirs sur le père Alexandre Schmemmann</i> (<i>traduit de l'anglais</i>)	178
Le Sabbat béni (<i>traduit de l'anglais</i>)	199
Larissa Volokhonskaya-Pévéar. Être en sa présence	201
Serge Schmemmann. La prophétie de la joie	211
Lilya Tourkina-Colosimo. Le témoin de l'éternité	218

LA PAROLE DU PASTEUR

Archimandrite Victor (Mamontov). Homélie	225
---	-----

POUR LE CINQUIÈME ANNIVERSAIRE DU TRÉPAS DE L'ARCHIMANDRITE VICTOR (MAMONTOV)

Natalia Bolchakova-Mintchenko. Le sacrement de la rencontre personnelle	271
Dmitri Korobkine. Celui par qui jaillit la lumière. <i>Souvenirs sur l'archimandrite Victor (Mamontov)</i>	305
Aivar Petska. L'amour infatigable : le père Victor (Mamontov)	313

**POUR LE 60e ANNIVERSAIRE DU TRÉPAS
DU SAINT CONFESSEUR
LUC (WOJNO-JASIECKI)
ARCHEVÊQUE
DE SIMFÉROPOL ET DE TOUTE LA CRIMÉE**

Sergueï Tchébotariov. Successeur des Apôtres..... 327

Archiprêtre Pavel Botchkov. Un saint de Sibérie :
l'archevêque Luc (Wojno-Jasieniecki) : Sur l'histoire de sa vie,
de son culte et de la canonisation du saint dans le diocèse de
Krasnoïarsk 395

IN MEMORIAM

Natalia Bolchakova-Mintchenko. « Tout de même, nous nous
rencontrerons encore ? » *Extrait de la correspondance avec*
Valentin Ya. Kourbatov 413

Prêtre Vladimir Zélinsky. « Notre très brève rencontre... ».
Extrait de la correspondance avec
Valentin Ya. Kourbatov 460

CONTENTS

Chapters of history through personalities and dates	4
---	---

TO THE 130th ANNIVERSARY OF FOUNDING RIGA CONVENT (1891–2021)

Nun Euphrosyne (Sedova). To the 130 th anniversary of Riga Convent: about its founders and history	9
--	---

Transfiguration of the Saviour Hermitage – an affiliated monastery of Riga Holy Trinity-St. Sergius Convent – “The dawn of the Church revival” (Archimandrite Tavrion (Batozsky)

Alexander Stolyarov. Elder Tavrion’s Liturgy	81
Lika Kerenskaya. <i>Monastic stories</i>	97
Fathers	98
Mothers	104
Monastery and the world	107
Kate the cripple and power in weakness	110
Sisters and secrets of monastery kitchen	114
“Pustyn’ka” Isle in Jerusalem	119

TO THE 100th ANNIVERSARY OF PROTOPRESBYTER ALEXANDER SCHMEMANN’S BIRTH

Benjamin Peterson. Archbishop of San Francisco and the West. Reflection on the 100 th Anniversary of Fr. Alexander Schmemann’s Birth (<i>Transl. from English</i>)	125
--	-----

Archpriest Vladimir Yagello. Remembering Protopresbyter Alexander Schmemann	131
--	-----

Archpriest Alexis Vinogradov. Schmemmann For Our Time: Christ, the Crisis of Our Age (<i>Transl. from English</i>)	141
Priest Vladimir Lapshin. Fr Alexander Schmemmann	148
Joy of communication.....	152
Archpriest Robert and Susan Arida. Remembering Father Alexander.....	161
Joost van Rossum. My Teacher Father Alexander (<i>Transl. from English</i>)	167
Archpriest Alexander Garklavs. A life-changing meeting <i>Remembering Fr Alexander Schmemmann</i> (<i>Transl. from English</i>)	178
The Blessed Saturday (<i>Transl. from English</i>).....	199
Larissa Volokhonsky-Peveal. To be in his presence.....	201
Serge Schmemmann. The prophecy of joy	211
Lilya Turkina-Colosimo. Witness to eternit	218

PASTOR'S WORD

Archimandrite Viktor (Mamontov). Sermons.....	225
--	-----

TO THE FIFTH ANNIVERSARY OF ARCHIMANDRITE VIKTOR (MAMONTOV'S) DEATH

Natalia Bolshakova-Minchenko. The sacrament of meeting in person.....	271
Dmitry Korobkin. He through whom the light streams <i>Remembering Archimandrite Viktor (Mamontov)</i>	305
Aivar Petska Tirelessness of love – Father Viktor (Mamontov)	313

**TO THE 60TH ANNIVERSARY OF DEATH
OF CONFESSOR-MARTYR
LUKE (VOINO-YASENETSKY),
ARCHBISHOP OF CRIMEA AND SIMFEROPOL**

Sergey Chebotaryov. Successor of Apostles 327

Archpriest Pavel Bochkov. Siberian Saint – holy hierarch
Luke (Voino-Yasenetsky): to the history of his life,
and veneration canonization in Krasnoyarsk diocese 395

IN MEMORIAM

Natalia Bolshakova-Minchenko. “But we’ll meet again,
won’t we?...». *Fragments of correspondence with Valentin
Ya. Kurbatov*..... 413

Priest Vladimir Zelinsky. “Our fleeting meeting...”
From the correspondence with Valentin Ya. Kurbatov..... 460

Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия) изданы (1991–2021)

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXX
Альманах «Отчий Дом»

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Relīģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция))

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Фессалоникийцам,

Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение

епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Филиппийцам,

Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,

Послание к Ефесеям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Титу,

Послания к Тимофею,

Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»

Статьи. Проповеди. Беседы

Участие в издании:**Протоиерей Александр Мень**

«Благослови молитву мою»

(«Svētī manu lūgšanu») на латышском языке

в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti» (Rīga)

Участие в издании:**Протоиерей Александр Мень «Сын Человеческий»**

(«Cilvēka Dēls») на латышском языке

в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti» (Rīga)

Alexander Men' International Charity Society
Riga Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com